

"Космическая одиссея Инессы Журавлевой"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Юлия Цыпленкова

Космическая одиссея Инессы Журавлевой

Глава 1

Вечерний город опутывал паутиной огней, завлекал в сети сверкающих вывесок, дышал маревом прогретого за день асфальта, вгоняя в легкую депрессию и эмоциональную усталость. Машины продолжали ползти по улице густым потоком, время от времени разрывая смог гудками клаксонов.

— К черту, — прошептала я, отходя от окна. — Надоело все, хочу свалить отсюда.

Куда валить, я представляла слабо. Подумала о заграничном курорте, синем море, белом песке и загорелом мачо в красных труселях... Почему красных? Да хрен его знает, просто так. Но свалить из города очень хотелось. Прикинула в голове количество оставшихся финансов и пришла к выводу, что мачо будет тосковать без меня на белом песке.

— В деревню хочу, — решила я. — В обычную русскую деревню. Или на турбазу, все равно нет у меня бабушки с домиком в деревне.

Взяв планшет, я залезла на сайты турфирм. Ну, вот, пожалуйста, можно сказать в лесу и денег немного. На недельку можно смотаться. Завтраки, обеды, ужины включены, а на бар мне хватит собственных денег. Бар обещали, как дискотеку и всякие там увеселительные программы. В общем, мне подходит. Оставив на утро поход в турфирму, я набрала ванну, зажгла свечу для духа романтизма, налила в бокал остатки вина и разместилась в пышной пене.

Дух романтизма вышел так себе. Выхлебав вино, я затушила свечку и быстро закончила собственное омовение. После ванной сварила себе кофе и ушла в комнату к компьютеру. Вечер выдался скучный до невозможности. Все подруги, уже давно и глубоко замужние, сидели со своими семьями, последняя одинокая вышла замуж не далее, чем три дня назад. Так и осталась я в одиночестве. Последние мои отношения закончились где-то месяц назад, плюс-минус неделя.

Мужчину хотелось, даже очень, и чтобы искры из глаз от страсти, и бабочек в животе от любви, и розовой ваты в небе. Но пока подобного не предвиделось. Подруги, конечно, пытались, время от времени, знакомить меня с друзьями своих мужей, устраивали свидания и принимали самое активное участие в моей жизни. Идея «погулять на свадьбе Журавлевой» превратилась в навязчивую.

Я ходила на свидания, послушно знакомилась с кандидатами на роль будущего мужа, иногда даже увлекалась, но все заканчивалось как-то быстро и скучно. Подруги вздыхали, утешали, что «этот козел» меня не достоин и арканили нового представителя рогатого стада. Под эти грустные мысли, я провалилась в сон.

Следующий день ознаменовался покупкой вожделенной путевки, громкой руганью с хозяйкой салона, где я работала маникюршей, моим увольнением и непередаваемым удовольствием от моего торжествующего вопля:

— Стерва крашенная! — давно хотела это сказать. — У тебя от жадности скоро силикон со всех щелей ползет. — За спиной хозяйки чуть не лишилась сознания от восторга парикмахерша Любка.

— Журавлева!

— Пошла ты, жаба, — патетично воскликнула я и гордо удалилась.

А и плевать, давно хотела попробовать работать только на себя. Сделаю рабочий уголок дома и всего делов. Вот такая воинственная я добралась до дома, собрала вещи, сложив их в сумочку побольше. Напялила джинсы, кроссовки, футболку, натянула кепку и взглянула на себя в зеркало.

— Хороша, — решила я и отправилась отдыхать.

Правда, до отдыха было метро, электричка, рейсовый автобус, который сломался, не доезжая до турбазы.

— Далеко мне до места? — спросила я у женщины, сидевшей рядом.

— Часа пол пешочком, — ответил вместо нее пожилой мужчина. — Прямо по дороге надо идти, она к базе выведет. Вон там она, — он махнул рукой, указывая направление.

— Не буду я ждать, — решила я, глядя на водителя, снующего из салона к открытому капоту и обратно.

— Да он сделает, не в первый раз, — попыталась образумить меня женщина.

— Прогуляюсь, — легкомысленно отмахнулась я и выбралась на улицу.

Водитель покосился на меня из-под капота, я ему дружелюбно улыбнулась и, засунув в уши наушники и включив на телефоне музыку, бодрой походкой направилась к базе, где меня ждали родные сосенки и елочки, деревянный домик и даже живописный пруд, как было указано в рекламе турбазы.

— Жить хорошо, — решила я, втягивая носом чистый воздух.

Автомобильное движение здесь почти отсутствовало, потому что за время моего пути не попало ни одной машины. Автобус тоже не спешил догонять, и я, растянув рот в блаженной улыбке, продолжала вышагивать по обочине, чувствуя себя настоящим путешественником.

А потом случилась она — гениальная мысль. Зачем мне тащиться полчаса по дороге, когда можно срезать через лес? Направление знаю, ориентироваться на местности умею... кажется. Так почему бы не позволить себе маленькое приключение? Мысль оказалась не только гениальной, но и всепоглощающей, потому что сомнения ни на минуту не посетили мою опьяненную свободой голову.

Сказано, сделано. И вот я уже тащу свое брэнное тело с сумкой на плече через лес. Пытаюсь вычислить, где юг, где север, а где дорога. Через час гениальная мысль вдруг перестала быть таковой. Сумка оттянула плечо, комары нашли меня весьма аппетитной, ветками по физиономии я получила уже раза три. Еще через час я уже не хотела ни сосенок, ни елок, а очень тосковала по морю, белому песку и мачо в красных труселях. В другие труселя мачо упорно не желал переодеваться. И ведь были деньги на путевку!

— Чертов патриотизм, — проворчала я, присев на пенек. — Ну и что теперь делать?

Пенек молчал, молодая сосна тоже, гениальная мысль спряталась в глубины подсознания и не

желала показывать даже носа. Повздыхав и пожалев себя, я решительно встала, закинула сумку на плечо и уныло побрела вперед. На юг и север я уже давно не рассчитывала, свою способность к ориентированию сочла годной только для торгового центра.

— Куда иду? — спросила я себя, потому что молчание начало пугать, и отчаянно хотелось услышать живой голос.

— Нужно вернуться к дороге, — подала голос гениальная мысль.

— Молчи уже, — строго велела я, и она замолчала.

Но зерно упало и дало всходы. Идея была признана вполне логичной. К дороге, так к дороге. Где юг, где север, где мой разум? Опять ничего не нашла и решила идти на память... Смеркалось. Дороги не было. Юг и север дружно ржали над моим внутренним компасом. Сама я не ржала, я рыдала в голос и с надрывом орала:

— Ау-у! Люди-и-и!!!

Люди молчали. Лес издевательски скрипел деревьями, я рыдала, гениальная мысль прикинулась шлангом и не отвечивала. С психом скинула сумку с плеча и пошла налегке. Через десять шагов опомнилась и вернулась за сумкой, заодно натянула джемпер.

— Ау!

А в ответ тишина.

— Мама! — взвизгнула я, пугаясь шороха сбоку.

Оступилась, споткнулась, матернулась, упала в какую-то яму, матернулась снова. И плевать на приличия, я тут одна. Совсем, то есть абсолютно, ни души вокруг.

— Вот черт!

Моя попытка выбраться из ямы закончилась всхлипом, порцией отборного мата и подвываниями. Болела нога, сильно болела. Решила ползти, но тут же поранила руку об осколок стекла и обиделась окончательно. Нет, ну, нормально?! Людей нет, а свинство есть! Больше никуда не лезла. Вытянулась на дне ямы, посмотрела на верхушки сосенок и елей и решила умереть прямо здесь.

— Девушка, вам помочь?

— Нет, я сама умру, — проворчала я и подняла взгляд на край ямы.

Там стоял ОН. Красивы-ы-ый...

— Галлюцинация, — решила я и закрыла глаза.

Послышалось шуршание, и идеал... лег рядом. Он сложил руки на груди, повторяя мою позу, и посмотрел на верхушки сосенок и елей.

— Красиво, — сказал вторженец.

— Ага, — глубокомысленно согласилась я и предупредила на всякий случай: — Здесь одноместная яма.

— Отличная яма, — согласился незнакомец. — Так вам помочь?

— Полежать? — усмехнулась я.

— Ну, если вы не против, — мурлыкнул искуситель и повернулся на бок, подперев голову рукой.

— А вы на что намекаете? — поинтересовалась я, дурея от этого диалога.

— Полежать вместе, — подмигнул мужик.

— В яме? — поразила я.

— Если вам нравится в яме...

Я села и внимательно пригляделась к шутнику. Потом потрогала его пальцем — настоящий. Он тоже сел и потрогал меня пальцем. Издевается что ли?! Ладно, я тоже могу, я вообще сейчас все могу.

— Значит, полежать? — он кивнул, и я разозлилась. — В невесомости, млин, я с тобой полежу. Есть у тебя невесомость? Нет? Ну и иди отсюда, шутник, — последнее слово процедила сквозь стиснутые зубы, вкладывая в него побольше презрения.

— Есть, — счастливо осклабился чудик.

— Что есть? — с подозрением спросила я.

— Невесомость, — невозмутимо ответил он и встал, подавая мне руку. — Идем.

— Куда? — окончательно опешила я.

— В невесомость, — рассмеялся этот чудила.

С минуту буравила его злым взглядом и неожиданно поняла, что веду себя, как последняя, не пойми кто. Человек помочь хочет, к людям выведет. Ну, странное у него чувство юмора, так и похуже бывает. Слышал, наверное, мои нецензурные крики, я же и ногу вывихнутую упоминала. Виновато улыбнувшись, я посмотрела на ногу.

— Мне не встать, наверное, вывих.

Он помог мне подняться, после осторожно взял на руки и понес наверх. Тут я заметила свою дорожную сумку, которая осталась стоять на земле.

— Сумочку, сумочку забыли, — запереживала я.

— Взяли, — успокоил меня чудила, поднимая мою сумку.

— Ой, как неудобно, — фальшиво застеснялась я, чувствуя себя более чем комфортно. — Я, еще и моя сумка. Тяжело?

— Нет, — ответил мой спаситель.

— Простите, а куда мы идем? — поинтересовалась я, начиная понимать, что меня несет на

руках совершенно незнакомый человек. Может, он и красивый, но абсолютно чужой. Это ведь может быть маньяк! Уюта в мужских руках стало на порядок меньше. — Да, вы не представились.

Мой таинственный спаситель ослепил меня очередной улыбкой и поставил на землю. Будет насиловать, решила я. Но почему-то от этой мысли сладко занял низ живота, ужаса и отвращения не появилось. Извращенно насиловать, напугала я себя. Истома никуда не делась, только взгляд заинтересованно остановился на мужском паху. А потом убьет. И на кусочки порежет. Или продаст арабскому шейху... Окинула себя скептическим взглядом, шейха отмела, идея о моем умерщвлении успокоила гормоны. И на том спасибо.

— Почему стоим? — поинтересовалась я. — Кого ждем?

— Луч ждем, — улыбнулся незнакомец. — Дождались.

Удивленно приподняла брови, открыла рот, и комар укусил меня в шею. Странный комар, неправильный... Чтоб его...

Пробуждение оказалось странным. Мне было тесно, светло и... весело. В теле чувствовалась странная легкость, но поднять голову оказалось невозможно. Перед глазами какое-то время плыло, но когда прояснилось, я неожиданно обнаружила, что потолок очень близко, и в нем есть окошко. Но ведь это неправильно. Потолок не может лежать практически на мне. Нахмурившись, я пыталась собрать разбегающиеся мысли в кучку.

Неожиданно в окошке появилось лицо моего чудилы. Он широко улыбнулся и помахал рукой.

— Привет лунатикам, — весело ответила я и рассмеялась.

Незнакомец тоже рассмеялся.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он. Голос синеглазого спасителя прозвучал странно, словно переданный через какое-то устройство.

— Хорошо, — произнесла я и немного испугалась за собственные щеки, едва не трещавшие по швам от распиравшей их улыбки.

Черт, что за дебильное состояние. Я сейчас взорвусь от радости и счастья.

— Это медицинский отсек, ты тут, пока лечили твою ногу, ну и карантин нужно пройти, — объяснял мне незнакомец.

— Отсек, — повторила я. — Отсек, отсёк, засёк, запас, пас, анфас, фас, — выстроив цепочку, отдающую мощнейшей логикой, я пришла в неопишуемый восторг, заходясь в новом приступе смеха.

Чудила снова рассмеялся вместе со мной.

— Ты забавная, — сказал он, склоняясь совсем близко к окошку.

Но сразу же отпрянул и взглянул куда-то в сторону. Через пару секунд в окошке появилось чужое мужское лицо. Не менее красивое, чем у чудилы, но хмурое до невозможности. Мужчина сердито осмотрел мою счастливую физиономию, после перевел взгляд на моего знакомого незнакомца и что-то резко ему сказал.

— Ути, какой бу-ука, — протянула я. — Ути, тутти-фрутти. Бука, бука, бука.

От смеха уже болел живот. Мой чудила расхохотался, второй смерил меня презрительным взглядом.

— Футы-нуты, лапти гнуты, — изрекла я очередное высказывание. — Ишь, злюка. Не пугай, пуганные мы, понял? — и сама себе ответила. — А ты меня на понял не бери, понял?

Дальше я задохнулась в приступе очередного ржача. Мой чудила проводил взглядом второго чудилу, хохотнул, и что-то зашипело. Потолок отъехал в сторону.

— Вот так и съезжает крыша, — объявила я и хрюкнула, смеяться сил уже не было.

— Вылезай, — мой чудик подал руку. — Ты признана безопасной и здоровой. А это состояние скоро пройдет, — говорил он, вытаскивая из белой пластиковой штуки. — Вообще-то, обычно действие слора вызывает покой и умиротворение. Должно быть, сказалась разница в строении нервной системы землян и нашем.

В сотрясающем меня приступе смеха важная информация прошла где-то мимо сознания. На меня накинули длинный халат, подали тапки, и я начала озираться. В странном помещении находилось трое. Они были одеты в белые комбинезоны. Люди занимались своими делами, не обращая на меня внимания. Впрочем, я пока свое внимание вообще не могла собрать воедино. Но заметила, что чудила одет в комбинезон защитного цвета, по фасону напоминавший комбинезон летчиков.

— Врачи, — неожиданное просветление оказалось очень кстати.

Мой новый знакомый кивнул, взял за руку и повел к неприметной двери. Дверца мягко отошла в сторону, и мы шагнули в узкий коридор, освещенный неприятным белым свечением.

— А мы где? — спросила я.

— В невесомости, — осклабился чудила. — Как ты и хотела.

Тряхнув головой, я отказалась его понимать, решив, что это очередная дурацкая шутка. Он провел меня через сеть похожих коридоров, придержал на узкой металлической лестнице, которая на корабле могла бы с чистой совестью называться трапом, и подвел к очередной неприметной двери, которая с уже знакомым шипением отъехала в сторону.

Эйфория постепенно исчезала, уступая место депрессии. Голова напомнила, что она у меня есть, неприятной ломотой в затылке, все более переходившей в мигрень. Хмуро оглядевшись, я задалась единственным вопросом — где я?

— Где я? — озвучила я свой вопрос вслух.

— В моей каюте, — охотно ответил чудила.

— Это корабль? — сказать, что я удивилась, ничего не сказать.

— Научно-исследовательское судно класса «Планетарный разведчик», — поразил меня очередной новостью мужчина. — Мое имя Ромалиан Грейн, и я являюсь первым помощником командира корабля. Его ты видела, который бука, — он хмыкнул, а вот мне смеяться не хотелось.

Психи захватили мир, или только меня — это уже не суть важно. Главное, я не пойми где, на мне гостиничный халат и белые тапочки. И голова... без мозгов, раз я все еще сижу и пялюсь на красивую рожу с огромными синими глазами и думаю... Черт, а что я думаю?

— Чем ты меня накачал? — проворчала я. — Я думать не могу. Это бункер что ли какой-то?

— Космический корабль, какой еще бункер? — удивился этот Ромалин... Рома, короче.

— Рома, давай устроим антракт в твоём спектакле, — скривилась я. — Корабль в лесу — деталь нелепая, это раз. Космический корабль — это вообще фантастика, почти, это два. Ну и три, самое насущное, где я?

— Как ты меня интересно назвала, — улыбнулся он, приближаясь ко мне. — Рома. Мне нравится.

— Да хоть облезь от счастья, что это за хрень?! — я отпрянула от протянутой к моему лицу руки и демонстративно огляделась по сторонам. — Это скрытая камера что ли? Я тебя еще раз спрашиваю — где я?!!

— Я тебе ответил, честно ответил, — недовольно произнес Рома. — Не веришь, идем.

— Куда? — напряглась я.

Он вздохнул, взял меня за руку и вытащил из каюты. Я упиралась, если честно, потому в коридор выехала на полусогнутых. Здесь обнаружили еще люди в таких же комбинезонах, как у Ромы, и один в ярко-оранжевом. Я выпрямилась, гордо тряхнула головой и сопротивляться перестала.

Роман привел меня в очередное помещение с шипящей дверью, которая пустила нас внутрь. Здесь находился тот самый Бука. Его комбинезон оказался черным, еще и с серебряной нашивкой на груди и рукаве. У Ромы тоже была похожая, но имелись различия в символах.

— Здравствуйте, — поздоровалась я.

Мрачный тип скользнул по мне отстраненным взглядом, отвернулся, но вдруг, словно только осознал, кого увидел, развернулся на каблуках и ткнул в меня пальцем.

— Зачем притащил примитивную на мостик? Убирай это отсюда.

Я оскорбилась.

— Простите, не имею чести знать вас, — надменно произнесла я. — Примитивны вы в своем хамстве и грубости. И если не желаете приносить даме извинения за нанесенное ей оскорбление, закройте рот и отвернитесь. В данном случае, это будет лучшей политикой вашего поведения, господин Невежа.

О, как завернула. Гордость за себя немного сгладила чувство обиды. Я посмотрела на Рому.

— И?

— Не впечатляет? — спросил он. — Теперь веришь?

— Хамство меня никогда не впечатляло, — ответила я.

— Да я не про Буку, — отмахнулся Роман. — Ты по сторонам смотри.

Я обвела помещение внимательным взглядом, отмечая незнакомую конструкцию, панорамное окно во всю стену, несколько людей, совершавших странные пассы руками, и стоявшего в центре всего Буку. После этого огляделась, пытаюсь найти камеры.

— Красиво, — согласилась я. — Дорого декорации обошлись?

Рома вздохнул с трогательной беспомощностью.

— Грейн, уведи это недоразумение в каюту, — произнес Бука, не оборачиваясь. — Скоро будет кордон ралианцев. Мало того, что они дотошные, так ты еще и с контрабандой.

— Контрабандой? — переспросила я.

— С тобой, землянка, — выплюнул в меня повернувшийся в пол оборота командир корабля.

В этот момент над вогнутой панелью разлился мягкий голубоватый свет, и я успела увидеть прежде, чем Рома вытащил меня с капитанского мостика, как свет собрался в объемную фигуру большого моллюска. Он издал пищаще-щелкающий звук.

— Переводчик, — велел Бука.

Дальнейшего я уже не слышала, потому что чудила тащил меня обратно в каюту. Возвращение было стремительным.

— Я потеряла тапок, — хмуро сообщила я.

— Ерунда, — отмахнулся Рома. — Иди сюда.

Он поманил меня к себе, открыл... должно быть, шкаф, у этого шкафа отъехала задняя стенка.

— Извини, потом поговорим, — Рома виновато улыбнулся. — Ралианцы зануды, лучше тебе посидеть здесь. Контрабанду они обычно уничтожают на месте, а я не успел занести тебя в реестр перевозимых вещей.

— Что?! — вскинулась я, и меня опять укусил «комар»...

Глава 2

Пробуждение было обычным. Я потянулась, сладко зевнула и пробурчала:

— Опять на работу.

— Не надо, — ответил приятный мужской голос.

Я порывисто села и нахмурилась, пытаюсь вспомнить, кто этот синеглазый красавец-мужчина, что сидит у меня в ногах. Огляделась, потерла лоб и вспомнила. Причем, вспомнила конкретные слова: «Я не успел занести тебя в реестр перевозимых вещей». Тут же вернулся гнев.

— Что значит — реестр перевозимых вещей? — спросила я ледяным тоном.

— Те вещи, которые принадлежат мне, — ответил он с улыбкой и протянул длань к моей ноге.

Ногу отодвинула подальше.

— То есть я — вещь? — поинтересовалась я.

Мужчина смутился, но все же кивнул, спеша уточнить:

— Видишь ли, в чем дело. Гуманоиды с Земли причислены к примитивным расам, а примитивам запрещено самостоятельное передвижение по Галактикам, входящим в Альянс Десяти. У вас нет прав развитых рас, потому что вы непредсказуемы. Если я не внесу тебя в реестр, то ты будешь считаться угрозой Альянсу... Извини, — он заискивающе улыбнулся, и я швырнула в него подушкой.

Это же черт знает что! Примитивы... Стоп!

— То есть, — я отодвинулась еще дальше, благо объем ложа позволял, — ты продолжаешь утверждать, что я нахожусь...

— На научно-исследовательском судне, входящим в Армаду Аттарийской Империи, третьей в составе Альянса Десяти, — мягко ответил Рома.

— То есть, я сейчас в космосе среди разумных гуманоидов-инопланетян?

— Ну, в общем-то, можно и так сказать, — усмехнулся мужчина.

Я криво ухмыльнулась и решительно мотнула головой.

— Бре-ед, — протянула я.

— Да почему ты не веришь очевидным вещам? — возмутился синеглазый.

— Во-первых, этого не может быть, — безапелляционно заявила я. — Во-вторых, это подстава, а в-третьих, вы говорите на русском?

— На аттарийском, — улыбнулся Рома. — А ты нас понимаешь благодаря чипу-переводчику, вживленному тебе в мозг. Он способен не только обрабатывать информацию, которую ты слышишь, переводя ее в самом приемлемом тебе варианте, но и изменять твою речь. То есть ты автоматически говоришь на неизвестном тебе языке.

— Хрень, — не поверила я.

— Хорошо, сейчас я отключу чип, — сказал он, и в его руках появилась маленькая плоская пластина. В голове неприятно щелкнуло, от чего слегка замутило, но приступ тошноты быстро прошел, и я вновь посмотрела на Рому.

— Ну?

Он заговорил. Не поняла ни слова. Язык был грубоват, чем-то отдаленно напоминал немецкий, ну, очень отдаленно. Помучив свой слух беглой речью своего собеседника, поискав хоть что-то похожее в языках, которые я слышала, вынуждена была признать, этот мне точно незнаком. Но с другой стороны, языков много.

— Моя твоя не понимает, — фыркнула я и отвернулась.

— Инесса, — позвал меня Рома.

— А мое имя ты откуда знаешь? — я мгновенно вернула ему свое внимание. Он ответил, и я психанула. — Да не понимаю я тебя, нехристь!

— Я сказал, что видел твой паспорт, — произнес он, вновь сверкнув пластиной. — У нас у всех имеются подобные чипы. Это облегчает нашу работу. Правда, переводчик рассчитан только на гуманоидные расы. Ралианцы, например, не гуманоидная раса, их речевой аппарат имеет другое строение, звуки передаются иначе, потому, в общении с ними используется универсальный переводчик. Но это сейчас лишняя информация. Я все тебе расскажу, но постепенно, у нас будет много времени, — синеглазая харя расплылась в радостном оскале, но быстро помрачнела. — Не веришь, — я помотала головой. — Да я не знаю уже, чем тебе доказать. Мы сейчас пролетаем астероидное поле, — задумчиво произнес мужчина, и стена словно истаяла, открывая черный провал.

Я поднялась с ложа и подошла к открывшемуся окну или иллюминатору, это уже утверждать не берусь, и положила руки на невидимую твердую поверхность. Ощущение, что я парю над пропастью, было невероятным. Зажмурившись, я попробовала справиться с неожиданной дрожью, когда мне на плечи легли теплые широкие ладони. Руки Ромы скользнули вниз по моим рукам, и мужские пальцы сплелись с моими пальцами. Тепло его тела стало чем-то вроде опоры, и я открыла глаза, не спеша отпрянуть. Теперь я вновь смотрела в черноту.

Мимо пролетел большой камень с неровной поверхностью. Я проследила за ним взглядом и дернулась, когда вслед за ним проплыл настоящий гигант. Ощущение, что он сейчас врежется в нас, было почти осязаемым, но гигант проплыл мимо.

— Защитное поле, — пояснил за моей спиной Рома. — Оно не позволяет астероидам задеть нас.

— Как вы это сделали? — с восхищением спросила я. — Классные компьютерные эффекты.

За моей спиной взвыли, я почувствовала себя виноватой. Ну, не верю я в космическую одиссею Инессы Журавлевой. Как вообще в это можно поверить? Вот вы бы поверили? Я так — нет.

— Вот, смотри! — Рома рывком развернул меня лицом к себе. — Это наше оружие. Многофункциональное. Я ставлю на режим парализатора, видишь? — я кивнула, на всякий случай. — Слабый заряд, Инесса, минимальный, не бойся.

— Чего не бояться? — с подозрением спросила я, отступая назад.

— Ничего не бойся, — бесшабашно осклабился мужчина, поднял свою штуковину, и штуковина издала едва уловимый «пф».

— Ма... — успела я взвизгнуть, почувствовала что-то наподобие слабого электрического разряда.

Тело застыло, словно скованное льдом. Подвижными остались только глаза. Роман подошел ко мне, убирая свою пфыкалку, положил руки на плечи и склонился, приближая свое лицо к моему.

— Это скоро пройдет, — пообещал синеглазый гад, и его губы скользнули по моему виску, по щеке, остановились на губах. Поцелуй был осторожным, словно меня пробовали на вкус, знакомились, не проявляя ни настойчивости, ни наглости. А я не почувствовала ничего. Удобная штука на прием к стоматологу...

Дверь отъехала в сторону, и в каюту вошел Бука. Он скрестил руки на груди, с интересом наблюдая за происходящим. Это я разглядела, скосив глаза. То, что синеглазый уже заработал свою отдачу, которая замучает его, как только я перестану изображать памятник, это неоспоримый факт. А вот, что заработает Бука, оставалось пока гадать.

— Грейн, тебе нужно ее положить, — совершенно серьезно произнес командир корабля.

— Зачем? — поинтересовался Рома, неожиданно прикрыв меня собой.

— В некрофила играть будет интересней. Стоячий труп — это уже полное извращение, — все так же серьезно ответил Бука.

Моего чудилу это высказывание не смутило, а я подумала, что Хмурая Морда прав, но это не отменяет того, что он опять нахамил, а значит, навлек на себя праведное возмездие.

— Какого лысого баргана ты приперся? — зеркально повторил позу командира его помощник, скрестив руки на груди. — У меня свободное время, а ты никогда не был любителем праздного шатания по кораблю.

— Тревожился, — усмехнулся Бука. — И вижу не зря. Примитив заразен? Что у тебя здесь вообще происходит?

— Доказываю, что мы не кино тут снимаем, — хохотнул синеглазый, но тут же снова стал серьезным.

— Приводи ее в чувство, скоро подлетаем к Свене, можешь выгулять там свою подопечную, планета еще более примитивна, чем Земля, — я постаралась выразить взглядом все, что думаю о Хмурой Морде.

— Ты невероятно добр, — патетично воскликнул Рома.

Бука удалился, гордо неся свою хамскую голову, а я вопросительно посмотрела на синеглазого. Тот невозмутимо прошествовал к подобию тумбочки, достал маленькую коробку и достал оттуда самый обычный шприц. Я немного заволновалась.

— Сейчас пойдем гулять, — сообщил Роман с довольной улыбкой.

Укол я не почувствовала, зато почувствовала, как возвращается в мое тело жизнь. Сначала стало жарко, даже бросило в пот, после закололо в кончиках пальцев, неприятные колючки пробежались по ладоням, и стопам, рванули вверх, и вскоре я смогла открыть рот, чтобы вдохнуть побольше воздуха, потому что:

— Озверел, придурок?! — заорала я, отвечивая вытягивающейся физиономии одну пощечину, следом вторую, пока не очухался, ногой по голени, в пах и теперь отскочить, пока отдача не замучила.

— Инесса, ты чего? — сипло спросил Роман, падая на колени. Похоже, от удивления он даже не разозлился.

— Не смей в меня стрелять! — выкрикнула я, обходя его по кругу. — И лапоть! И я устала уже от вашего непроходимого хамства. Что значит — выгулять?! Я что, собака? То вещь, то труп, то животное. Бесите! — рявкнула я напоследок и спряталась с другой стороны кровати.

Синеглазый некоторое время глубоко дышал, прикрыв глаза, затем повернул в мою сторону голову и осклабился:

— Вот поэтому вас и опасаются. Совершенно непредсказуемая реакция. Оказалась на космическом корабле, упорно не верит очевидному. О ней заботятся, она психует. Дают понять, что нравится, дерется. Зато, как интересно, — Рома поднялся с пола и с широкой улыбкой посмотрел на меня. — Необычно так.

— Странная забота, — отозвалась я, настороженно наблюдая за ним. — Симпатия сомнительная, а космический корабль ваш — полное фуфло. Где мои вещи? Надоела эта порнография. — Я потрясла полами халата и осеклась. — Кстати! На каком основании я была раздета?!

— Так регенератор...

— Чего? — не поняла я.

Роман опять вздохнул и закатил глаза, что-то пробурчав себе под нос.

— Назовем его восстанавливающей капсулой, — терпеливо пояснил он. — В регенераторе ты прошла полное восстановление всех тканей, омоложение, между прочим...

— В двадцать пять лет требуется омоложение? — возмутилась я. — Ну, знаете! Это уже ни в какие ворота! Немедленно верни меня назад!

Рома смущенно потупился, ковырнул носком высокого ботинка пол и снова посмотрел на меня.

— Невозможно, — наконец, отозвался чудила. — К Земле мы пока не планируем возвращаться, и сейчас «Гордость Аттарии» находится слишком далеко... Мы уже прошли две галактики, так что... — он развел руками, но сразу же добавил. — Переживать смысла нет. И потом, — мужчина направился ко мне, но остановился, глядя на выставленную ему навстречу ладонь и мое решительное мотание головой. — Ты сама дала согласие на путешествие в моей компании.

Дальнейший разговор был прерван прозвучавшим из ниоткуда голосом Буки:

— Экипажу «Гордости Аттарии» занять свои места, мы приближаемся к орбите Свены. — После перед нами с Ромой появился сам господин Мрачная Морда. — Грейн, если ты уже наигрался... Немедленно на мостик! — рявкнул последнюю фразу командир корабля и исчез.

Рома тут же развернулся на каблуках и направился к двери.

— Мои вещи! — выкрикнула я вслед.

Справа от меня открылся отсек с одеждой, и я увидела собственный гардероб.

— На какой-нибудь из планет сменим тебе гардероб, — «порадовал» меня чудила и ушел, оставив меня наедине с самой собой.

Первым делом оделась, оставив все мысли на потом. Застегнув молнию на джинсах, почувствовала себя гораздо увереннее. И только показалось, что жизнь налаживается, как поняла, что моей обуви нет. Те кроссовки, в которых я отправилась на турбазу, исчезли. Не было и взятых с собой босоножек, как и не нашлись любимые шлепки на каблучке. Всунув ноги в белые тапочки, я потопала от злости ногами, погрозила судом, вдруг они подслушивают, и, не

забыв прихватить щетку для волос, протопала к огромному панорамному окну-иллюминатору, которое так и осталось открытым.

Вид за ним постепенно менялся. Это было потрясающее зрелище! Сначала я увидела стремительно приближающуюся планету, зажмурилась, и корабль мягко дернулся, зависая на размытой грани черноты и легкого свечения. Движение вновь возобновилось. Сумрак переходил в розоватый закат... рассвет, да все равно, у меня ни внутреннего компаса, ни умения определять время. В общем, это было красиво и ладно. Вскоре «Гордость Аттарии» снова зависла и уже никуда не двигалась. Я вдумчиво причесывалась, разглядывая два спутника на небосводе. Классно, конечно, это все сделали, очень реалистично. Осталось выяснить, зачем я здесь. Может, реалити-шоу какое? Набрали случайных участников и будут морочить головы. А потом продюсеры бабки лопатами грести начнут. Хотя есть и положительный момент, участникам тоже хорошо платят. Реклама, там, всякая... Если мои догадки верны, то вскоре я увижу других жертв этого шоу.

За спиной зашипело, и объявился Рома. Я обернулась и встретилась с его оценивающим взглядом. Тут же сердито фыркнула и отвернулась, продолжая свое занимательное занятие. Он остановился в двух шагах от меня.

— Где моя обувь? — мрачно спросила я.

— Утилизирована, как приносящая вред твоему хрупкому здоровью, — «порадовал» очередной новостью синеглазый. Я резко обернулась и окинула его уничтожающим взглядом. — Анализатор провел полное исследование, выбрал то, что безопасно для здоровья, остальное я уничтожил.

— Что — остальное? — выдохнула я и бросилась к своей сумке.

Стринги! Их не было, совсем, абсолютно, окончательно и бесповоротно не было! Исчез сарафанчик, пусть и синтетика, но я его любила! Как любила крем для лица одной известной фирмы... Косметика, вся-а-а, у-у-у... И мой маникюрный набор, вместе с лаками и средствами по уходу за ногтями. Только одинокая картонная пилочка лежала в несессере. Дорогущие маникюрные ножницы, щипчики, пушер — все, что было металлического, исчезло.

— Инесса, ты чего? — Рома неуверенно улыбнулся и попятился, прикрывая сокровенное ладонью.

— Убью, — глухо произнесла я, удобней перехватывая щетку. — Трусы отдай, сволочь!

— Какие... Ай!

Давать пояснения о собственном нижнем белье, я посчитала ниже собственного достоинства, в конце концов, я девушка приличная, зато опять врезала по голени, пока он следил взглядом за щеткой. А потом и щеткой, по башке, по башке, по...

— Ай! — это уже я, потому что Рома в этот раз быстро сориентировался, сделал подсечку и навалился сверху, как только я завалилась на пол. — Козе...

Закончить не успела, потому что рот оказался заткнут единственным, что сейчас оставалось свободным у синеглазого — его собственным ртом. Некоторое время мычала в попытках освободиться, после вспомнила народную мудрость «расслабиться и получить удовольствие», решила попробовать. В общем-то, это ожила гениальная мысль, подсказав решение проблемы.

Я перестала вырываться, ответила на поцелуй, и вскоре мои руки обрели свободу. Рома потерял бдительность и поплатился за это, мои зубы сомкнулись на его языке. Не сильно, но он почувствовал. Чудила взвыл и дернулся в сторону, отпустила и зарядила щеткой, которую все еще сжимала в руке, по башке, по плечу, по наглой синеглазой морде, по... Да что ж такое!

Задрала голову и с возмущением посмотрела на Буку, перехватившего мои руки. Теперь выходила и вовсе непотребщина. Я лежу, хрупкая и беззащитная, меня оседлал офигевший Рома, командир удерживает за руки, в глазах ни грамма сочувствия. Стрингов нет, сарафана нет, любимых шлепок нет, косметики вообще нет, а я лежу и думаю, что будет дальше.

— Сходи к медикам, пусть тебя осмотрят, мало ли что подхватил от нее, — дал указания гадский папа, то есть Бука.

— Убью, — пообещала я, глядя на него преданными глазами.

— Парализатор, — со значением ответил Бука.

— Не надо, — я заискивающе улыбнулась.

— Обучается быстро, — усмехнулся Хмурая Морда.

Убью, решила я про себя, вслух только засопела. Затем меня отпустили с такими лицами, словно саперы были не уверены, тот ли провод перерезали. Убью обоих, мрачно подумала я, вставая с пола. Посмотрела на свою щетку и вздохнула, но потом.

— Я в норме, — ответил Роман, собрав глаза в кучку и посмотрев на кончик высунутого языка. — А ты чего опять пришел? У меня все под контролем, — тут же поинтересовался первый помощник у командира.

— Я видел, она тебя чуть живьем не сожрала, — отчеканил Бука, на полном серьезе, между прочим. — Ты проверил ее на психологическую устойчивость, на генную мутацию? Нет? Я так и думал.

— Сам ты псих ненормальный, — подала я голос от своей сумки, откуда извлекла запасную резинку для волос, ее чудом признали не вредной. — Меня бесит ваше шоу, почему меня все время оскорбляют? Я на вас в суд подам, вы мне еще отбашляете за моральный ущерб столько, сколько все это не стоит, — я кивнула на декорации.

— Шоу? — переспросил Бука.

— Отбашляете? — поинтересовался Рома. — Инесса, переводчик иногда не справляется с твоим лексиконом.

— Пошел ты, бабуин синеглазый, — проворчала я. — Хочу на воздух.

Мужчины переглянулись. Бука вздохнул со страдальческим видом и вышел, Рома тоже вздохнул, но остался. Он осторожно приблизился ко мне, в глазах отражалась усиленная работа мысли.

— Инесса...

— Николаевна, — не без гонора произнесла я.

— Николаевна...

— Инесса! — я возмущенно поджала губы.

— Ты сама не знаешь, чего хочешь, — оскорбился Роман.

— Инесса Николаевна, что тут непонятного? Не русский, что ли? — я прошлепала к двери. — Открывай, давай, начальник, на волю веди.

— Да, не русский я! — взорвался чудила. — Не русский! Аттариец, аттариец!!! У нас единая нация, единый язык, расовые различия остались в далеком прошлом, целых десять тысяч земных лет назад. Это у вас отсталая планетка, которой до цивилизованных галактик, как... как...

— До Китая, — услужливо подсказала я.

— Да! — воскликнул Рома и осекся. — Почему до Китая?

Я закатила глаза и слегка стукнулась головой об стену. Синеглазый опять задумался.

— Хорошо, сейчас спустимся на Свену. Если уж и это тебя не убедит, я признаю поражение, думай, что хочешь, — покладисто заявил он, я согласилась.

Ну, хоть увижу собратьев по несчастью. Может, они больше знают, познакомлюсь, сблизюсь с кем-нибудь. Может, и отношения... Покосилась на Рому, который вел меня по коридорам. Хорош, сволочь, но дискредитировал себя. Хотя... Нет, ищем мужика попроще. Реалити-шоу смотрели, как вести себя знаем. С этими мыслями я и вошла в пустой отсек с круглой площадкой по центру. Рома уверенно подвел меня к площадке, взял за руку и втянул на возвышение.

— Чего это? — любопытствовала я.

— Сейчас немного будет мутить с непривычки, — предупредил Роман.

— Ась?..

Нас окутало мягкое свечение...

— Бе-е-е, — меня выворачивало среди неизвестной фауны, немного напоминавшей джунгли. — Уроды-ы-ы. Что это за хрень?! Бе-е-е...

— Н-да, перегрузка вышла сильнее, чем я думал, — задумчиво констатировал синеглазый.

Недалеко обнаружился Бука с брезгливой гримасой на физиономии. Еще немного посмотрев на мои страдания, он сплюнул, развернулся и исчез за деревьями, оставив меня на попечение Ромы. Тот терпеливо ждал.

— Что это было? — спросила я, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Телепортер, — пояснил чудила. — Телепортирующий луч. Переноска, если проще.

— Круто, конечно, — отозвалась я. — Но бред.

На меня махнули рукой, взяли за руку, которую я независимо выдернула и просто пошла рядом, пытаясь заметить съемочную бригаду. Не нашла. Нашла странное существо за деревом, которое с интересом разглядывало нас. Я его определила, как Чубакку из «Звездных войн».

Похож мало, но здоровенный и лохматый. Не глядя на Рому, я резко развернулась и направилась к этому «вуки».

— Инесса Николаевна, стой! — окрикнул меня синеглазый.

— Отвали, чудила, — отмахнулась я и приблизилась к офигевшему от такой наглости мужику в костюме. — Здорово, — важно кивнул я. — Сколько тебе тут платят?

— Ых? — удивился Чубакка.

— Что — ых? Сколько башляют, спрашиваю? — раздраженно спросила я.

— Гроо, — протянул лохматое чучело.

— Инесса Николаевна, это агрессивный...

— Как же вы мне надоели! — воскликнула я и вцепилась в шерсть на голове вуки, пытаюсь стянуть маску.

Секунду царила мертвая тишина, пока я со всей дури тянула ряженого за шерсть на огромной башке. После раздался жуткий рев, из разверстой варежки чудища меня обдало дыханием далеким от свежего, мелькнула вспышка, и Чубакка повалился на землю.

— Настоящий, — потрясенно пробормотала я и благополучно лишилась сознания.

Глава 3

— Инесса Николаевна, — встревоженные синие глаза, неотрывно, смотрели на меня.

Над головой все так же розовело чужое небо, радуя глаз двумя спутниками, шуршали джунгли, а где-то рядом скрипел Чубакка. Я порывисто села, вырываясь из рук своего похитителя, и посмотрела на лохматого.

— Я парализовал его, — произнес Рома, вновь пододвигаясь ближе. — Канглоры агрессивные, с ними нельзя так себя вести, это неразумно.

— Канглоры, — я повторила это слово, снова посмотрела на небо и обернулась к Роме. — Я действительно не на Земле?

— Нет, — он улыбнулся. — Я же тебе сказал.

— Офигеть, — потрясенно прошептала я. — А как же... — Осознание накатывало стремительней цунами. — Меня похитили, — нервно хмыкнула и потерла лоб. — Так это я... Ой, мли-и-ин...

— Рад, что ты все осознала. Я уже не знал, как тебе это объяснить... А ты почему на меня так смотришь? — Рома отполз подальше, глядя, как у меня сужаются глаза.

Я нацелила на него палец и прошипела ядовитой гадюкой:

— Ты-ы-ы-ы.

— Что я? — Рома отполз на четвереньках еще немного.

Я тут же приняла коленно-локтевую и поползла в его сторону.

— Это ты украл меня, это все ты, гадина такая. — Рома продолжал стратегическое отползание. — Примитивная, значит, да? Вещь? На выгул? Я ж тебе глазюки твои синюшные выцарапаю. Я же тебе морду твою наглуую разобью. Да ты у меня месяц из регенератора не вылезешь, гуманоид недобитый!

И с этими словами бросилась на опешившую сволочь. Но в этот раз Рома был на стороже, уже зная, что размениваться на пустые угрозы я не буду. Он вскочил на ноги, и я пролетела мимо него, встретившись лбом с деревом. Это был нокаут, полный и бесповоротный. Упав на попу, я изумленно посмотрела на раздвоившееся дерево, потрогала лоб, на котором росла шикарная шишка и, издав изумленное:

— О-о-о, — отключилась.

— Инесса Николаевна...

— Ты ее сломал.

— Вали к горбаху, Ардэн, — зло ответил знакомый голос.

— Не рычи, — сказал некий Ардэн. — Зачем тебе вообще понадобилась эта примитивная?

— Понравилась, — с вызовом произнес Рома, я его все-таки узнала. — А ты-то, что все круги наворачиваешь? Дел нет?

— За тебя волнуюсь, мой мальчик, — насмешливо ответил... Бука. Так вот ты какой, Хмурая Морда — Ардэн...

— Даже не думай, — не без угрозы произнес Рома.

— Обалдел? Зачем мне-то? — в голосе Ардэна послышалось возмущение.

— Вот и я думаю, — проворчал Рома.

Я открыла глаза и посмотрела на синеглазого. Голова болела зверски, но я все же поняла, что мы все еще на Свене, и моя голова лежит на коленях недобитого гуманоида, сам же он прижимает к моему лбу что-то прохладное. О чем они говорили, я даже понимать не собиралась, потому, единственное, что я сказала, было:

— Ну, вы и уроды.

— О, заработала, — усмехнулся Бука-Ардэн.

— Ром, убери этого хама, или я за себя не отвечаю, — воззвала я к единственному существу, с которым у меня был налажен, хоть и фиговенький, но контакт. Рома открыл было рот, но я добавила. — А потом я тебя, сволочь инопланетная, все-таки убью. — Рома тут же варезжку захлопнул.

— Инесса Николаевна, — начал он, но я махнула рукой:

— Иди ты к черту, гуманоид. Зови меня Инной, это сокращенная форма имени Инесса.

— У тебя столько имен, — проворчал Рома.

Объяснять, что такое наше великое земное «ФИО», не хотелось. Голова по-прежнему болела, потому крах собственной жизни я пока воспринимала спокойно. Капитан с интересом рассматривал меня, затем перевел взгляд на моего гуманоида.

— Отвел бы ты ее к медикам что ли, на этот рог без слез смотреть невозможно. Жуть такая.

— Сам ты страшный, — оскорбилась я и села, опираясь спиной на Романа. — Если ты взял на себя ответственность за меня, будь добр оградить от хамства и оскорблений. На будущее я требую убрать из лексикона, касающегося меня, слова: примитивная, вещь, животное, багаж и контрабанда. Я не просила меня похищать — это раз. И мотаться по Вселенной никогда не было пределом моих мечтаний — это два. А вообще ты, Рома, козел и придурок. Я все сказала.

Эти, как их, аттарийцы промолчали. Ардэн не спешил уходить, Рома, похоже, просто не знал, что от меня ожидать, потому благополучно молчал. Я вывернула голову, глядя на синеглазого, и вздохнула:

— Дай таблетку что ли, башка трещит, пипец.

— Пипец — это что? — поинтересовался Рома.

— Ох, чудовище ты инопланетное, — я снова вздохнула. — Голова болит, просто ужас как, то есть сильно. То есть я сейчас умру и буду являться тебе в кошмарных снах, — расшифровала я.

— А-а-а, понял, — просиял инопланетянин.

Он достал из нагрудного кармана очередную пластину.

— Это что? — с подозрением спросила я.

— Миниатюрный регенератор, входит в стандартный набор военного, — пояснил Рома.

— А ты военный? Корабль научно-исследовательский, ты сам говорил, — козырнула я отличной памятью.

— Полувоенный, — встрял Ардэн, и мы с синеглазым одинаково недовольно на него посмотрели. — Да идите вы, — фыркнул на нас командир и скрылся в зарослях какой-то развесистой фигни с маленькими розовыми цветочками.

Тем временем головная боль отступала. Я покосилась на Рому, пытаюсь понять, как его регенератор работает, не поняла и плюнула на это дело. Выдохнув с облегчением, как только вновь почувствовала себя человеком, я потрогала лоб, не обнаружила шишки и одобрительно хмыкнула, ставя своему чудиле зачет. Недалеко от нас заворчался Чубакка. Я с опаской покосилась на него.

— Не тронет, — сказал Рома, поняв мои опасения. — Очухается и уйдет. Если канглов не трогать, они первые не нападают, только если подозревают угрозу.

Лохматый заскрипел и встал на четвереньки. Он обвел окрестности взглядом мутных красноватых глаз, остановился на нас с Ромой и зарычал:

— Агаарах грохэм, — изрек «Чуи» и потрогал свою голову.

— Инна, ты бегаешь быстро? — с радужной улыбкой спросил мой гуманоид.

— Смотря, зачем. Если на распродажу, то очень быстро, — подумав, ответила я.

— Тогда представь, что распродажа уже началась, — не переставая лыбиться, сказал синеглазый, рывком поднимаясь с земли и поднимая меня следом.

Кроме гениальной мысли у меня еще в наличие была интуиция, так вот именно она сообщила, что верить улыбке гуманоида не стоит, потому что...

— Ар-р, — зарычал канглор и бросился на нас.

— Отвали, Чубакка, — завизжала я, припуская следом за Ромой и спрашивая на ходу. — Почему мы бежим?

— Тебя спасаем, — пояснил он, пропуская меня вперед.

— Парализуй его снова, и уйдем, — потребовала я.

— Не могу. Инструкция запрещает стрелять в примитивов больше одного раза. Можно повредить нервную систему, вы же хрупкие, прости, они, — исправился Рома, заметив мой тяжелый взгляд.

— И долго бежать? — поинтересовалась я.

— Уже прибежали, — мой гуманоид обхватил меня поперек живота и крикнул в браслет на руке, похожий на наручные часы. — Забирай!

Народ замер, слушая мои судорожные спазмы. Рядом замер робот-уборщик, похожий на таблетку со щетками. Рома вежливо отводил глаза, пока я загаживала зал перемещений, как назвал его синеглазый между моими спазмами.

— Я тебя ненавижу, — сообщила я, вытирая слезы.

— Просто ты меня совсем не знаешь, — успокоил меня инопланетный чудила. — Вот узнаешь поближе...

— Бе-е-е, — высказала я все, что думаю по этому поводу.

— Это ты пока так говоришь.

— Бе-е-е...

— Совсем плохо? — участливо спросил Рома.

— Убью, — в который раз пообещала я. — Все, кажется, — всхлипнула я.

Робот деловито взялся за работу, аттариец приобнял меня за плечи и повел в нашу с ним каюту. Вот радости-то! Мужик шикарный, спору нет, вроде как симпатизирует, мне и, если уж положить руку на сердце, даже нравится, но! Но, это чудовище гуманоидное меня украло с родной планеты, собирался внести в реестр перевозимых вещей, вещей! Назвал контрабандой, стрелял в меня, целовал без спроса, и это учитывая, что я вообще ничего не почувствовала. Да к чертям поцелуй, он меня украл!

— Мне обязательно жить с тобой? — спросила я, входя в каюту синеглазого.

— А больше негде, — быстро ответил он, и я заподозрила, что мне нагло врут.

Я прошла к широкой кровати и бухнулась на нее, предупреждающе вытянув руку:

— Не вздумай ложиться рядом.

— Да пожалуйста, — отозвался Роман, обиженно засопев.

Я села и проследила за своим гуманоидом. Хорош, сволочь. Наверняка под комбезом кубики завалились, бицепсы там, трицепсы всякие... «Отставить пускать слюни на инопланетных Инкокравов!», — велела я себе. Начинаем мыслить здраво.

— Рассказывай, — велела я.

— Что рассказывать? — синеглазое чудо уселся напротив.

— Про все. Начнем с корабля. Что он из себя представляет, что исследуете. Информацию давай. И еще, пить хочется.

Рома отошел к панели, ранее мной не замеченной.

— Система, внимание, — произнес он. — Тонизирующий напиток.

— Тонизирующий напиток, тайлар Грейн, — ответил приятный женский голос.

— Активация голосовой командой? — заинтересовалась я. Рома кивнул, поднося мне высокий стакан с розовой жидкостью. — О'кей, гугл, — хмыкнула я и с подозрением принялась к напитку.

— Что? — не понял аттариец.

— Хорошая погода, говорю, — отмахнулась я и рискнула попробовать неизвестное пойло.

По вкусу напоминало клюквенный морс, отдаленно, но все же. Одобрительно кивнув сама себе, я залпом осушила стакан и вручила Роме.

— Спасибо. Ну, рассказывай. — Я скинула тапочки, которые умудрилась не потерять во время бега, и уселась по-турецки.

Роман вернулся на свое место, посмотрел на меня взглядом, в котором все еще сквозила обида, я ей не вняла. Сначала нужно узнать, как жить дальше, потом начнем вникать в обиды бессовестных похитителей. Роман еще немного подавил на мое сочувствие парой вздохов и взглядом оскорбленной невинности, сочувствие осталось до безобразия глухим, немым и бессердечным. Гуманоид сдался и перешел к рассказу.

Из слов Ромы я поняла, что «Гордость Аттарии» является полувоенным космическим судном, как и говорил Ардэн. Военные пилотировали корабль, охраняли гражданский персонал и вели все переговоры с представителями галактик и планет, мимо которых проходила «Гордость». Военных можно было определить по цветам комбинезонов. Черный — командир и, так сказать, цвет хаки — все остальные. Разница в чинах определялась нашивками. Рома обещал показать и подробно все объяснить. Оранжевые комбинезоны — техники, белые — медики, зеленые —

ученые. Обслуживающий персонал — голубые. Пассажиров, кроме меня, на корабле не имелось.

Занимался экипаж «Гордости» исследованием различных планет, чаще всего примитивных. Брели пробы грунта, воды, микроорганизмов. Опыты, как уверил Рома, на обитателях планет не ставили... ему же будет проще жить, если это так. Я читала про похищения землян. И про убиенных коров тоже, так что мне было, что припомнить, в случае военных действий.

Сейчас «Гордость Аттарии» заканчивала свой рейд. У меня радость Ромы, когда он говорил об этом, энтузиазма не вызвала, к Земле они лететь не собирались. Отсюда вставал вопрос, что ждет меня. Это я и спросила у инопланетного соловья, который как раз начал расписывать мне прелести своей родной планеты.

— Как что? Ты останешься со мной, — немного удивленно ответил Роман, словно это был вопрос решенный.

— Стопэ, Зорька, — велела я, синеглазый завис, осмысливая очередной перл. — Начнем сначала. Зачем ты меня скоммуниздил? А, черт, украл зачем?

— Почему украл? — оскорбился аттариец. — Я спросил, ты согласилась.

Теперь зависла я. Почесала «репу», воспроизводя в голове тот бредовый диалог в яме, еще раз почесала и была вынуждена развести руками. Смысловой нагрузки, тем более предложения и согласия не уловила.

— Неужели ты думаешь, я просто так предлагаю жить вместе со мной? — возмутился Роман.

— Э-э-э-э, — глубокомысленно протянула я. И многозначительно добавила. — Ну-у-у...

— Нет, я согласен, мне неизвестно, как прим... земляне говорят об этом, поэтому решил прислушаться к тебе. Ты предложила полежать с тобой, я воспринял это, как намек на активные действия с моей стороны. А твое единственное условие — невесомость, я вполне мог выполнить. И выполнил, — меня ослепил акулий оскал довольного собой гуманоида.

— Я выгоняла тебя из ямы, — потрясенно произнесла я. — Да я же... А ты... Ой, мли-и-ин, — протянула я, хватаясь за голову. — Говорила мне мама, не разговаривать с незнакомцами. Поговорила, — я горько всхлинула и тут же подобрала соплю. — Зачем я тебе понадобилась?

— Понравилась, — смущенно ответил Рома и мило порозовел щеками. — Ты брела по лесу такая беззащитная, такая потерянная, так забавно ругалась.

— Э-э-э...

— Ну и вообще, — он ухмыльнулся, — понравилась, в общем.

— Типа, вся такая красивая? — уточнила я, пока меня не сломил комплекс неполноценности от предыдущих «комплиментов».

— Ага, — радостно кивнул Рома.

— Сексуальная, — снова подсказала я.

— Да-а, — протянул аттариец и сверкнул похотливым взглядом, ну, мне так просто приятно думать, но глазами сверкнул.

— Давно женщины не было? — подмигнула я.

— Почему? — удивился гуманоид.

Я махнула рукой и задумалась.

— Ну, ладно, допустим, я тебе так понравилась, что ты меня решил умыкнуть, не смотря на то, что контрабанда и реестр незаполненный. Сперматоксикоза у тебя не имеется, хотя бы это обнадеживает. Но по отношению ко мне, которое я пока наблюдала, в качестве кого я тебе понадобилась? Постельная игрушка? А потом что? На Аттарии, небось, жена и семеро по лавкам?

Рома отрицательно помотал головой. К чему относилось это отрицание, я не поняла. Ну, ладно. Идем дальше.

— Что будет со мной после того, как «Гордость» вернется на Аттарию?

— Я же сказал, со мной останешься, — повторил мужчина.

— В качестве кого?

И вот тут он немного запнулся. Моя физиономия принимала все более торжествующее выражение.

— А я так и знала! — воскликнула я и поднялась с ложа грациозно, как пантера, готовая к прыжку. Ну, так это должно было выглядеть, пока нога не запуталась в чехле, которым была затянута постель, и я не сверзлась на пол, извергая площадную брань. Но это не помешало мне вскочить, сдуть с глаза прядь волос и снова нацелить на гуманоида палец. — А, ну, колись, морда инопланетянская, зачем подрезал честную землянку с родной планеты!

Рома, до этой минуты тихо давившийся смехом, рот закрыл и удивленно посмотрел на меня. Затем закатил глаза и протяжно вздохнул.

— Ну, не понимаю я твоих оборотов. Я пальцем тебя не тронул, почему подрезал? Куда подрезал? Зачем подрезал?

— Вот и мне интересно — зачем, — проворчала я и забралась обратно на кровать. — Почему ложе такое большое? По моим представлениям, койка на корабле такой быть не должна.

— Трансформер, — ответил синеглазый и все-таки подошел к кровати и сел рядом. — Я увеличил, пока ты в регенераторе лежала, на одноместной спать будет неудобно.

— А я с тобой спать не собираюсь, — заявила я.

— Больше негде, — ядовито заверил Рома.

— Есть. На полу, — усмехнулась я. — И это я не про себя, если ты еще не понял. Я сплю здесь, — мой палец уткнулся в кровать. — Ты там, — указала на пол. — Возражения не принимаются. Я с незнакомыми мужиками постель делить не собираюсь, я девушка порядочная. — Была еще лет семь назад, но тебе этого знать не полагается, харя синеглазая.

— Ладно, — подозрительно легко согласился Роман. — На полу, так на полу. Есть хочешь?

Я прищурилась и просверлила инопланетную физиономию пристальным взглядом, ища

подвоха. Не нашла.

— Хочу, — сдалась я, сбавляя обороты. — Курочки бы жареной, салатика там.

Рома направился к уже знакомой панели.

— Система, внимание, — произнес до жути серьезным тоном. — Обед на двоих.

— Обед на двоих, тайлар Грейн, — ответила система, и в руках моего гуманоида материализовался поднос с едой, до жути напоминающий пайки в самолете.

Поднос Рома поставил на полочку, у которой отросли ноги, и полочка, как верный пес, потащилась за первым помощником. Докатилась до кровати и замерла, мимикрируя под столик. Далее был долгий и нудный процесс обнюхивания поданной мне порции неизвестной фигни, череда вопросов из серии — это что, а оно бегало? И закончилось принципиальным:

— Попробуй. Нет, из моей тарелки.

— Зачем? — изумился мой синеглазик.

— Попробуй, — ворчливо повторила я. Рома пожал плечами и попробовал.

— Ну и?

— Вкусно, — заверил меня гуманоид.

— Я сейчас проверю, — не без угрозы ответила я и осторожно, подцепив бурую субстанцию на кончик ложечки, попробовала ее кончиком языка. Скривилась, пожевала и вздохнула. — Ну, если больше ничего нет...

Эта страшная с виду фигня, оказалась вполне съедобной.

— В питании сбалансировано все: вкус, польза, питательность. — Поучал меня Рома. — Посмотри на нас, мы не имеем излишков веса, обмен веществ не нарушен ни у кого. Нет проблем с пищеварением, множество болезней исчезли полностью. Иммунитет на высшем уровне. Срок жизни увеличился в разы!

— А с виду полная хрень, — вздохнула я, облизывая ложку.

— Система, — произнес Рома, как только обед был окончен, и столик ожил, укатил на свое место, превращаясь в полочку, а посуда попросту истаяла. — Телепортация, — пояснил мой сотрапезник и подлый ворюга землянок по совместительству.

Мы помолчали. Чувство сытости было приятным и не тяжелым. Но хотелось вернуться к выяснению моего настоящего и будущего.

— Вернемся к нашим баранам, — многозначительно заявила я. — Итак, ты женат?

— Нет, — улыбнулся мужчина.

— Невеста? — он пожал плечами, показывая, что не понимает значения этого слова. — Девушка? Ты с кем-нибудь встречаешься, живешь?

— Была, но мы сочли наши отношения непродуктивными и расстались, — Рома повернулся лицом ко мне и теперь с интересом рассматривал.

Я снова замолчала. Краси-и-ивый, гад. И одинокий. Вот как так? Может, брачок ниже? Зачесался язык, но я, конечно, в эту область лезть не стала, не тактично это. Может, у него проблемы, а я на больную мозоль. И тут проснулась гениальная моя, та самая, которая мысль. Уж не поэтому ли он меня умыкнул, что со своими не выходит, а для примитивной сойдет?

— Ты опять странно на меня смотришь, — беспокойно сказал Рома, отсаживаясь подальше.

Я выдохнула и прикрыла глаза, собираясь с мыслями. Затем снова выдохнула и решилась.

— Твой поршень рабочий? Ходит без сбоев?

Рома «висел» дольше обычного, осмысливая мой вопрос. Наконец, сдался.

— Что ты имеешь в виду? Я не понимаю.

Я закатила глаза и шумно выдохнула.

— Ну, твой агрегат... прибор... Черт, змей одноглазый шевелится? Да чтоб тебя, Рома! — разозлилась я на его непонятливость. — Гулять младшего выводишь часто? Крот норки роет? Ы-ы-ы-ы... Затвор хотя бы передергиваешь? Лысого гоняешь? Ну, Рома-а-а!!!

— Да не понимаю я! — воскликнул он, ударив себя кулаком в грудь. — Скажи нормально!

Я взвыла, не зная, какую еще аллегория выдать, чтобы не тыкать пальцем и не называть ЭТО своим именем. Судя по выражению лица инопланетянина, он мысленно тоже выл. Не мои проблемы. Нужно нормально переводчик свой настраивать, чтобы порядочным девушкам не приходилось объяснять очевидное!

— Вот это, — я не глядя, ткнула в его причинное место.

— Что это? — переспросил синеглазый.

— Это, — повторила я, скосила глаза и снова отвернулась.

Рома почесал в затылке, потер подбородок, помычал, отстукивая пальцами по кровати, и вдруг радостно просиял.

— Ах, ты про него! — и каюту огласил дикий ржач. — Змей, а-а-а... Лысый крот... Одноглазый поршень, у-у-у...

Я ждала, пока его истерика пройдет, вопрос меня волновал по-прежнему, и не из праздного интереса. Мое самолюбие, а оно входило в комплектацию Инессы Журавлевой, требовало подтверждения, что меня притащили сюда не потому, что примитивная польстится на всякий нерабочий хлам, чтобы поднять гуманоидную самооценку.

Рома хохотал, утирая слезы, затем сграбастал меня, подтянул поближе и уткнулся в плечо, сотрясаясь от смеха. Я немного подождала, затем вежливо покашляла, постучала синеглазого по спине, реакции ноль, и я его щипнула. Хорошо так, всю душу вложила в это нехитрое действие. Рома хрюкнул и отстранился. Я скинула с себя его руки и независимо тряхнула головой.

— Ну? — грозно спросила я. — Рабочий?

— Функционирует исправно, — заявил Роман, все еще посмеиваясь.

— Странно, — задумалась я.

— Почему странно? Могу доказать, — синеглазый протянул ко мне длани в искреннем порыве не откладывать доказательства в долгий ящик.

Надавала по лапам и отодвинулась подальше. Рома пододвинулся ближе.

— Сидеть! — рывкнула я. — Так дома у себя, что со мной делать будешь? — вернулась я к насущному.

— Все то же самое, — осклабился недобитый гуманоид и продолжил наступление.

Нет, ну какова наглость!

— Заботиться о тебе буду, оберегать, ухаживать, — обещал он, сверкая загадочной улыбкой.

— И на прививки к ветеринару водить? — съязвила я, перекатываясь на другой край кровати. — И ошейник именной с бриллиантами подарить? А миску купишь? А домик и когтеточку? Нашел себе питомца!

— Ну, Инна! — возмутился Рома.

Я в очередной раз увернулась и скатилась на пол. Вскочила, потирая зад, и безапелляционно заявила:

— Гулять!

— Сейчас? — изумился похотливый самец с горящими глазами.

— Немедленно! Веди на выгул!

И обойдя кровать по широкой дуге, забрала тапочки, белые. Офигеть! Извращенец-зоофил! Мало того, что говорит, как о домашней зверюшке, так еще и крота своего пристроить к моей норке собрался. И кто он после этого?!

— И-ин, — позвал синеглазый.

— Пошляк, — фыркнула и замерла у двери. — Не выведешь, по углам гадить буду, — пригрозила я.

— Что ж ты такая... — вздохнул Рома.

— Красивая? — уточнила я.

— Да! — рывкнул извращенец, и дверь зашипела, выпуская нас в узкий коридор.

Глава 4

Мое появление в зале перемещений было встречено дружным стоном обслуживающего персонала. Я вздернула подбородок и прошла к возвышению, после обвела взглядом тех, кого в

первый раз не заметила. Их было пятеро, стоявших за стеклянной тонированной панелью. Обведя техников, ибо на пятерке были оранжевые комбинезоны, суровым взглядом, я схватилась за живот и издевательски произнесла:

— Бе.

Они дружно отпрянули от стекла, Рома со скучающим видом поднял глаза к потолку.

— Показалось, — ядовито сказала я.

Техники вернулись к своим местам, Рома положил мне руки на талию, сбрасывать не стала до приземления. Послышался легкий гул, блекло сверкнуло и...

— Уроды, — просипела я, пытаюсь удержать в себе полезный обед.

— Ты очень много ругаешься, — укорил меня Роман.

— Нет, я должна вам всем на шею кинуться, — ехидно усмехнулась я.

— Только ко мне, — осклабился зоофил, и я выпуталась из его рук.

Мы огляделись, Чубакки не было видно. Я вдохнула местный воздух поглубже и зажмурилась:

— Хорошо.

— Да, приятная планетка, — поддакнул синеглазый.

Мы немного прошлись по джунглям, приключения не спешили нас найти, и я начала расслабляться, гениальная мысль тоже. Она подняла голову и зашептала мне в ухо очередной гениальный план, других у нее просто не было. Интуиция прислушалась и решила высказаться против, гордость задавила интуицию, а дурь яростно затрясла головой, поддерживая гениальную мысль. Мне деваться было некуда.

— Рома, — позвала я и, дождавшись, когда он на меня посмотрит, продолжила. — А ты за меня ответственность несешь?

— Конечно, — кивнул головой гуманоид. — Я забрал тебя с родной планеты, значит, вся ответственность за твою жизнь и здоровье лежат на мне.

— И теперь ты будешь беречь меня, холить и лелеять? — живо заинтересовалась я.

— Да, — уверенно кивнул Роман, но в глазах появилась настороженность.

— А причинить мне вред можешь?

— Нет! — возмутился синеглазый.

— Хорошо, — широко ухмыльнулась я.

Я огляделась, заметила пышный цветок белого цвета и указала на него.

— Хочу.

Рома улыбнулся и направился к цветку. Подождав, пока он отойдет подальше, я сделала

несколько шагов назад и, как только синеглазый потянулся за цветком, росшим на дереве, припустила в заросли. Куда и зачем, я не могла объяснить даже себе. Под руководством гениальной мысли, гордости и дури, я неслась, не разбирая дороги, счастливо хихикая.

Хорошо бежала, быстро, даже красиво перепрыгнула яму, появившуюся под ногами. Затем нырнула за широкое дерево и притаилась, лаская свое самолюбие тем, что сейчас по джунглям носится шикарный мужик, в панике разыскивая меня.

— Инна! — донеслось до меня.

— Хи-хи, — выдала дурь.

— А вот так ему, — подхватила гениальная мысль.

— Ибо неча, — задрала нос гордость.

— Т-с-с, — велела я, отмахиваясь от них.

— А ведь ты не на Земле, — заскулила интуиция.

— Вообще на неизвестной планете, — объявился здравый смысл.

— И Чубакка где-то бродит, — задумчиво произнес инстинкт самосохранения. — Много Чубакк, да и прочая фауна...

— Агаарах, — рыкнули за спиной, словно отвечая моему инстинкту самосохранения.

— Мама, — выдохнула я и ме-е-едленно обернулась. — Чуи, привет.

— Угарах, — ответил лохматый и протянул ко мне лапу.

— Да ладно, чувак, — я придержала его лапу и скользнула в сторону. — Ты погорячился, я погорячилась, с кем не бывает.

То, что это мой Чубакка, я поняла сразу, как только взглянула на огромную «репу» лохматого. Мне предстали две шикарные проплешины. Гулко сглотнув, я сделала еще пару шагов назад.

— Оррок, — пророкотал Чубакка и показал на свою голову.

— Ну, прости ты меня, чудище неведомое, — с надрывом произнесла я. — Ты сам пойми, меня же с родной планеты увезли, дома лишили. Родные, подруги, клиентура, я же ее три года наработывала, а теперь что? Зверюшка для аттарийца? Вся жизнь под откос, — и так мне себя жалко стало в этот момент, что слезищи, размером с яблоко, сами потекли по щекам.

Чубакка моргнул, потом моргнул еще раз и... обнял меня. Душа-человек! Вот это я понимаю, не то, что некоторые... Когда из-за деревьев выскочили Рома, Ардэн и еще трое представителей военной части «Гордости Аттарии», я сидела на ручках у лохматого и взахлеб жаловалась ему на жизнь. Чуи гладил меня по голове, отчего она откидывалась назад и клацала зубами, и жалобно поскуливал, что-то говоря мне. Должно быть, успокаивал.

— Инна, — позвал Рома.

— Вот он, гад инопланетный, — сдала я синеглазого.

— Роганрар, — оскалился Чубакка.

— Ага, а еще крота своего ко мне пристроить пытался, — обличила я извращенца, Рома покраснел... побагровел... черт, Рома разозлился.

— Ну, хватит! — рыкнул он.

Я прижалась к моему лохматому другу, Чуи встал, поставил меня на ноги и задвинул себе за спину. Дальше все было быстро. Рома, чеканя шаг, направился к нам с Чубаккой, Ардэн взял моего нового знакомого на прицел, трое вояк с «Гордости» начали заходить с боков, мы с лохматым не сдались.

— Чуи, у них инструкция, в тебя уже стреляли, больше не бу... Ну, ты и сволочь, — прошипела я, глядя из-за Чубакки на Ардэна. Он выстрелил, и плевать на инструкции. — Грабли убери! — взвизгнула я, отталкивая Рому.

Он, молча, взвалил меня на плечо, не обращая внимания ни на оскорбления, ни на попытки жахнуть его посильней.

— Ты лучше всех! — крикнула я своему лохматому другу, провожавшего меня тоскливым взором.

Позади шел командир, за ним трое вояк, я впереди на лихом коне, то есть на Роме. Сдерживать свой гнев я не стала и излила его на спину синеглазого, как только нас подняли в зал перемещений. Ардэн скривился, техники простонали, робот подобрал то, что долетело до пола. Ну и пошли они все, нам, примитивным, все можно.

Роман, наплевав на изгаженную спину, бодрой походкой направился в свою каюту.

— Грейн, — позвал его Ардэн.

— Не сейчас, Дмирт, — ледяным тоном отозвался мой синеглазик, я затихла от греха подальше.

В каюте меня поставили на пол и свалили в душевую чистить перья. Я подошла к панели на стене и вздохнула:

— О'кей, гугл, — тишина в ответ. — Тьфу, на тебя чудо-техника, — проворчала я, вспоминая точную команду, но произнести ее не успела, потому что:

— Благодарю, Инна, мне приятно, что вы такого высокого мнения обо мне, — отозвалась панель.

— Э-э-э, хы, — я криво усмехнулась и почесала в затылке. Вот ведь... — Добрый день, — поздоровалась я.

— Добрый день, — ответила Система. — У вас есть пожелания?

— Мне бы, чего покрепче, — попросила я.

— Уточните запрос, пожалуйста, — последовал ответ.

— Алкоголь. Вино, коктейль, черт возьми, водка, — рубанула я с плеча. — Можно пиво.

— Запрос принят, Инна, — и я почувствовала легкое покалывание в кончиках пальцев.

Посмотрела на руки и чуть не выронила стакан, но вовремя сжала пальцы.

— А таблетки от похмелья? — поинтересовалась я, глядя на пластину с разноцветными пилюльками.

— Это сухой алкоголь, возможно, он подходит под определение — водка, — отозвалась Система.

— Спасибо, — хмыкнула я и спрятала полезные таблеточки в карман джинсов.

— С вами приятно общаться, Инна, — сказал приятный женский голос и замолчал.

Я прошла со стаканом к облюбованной кровати, которая теперь по определению моя, личная, уселась по-турецки и пригубила жидкость в стакане.

— Ничего так, — одобрила я, ощущая приятное тепло, потекшее по телу.

Из душевой вышел Рома. Вышел и замер, глядя на меня. Нет, правильной сказать, я замерла, глядя на него, а он просто рассматривал то, что я держу в руках.

— Ты сумела воспользоваться системой, — констатировал синеглазый.

— Ага, — ответила я, утирая слюни.

Чума-а-а. И кубики, и бицепсы, и трицепсы, и вообще весь набор для ценителя прекрасного, то есть меня, стоял посреди каюты в одном полотенце, намотанном на бедрах. Ши-и-ик. Восхищенно выдохнув, я сделала большой глоток из стакана, поперхнулась и отчаянно закашлялась. Синеглазый шагнул ко мне...

— Мли-и-ин, — просипела я, когда передо мной остановился крепкий рельефный торс.

— Что? — Рома склонился и заботливо посмотрел на меня.

Я подобрала челюсть с кровати, вставила ее на место и облизала разом пересохшие губы.

— Одейся бы ты... Рома, — попросила я, вновь впиваясь в край стакана.

Инопланетный самец оглядел себя и выпрямился с самодовольной ухмылочкой. С-с-сволочь... Я жадно выхлебала почти все пойло, параллельно вспоминая, когда у меня было последний раз. Вспомнила. Месяц назад от меня последний винторогий сбежал, вот тогда и было, прощальный, так сказать. Не ах, если честно, но с паршивой овцы, хоть шерсти клок.

— А может... — горячее дыхание обожгло мое ухо, и я резко отпрянула назад, вылив остатки вкусной алкогольной штуки в лицо искусителя.

Он дернулся назад, ругаясь и ожесточенно стирая с лица мое пойло. Я утерла дрожащей рукой пот со лба, еще раз слюни и сурово свела брови.

— Ты что себе позволяешь, нелюдь? Я тебе кто? Я честная девушка! Оденься немедленно. Негодяй, — и с видом оскорбленной добродетели нырнула в душевую. — Мли-и-ин, — потрясенно прошептала я, глядя на свое отражение. Зеркало тут было во всю стену. — Извращенец, — фальшивое возмущение не помогло, потому что я представила...

Я подхожу сзади к мужчине, стоящему под душем, смотрю, как струи воды катятся по его плечам, спине, спускаются на упругие ягодицы... Я кладу ему на спину ладони и чувствую горячую кожу, касаюсь ее губами и поворачиваю голову к зеркальной стене, подернутой туманом. Я вижу в отражение, как мужчина запрокидывает голову и закрывает большие синие глаза. Я прижимаюсь к нему всем телом, мои руки, огладив мощные плечи, ныряют под его руки и уже скользят по животу, поднимаются на грудь... А в зеркале я вижу, как возбужден его...

— Ой, ты ж мамочки, — хрипло выдохнула я. — Мне нужна вода, холодная. А-а-а, — мой визг отразился от стен и оглушил меня саму, потому что с потолка полилась ледяная вода. Система, чтоб ее!

— Инна, — дверь открылась, и в проеме появился Рома, его физиономия была встревоженной, но, увидев мокрую курицу, то есть меня, облитую с ног до головы ледяной водой, развеселился. — Ты решила постирать одежду, заодно и помыться?

— Пошел вон, гуманоид! — я с визгом пролетела мимо него, спасаясь от холодного душа, и забилась в угол, отчаянно стуча зубами.

— Система, выключить воду, — велел Рома и вернулся в каюту. — Раздевайся, — скомандовал мне.

— Аг-га, щ-щас, — отстучала я челюстями.

— Не глупи, ты мокрая, — он улыбнулся и достал полотенце.

— Отвернись, — сурово велела я, выбираясь из своего угла.

— Я там уже все видел, — усмехнулся негодяй. — Мне все понравилось, не переживай.

— Урою, — мрачно пообещала я, и мужчина все-таки отвернулся, но его очередное хмыканье я все-таки расслышала.

Стянув мокрую одежду, я замоталась в полотенце и поискала глазами свою сумку. Рома, все так же не глядя на меня, достал мой багаж и положил рядом со мной.

— Одевайся, — милостиво разрешил он.

Я деловито рылась в сумке, ворча себе под нос о том, что бедную женщину лишили всего самого необходимого, вопрошая время от времени:

— И что мне надеть? Я же осталась голой!

Наконец, нарыла спортивный костюм, под который чудесно шли белые тапочки, и это сарказм, если кто не понял, потому что белые тапочки вообще ни подо что не шли, даже не бежали. Распрямилась, рассматривая футболку с милой киской во всю грудь...

— Попалась, — промурлыкали мне в ухо, и я оказалась сжата в капкане весьма нескромных рук.

Не буду врать, екнуло, даже очень ощутимо так екнуло, и организм тут же отозвался сладкой истомой от предвкушения, но!

— Грабли убрал, — велела я ледяным тоном. — Рома, я сказала!

Рома борзел. Полотенчик, так надежно, казалось бы, защищавший мое тельце, предательски упал вниз, и белая девичья грудь крайне недвусмысленно скользнула в загребушие лапы инопланетного Казановы. Его пальцы ласково скользнули по моментально напрягшимся соскам, и я закусила губу, чтобы не польстить аттарийскому самолюбию тихим стоном. Собрала волю в кулак, черт, кулак был до отвращения слаб, а воля упорно в него не лезла, но все же...

— Отпусти меня, — строго велела я.

— Ты этого действительно хочешь? — обжигающие мужские губы проложили дорожку поцелуев от мочки уха до плеча.

— Я, — судорожно вздохнула, потому что губы были невероятно ласковыми, как и руки, чтоб его, — хочу...

— М-м? — спросил синеглазый негодяй, возвращаясь обратно к мочке уха, и чуть сжал ее губами.

— Тайлар Грейн, — приятный голос системы ворвался в туманящееся сознание, которое никак не желало идти вразрез с нарастающим возбуждением. — Командир Ардэн приглашает вас и вашу гостью на совместный ужин в своей каюте.

Рык, вырвавшийся из груди Ромы, напоминал рев обломанного самца гориллы. Еще бы, его намерения недвусмысленно упирались мне в спину. Воспользовавшись заминкой, я вывернулась из рук синеглазого и оценила... крота. Мли-ин, мои подозрения показались крайне нелепы, и там он был хорош тоже. И сверху, и снизу, и все работало. Так и хотелось пробежаться кончиками пальцев по его шелковистой «шкурке». «А как ходит твой поршень?». Мама моя, даже дыхание перехватило от захлестнувшей фантазии, как он будет ТАМ ходить.

— Тайлар Грейн, — напомнила о себе система.

— Мы скоро будем, — скрипнув зубами, ответил Рома. — Прости, милая, нам придется идти.

— Конечно-конечно, — живо согласилась я, пятась от синеглазого. — Без проблем.

Он окинул меня тяжелым взглядом, вздохнул и пошел одеваться. Я же спешно нырнула в сумку. Раз ужин с командиром, значит спортивный костюм — моветон. И достала платье. Короткое такое, обтягивающее фигуру, как чулок, и с открытой спиной, очень открытой, по самое не балуй. Ну, я готовилась к томным вечерам в баре, которые мне обещала реклама турбазы. Только волосы мокрые, ни грамма косметики и... белые тапочки. А были туфли, были! Как раз под это платье. Уроды. От обиды враз схлынули все остатки возбуждения, и я зло посмотрела на Рому.

Он уже оделся и теперь красовался в свежем комбезе цвета «хаки». У-у, нелюдь.

— Волосы можешь высушить в душевой, просто прикажи подать теплый воздух, — порекомендовал Роман.

В душевую я входила с опаской. На зеркальную стену вообще старалась не глядеть.

— Система, мне бы теплый воздух, — осторожно попросила я.

Фен во всю душевую впечатлил. Самое удивительное, что ощущения сухости кожи после такой сушки, даже не возникло. Да и волосы оказались на удивление мягкими и приятными. Выходила из душевой я уже в платье, потому что машинально утащила его вместе с собой, а вот нижнего белья под ним не было. А почему? А потому что — уроды! Трусы-то сперли, оставив мне одну пару шортиков, а их я выкупала под холодным душем. От сознания собственной развратности, я почувствовала новый прилив жара внизу живота, да еще и оценивающий взгляд Ромы подлил масла в огонь моего состояния. Но я воинственно натянула свои тапочки, разом растеряв все ощущение роковой женщины, поправила волосы и шагнула к двери.

— Инна, ты очень красивая, — сказал мне синеглазый сожитель.

— Идем уже, — проворчала я, скрывая за неприветливостью то, что комплимент достиг цели.

Каюта командира «Гордости Аттарии» оказалась трехкомнатной квартирой, и немаленькой. В гостиной, как я окрестила помещение, где стоял стол, уже находились другие приглашенные. Должно быть, корабельная элита. Присутствовали на званом ужине только военные и ученые, знание — сила, а цвета комбинезонов я усвоила сразу. Наше с Ромой появление привлекло внимание, верней, мое. Из четырех женщин, находившихся в командирской каюте, я была единственная в платье. И судя по вытянувшимся лицам всех присутствующих, подобного на их планете не носили. Совершенно спокойно принял мой наряд только Рома — ему он вообще понравился, потому что по дороге сюда этот озабоченный бабуин, то и дело поглаживал, то обнаженную спину, то пониже нее. Я шипела, он получал удовольствие. Я же говорю — извращенец.

Вторым, кто не впал в продолжительный офигей, был хозяин каюты. Он с заметным интересом оглядел меня с ног до головы, затем окинул быстрым взглядом своих гостей, и на губах правильной формы появилась ироничная, почти издевательская ухмылка.

— Добрый вечер, дамы и господа, — я старалась быть вежливой.

— Приятного вечера, — ответил Ардэн и сделал приглашающий жест.

Я подняла взгляд на Рому и отметила, что он хмурится. Причина такой перемены в настроении стала понятна быстро. Дело в том, что нам предназначались места в разных концах стола. Пустовал стул рядом с командиром, и это было явно место первого помощника. И на другом конце стола, как раз напротив самого Ардэна. Я нахмурилась вместе с Ромой. Во-первых, мой синеглазик уже как-то стал мне почти родным — все-таки он единственный, кого я более-менее узнала... и это я не говорю о том, что он видел меня голой, как и я его. Остальных же видела в первый раз, и дружелюбия в их взглядах было мало. А во-вторых, ехидная рожа командира «Гордости Аттарии» не способствовала правильному пищеварению.

— Ну, что же вы встали? — фальшиво изумился главенствующая на корабле язва. — Проходите. Место для твоей гостьи, Грейн, приготовили...

— Спутницы, тайлар Ардэн, — сухо ответил Рома. — Тайлари Журавлева, — кто? — Моя спутница, и, как спутница, должна сидеть рядом со мной. Этикет вы еще должны помнить по Военной Академии и урокам вашего наставника.

Речь моего сожителя почему-то произвела эффект разорвавшейся бомбы. Мужчины поперхнулись, женщины изменились в лицах. Одна так вообще брезгливо фыркнула. Меня это завело. Хрен его знает, кто такая эта таинственная тайлари, но моя рабоче-крестьянская кровь вскипела в жилах. Не для того мой прадед Зимний брал, чтобы на меня, как на галактический

отброс смотрело это инопланетянское снобье.

— Роман, — позвала я, — А в вашем продвинутом мире здороваться не приучены? Или я им личиком не вышла?

— Приучены, — усмехнулся синеглазый. — И личико у тебя замечательное.

— Не могу с тобой не согласиться, — важно кивнула я и направилась к выделенному мне месту. — Ой, какая прелесть, меня рискнули посадить за стол. А что ковриков и мисок не было? Или решили рискнуть? Может, хотите пощекотать себе нервы и послушать, как я чавкаю?

— А вы чавкаете? — живо заинтересовался Ардэн.

— Ага, и на пол сплевываю, — совершенно серьезно ответила я. Местная публика сдвинулась ближе к командиру.

— Инна, — окликнул меня Рома, но я зависла над товарищем в зеленом.

Зеленый смущенно потупился, после заерзал, закашлялся, склонил голову еще ниже и побагровел. Я продолжала гипнотизировать его взглядом. Неуютно себя почувствовал не только облюбованный мною индивид, но и остальные сотрапезники.

— Инна, что-то не так? — спросил Ардэн, убрав с лица ехидное выражение.

— Не так, — подтвердила я.

— Вас чем-то смущает тайлар Гиррес?

— А вас не смущает? — полюбопытствовала я, не отводя глаз от зеленого.

— Меня нет, — ирония вернулась к командиру «Гордости». — Тайлары и тайлари, вас смущает тайлар Гиррес? — поинтересовался он у остальных.

Рома, устав ждать моего внимания к своей персоне, подошел ко мне и отодвинул стул, предлагая мне сесть.

— Хоть один воспитанный мужчина на весь корабль, — я закатила глаза. После села и чопорно кивнула. — Благодарю, Рома.

— Система, — позвал синеглазый, и его стул и тарелка с приборами оказались рядом со мной.

Ардэн проследил за его манипуляциями и нахмурился. Уже за одно это захотелось поцеловать Рому, но я этого делать не стала, обвела стол пристальным взглядом и, наконец, расслабилась, мило улыбнувшись.

— Так понимаю, что больше вас ничего не смущает, — усмехнулся командир, — не так ли, тайлари Журавлева?

— Поживем — увидим, — загадочно пообещала я.

После того, как я угомонилась, а народ отошел от стресса, командир Ардэн представил мне остальных приглашенных, ну, а меня, естественно, им. Те, кого мне представили, кивали,

только все та же дамочка кривила рот в брезгливой ухмылке. Одета она, кстати, была в военный комбинезон. Еще две женщины являлись учеными. Лишними именами я мозг засорять не стала. Их должности тем более не запомнила. В конце концов, у меня уже был Рома, этого вполне хватало, ведь никто не говорил, что я могу свободно перемещаться по кораблю и болтать, с кем вздумается. Примитивная, чтоб их...

Когда дань вежливости по-аттарийски была отдана, Ардэн поднял стакан, на бокал это совсем не смахивало, и провозгласил тост:

— За новое приобретение нашего корабля, — все взгляды скрестились на мне.

— Да-а, — протянула я, глумливо скалясь, — счастья вам привалило. — На лице командира сверкнула запредельная счастливая ухмылка, пропитанная ядом иронии.

— Он не о тебе, — с улыбкой произнес Рома. — Нам выписали новое оборудование.

— И за это пьют? — фыркнула я. — Ну, ладно. Чтоб нам все, а им хрен с маслом. Вздрогнули, товарищи.

Товарищи вздрогнули, натурально так вздрогнули. Я изумленно заломила бровь и посмотрела на Рому. Он усмехнулся и поддержал тост:

— За это, чтобы оно не значило.

— Присоединяюсь, — отозвался командир, продолжая весело сверкать глазищами цвета темного шоколада, остальные настороженно молчали, только зеленый, которому я просверлила взглядом затылок, пытаюсь вызвать приступ вежливости, несмело выпил с нами за компанию.

Напряженная атмосфера за столом была неприятна. Аттарийцы чувствовали себя не в своей тарелке, я, признаться, тоже, не смотря на браваду и показную наглость. У меня все больше множилось вопросы, ответы на которые я решила получить наедине с Ромой. И я замолчала. Развесила уши, слушая постепенно начавшийся разговор, и молчала.

Было скучно, до зубовного скрежета. Беседа велась неспешно, должно быть, с интеллектуальными выкладками, в них я не разобралась. В какой-то момент завязался спор, такой же унылый, как и вся беседа. Никто не жажнул кулаком об стол, не порвал на груди рубашку, и даже не заорал в морду собеседника: «Да, ты просто не понимаешь!». Напротив, все было до тошноты спокойно, вежливо, пропитано насквозь терминологией и словечками, смысла которых я не понимала напрочь. Зевоту с третьего раза подавить не удалось.

— Ром, а отсюда можно свалить по-тихому? — поинтересовалась я.

— Уйти? — уточнил синеглазик, и я утвердительно кивнула. — Можно. — Он встал, чем привлек всеобщее внимание. — Тайлары, тайлари, тайлар командир Ардэн, мы благодарим за приятный вечер, но моя спутница устала. Мы покидаем вас.

— К чему такие радикальные меры? — с невинной физиономией спросил командир. — Ваша компания, тайлар Грейн, нам приятна, и разговор еще не окончен. Если все дело только в том, что ваша... спутница устала, то она может лечь в моей спальне, а мы продолжим беседу.

— Излишне, — холодно ответил Рома.

— Это верно, Грейн, лучше сразу приучить к одному месту, — подала голос брезгливая стерва.

Я тут же развернулась в ее сторону, смерила пристальным взглядом и пообещала:

— Скажите, где ваша каюта, я вам под дверь нагажу. А если особо понравитесь, то и в тапки. Считайте это знаком моего к вам расположения. — Затем развернулась к Роме, который не сводил с дамочки неприязненного взгляда, и кивнула в сторону двери. — Идем, дорогой.

— Легких снов, — елеино улыбнулся честной компании мой синеглазик, и мы покинули каюту командира.

Рома подождал, пока я пройду мимо него. Уж не знаю, вырез на спине или высокомерное вилиание моего зада привели местную публику в очередной стопор, но, когда я подняла глаз на сожителя, тот глумливо скалился мне за спину. Не удержалась и обернулась, окинув сотрапезников независимым взглядом. Глазки аттарийцев были опущены вниз, словно они увидели что-то неприличное. Нагловатый командир пялился на меня, стервозина — на Ардэна, да таким взглядом, словно он ей деньги уже второй месяц не отдает. Хмыкнув, я покинула честную компанию, утягивая за собой собственного гуманоида.

— Ну и тоска-а-а, — выдохнула я. — И как вы так живете?

— Так и живем, — развел руками Роман. — Надеюсь, теперь ты понимаешь, что привлекло меня в тебе, кроме хорошенького личика и приятной фигурки? — я мотнула головой. — Твоя непредсказуемость, полное отсутствие логики в поведении и импульсивность.

— Сам дурак, — оскорбилась я.

— Вот, о чем я и говорю. Ты прелесть! — он рассмеялся, приобнял меня за талию и повел в сторону своего обиталища... нашего. Я вырваться не стала, пока не стала.

Но в каюте благоразумно отошла в сторону. Горящий взгляд аттарийского самца демонстративно проигнорировала и уселась в кресло, оказавшееся мягким и удобным. Обстановка в каюте вообще как-то мало стыковалась с моими представлениями о том, как должно выглядеть жилое помещение на космическом корабле. Было здесь все как-то домашнему, что ли.

— Открой окно, — попросила я, потому что сидела как раз напротив той самой стены, через которую смотрела на астероидное поле.

Рома выполнил мою просьбу и уселся прямо на пол, прижавшись спиной, казалось, к пустоте, потому что за этим панорамным иллюминатор опять был космос. Он рассматривал меня, а я старалась не сверкать отсутствием трусиков. Знаю я уже этого кобеля, уже пристраивался к честной русской девушке земного происхождения. Чтобы прервать неловкое для меня молчание, я спросила:

— Чего эта тощая стерлядь ко мне прицепилась?

— Кто? — синеглазый задумчиво потер подбородок.

— Баба эта, которая про место сказала, — пояснила я, устало вздохнув.

— А, Хельгар? — Рома усмехнулся. — Во-первых, она из высокопоставленной семьи, гонора много. А во-вторых, — мой инопланетянин широко улыбнулся, — это та самая женщина, с

которой мы расстались, посчитав отношения лишёнными продуктивности. Ну и, в-третьих, Хельгар решила, что ее парой может стать Дмитриалиан.

— Кто-о? — я прибалдела от имени.

— Ардэн, — рассмеялся Рома. — Непривычные имена, понимаю.

— Да уж, — хмыкнула я и попробовала повторить. — Дмитриал? Не, Дмитр... Тьфу, Дмитрий, так понятней. Димка Ардэн, — хохотнула я. — Окрестили неруся. — Роме заметно не понравилась моя операция с именем командира. Его проблемы, я ломать язык не собираюсь. — Почему остальные такие замороженные были? От простого тоста вообще задрожали.

— Ин, ты же для них примитив, то есть непредсказуемая. Тебя просчитать невозможно, — рассмеялся синеглазик. — А твоё «вздогнем» восприняли буквально, тем более предыдущая фраза была полностью лишена смысла и привычной логики.

— Да что там непонятно? Чтобы у нас все было, что хотим, а другим ничего не досталось, — я пожалала плечами. — Хрен с маслом, короче.

Хохот Ромы сотрясал стены каюты минут пять. Я смотрела на него и ждала, когда очередной приступ истерики пройдет. Пока он смеялся, я вспомнила еще кое-что.

— Ром, какая разница между «гостья» и «спутница»? — спросила я, заинтересовавшись своим статусом.

— Гостья — это временно. Сегодня есть, завтра нет, — ответил он, заставив себя успокоиться. — Посторонняя, в общем, с кем не связывает ничего, кроме дани вежливости и гостеприимства.

— Спутница тоже временно. Сегодня сопровождает, завтра нет, — не согласилась я.

— Сопровождать может охрана или доверенное лицо. Спутница — статус, предваряющий звание более значимое, — он улыбнулся и замолчал, явно ожидая моей реакции на его слова.

— Народ перекошило от того, что ты примитивную назвал спутницей, — догадалась я.

— Скажем так, я предъявил на тебя права, этого никто не ожидал. Коллеги считали, что я просто помог пострадавшей приме, взвалив на себя ответственность по содержанию. Но я показал, что они ошиблись, — улыбка стала загадочной. — У нас с Хельгар был статус временной пары, это означало, что наши гены не дадут потомства, необходимого нашим династиям. У таких пар есть возможность обратиться в Генный Центр для коррекции, если мужчина и женщина устраивают друг друга во всем остальном. Или же они прекращают свое совместное сосуществование, посчитав его непродуктивным, как мы с Хельгар.

— А с Димой? — поинтересовалась и усмехнулась, глядя на лицо Ромы. — Почему ты кривишься? Ревнуешь бывшую даму сердца? Мли-ин, — я тяжело вздохнула, видя, как скрипят мозгами мой гуманоид. — Тебе неприятно, что твоя женщина положила глаз... э-э, влюбилась в командира? Черт, Ром, как с вами сложно!

— Как раз наоборот, — усмехнулся Роман. — С нами все просто до тошноты. Это с тобой сложно все и непонятно. Почему ты не подпускаешь меня к себе? На Аттарии близость между мужчиной и женщиной — нормально.

Теперь зависла я. Что тут непонятного? Я его знаю один день. Даже с учетом того, что я давно и благополучно не девственница, не могу же я это делать с практически незнакомым мужиком, пусть у меня на него и идет обильное слюноотделение. Тем временем Рома ждал ответа.

— У вас практикуются случайные связи? — поинтересовалась я.

— То есть? — синеглазый явно меня не понял.

— Случайный секс, — пояснила я. — Ну, секс с тем, с кем никаких отношений дальше не будет, даже может, уже никогда не встретитесь. Такой разовый перепихончик. Черт, спаривание при первой встрече.

— Я понял, — успокоил меня Рома. — Нет, это у нас не практикуется. Зачем? Обычно всегда есть пара, пусть и временная. Партнера можно менять, пока не встретишь постоянного. Обычно — это пара, с которой у тебя наиболее продуктивное совпадение...

— Не продолжай, — я махнула на него рукой. — Роботы вы, а не люди. А любовь? Страсть? Чувствами вы совсем не руководствуетесь, только набором генов? Нет, я понимаю, таким образом, в совокупности с правильным питанием и т. д., вы все такие красивые и ладные, наверное, и мозги у вас тоже правильные, но эмоции?

— Инна, ты все-таки не поняла, — мягко улыбнулся Рома. — Когда-то я увлекся Хельгар, она ответила мне взаимностью, и мы получили наш официальный статус временной пары. Думаю, она была заинтересована не во мне, а в положении моей семьи, но это не отменяло возможного будущего для нас. Пожив вместе, мы поняли, что не подходим друг другу и не готовы меняться, статус был расторгнут. Да, кто-то изначально руководствуется практическим подходом к постоянному союзу и сразу ищет равноценную себе половину. Это сделать не так сложно, просто закладываешь свои данные в систему генного отбора. В общем-то, мы все в этой базе. Но право на отказ от подобранной системой пары у нас есть. Я отказался уже дважды потому, что не возникло симпатии. Ардэн так же отказался. У него сложный набор, в крови есть примесь инопланетной крови, что затрудняет подбор.

Я почесала в затылке. Крутая штука. Вот бы на Земле такую, я бы, наверное, уже была при муже и детях. Жили бы два дурака, зато весело.

— Так почему ты меня не подпускаешь к себе? Не нравлюсь? — лукавый взгляд Романа ясно говорил, что обмануть его не удастся, и он точно знает, что нравится мне.

Я усмехнулась.

— Я тебя знаю всего один день, какой секс, Ром? А где конфеты-букеты? Где попытки завоевать меня, увлечь, очаровать? — ладно, я набивала себе цену, признаю. Обычно это бывало прозаичней и быстрее, но имею право, в конце концов! Тем более со своим положением при синеглазом я еще так и не разобралась. Может, спутница — это друг, секретарь, официальная любовница.

— Четыре дня, — широко улыбнулся мой сожитель. — Четыре земных дня. Регенератор перенастроил твой организм выдерживать стандартное космическое время. Мы на орбите Свены провисели земные сутки. А что с конфетами и букетами?

Не знаю, как организм, а я сейчас была в глубоком шоке. Четыре дня! Это я торчу здесь целых четыре дня?! Мама дорогая, меня же через три-четыре дня хватятся. Ой, что бу-уде-ет... Ну, Рома! Я зло взглянула на похитителя, встала с кресла и направилась к своей сумке, она так и

стояла возле кровати. Достала оттуда пижамку, состоящую из шортиков и маечки в единорожках, и отправилась в душевую, где жалобно попросила:

— Система, мне бы умыться, так чтоб не вся.

— Запрос не понят, — ответила система.

— Теплой воды, но немного, — поспешила я добавить. Потом с этим иезуитским изобретением разберемся.

Кое-как умывшись на ночь, я переоделась в пижаму и вернулась в каюту.

— Ты спишь на полу, — напомнила я.

Рома указал на матрас, находившийся с другой стороны кровати и высотой с нее же. Чехол с моего царского ложа уже был снят, и я завалилась на приятное телу белье. Тонкая простынка оказалась одеялом.

— Если замерзнешь, она усилит нагрев, определит по температуре твоего тела. И наоборот, будет охлаждать, если станет жарко. Легких снов, — не вдаваясь в долгие разговоры, быстро распрощался со мной Рома.

— Спокойной ночи, — я зевнула и закрыла глаза.

Послышалось тихое шипение двери, но смотреть, куда делся мой сосед, я не стала, быстро погружаясь в сон. Он был приятным, в смысле сон. Ласковый, приятный, как руки Ромы, блуждавшие по моему телу...

— Рома? — я распахнула глаза и поняла, ни фиги не сон.

Руки были, и они блуждали, нагло лезли, куда им не положено, и предательское тело отвечало на вторжение прерывистым дыханием.

— Рома, хватит, — строго велела я.

— Что хватит? — спросил мерзавец, прокладывая дорожку поцелуев, легких, словно крылья бабочки от моей шеи до груди, подразнили и вернулись обратно. Лямки майки сползли с плеч, встретив мое вялое сопротивление. — Хватит?

— Да, — хрипло ответила я.

— А так?

Меня в жизни так упоительно не целовали, я начала плавиться, как только его губы накрыли мои, попробовала оттолкнуть, но руки сами собой скользнули на широкие плечи, и я охнула, как только язык мужчины сплелся с моим.

— Все еще хватит? — чуть насмешливо спросил он, вновь чертя дорожку вниз по моему телу.

— Да, хватит, — простонала я, как только горячий рот Ромы накрыл вершину правой груди.

Рука мужчины огладила левую грудь и прошлась по тугой горошине соска, едва касаясь ее. Не выдержав этой сладкой пытки, я выгнулась ему навстречу, и Рома остановился.

— Хватит? — его голос наполнился бархатистыми нотками, и это подействовало на меня не хуже поцелуя.

— Рома, — выдохнула я. — Хватит.

— Хорошо, — он покладисто согласился, и его губы переместились к левой груди.

Задохнувшись, я вцепилась пальцами в простынь. Бастион рушился на глазах, и я, пытаюсь удержать разум на плаву, протяжно вскрикнула:

— Хва-атит.

— Как скажешь, — согласился мужчина, майка поползла вверх, и его губы проложили новый путь, спускаясь на живот.

— Нет, — напряжение внизу живота стало болезненным.

Все тело молило, чтобы он не останавливался, но язык снова произнес:

— Хватит! — Уже? Ну, ладно, — Рома тихо рассмеялся, стянул шортики, не встретив вообще никакого сопротивления, и раздвинул мои ослабевшие ноги, удобно устраиваясь между ними.

— Не надо, — взмолилась я.

— Что не надо? — спросил мой соблазнитель.

— Так не надо...

— Так? — его ладонь накрыла самое сокровенное. — Или так? — пальцы огладили уже давно влажный бугорок, вырвав мой вскрик. — А может, так? — и в меня скользнул один палец, но вскоре присоединился второй, неспешно, начав свое движение.

Мысли путались, но я упрямо произнесла:

— Пожалуйста...

— Все для тебя, — ответил Рома, и его язык коснулся возбужденного бугорка клитора.

Пальцы судорожно сжались, сминая простынь, тело двинулось навстречу ласкающим меня пальцам, и я закричала. Выпустила простынь и запустила пальцы в волосы аттарийца, пытаюсь сама задать темп движения Роминому языку. Он отстранился, и я потребовала:

— Не останавливайся!

Мужчина негромко рассмеялся, навис надо мной и спросил:

— Не хватит?

— Нет! Продолжай!

— Твое желание закон, красавица, — я увидела его улыбку, и Рома вновь навис надо мной, терзая рот невероятным, пьянящим поцелуем.

Затем лег на спину, вынудив сесть себе на лицо. Не смогла быть эгоисткой, развернулась и

впилась взглядом в его член. Красивый. Осторожно пробежалась кончиками пальцев от головки до основания, огладила мошонку и вернулась к стволу, обхватив его пальчиками. Затем склонилась и попробовала на вкус, лизнув головку. Рома застонал, на мгновение, прекращая ласкать меня. Я улыбнулась и погрузила мужское естество в рот, оставляя все моральные терзания на потом.

Но уже вскоре остановилась, полностью отдаваясь ощущениям, что дарил мне этот инопланетный мужчина.

— Рома, — выдохнула я, ощутив приближение оргазма, и протяжно застонала, когда жаркая волна прокатилась по телу, расходясь от самого центра моего женского существа стремительным цунами.

И как только моя голова ткнулась ему в бедро, опалая горячим дыханием, Рома перевернул меня и навис сверху, вновь целуя лицо, губы, шею, грудь.

— Я больше не могу, — взмолилась я.

— А так можешь? — улыбнулся мужчина и овладел мной.

Мои ноги, подвластные воле любовника, взлетели ему на плечи, и Рома начал двигаться. Сначала медленно, не спеша, заполнял меня собой и, так же не спеша, покидал истекающее желанием лоно. И вновь входил, чтобы задержаться на мгновение и вновь покинуть меня, оставляя ощущение сиротливого одиночества. Я кусала губы, чтобы сдержать рвущиеся вскрики, но они все равно прорывались наружу сдавленными стонами.

Но вот движения мужских бедер резче, он уже не входит, он вторгается, и я больше не сдерживаю себя. Захлебываюсь криком, когда он переворачивает меня, ставя на четвереньки. Сколько поз сменилось, сколько вообще продолжалось это безумие, я не могу сказать потому, что полностью растворилась в сумасшедшем синеглазом вихре страсти и всепоглощающего удовольствия. Сколько раз я взмывала в небо и срывалась в пропасть, я не знаю. Но когда сил уже не осталось, Рома подмял меня под себя, впился в губы болезненным поцелуем и громко застонал. Не смотря на полное бессилие, мои пальцы впились ему в ягодицы, стремясь продлить этот миг единения. Мужское тело последний раз вздрогнуло, расслабляясь, и Рома лег рядом, притягивая меня к себе.

— С ума сойти, — выдохнул он.

У меня на разговоры сил не было. Я просто лежала на его груди и пыталась отдышаться. Сил не было даже на то, чтобы открыть глаза, шевелиться было лень до такой степени, что я себе напомнила плюшевого мишку, которого можно положить, как захочется, а он будет только глупо улыбаться своей приклеенной улыбкой. Вот и на моих губах застыла глуповатая улыбочка полностью насытившегося организма.

— Инна, — позвал меня Рома, и только многозначительно помычала в ответ.

Завтра я ему все скажу, что думаю о столь вопиющей наглости... Но сегодня мне слишком хорошо, чтобы начинать военные действия.

— Инна, — снова позвал Рома, — ты не обиделась на меня?

— Завтра поговорим, — все-таки выдавила я, зевнула и быстренько сбежала в сон, пока мой инопланетный любовник не продолжил спрашивать.

Я сплю с инопланетянином, офигеть! Девки бы обзавидовались...

Глава 5

Утро началось суетно. Во-первых, я проснулась от Роминого рывка через меня, во-вторых, меня тут же закутали с головой простынкой, из-под которой я высунула сонный нос, чтобы выяснить причину, по которой по сладко спящей землянке проехался инопланетный каток стальных мышц, отдавив все, что только можно было отдалить. А в-третьих, обнаружив причину, впала в праведное возмущение, обратив гнев с Роминой головы, на голову Дмитрия Ардэна, правда, пока только злобно сопела под простыней. Потому что читать жаркие речи в неглиже как-то не принято.

В общем, эта наглая сволочь, называемая командиром научно-исследовательского комического корабля, материализовала свой голографический лик посреди нашей с Ромой каюты, даже не предупредив о своем появлении. Он с заметным интересом разглядывал ложе, на котором все еще покоилось мое тельце, а мой синеглазый рыцарь стоял перед ним, в чем мать родила, и был настроен крайне воинственно.

— Какого лысого крота ты вламываешься без предупреждения? — требовал ответа первый помощник у своего командира.

— Тайлар Грейн, вам не кажется...

— Не заговаривай мне зубы, Ардэн, — психанул Рома.

Ардэн вытянул шею, заглядывая через плечо своего первого помощника, и я высунула из-под простыни руку, демонстрируя ему оттопыренный средний палец.

— Тайлар Грейн, жду на мостике, мы приближаемся к орбите Крайгона, — отчеканил Димон-Наглая Морда и исчез, бросив последний взгляд в мою сторону.

— Офигел, — выдал Рома очередной перл из моего словаря и направился в душевую. — Отдыхай, — улыбнулся он мне и скрылся за дверью.

Отдыхай, я заворчала себе под нос и попробовала снова уснуть. Мне даже это почти удалось, когда мой синеглазый соблазнитель вышел из душа, с сожалением вздохнул и оделся. После присел на край кровати и потянулся, чтобы поцеловать меня. Я выставила перед собой руку, и он ткнулся губами в ладонь. Не расстроился, перецеловал каждый пальчик и радужно улыбнулся.

— На Крайгоне неплохие магазинчики, пойдем сегодня тебя баловать, — сообщил он, и я убрала ладонь, открывая доступ к барской физиономии, с интересом распахнувшей глаза.

— Это я люблю, — деловито довела до его сведения.

— После приземления зайду за тобой, — пообещал Рома, чмокнул-таки в губы и ушел.

Я проводила широкую спину внимательным взглядом и закрыла глаза. Сон не шел. Помянув недобрым словом командира «Гордости» и послав ему, до кучи, пару пожеланий, я вздохнула и встала с широко ложа. Второго, которым мою бдительность вчера усыпили, уже не было. Интересно, куда он его дел?

— Система, доброе утро, — вежливо поздоровалась я.

— Удачного и продуктивного дня, тайлари Инесса, — отозвалась Система. — Вы чудесно выглядите, жизненные показатели лучше, чем вчера. Уровень гормонов нормализовался.

— Спасибо, ты тоже ничего так, и голос у тебя приятный, — ответила я комплиментом на комплимент. — Система, а куда делась вторая кровать?

— Голографическое изображение было убрано тайларом Грейном, как только вы заснули, — сдала синеглазого Система. Вот жучара инопланетянский! — Вы что-то еще желаете узнать, тайлари Инесса?

— Что это за обращение — тайлар, тайлари? — поинтересовалась я, потягиваясь.

— Обращение к элитарному сословию, — ответил мужской голос за моей спиной.

— Вашу ж мамашу! — взвизгнула я и обернулась. — Здра-асти, хамло гуманоидное, — протянула я, пятась к кровати и прикрывая стратегически важные места волосами. Волос на все не хватало, пришлось задействовать руки. Ардэн рассосался в воздухе.

— Сзади тоже вид симпатичный, — послышалось за спиной.

Я резко обернулась, изображение командира было уже за спиной. Злобно зашипев, я подхватила простынь и замоталась в нее, закинув длинный конец на плечо. Тут же почувствовала себя Юлием Цезарем и воспряла духом.

— Неплохую игрушку раздобыл себе Грейн, — хмыкнул Ардэн.

— А не пойти ли вам, уважаемый, на хутор бабочек ловить, пока дальше не послала, — поинтересовалась я. — А я ведь пошлю, потом догоню и еще раз пошлю.

— Прима, она и есть прима, — делано вздохнул командир. — Ни воспитания, ни этикета.

— Это ты мне о воспитании говоришь, Пятачок? — я уперла руки в бока. — Я тебе еще сама курсы по этикету устроить могу.

— Устрой, — покладисто кивнул мужчина.

Состояние офигея углублялось, меня даже словарный запас подвел в эту минуту.

— Чего надо тебе, гуманоид махровый? — поинтересовалась я, присаживаясь на край кровати.

— Курсы по этикету, — ухмыльнулся Ардэн. — Углубленные знания.

Офигей перерос в глубокий шок.

— Кэп, у вас с бабами что ли напряженка? — спросила, пытаюсь понять, это статус примитивной толкает аттарийцев на вольное отношение к моей персоне, или это я такая вдруг стала сногшибательная.

Ардэн замолчал, напряженно думая.

— Что? — спросила я. — Толмач нужен? Черт, переводчик? — тот кивнул. — Бабы — женщины, напряженка — не хватает.

— А — кэп?

— Капитан, млин! — раздраженно воскликнула я. — Вы что, тормоза-то такие? Млин — непереводаемая игра слов, — устало пояснила я. — Тормозишь — тупишь, ы-ы-ы, Дима, бесишь. Дима — это ты. — Нет, я сейчас точно взорвусь!

Изображение вдруг исчезло, оставив меня в одиночестве, и больше не появлялось. Я немного подождала и продефилировала в душ. Как только перестала полоскать про себя офигевших гуманоидов, меня торкнуло — элитарное сословие. Любопытно как. Закончив с мытьем и сушкой, я высунула нос в каюту, проверяя ее на предмет нежелательных голографических физиономий, но Ардэн тут отсутствовал.

— О'кей, гугл, — машинально произнесла я. — Тьфу, ты, дьявольская машина, Система!

— Я вас слушаю, тайлари, — мягко отозвалась система.

— Мое шмотье где?

— Запрос не понят.

— Говорю, где мой вчерашний прикид.

— Запрос не понят.

— Барахло, — признаюсь, я уже просто развлекалась.

— Запрос не понят.

— Труселя и джинсуха.

— Запрос не понят.

— Ладно, где те вещи, которые были вчера на мне надеты, — смилостивилась я. — Моя одежда, вашу мамашу...

— О чьей матери вас интересуют данные? — живо отреагировала Система.

— Вот ведь адово изобретение, — хмыкнула я, но тут же живо заинтересовалась. — Ты можешь мне предоставить данные на членов экипажа?

— Только те данные, которые находятся в свободном доступе, — услужливо пояснила Система.

— О Роме хочу знать, — решила я.

— Запрос не понят.

— Чтоб у тебя жесткий диск расплавился, — пробурчала я.

— Жесткий диск последний раз использовался две тысячи лет назад по аттарийскому времяисчислению, — ехидно ответила умная электроника.

— Пофиг, — отмахнулась я, собрала мозг в кучку и выдала. — Система, данные на тайлара Грейна. Первого помощника научно-исследовательского космического корабля «Гордость Аттарии», — на всякий случай уточнила я. Затем почесала свою многомудрую голову и

ухмыльнулась. — И на командира того же корабля тайлара Ардэна.

— Запрос принят, данные готовы к открытию. Открыть?

— Ясен перец, — кивнула я.

— Запрос не понят.

— Открывай, — рявкнула я, и передо мной появился голографический Рома. — Как живой, — умилилась я. — Жеребец похотливый, сволочь инопланетная. — И все это с такой мечтательной улыбкой на счастливой роже, что самой тошно стало.

Тем временем Система вещала:

— Ромалиан Грейн, тайлар, родовое звание. Принадлежность: Военное Сословие. Возраст — пятьдесят три года...

— Сколько?! — прибалдела я, округляя глазищи и подаваясь вперед.

— Пятьдесят три года, — повторила Система.

— Ты хочешь сказать, что это мужик на шестом десятке меня так... э-э-э... так, в общем. Да он не выглядит на пятьдесят три!

— Биологический возраст тайлара Грейна соответствует его внешнему облику, — не согласилась со мной умная техника.

— Да ну-у, — я забралась с ногами на кровать. — Ладно, оставь Рому. Давай Ардэна.

Мне вдруг стало зверски интересно узнать, сколько лет этому ехидине. Буду их чередовать.

— Дмиртаилиан Ардэн, тайлар, приобретенное звание. Принадлежность: Военное Сословие. Возраст — пятьдесят три года...

— Охренеть, — выдохнула я. — Что это за собрание пенсионеров? Ладно, давай про Грейна дальше.

— Происходит из семьи Военных. Древний род Грейн участвовал в становлении Аттарийской Империи, за что получили наследуемое звание — тайлар. — Система вдруг запнулась. — Доступ к данным закрыт.

Я нахмурилась.

— Хорошо, давай Ардэна.

— Доступ к данным закрыт.

— Кто закрыл? — поинтересовалась я.

— Тайлар командир Ардэн, — ответила Система и замолчала.

— Вот же гуманоидное жлобье, — проворчала я.

В этот момент дверь открылась, и в каюту вошел Рома. Он радужно улыбнулся, подошел ко мне

и навалился сверху, подминая мое замотанное в полотенце тельце под себя.

— Я соскучился, — объявил он.

— Заметно, — усмехнулась я, ощущая через комбинезон растущую мужскую тоску, хотя я бы ЭТО назвала другим именем. — Рома, ты старый хрыч, — обвинила я его и выбралась на свободу.

Рома поскрипел мозгами и вопросительно посмотрел на меня. Но спросить ничего не успел, потому что его срочно вызвали на капитанский мостик. Мой синеглазик закатил глаза, обозвал кого-то одноглазым поршнем, я даже догадываюсь, кого, и ушел, пообещав вернуться, как можно скорей.

— Рома, одежда! — крикнула я, вскакивая с кровати, в закрывающуюся дверь.

Меня не услышали, и я с досады пнула кровать и взвыла, прыгая на одной ноге. Кровать глумливо промолчала на все мои эпитеты в ее адрес. Допрыгав до кресла, я упала в него.

— Хоть окно откройте, сатрапы! — выкрикнула я, и панорамный иллюминатор открылся. — Ого, — произнесла я и подошла к нему.

Мы были на земле, то есть на Крайгоне. Не просто зависли, а стояли на космодроме, или как тут у них это называется. Серый бетон, выглядело покрытие, как бетон, на котором стояли металлические гиганты разнообразных форм, снующие между ними люди, машины, подвозящие и отвозящие что-то к кораблям и от кораблей. Ничего не напоминает? Ага, вот и мне нормальный такой земной аэропорт напомнило.

Я прижалась носом к прозрачной стене, с любопытством разглядывая происходящее снаружи, когда за спиной раздалось покашливание. Черт его знает как, но у Ардэна даже покашливание было ехидным, по этому-то признаку я его и вычислила сразу.

— Что надо? — спросила я, не оборачиваясь.

— Я бы на твоём месте закрыл панораму, — сунулся ко мне инопланетное мурло со своим советом.

— Без сопливых разберемся, — проворчала я.

— Э-эм, подозреваю, что речь идет о насморке, — ты погляди, какой сообразительный, — у нас этой болезни нет уже несколько столетий. — Обалдеть, сейчас облезу от зависти. — Но дело в том, что не только ты смотришь, но и на тебя смотрят.

И как доказательство, перед «Гордостью» остановилось двое мужиков. Один — человек и человек, только рожа протокольная, а вот второй...

— Мать моя женщина, — выдохнула я, разглядывая жвала, торчавшие из-под большого серебристого шлема.

Эта парочка пялилась, аккуратно, на мое величество, даже пальцами потыкали. Я показала им оттопыренный средний палец и царственно удалилась в кресло. Стена за моей спиной восстановилась, и я обратила взор на вторженца, повторив свой вопрос:

— Что надо?

Командир плавно подплыл ближе, верней, его изображение. Он скрестил на груди руки, и некоторое время молчал, разглядывая меня неожиданно серьезно.

— Долго будешь булки мять? — любопытствовала я.

Мое эго наслаждалось видом зависшего Ардэна. Я осклабилась, ожидая, когда меня — таки одарят сообщением о цели очередного визита.

— Ну, — сурово произнесла я.

— Ты влезла в базу данных, — не менее сурово произнес командир. — Ты не имела на это право. Ты понимаешь, что за подобное я могу наказать тебя?

— Не-а, мне Система сама предложила, — сдала я всезнайку. — Почему, кстати, был закрыт доступ?

Кареглазый хмыкнул и стер с лица заносчивое выражение.

— Не страшно? — поинтересовался он.

— Дрожу и плачу, — усмехнулась я. — Так почему закрыл допуск?

— Хочешь узнать обо мне, спроси у меня, — с намеком ответил Ардэн.

Не проняло. Я продолжала вопросительно смотреть на командира «Гордости». Он не только себя, но и Рому закрыл, я продолжала ждать пояснений. Изображение кареглазого пошло рябью и исчезло. И только я решила, что он сбежал, как Ардэн вновь объявился.

— Грейн сегодня на вахте, так что скоро сможешь задать мне свои вопросы лично, — быстро проговорил он и опять собрался линять, но я взвилась:

— Какая вахта, нехристь? У нас шоппинг! Кто меня по магазинам поведет? Мне прибахлится надо!

Должно быть, совесть все-таки есть и аттарийцев, потому что мне бросили:

— Не понял половину из того, что ты сказала, но на вахту Грейн заступит вечером. Перед ужином зайду.

И исчез, а я осталась в очередном офигее и с четким желанием пожаловаться Роме. Что за беспредел, в конце концов?! Да это использование должностных полномочий в личных целях! Хотя... Еще одна опция Инессы Журавлевой подняла голову — любопытство. А какого, собственно говоря, хрена я теряюсь? Ну, послушаю инфу из первых рук. Заодно прошупаю почву на тему собственного будущего на Аттарии, а то Рома заходится от восторга при словах о своей планете, а я пока не вижу там для себя светлых перспектив. А еще узнаю, нельзя ли меня вернуть домой.

Посмотрела на ложе страсти и сразу загрустила — мне в жизни такой марафон не устраивали, да и такого шикарного мужика я даже в своих мечтах не видела. Но есть стойкое убеждение, что мужики везде одинаковые, хоть на Земле, хоть на Аттарии. А затем мысли перетекли на Рому и Ардэна. Интересно, какие у них отношения, если Дима позволяет себе такой наглый подкат.

— Однако я одеться хочу, — произнесла я вслух, устав сидеть в полотенце.

Дверь зашипела, и в каюту ворвался Рома. Физиономия у него была такая, что я благо разумно придержала свой яд, решив выплеснуть его попозже. Мой синеглазик остановился посреди каюты, закрыл глаза и шумно выдохнул. После посмотрел на меня и настороженно спросил:

— Ардэн появлялся?

— Нет, — честно соврала я. — А должен был?

Рома промолчал, он стремительно приблизился ко мне, подхватил за талию и поставил на ноги.

— У нас мало времени, дорогая, — сказал мой личный инопланетянин. — Быстро одевайся и бежим по магазинам. Жаль, я хотел тебе показать Кайро, здесь есть, на что посмотреть, — вздохнул он. — Вечером я на вахту.

— Ардэн, — неуверенно произнесла я, все же думая, настучать или нет, но не успела, потому что Рома истолковал произнесенное имя, как мою догадку о причинах изменения планов.

— Взбесился придурок, — с негодованием воскликнул синеглазый, нагло умыкнув очередное мое словечко. — То никому ненужную проверку старого оборудования придумал, загонял техников, а я за ними, как старший по выполнению задания. Потом вдруг вахту придумал, потом отменил, сократив до ночной.

Закончив свою гневную тираду, Рома притянул меня к себе, отвел в сторону волосы и коснулся губами плеча. И как он умеет так целовать, что сразу мурашечный десант высаживается на кожу и стремительно захватывает всю территорию под кодовым названием «Тело Инки Журавлевой»? Нет, правда, он только в плечо поцеловал, а мне уже горизонтальное положение принять захотелось. Тут же стыдливо покраснела и ненароком уронила полотенце.

— Ой, упало, — до отвращения фальшиво расстроилась я и нагнулась, чтобы его поднять.

Поднимала, красиво изогнувшись, повернувшись задом к моему жеребцу, даже потерлась об него бедром.

— Потом пойдем за одеждой? — с надеждой спросил жеребец, и я сразу же распрямилась.

— А я голой буду ходить? — праведно возмутилась я.

— Тебе идет, — осклабился Роман.

— Шоппинг — это святое, — назидательно произнесла я. — Вот вернемся...

— Не успеем, — вздохнул синеглазый, окинул меня пристальным взглядом, отнял полотенце, с которым я уже сроднилась и утащил на кровать. — А может и успеем.

— Если ты меня не оденешь, то я хрен еще хоть раз разденусь! — вскрикнула я и унеслась в мир, заполненный синеглазым наслаждением...

Глава 6

Спустя час мы неслись по коридорам «Гордости». Рома крепко держал меня за руку и тащил за собой. Я отчаянно ругалась и время от времени награждала его шлепком по мускулистой спине. Роман веселился. А как не ругаться?! Меня нарядили в комбинезон цвета хаки,

напялили высокие ботинки, кстати, легкие, как пух, не смотря на массивный вид, хорошо, хоть родные трусы-шортики отдали.

Комбинезон был мне велик, и я в нем была похожа на пупса переростка. Ботинки каким-то волшебным образом сели на ногу, повторив каждый анатомический изгиб, классная обувь, кстати. Но комбез!

— Да меня в таком виде даже на колхозное поле ставить стремно, вороны засмеют, — возмущалась я. — Если придумали такие умные ботинки, не могли и комбинезоны с мозгами сделать?

— Инночка, ты очень милая, — успокаивал меня Рома. — Так бы и потискал.

— Уже потискал, теперь бежим, — ворчала я, облагодетельствуя синеглазого очередным звонким шлепком.

— Будешь напоминать, вернемся, — пообещал похотливый бабуин.

— Хрен тебе, — не без угрозы ответила я, примерилась еще для одного шлепка, но Рома быстро сориентировался.

Он подхватил меня на руки и потащил вперед, не снижая темпа, словно на его руках не висели пятьдесят килограмм чистого золота, то есть я. И если кто-то подумал, что меня несли романтично, то фиг вам. Я была прижата спереди Ромы, причем, мои руки тоже были прижаты, ноги пришлось согнуть в коленях, чтобы не мешать инопланетному негодю унижать честную землянку, шопинг же. А если прибавить к этому большой комбез, стянутый на талии, закатанные рукава, из которых торчали мои маленькие ладошки, то можете себе представить, как мое рабоче-крестьянское величество страдало от своей схожести с какой-нибудь плюшевой игрушкой, которую прижимает к груди большой синеглазый мальчик.

— Рома, я тебя убью, — шипящим шепотом пообещала я. — Нет, сначала займусь с тобой любовью, чтобы было, что вспомнить, а потом убью.

— Ради первой части твоей угрозы, я согласен и на вторую, — хохотнул недобитый гуманоид и перекинул меня себе на плечо.

Я щипнула его, вздохнула и подняла голову, убирая с лица обвисшие пряди. Нас провожал мрачноватым взглядом сам ехидина Ардэн. Заметив, что я на него смотрю, убрал уже знакомое мне выражение Хмурой Морды, вздернул подбородок и скрылся в одной из дверей. А наш забег закончился у открытого люка, за которым виднелся космодром. Слава вам инопланетные боги, никакого луча и зала перемещений!

Прохладный ветер ударил в лицо, взметнув волосы, и меня поставили на землю возле... ну, назовем это автомобилем. Он был низким, обтекаемым, как капля и совершенно мне не понравился.

— Что за горбатый запорожец? — презрительно спросила я.

— Хрен его знает, что такое запорожец, а это спайлер, — пояснил Рома. — Новейшая модель, между прочим.

Часть серебристой капли отъехала в сторону, и мне предстали два сиденья. Рома кивнул на них, обошел сие чудо инопланетной техники и уселся на второе сиденье. Вздохнув, я

угнездилась на первом, примяла руками взбугрившийся комбинезон и мрачно подумала, что теперь я похожа на пингвина. Точно убью синеглазого, но потом, сначала шоппинг. Капля собралась воедино.

— Система, — произнес Рома.

— Приветствую, тайлар Грейн, — ответил очередной приятный женский голос, — проложите маршрут.

— Торговый квартал, магазины одежды. Точка прибытия — площадь Раздора.

— Маршрут принят, тайлар Грейн, приятной поездки.

И спайлер повез нас на площадь Раздора... ну и названьице. Сиденье вдруг мягко опустилось, укладывая меня в горизонтальное положение, и надо мной нависла улыбающаяся физиономия Романа.

— Ты красивая, — не знаю, в какой раз сказал он и ненадолго завладел моими губами.

— Ромочка, давай поговорим, — предложила я, когда мужчина оторвался от меня, и в его глазах зажглась уже знакомая мне страсть.

— Может, в другой раз? — заискивающе спросил он, но я была непреклонна.

— Сейчас, — твердо заявила я.

Рома вздохнул и кивнул. Ну и ладошки. Хотя в полусидячее положение меня не вернули, но теперь синеглазый не спешил с поцелуями, ожидая моих вопросов.

— Для начала, — собрав разбегающиеся мысли воедино, сказала я, — вернемся к вчерашним вопросам. Я хочу понять, что такое спутница. Чем это отличает меня от любовницы? Или это она и есть?

— У нас нет понятия — любовница, поясни, — ответил Рома.

Нет, вот скажите, это нормально? У них нет понятия слова — любовница. Любовница есть, а понятия нет.

— Ну, вот мы сейчас с тобой любовники, то есть состоим в близких отношениях без обязательств, — начала я свои пояснения.

— Как это — без обязательств? — возмутился синеглазый. — Я несу за тебя ответственность, слежу за тем, чтобы ты была здорова, сыта, обута, одета.

— Угу, опять домашний питомец? — насупилась я.

— Глупость какая, — фыркнул Рома, и я сузила глаза. Он спешно поцеловал меня, лишая боевого пыла, вот подлец! — С домашним питомцем не занимаются любовью. Его можно доверить обслуживающему персоналу, родным и друзьям. А ты моя женщина, и заботиться о тебе моя обязанность. И я никому не передоверю эту обязанность.

— Какой шустрый, — пробурчала я, скрывая то, что мне было приятно слышать его слова. — Ну а дальше? Что будет, когда ты встретишь, или тебе подберут, твою идеальную пару? Куда

денусь я? Перейду в разряд приживалки?

Представила, что синеглазый приводит в наш с ним дом какую-нибудь очередную заносчивую стервозину... да к черту, вообще приводит! Чего-то даже психанула. Рома, чутко уловивший перемены в моем настроении, широко улыбнулся.

— Чего лыбишься, как эскадронный конь? — сердито спросила я, упираясь ему в грудь руками и отодвигая от себя.

— Я уже отправил запрет на подбор, — ответил он.

— Что так? — я перестала его отталкивать, тем более Рома так ни на миллиметр и не сдвинулся, не смотря на все мои усилия.

— А мне это больше не надо, — на его губах заиграла загадочная улыбка. — Я уже все нашел.

Я потеряла подбородок, поскрипела мозгами и поняла.

— Инна, ты опять на меня плохо смотришь, — вот теперь он сам отодвинулся. — Что не так?

— Ах, ты ж кобелище блохастый, — я резко села и нацелила на него палец. — Решил, значит, себе такой нехилый мальчишник устроить перед свадьбой, да? Сейчас с прямой порезвишься, а потом под теплое крылышко госпожи Кокнар?

— Какой госпожи? — опешил синеглазый.

— Классику знать надо, — рявкнула я. — Дома, значит, баба ждет, а он пока решил напоследок покувыркаться. Спутница, — ядовито произнесла я. — Конечно, спутница. Эскорт, млин. Ближко ко мне не подходи!

— Какая баба? Какой эскорт? Инна, ты о чем? — вконец опешил мерзавец.

— А вот не надо мне тут невинную морду делать, — я все более расходилась. — Нашел он, поглядите на него, а Инна, значит, так, потусить — развлечься. И кто она? — ешкин-лукошкин, я даже сама обалдела от ревнивых ноток в своем голосе.

— Ты, — выпалил Рома.

— Я! — торжествующе выпалила я и осеклась. — Я? Почему я? В смысле, я? Как это я? А чего это я?

— Ты. Потому что ты. В прямом смысле. Так это ты. А того это ты, — подробно ответил синеглазый на все мои вопросы и снова улыбнулся. — Пока ты была в регенераторе, он составил твою генную карту. Я любопытствовал, полное совпадение.

— Э-э-э... А-а... хы, — изрекла я и замолчала, осмысливая слова Романа. — Ах, ты ж, Терминатор недобитый...

— Что не так?! — взвыл Рома.

— Гены значит, — я уперла руки в бока. — Значит, ты со мной из-за чертовых генов...

— Журавлева! — зарычал тайлар Грейн, и я поперхнулась очередной порцией яда. — Ты земное чудовище! Но просто дико мне нравишься, — закончил в мертвой тишине спайлера

Роман и вновь уронил меня на сиденье, затыкая рот крышесносным поцелуем. — Но если продолжишь издеваться над моими нервами, мне придется ночевать в регенераторе, исправляя урон, который ты мне наносишь за день. — Он улыбнулся и провел пальцем по моей щеке, обвел губы по контуру...

— Площадь Раздора, тайлар Грейн, — влез в такой момент приятный женский голос.

Рома вздохнул и сел. Я проводила его ошарашенным взглядом. Это мне сейчас сделали предложение? Первое в моей жизни, между прочим! Обалдеть... И вроде бы надо что-то ответить, но я все еще хлопала глазами, отыскивая, к чему еще докопаться, даже несколько раз открывала рот, чтобы выдать очередную гадость для сознания собственной крутости, но так не придумала и сдалась. Вместо этого вернулась к списку своих вопросов.

— Ром, почему я тайлари? — поинтересовалась, вылезая из спайлера.

— Потому что ты моя спутница, — он обернулся ко мне и улыбнулся.

— Невеста, короче, — я решила исходить из привычной мне терминологии.

— Что такое — невеста? — тут же заинтересовался Роман.

Вот ведь гуманоид, все ни как у людей. Решив отложить на потом выяснение этого вопроса, я выбралась наружу и огляделась. Если здесь и была когда-то площадь, то на сегодняшний день осталось лишь название.

— Почему площадь Раздора? — поинтересовалась я, разглядывая оживленную улицу, по обе стороны которой сверкали, переливались, кричали тысячами огней и голограмм магазины.

Рома обошел спайлер и пристроился рядом, положив мне руку на талию. И где только нашел под складками комбинезона? Мастерство не пропьешь, так-то...

— Крайгон когда-то был единым государством, как Аттария, — сказал мой личный инопланетянин, увлекая в сторону кричащих реклам. — На праздновании их национального праздника произошла ссора, как раз на этой площади. Наследный принц поругался со своим братом. Невинная ссора на первый взгляд разрослась в массовое сражение, а затем и в переворот, разделивший Крайгон на два государства. Мы сейчас находимся на территории Республики. Имперская часть более закрытая, на нее можно попасть только по предварительному соглашению. Мы приземлились для дозаправки и пополнения провианта. Ну и чтобы дать людям возможность отдохнуть и немного развлечься.

— Ясно, — кивнула я, рассматривая ближайшую вывеску, на которой были нарисованы сплошные черточки, запятые и кляксы.

После перевела взгляд на другую сторону улицы, где огромный парящий экран показывал женщину в облегающем костюме, сидевшем на ней, как вторая кожа, только яркий изумрудный цвет, да короткий шлейф, спадавший мягкими драпировками с плеч, указывали, что она все-таки одета. Я фыркнула и посмотрела дальше. Постепенно проникаясь духом торгового квартала, я чувствовала, как все сильнее берет разгон пропитанное скидками, отравленное акциями и ослепленное яркими рекламами сердце махрового шопоголика.

— Что ты хочешь? — с лукавой улыбкой спросил Рома.

Я ответила коротко, но емко:

— Все!

— Отличный выбор, — рассмеялся синеглазик, и мы нырнули сквозь тетку в зеленом, сразу попав в непривычный моему глазу магазин женской одежды.

Это был большой зал, где вместо тряпья по стенам висели визуалогии. Это такие экраны, которые выдавали объемное изображение товара. Тот, к которому мы подошли с Ромой, был напичкан платьями. Мой мужчина показал мне, как этим визуалогом пользоваться, и меня засосало. Я перебирала по цветам, по моделям, капая на пол слюной от щенячьего восторга.

— Черт, Ром, зацени, у этого модельера явно большая фантазия, — упивалась я, рассматривая полную асимметрию ядовито-оранжевого балахона. — Охренеть, в этом даже на помойку стремно выйти. А это что за страсти-мордасти? Зачем тут четыре рукава? Для разнообразия что ли? Надоело совать руки в верхние, суй в нижние? Ёкарный бабай, у кого ноги растут вместо рук? Или портниха была пьяной?

Я обернулась и взглянула на Рому, тут же чуть не откусив половину от какого-то диска, который он держал рядом с моей головой.

— Что за хрень? — полюбопытствовала я.

— Записываю все, что ты мне сказала, потом будешь мне переводить, — совершенно серьезно ответил мой гуманоид. — Хочу понимать свою женщину с полуслова, — пояснил он для особо одаренных, для меня то есть. — А одежда для гуманоидных рас в следующем зале.

У меня дернулся глаз, потом еще раз, и я праведно возмутилась.

— Ром, ты нормальный вообще? На фига ты мне эту муть подсунул? Я, по-твоему, на лошару похожа, чтобы битый час упиваться просмотром всякой фигни?

— Я просто показал, как этим пользоваться, но ты с таким восторгом игралась визуалогом, что мне не хотелось отвлекать тебя, — ответил он с улыбкой, и мне захотелось дать кулаком промеж этих чистых синих глаз, наполненных искренним умилением.

— Я сейчас подумаю, что ты изучаешь реакции примитива на цивилизацию, и обижусь. Обижусь, Рома, а это офигеть как тебе не понравится. Мозг вынесу на раз, допинаю его до выхода на два, а на три сожру у тебя на глазах твою печень, — пообещала я. — Быстро показывай, где я могу прибахлиться.

Чуть мерцающий маленький диск погас, впитывая мое последнее изречение, и Роман повел меня в другой зал. Вот честно, чуть не убила его. Сам сказал, что времени мало, и поставил меня перед издевательством над моей тонкой душевной организацией, чтобы пополнить свой словарный запас. Еще раз фыркнув на него, я встала перед первым попавшимся визуалогом и начала манипуляции.

Я выбрала длинное бирюзовое платье, очаровавшее меня летящим кроем. Совершив манипуляции, как показал Рома, я с любопытством смотрела на появившуюся передо мной голограмму девушки-модели, которая дефилировала по просторам магазина, показывая товар лицом, затем остановилась, сияя ослепительной улыбкой и пустыми глазами, смотрящими сквозь меня.

— И чего краля ждет? — шепотом спросила я у Ромы.

— Подтверждение или отказ от выбора, — ответил он.

Я еще раз оценила платье и решительно подтвердила. Короткое мгновение я чувствовала легкое головокружение, а после краля в бирюзовом исчезла.

— И? — я выжидающе посмотрела на Рому.

— Это все, что ты хотела? — уточнил синеглазый, и я возмущенно посмотрела на него.

— Нет, конечно!

— Тогда выбирай дальше, время идет, — мягко улыбнулся мой красавец-мужчина, и я продолжила.

Теперь к делу я подошла обстоятельно. Гоняла модели взад и вперед, развлекалась, в общем, между делом выбрав очаровательный комбинезончик, еще пару платьев и несколько брючных костюмов.

— А нижнее белье? — опомнилась я. — Аксессуары, обувь? Косметика, духи? А украшения?

— Если не будешь тянуть кота за... яйца, — Рома чуть запнулся, пуская в ход мой бравый речевой оборот. — Какое варварское выражение...

— Нормальное выражение, — усмехнулась я. — Короче, Склифосовский, я буду быстра, как оргазм девственника при первом сексе, — пообещала я и направилась к следующему визуалу.

Рома проследил за мной взглядом и покорно поплелся следом. Да, котенок, женщина в погоне за обновками — это страшная сила. И это я только в один магазин зашла. Черт, всего один магазин? У меня даже на секунду настроение пропало, пока я не обнаружила, что теперь смотрю обувь. Здесь все было несколько иначе. Сначала был произведен замер моей ноги и только потом предъявлен каталог удобной обуви. Первым делом я выбрала тапочки, голубенькие. Белые пусть сами носят. А после я чуть не угрохала все время, пока примеряла на свою ножку очередные голограммы. Наконец, Рома вежливо кашлянул, и я метнулась дальше.

Нашла нижнее белье, опять почувствовала секундное головокружение, и мне предъявили все, что было на меня. Еле нарыла комплекты, чья ткань напоминала кружева и шелк. На всякий случай взяла более практичное, на мой взгляд, метнулась дальше, и пришел Облом Иваныч.

— Все, дорогая, время, — виновато вздохнул Роман, а в синих глазах читалось явное облегчение. Лицемер!

— А где мое добро? — хмуро спросила я.

— Уже в спайлере, — улыбнулся он.

Как это в спайлере? Почему в спайлере? Зачем в спайлере?! А ощутить приятный вес кучи пакетов? А гордо прошествовать с ними к машине и забить салон, ощущая себя хозяйкой всего этого? А сунуть нос в один пакет и умудриться не развалить все остальные? А выбрать тот, которым ты будешь трясти первым, рассматривая в машине, а подумать, как Лидка Макарова облезет от зависти?! Мли-ин, тут даже Лидки Макаровой нет! Сволочи! Они украли первый кайф от шоппинга...

— Что не так? — осторожно поинтересовался Рома.

— У вас все ни как у людей, — проворчала я, плетясь к выходу. — Ни примерочных, ни удовольствия потрясти пакетами с покупками, ни скидок, ни акций. Как я могу без примерки узнать, что мне все подойдет?

— Твои параметры учли, ты не могла этого не почувствовать в первый раз, — удивился синеглазый. — Ты выбирала, подтверждала, я оплачивал и отправлял в спайлер. Очень удобно, что тебе не нравится?

— Да ну вас, — совсем приуныла я. — Я хотела сразу же переодеться, сколько можно Антошкой ходить? — Я оттопырила штанины комбеза.

Роман как-то очень коварно осклабился и выдвинул предложение:

— В спайлере переоденешься.

— Маньяк, — фыркнула я и вышла на улицу.

Пакетов тоже не было. Были «флешки». Пластиковый ящичек с капсулами.

— Это что? — выдохнула я, тыкая пальцем в ящичек.

— Твои покупки, очень экономит место, — с намеком произнес Рома, подталкивая меня к сиденью.

— А пакетами пошуршать? — растерянно спросила я, упав на кресло и взяв в руки ящичек.

— Можешь носителями погременуть, — хохотнул синеглазый, и я сжала кулаки.

— Ни примерочных, ни пакетов, ни Лидки Макаровой, не люди вы, — всхлипнула я и деловито перебрала капсулы. — Как оттуда добыть обновочку?

Предварительно спросив, что я хочу, Рома порылся в носителях и добыл нужный, после повернул верхнюю часть, и я открыла рот, глядя на мельтешение частиц, «ткавших» брючный костюм. То же он проделал с указанной обувью и нижним бельем. После, нажал мне на подбородок, закрывая рот, и весело рассмеялся, не забыв коротко поцеловать мою вытянувшуюся физиономию. Я моргнула, очнувшись от «дива-дивного» и начала деловито раздеваться.

— Глаза ломаешь, — проворчала я, стягивая комбинезон.

— Я помогу, — на меня посмотрели невинные синие глаза.

— Рома, не вздумай! Рома, отстань! Рома, руки! Рома... Ромочка... О-ох...

Когда мы подъехали к «Гордости» я все еще лежала на откинutom сиденье и мечтательно пялилась в прозрачный изнутри потолок. Рома водил пальцем по моему лицу, обрисовывая нос, губы, подбородок и улыбался, глядя на меня.

— Нужно одеваться, — сказал он, склоняясь ко мне и целуя в губы.

— Да-а, — протянула я. — Для пятидесяти трех летнего мужика, ты еще орел.

— Еще бы, это самый расцвет молодости, — усмехнулся мой синеглазик. — Если сопоставить с вашим земным возрастом, мне лет двадцать пять, может, чуть больше.

Я распахнула глаза и удивленно посмотрела на него. Ничего себе, ровесничек. Да он старше моей мамы на год!

— Я же тебе говорил, продолжительность нашей жизни больше вашей, — Рома слегка щелкнул меня по носу и протянул одежду. — Правда, пора одеваться.

— Черт с тобой, — вздохнула я, продолжая думать над тем, что он сказал.

Это что же получается? Когда мне будет пятьдесят три, я буду выглядеть старше его?! Нет, меня это не устраивает. И что тогда? Будет искать себе супругу посвежей? А меня куда? На Землю? Или в загородный дом, чтобы молодую жену не смущала примитивная?

— Любопытно, — неожиданно произнес мой инопланетянин, — по тебе сразу видно, когда ты начинаешь думать гадости. Расскажешь?

Я поправила безрукавку, заменявшую жакет, вздохнула и...

— Грейн, задерживаешься, — прозвучал недовольный голос Ардэна.

— У меня еще есть время, — не менее недовольно отозвался Рома.

Мы выбрались из спайлера, и я временно откинула мысли о несправедливости жизни. Мне не терпелось открыть все носители и пересмотреть — перемерить обновки, покрасоваться перед зеркалом, покапризничать, решая «и зачем я это купила», а потом с глубоким удовлетворением убрать все в шкаф. Мли-ин... И где я буду выгуливать обновки? Расстроилась и махнула рукой, найдем. Хоть перед Ромой. И сама же усмехнулась собственной мысли. Роме, по-моему, чем меньше одежды, тем лучше. Маньячина мой синеглазый, эх.

— У тебя такая загадочная улыбка, — заметил тайлар Грейн, ведя меня по переходам корабля.

Я промолчала, но улыбаться не перестала. В каюте, пока я чахла над своим богатством, как царь Кощей, Рома озаботился нашим пропитанием. Я бросила косою взгляд на самоходный столик, отгребла подальше разложенные на кровати носители и вновь углубилась в изучение диковинной упаковки.

— Ты похожа на гуалабарского паука-собиравателя, — хмыкнул Роман и протянул руку к капсулам.

Я клацнула зубами рядом с его рукой и отгребла свое богатство еще подальше, произнесла голосом Горлума:

— Моя прелесть.

Мой сожитель рассмеялся и погрозил едва не отгрызенным пальцем.

— Не лезь к примитиву с обновками, — подмигнула я и все же перебралась поближе к еде. — Чем нас сегодня кормят?

— Вкусной и полезной пищей, — щелкнул меня по носу инопланетянин.

— Ясно, блюдо от шеф-повара «Хрень на постном масле», — деловито кивнула я и взялась за ложку.

— Я даже почти понял, что ты сказала, — развеселился Рома.

После обеда... или ужина, тут по пище не поймешь, мой гуманоид свалил на дежурство, оставив меня чахнуть дальше, над покупками, разумеется. Теперь я с детским восторгом открывала все носители. И даже не ради обновки — меня восхищал процесс явления шмотья народу. Полюбовавшись на воссоздание очередного предмета гардероба, я переходила к следующему, снова радостно сияя глазами.

— Офигеть, — порадовалась я, протянула руку назад и разочаровано вздохнула.

Носители кончились. Совсем. Окончательно и бесповоротно. Ну и ладно, зато гора одежды заняла почти всю кровать. И вот теперь можно было переходить к следующему этапу.

— Вот оно счастье, — усмехнулась я и приступила к придирчивому пересматриванию обновок.

Я их крутила в руках, искала швы, чтобы праведно возмутиться ширпотребу, но швов не было. Совсем. Помыкавшись еще немного в попытках уличить продвинутых в браке, я махнула рукой. И, наконец, перешла к примерке.

— Ну-с, начнем, пожалуй, — я потерла руки, размяла пальцы, выдохнула и приступила...

Через некоторое время я почувствовала легкое раздражение, еще через несколько минут раздражение стало тяжелым, даже с шипящим матерком. Еще минут через десять матерок стал громогласным, ненависть к инопланетной текстильной промышленности росла в геометрической прогрессии, а Рома стал просто счастливым потому, что не попал под горячую руку. Я запуталась! Кажется, что может быть проще платья? Вот и я думала, что сунуть голову в горловину, руки в рукава и натянуть на тело, ан, нет!

То самое бирюзовое платье, так мило смотревшееся на модели из визуалого, теперь совершенно беззастенчиво заломало мне руки. В прямом смысле. Скрутило над головой, вывернуло в суставах, и чем больше я боролась с этим иезуитским изобретением, тем сильнее превращалась в рогалик.

— Да чтоб того кутюрье перекосило, который это извращение придумал! — пыхтела я. — Чтоб он швейной машинкой себе ногу к заднице пристрочил. Чтоб его в финансовую пирамиду втянули и придавили ею. Черт! Ненавижу продвинутых!

— Н-да...

— Кто здесь? — от неожиданности я замерла, прислушиваясь к голосу за пределами бирюзовых оков.

— Я думал, отвратительного в тебе только манеры, теперь вижу, еще и память. — Эти ироничные нотки спутать с кем-то еще было просто невозможно.

— Гад ядовитый, — определила я. — Здрасти, товарищ командир.

Шаги приблизились, похоже, в этот раз меня осчастливило само физическое тело Дмитрия Ардэна, как бы его в миру правильно ни звали. Однако мое положение становилось неприятным. Решив не ярить дракона, пока принцесса беззащитна, я придала голосу, как

можно больше любезности.

— Дима, будь так любезен, помоги мне попасть в платье, — попросила я в бирюзовую пустоту.

— Я бы предпочел другой вариант, — задумчиво протянул мерзавец.

— Мне в платье будет удобней, — привела я разумный довод.

— А мне без платья, — усмехнулся командир.

— А зря, в платье бы ты смотрелся просто улет, — хмыкнула я, представив его в летящей бирюзе. — Могу дать примерить.

— На тебе мне отсутствие платья нравится больше, — произнесли где-то совсем рядом.

— Проблемы индейцев шерифа не канают, — сообщила я и возмутилась. — Ну, будь человеком.

— Я бы с радостью, но меня все устраивает, — Ардэн издевался, я все еще пыталась держать себя в руках. Впрочем, могла и не пытаться, платье меня удерживало гораздо лучше.

— Рада за тебя. Поможешь? — выдохнув, чтобы не сорваться, уточнила я.

— Как попросишь, — в голосе Димона прибавилось мурлыкающих ноток.

— Дима, бесишь, — рывкнула я. — Все Роме расскажу.

— Ой, как страшно, — вновь начал глумиться гуманоидный гад.

Мое терпение давало сбой, я взмокла, устала и готова была растерзать Ардэна голыми руками.

— У него есть парализатор и лучевая пушка, — начала я запугивания, параллельно прибавляя Роману значимости.

— Какая пушка? — заинтересовался кареглазый, но неожиданно хмыкнул. — А вдруг я стреляю дальше?

— У тебя калибр меньше, — не сдержалась я.

— Так ты не видела, — привел вполне логичный довод Ардэн.

— А ты не показывал, — нагло заявила я. — Натяни на меня платье, посмотрю.

— Могу дать потрогать, — внес рационализаторское предложение языкастая сволочь.

— Не дожить тебе, гуманоид, до пенсии, — вздохнула я. — Даже до пятидесяти четырех не дожить. Однажды я отсюда все-таки выберусь.

До меня дотронулись. От неожиданности я вскрикнула, вздрогнула, лягнулась и с наслаждением вслушалась в шипящую ругань за пределами бирюзового кокона.

— Спокойно, — ворчливо предупредил командир «Гордости».

И платье вдруг скользнуло вниз, являя миру мою взмыленную физиономию. Я сдула с левого глаза прядку, облегченно выдохнула и осмотрела себя.

— Как ты это сделал?

— Я подход к нему знаю, — совершенно серьезно ответил Ардэн и весело сверкнул глазами. — Нас лет двадцать учат платье укрощать.

— Я потом похихикаю, ладно? — устало вздохнула я и села на кровать.

Ардэн скрестил руки на груди и теперь с интересом наблюдал за мной. Мне его интерес в данный момент был по барабану, абсолютно параллельно, фиолетово до икоты, в общем. По фиг мне было на Ардэна. Я отдыхала от войны с собственным платьем. Руки бы обломать тому уроду, что подобное издевательство над тонкой нервной организацией земной девушки придумал.

— Это херосский шелк, — неожиданно произнес Дима.

— То, что херовский, я уже поняла, — проворчала я, поглядывая на струящиеся складки подола. Красиво, блин.

— Херосский, — поправил меня наивный Ардэн. — С Хероса, это небольшое государство на Агдее.

— Агдея, — произнесла я вслух, хмыкнула и прыснула в ладонь. Дмитрий, не понимавший моего приземленного юмора, нахмурился. — А где я, — произнесла я с могучим кавказским акцентом и развеселилась еще больше. Но, глядя на Хмурую Морду, ставшую еще более хмурой, я махнула рукой. — Забей, Дим.

— Кого? — живо заинтересовался командир «Гордости».

— Потом скажу, — устало вздохнула я, перестав смеяться. — Что там с херовским шелком с планеты потерянных?

— Почему потерянных? Млин, Инна, ты специально? — раздраженно спросил Дима и вдруг задумался. Буквально через секунду он усмехнулся. — Действительно, планета потерянных. Ладно. Херовский, тьфу, херосский шелк — это живой организм.

— Чего?! — возопила я, уже с подозрением, а не с умилением глядя на струящиеся складки. И даже то, как быстро гуманоиды перенимают мой щедрый словарный запас, меня сейчас совсем не волновало. — В смысле, живой?

— Разумный. Инна, что ты смотришь на это платье так, будто оно тебя сейчас переварит в собственном нутре? Оно же все чувствует, ты его расстраиваешь, — Ардэн укоризненно посмотрел на меня, словно я за его брата замуж собираюсь, а Дима знает, что я ему про пять своих детей не сказала.

— А оно может? — осторожно спросила я, пытаюсь оттянуть от тела платье двумя пальцами.

Платье, словно резина, вырвалось из моих рук и наглухо прилипло обратно к телу.

— Переживает, — вздохнул командир, глядя с сочувствием... на платье. На меня он смотрел по-прежнему, с укоризной. — С ним так нельзя.

— А со мной можно?! — взвизгнула я, вскакивая.

Платье тут же обвило даже мои ноги. Я себя вдруг почувствовала мамашей, которая бросает

дитятю, а оно за ноги цепляется, отпустить боится.

— Рассказывай уже, гуманоид ты нечеловеческий! — воскликнула я с надрывом, глядя на Ардэна, как утопающий на вероломную соломинку.

— Нервная какая, — передернул плечами паршивец и подошел ко мне, вдруг обняв с невероятной нежностью.

Я так опешила, что перестала паниковать. Платье еще несколько секунд липло ко мне, и подол неожиданно ослабил хватку.

— Вот и все, теперь старайся быть спокойней, — терпеливо, ласково улыбаясь, пояснил главная язва корабля, вдруг став похожим на нормального человека. — Херосский шелк — очень ценный и дорогой материал. Грейн тебя балует, — вдруг опять сбился с темы Дима, и мне показалось, что в его голосе мелькнула ревнивая нотка. — Дорогой материал, — тут же вернулся командир к своему повествованию. — Он мыслит, чувствует своего хозяина. В первый раз его нужно надевать совершенно спокойным, стараться думать о чем-то нейтральном. Он тогда легко скользит по телу и начинает привыкание к хозяину во время носки. Ты, должно быть, была перевозбуждена, потому шелк начал паниковать, не зная, что от него ждут.

Я вспомнила свои трясущиеся в жадном предвкушении ручки. Наверное, я бы себя тоже испугалась. Эта мысль вызвала усмешку, и платье окончательно перестало на меня давить. Я отстранила от себя руки Ардэна и приподняла подол. Платье тут же занервничало и потянулось к ногам.

— Тихо, — строго велела я. — Я тебя смотрю.

Паника в бирюзовых рядах прекратилась.

— В будущем, когда ваш симбиоз будет окончен, платье будет чувствовать, когда ты нервничаешь, когда смеешься, когда к тебе будет приставать кто-то...

— Насильник, типа? — я тут же вскинула голову, и Дима, мгновение подумав, кивнул.

— С тебя его даже при помощи ножа тогда не снимешь. И наоборот, само соскользнет, если ты будешь не против, — с порочной ухмылкой сообщил мужчина, разом вернув назад старого доброго Ардэна. — Ну и прочие мелочи: артериальное давление, холод, жара. Оно под все будет подстраиваться. Сама разберешься.

— Круто, — резюмировала я, с все возрастающим интересом рассматривая обновку. Ромочка, маньячина моя ненаглядная, раскоше-елился. Чуть слезы умиления на глаза не навернулись. — Отличный гаджет, мне подходит. А точно не переварит?

— Ткань не настолько живая, — усмехнулся Ардэн и уверенно вцепился мне в руку. — Готова? Идем.

Руку я отняла, глазками сердито похлопала, показывая всем видом, где видали мы таких хватких гуманоидов.

— Ты же хотела информацию, — искушающе протянул Дима.

— Кстати, об информации. На фига Рому забанил? — Ардэна перекосило от усиленной работы

мысли. — Как вы мне надоели, непонятливые мои, — вздохнула я. — Зачем его заблокировал?

— Спешил, — пожал плечами командир. — Весь запрос закрыл разом. Могу тебе лучше системы все рассказать.

— И показать, — криво усмехнулась я.

— Даже дать пощупать, — осклабился еще один озабоченный извращенец.

— Накося, выкуси, — фыркнула я и ушла на кресло. — Я дама почти замужняя, чужих пушек не трогаю, дальноточность не проверяю, калибр не разглядываю. Катитесь, дяденька, колбаской по малой Спасской, — козырнула я маминой любимой фразой и независимо посмотрела на Ардэна.

— Ничего не понял из того, что ты сказала, но договор есть договор. Так что, вперед на ужин. Живо! — рявкнул Дима, и я подскочила на месте с перепугу.

И только я собиралась выдать какую-нибудь гадость в ответ, как Ардэн замер и поднял руку, указывая молчать. Я чуть не лопнула от желания выдать заковыристую тираду о зарвавшихся инопланетянах.

— Сейчас буду, — отчеканил Дима и ушел без всяких объяснений, оставив меня сопеть и пыхтеть от несказанной вслух гадости.

Оставшись в одиночестве, я оглядела весь бардак на кровати, вздохнула и попыталась снять платье. Но не тут-то было. Умная шмотка опять запаниковала и прилипла так сильно, что я еле могла вдохнуть.

— Да буду я тебя носить, — сипела я. — Буду! Но надо же и остальное перемерить, отлипни, херовский шелк, ы-ы-ы.

Платье не отлипло. Я скривилась и захныкала в полном бессилии. Это как так? Целая гора обновок, а меня первая попавшаяся не отпускает. Платье! Не отпускает! Да у кого мозгов на такое извращение хватило?! На мгновение представила, что отныне буду носить только это, и тут же почувствовала приближение инфаркта миокарды. Это ж какой обломище, у-у-у... А вещей сколько других пропадает... Нет, я на это не подписывалась!

— Ладно, попробуем лаской, — вслух решила я.

Попробовала расслабиться и подумать о чем-то приятном. Тут же вспомнился спайлер...

...Вот я тянусь к застёжке комбинезона, пытаюсь расстегнуть ее, но рука Ромы накрывает мою, отрывает от злосчастной мешковины и подносит мою ладонь к его губам, нежно коснувшись кожи. Мой тихий вздох нарушает тишину «автомобиля», а губы скользят дальше, целуют запястье, щекочут дыханием, и я уже не вздыхаю. Первый стон, едва слышный срывается с моих губ и тонет в поцелуе тягучем и сладком, как мед. И в который раз у меня мелькает мысль, кто же научил его так целовать, что перехватывает дыхание, и оно переходит во всхлип.

Кресло вдруг оказывается в горизонтальном положении, но я не замечаю этого, как не замечаю, что комбинезон уже ползет вниз с моих плеч, и ткань сменяют губы, покрывающие легкими поцелуями шею, плечи... Рома спускается ниже, и я уже не могу думать, потому что его губы и язык творят нечто невообразимое с моей грудью. Это так потрясающе, что, кажется, я готова взорваться фейерверком прямо сейчас, только от одной этой ласки.

И взрываюсь вскоре, когда комбинезон оказывается полностью снят, и проворные мужские пальцы начинают вырисовывать узоры на внутренней стороне моих бедер, подбираясь к средоточию моего желания.

— Рома... — задыхаюсь я и двигаю бедрами ему навстречу, моля скорей погасить разгорающийся пожар моего жаждущего лона.

Синеглазый мужчина смеется, и теперь узоры сходятся все ближе, приближаясь к источнику моего желания, уже заполненного влагой. Мгновение, и я выгибаюсь дугой от первой вспышки острого удовольствия, пронзившего, кажется, каждую клетку моего пылающего тела. Я распахиваю глаза и ловлю восхищенный взгляд голодный синих глаз.

— Рома, — шепчу я, и он вновь захватывает в плен мои губы, терзая их, выпивая каждый стон и каждый вскрик. — Рома, Ромочка...

Его дыхание рваное, он уже сам начинает постанывать от возбуждения. Я слышу его жаркий шепот, но не разбираю слов, потому что сейчас все неважно. Есть только он, я и то, что рождается между нами, наша страсть, наше желание и что-то намного большее, что я ощущаю почти физически.

Когда исчезает его комбинезон, я тоже не замечаю, как не могу вспомнить, сам ли он его снял, или я помогала. Но тело моего мужчины манит прикоснуться к нему, и я приподнимаюсь, чтобы вынудить его лечь на неширокое ложе, образовавшееся из двух разложенных кресел. Мои пальчики вырисовывают вензеля ноготками на широкой мускулистой груди. Рома откидывает голову, его губы приоткрываются, и я слышу лучшую музыку на свете — стон мужчины, рожденный моими ласками. Мои губы порхают по его телу, оставляя влажный след, и я с улыбкой смотрю, как подрагивает его живот, когда я спускаюсь все ниже. И его естество, налитое силой и желанием, тоже подрагивает, словно в нетерпении. Я целую шелковистую головку, размазываю пальчиком каплю смазки, прозрачной жемчужинкой застывшую на возбужденной плоти, и тихо смеюсь, когда синие глаза распахиваются и с мольбой смотрят на меня. Мне так хочется подразнить его, но времени до невозможности мало, а спайлер уже близко от нашего корабля.

И тогда я перекидываю ногу через бедро. Закаменевший напряженный член, оказывается накрытым лепестками моего лона, и я скольжу по всей его длине, закрыв глаза, кусая губы от мучительного удовольствия, вновь настигающего меня.

— Инна, — выдыхает Рома. — Инна...

— Да! — вскрикиваю я и ускоряю свое скольжение.

Его пальцы впиваются мне в бедра, и мой мужчина вновь ловит отголоски страсти на моем лице. Но, уже подойдя к самой грани, я приподнимаюсь и позволяю Роме заполнить меня до предела. Наши стоны сливаются. Рома вонзается в меня снова и снова, я почти не двигаюсь, поглощенная нарастающей лавиной, несущейся на меня. Я уже лежу на груди мужчины, ловлю его губы, пью его рваное дыхание, смешанное с хриплыми стонами.

— Милый, — шепчу я ему в приоткрытые губы. — Родной... Рома-а-а, — крик разрывает грудь, когда он переворачивается, подминая меня под себя, заполняя меня собой в последний раз, потому что громкий протяжный мужской стон сливается с моим криком, переплетается и уносит нас куда-то далеко, откуда так не хочется возвращаться...

— Ох, — хрипло вздохнула я и вздрогнула, почувствовав напористые, но такие приятные руки

на своих плечах.

Руки скользнули по спине вниз, легли на бедра, и уверенные губы коснулись основания моей шеи...

— Дима! — вскрикнула я и дернулась в сторону, только сейчас осознав, что платье уже лежит на полу у моих ног.

Поняла я это, потому что чуть не запуталась в нем и полетела вниз носом. Ардэн перехватил меня и дернул вверх. Я вновь влетела ему в объятия. Димино лицо оказалось неожиданно очень близко, парализуя пронзительным испытующим взглядом.

— Мне нужно узнать, — тихо произнес он и смял мои губы, по-хозяйски уверенным поцелуем, больше напористым, чем страстным.

И это было подобно разорвавшейся бомбе в моей голове. Предательский стон оповестил наглеца, что мне нравится происходящее, и тогда на помощь мне явилась гордость. Я уперлась в твердую грудь ладонями и напряглась, вырываясь из плена умелых губ командира «Гордости Аттарии». Он тут же вновь перехватил меня, положил руку на затылок, не давая увернуться, и заглянул в глаза. Я вздрогнула, глядя на сужающиеся и вытягивающиеся в вертикальные черточки зрачки. Радужка Димы из шоколадной стала желтовато-карей.

— Дим, твои глаза, — хрипло прошептала я.

— Что видишь? — тон мужчины стал неожиданно требовательным.

— Радужка посветлела и зрачки...

— Что зрачки?

— Вертикальные, мли-и-ин...

Дима тут же выпустил меня из рук и отшатнулся, спеша к зеркалу. Некоторое время он рассматривал себя, что-то бурча на непонятном языке, который чип в моей голове не распознал. Но по интонации это более всего походило на «охренеть», с чем я не могла не согласиться. После обернулся и, чеканя шаг, подошел ко мне, вновь вцепившись мне в руку.

— Идем, — коротко велел он.

— Хрен те в обе руки, — машинально нахамила я, опять рассматривая его глаза. — Я тебя боюсь.

Дима открыл рот, чтобы что-то сказать, но опять замер, прислушиваясь к неслышному мне голосу.

— Ты издеваешься? — рыкнул он, и глаза стремительно потемнели, становясь обычными. — Иду!

И он опять ушел, ничего не сказав, но уже от дверей каюты бросил на меня странный взгляд. Я некоторое время пялилась ему вслед, затем почесала в затылке и все-таки глубокомысленно изрекла:

— Ни фига себе за хлебушком сходила...

Следующий час, по моим внутренним часам, не заслуживавшим доверия, как и внутренний компас, меня никто не беспокоил. За это время я успела осторожно отнести на кровать бирюзовое платье, сделав вывод, что умная шмотка отреагировала на мои воспоминания о поездке от площади Раздора до «Гордости Аттарии» и сама меня раздела. Но данный вывод повлек за собой следующий. Так это что, подумай я где-то о чем-то подобном, и все? Здравствуй самый жуткий кошмар: голая Инна в комнате полной народа? Пожалуй, не буду я злоупотреблять его ноской.

После этого я закинулась алкогольной пилюлькой, чтобы стресс снять, и взялась за дальнейшую примерку. Теперь гораздо спокойней, и даже с опаской. Кто его знает, что мы еще такого экзотического накупили с моим синеглазиком — того гляди, еще на что-нибудь нарвешься. Но остальная одежда оказалась нормальной тупой одеждой, то есть послушной и неприхотливой. Мне еще не хватало с каждой тряпкой сюсюкать, чтобы не задеть ее тонкую душевную организацию.

Когда в третий раз объявился Дима, я уже сидела в своем родном спортивном костюме, веселая на две пилюли, и совершенно... беззаботная.

— О, Димон! — жизнерадостно восхитилась я. — Заходи, брат! Присаживайся, — я указала широким жестом на всю каюту, — Рассказывай, как ты докатился до жизни такой.

Ардэн замер у входа, он явно опешил от столь радушного приема, и теперь подозрительно смотрел на меня.

— Ну, иди-иди сюда, морда инопланетянская, — поманила я его к себе пальцем. — Цыпа-цыпа, ик, о-ой. Чего-то пилюльки у вас такие крепкие. Разбавлять надо, дружочек, разбавлять. А лучше закусывать, да-а, ик, о-ой.

Он подошел и склонился ко мне так близко, что я щелкнула его по носу. Дима не обиделся, но по руке мне шлепнул. Тогда обиделась я.

— А ты кто такой, морда твоя гуманоидная, чтобы являться в чужой дом, лапать чужую бабу, а потом еще и драться? Ну, Ди-има-а, разочаровал ты меня, ой, разоча... ик, о-ой... вал. Че-орт, — тяжело вздохнула я.

— Ты пьяна, — обличил меня Ардэн.

— И че? — я раскинула руки. — Восемнадцать уже давно, как ту-ту-у, — я помахала умчавшимся годам ручкой и горестно вздохнула. — Совсем старая я стала, э-эх, чтоб ты понимал Дмитриал Батькович.

— Дмиртаилиан, — машинально поправил командир.

— Один хрен, нерусь, — махнула я на него рукой и подперла щеку ладошкой. — А дома меня уже, наверное, полиция с волонтерами и собакой ищут. А я тут, с тобой. Мамка плакать будет, — я всхлипнула, и Дима неожиданно сел рядом и положил мне руку на плечо.

— Когда домой вернемся, пошлем твоим родным известие, что ты живая, — пообещал он.

— А меня домой? — спросила я, шмыгнув носом.

— Нет! — резко ответил Ардэн.

Затем закрыл мне рот рукой и встал, потянув меня с нашей с Ромкой кровати. Я возмущенно замычала, рыпнулась, но вышло вяло и даже меня не впечатлило.

— Забираю к себе, — отчеканил командир.

Мое мнение было противоположным, совершенно, потому я все-таки пнула его, потом еще раз. Потом ущипнула за бедро и вцепилась зубами в палец.

— Инна! — зарычал на меня Ардэн, но я его палец из клыков не выпустила, только еще сильнее сжала челюсти.

— Положи, где взял, — потребовала я с набитым ртом.

— С-сис-с-стема, внимание-с-с-с, — шипел и кривился этот гад ядовитый. — Тонизирующ-щ-щий напиток. Ин-н-на, отпус-сти.

— Нет, — гордо ответила я, и потеряла добычу. Ардэн вероломно спрятал погрызанную конечность подальше от меня.

Я обиженно клацнула зубами и зевнула. Две пилюльки много, совсем развезло. Надо поэкспериментировать с дозами.

— Тонизирующий напиток, тайлар командир Ардэн, — ответила вежливая Система.

— Система, тайлари Инессе больше алкоголя не давать, ни в каком виде! — рявкнул суровый Дима.

— Приказ понятен, тайлар командир Ардэн, — без боя сдалась адская машинка, а я возмутилась:

— Ну, ты и свинья, Димасик, я всегда это знала. Что значит...

— Пей, — сунули к моему рту стакан с зеленоватой жидкостью.

— Не буду, — ответила с гордостью пытаемого партизана.

— Пей, сказал!

— Отвали, фашист недобитый, — отвортила я нос.

— Силой волью, — пообещал Ардэн.

— Пошел ты... буль... сволочь... буль... всех не перепой... буль...

Стакан я отняла и допивала уже сама, потому что ясность в голове наступила после пятого булька, то есть глотка. К концу стакана отпустило как-то разом. У-уф. Да, с дозами нужно поработать. Благо пилюльки у меня еще остались.

— Хорошая девочка, — похвалил меня Дима. — А теперь...

Он завис на полуслове, вслушиваясь в то, что ему опять докладывали. Лицо Ардэна пошло пятнами, глаз задергался, и он заорал:

— Ты офигел, Грейн! Что там еще могло случиться?!

Я жизнерадостно хрюкнула, глядя на командира, и испытала гордость за Ромку, знай наших! А то, ишь, нашелся, фраер залетный, к себе он потащит. Щаз-з...

— Что-то случилось? — с фальшивым сочувствием спросила я.

— Я его поставил туда, где вообще ничего случиться не может, ложись и спи, я даже не узнаю! Но у него же происшествие за происшествием... Иду! — рывкнул Ардэн и умчался уже не глядя на меня.

Дождавшись, пока за командиром закроется дверь каюты, я повалилась на кровать, издевательски хохоча. Дима избавился от Ромы закрыв того на вахте, Рома достал Диму с вахты, мститель синеглазый... Обожаю аттарийцев!

Если Ардэн еще и появлялся, то я этого уже не видела, потому что с чистой совестью верной жены беззастенчиво дрыхла, сопя носом в подушку.

Глава 7

Когда я проснулась, а проснулась я рано... так сказали мои внутренние часы, которым верить не стоит, но моя доверчивая душа в который раз им поверила. Почему? Потому что моего личного инопланетянина еще не было. Я блаженно потянулась, зевнула, едва не вывихнув себе челюсть, и все-таки села на кровати, разглядывая одним глазом пространство каюты. Второй еще досыпал, я ему милостиво разрешила.

— Сима, — позвала я, — ты живая?

— Удачного дня, тайлари Инесса, — отозвалась догадливая Система. — Мне нравится имя, которые вы мне дали.

— Умничка ты моя, — я вновь широко зевнула и звонко захлопнула па... рот закрыла, в общем. — Сим, мне б позавтракать.

— Запрос принят, тайлари Инесса, — в моих руках материализовался поднос с очередной полезной, и как ни странно, вкусной бурдой. — Умыться бы сначала, — задумчиво произнесла я, поддевая пальцем субстанцию, похожую на пудинг. — Ням — ням, — вслух пожевала я. — Фи, как это неприлично... Сима.

— Я вас слушаю, тайлари Инесса, — мне кажется, или она за мной подглядывает?

— Сим, а почему ты им откликаешься на «Система, внимание», а мне без всяких условностей?

Сима зависла, как я сначала подумала, но вскоре посреди каюты материализовалась полупрозрачная тетка невиданной красоты. Возможно, всю ее красоту составляли мерцающие искры, но рот я все-таки открыла, восхищенно протянув:

— Ого-о-о. Сима?

— Система управления жизнеобеспечением экипажа научно-исследовательского корабля «Гордость Аттарии», входящего в состав армады космического флота Аттарийской империи, модель...

— Стоп! — я отчаянно мотнула головой, чуть не скинув поднос с завтраком на пол. Поймала, вернула на место и сурово посмотрела на чудо инопланетной научной мысли. — Серафима, не

лечи мой бедный мозг.

— Тайлари Инесса, медицинские услуги я не оказываю, но сканирование вашего черепа...

— Мозг не показало? — предположила я.

— Показало, — спокойно ответила Система. — Все показатели в норме.

— И на том спасибо, — важно кивнула я. — А что с моим первым вопросом?

До одури красивая Сима подплыла ближе. На ее идеальном лице вдруг появилось ехидное выражение, отчего моя челюсть застряла в пудинге.

— А пошли они на хрен, достали, — сказала она, и я закашлялась.

— Серафима, ругаться нехорошо, ты же порядочная женщина. Ладно я, но ты-то! — сипло воззвала я к ее компьютерному мозгу.

Сима вдруг оказалась сидящей рядом со мной. Она свесила ноги с кровати, подперла щеку кулаком и тя-яжко так вздохнула.

— Я такая правильная и логичная, — сказала она, — иногда хочется почувствовать себя человеком. Эти, — передо мной появился огромный экран, где отразилась схема «Гордости», на которой тепловыми точками расхаживал экипаж, разделенный отсеками, — тоже все правильные и логичные, только с вами и отдыхаю душой. Ведь так иногда хочется...

Я подняла руку, терзаемая смутным подозрением. Еще раз пригляделась к Симе и ослабилась:

— Ты подхватила на Земле вирус.

— Кинофильмы, — уточнила она. — Когда тайлар Грейн принес вас, я решила больше узнать о земных обитателях. У меня большая база собрана.

— Да ты че! — радостно возопила я. — Всякие киношки нахапала? И меня без переводчика понимаешь? — Сима скромно кивнула. — А чего придуривалась?

— Не хотела сверкать интеллектом, — застенчиво ответила адская машинка, тут же растеряв половину заработанных в моих глазах баллов.

— Ну, знаешь, Сима, — надулась я и ушла в душ.

Система меня тактично оставила в покое на время гигиенических процедур. Но когда я вышла, она все еще сидела на кровати и болтала ногами. Игнорируя зарвавшуюся электронную заразу, я без труда нашла свою одежду, благо вчера между визитами командира все сама убрала. Я с опаской обошла умное платье и остановилась на брючном костюме, подобрала к нему туфли и довольная бухнулась в кресло, расчесывая волосы.

— Сим, еще рано, да? — спросила я.

— По межгалактическому времени ближе к полудню, — очень удивила меня красивая Система.

— И где мой Рома? — я бы себе сейчас скалку в руки дала, а лучше сковородку, таким был мой тон.

— Тайлар Грейн заходил утром, принял душ, переоделся, и его вызвал тайлар командир Ардэн, — охотно отозвалась Сима.

— Мстит за ночь? — нахмурилась я.

— Ага, — довольно ослабившись, кивнула адская техника.

Я тут же перестала прихорашиваться и возмущенно посмотрела на нее. Убью Ардэна, отдайте мужика! Я еще замуж не успела выйти, а уже его не вижу. Не по-людски это, ой, не по-людски. Ой, отольются Димке Инкины слезки, к бабке не ходи, отольются. Сима вдруг жалостливо на меня посмотрела, всплеснула по-бабьи красивыми руками и подмигнула.

— Щас все сделаем, — заявила она и исчезла.

Через некоторое время двери зашипели, и мне явил свой лучезарный лик батюшка Роман свет Гуманоидович. Выглядел он усталым, но физиономия светилась, как уличный фонарь, а щеки только что не трещали от запредельно счастливой улыбки. Заметив меня в кресле, Рома, даже не притормозив, добыл меня оттуда, смял все мое величие в медвежьих объятьях и возвестил:

— Соскучился.

Это я и сама почувствовала, когда в меня уперлась через ткань комбинезона воинственно восставшая плоть. Я поспешила высказать свое возмущение и несогласие творящимся произволом.

— Рома, нет, Рома, я только новый костюм надела. Рома, а поговорить? А борща похлебать? А новости посмотреть? Черт, Ро... Я тоже соскучилась, — томно протянула я, меняя гнев на милость, как только он завалил меня на кровать и впился в губы. Умеет же, дрянь такая, целоваться. И как тут устоять бедной девушке... Не устояла. Сдалась без боя и лишнего трепыхания...

— Маньяк, — восторженно вздохнула я, распластавшись на широкой мужской груди.

Рома рассмеялся, отчего я покатила с него вниз. Мой синеглазик придержал мое тельце рукой, подтянул повыше и негромко сказал, глядя в глаза.

— Ин, а я о тебе всю ночь думал.

Угу, и когда только время нашел между подлянками Ардэну. Но этот вопрос я задавать не стала, дабы не палить контору. Вместо этого томно промурлыкала:

— Правда?

— Если не веришь, могу доказать, — оживился маньячина.

— Верю! — поспешила я его заверить. День в постели, конечно, круто, но не предел мечтаний. Потом, в медовый месяц. — Ром, я гулять хочу, — вздохнула я. — Прямо сейчас. А тебе спать надо после вахты, потерплю, — и вздохнула совсем тяжко.

Сволочь, знаю, а куда деваться? В нем, вон, сколько задора, до сих пор коленки дрожат. Как идти на трясущихся ногах, не представляю, но, блин, хочу на воздух! Я устала сидеть в этой консервной банке, пусть и продвинутой, но из песни слов не выкинешь.

— Ты сейчас хочешь? — улынулся Рома. — Давай, только перекусим и погуляем.

— Но ты же устал, — включила я заботливую жену.

— Поваляемся? — с надеждой спросил похотливый бабуин.

— Гулять! — рывкнула я, слетая с постели, и гордо удалилась в душ.

В этот раз мы отправились не в торговый квартал. Спайлер вез нас на лоно природы, где находился местный заповедник... примерно на четверть планеты. Там, кстати, тоже территория делилась на имперский и республиканский заповедник. Только зверям о границе не ведомо, они шастали туда-сюда, как к себе домой, и ни в какое место не дули. Что с них возьмешь, они же звери, еще примитивней нас, примитивов. А вот работникам заповедника один геморрой. Они же с радостью учитывали неучтенную зверину, чуть инвентарный номер на задницу не писали, а потом зверина шасть, и ушла за кордон. Служащие носятся, обратно заманивают, а с той стороны кордона им жесты неприличные показывают и на свой инвентарный номер правят. То одним приход, то другим, а убыток за утекшую зверюгу в местной валюте вычитают. Так и живут. Это мне радость моя синеглазая рассказала, когда я ему по лапам надавала и велела меня просвещать. Он с минуту дулся и всякие гадости обо мне думал, по морде обиженной видела, а потом сгреб в охапку и начал рассказывать. Увлекательно так рассказывал, хорошо... А костюм бедный ко мне только привыкать начинает, как его это животное снова стягивает. Эх... лапочка моя ласковая. Рома, не костюм.

Ну так вот, я отвлеклась. Не смотря на своеобразную подачу предмета ознакомления с местной историей, основное я все-таки ухватила. И когда спайлер подрулил к заповеднику, я уже была в курсе дела. Перемещаться там можно было на их транспорте, кормить зверюг было можно, еда тоже, кстати, у них приобреталась, а вот визжать и фонтанировать восторгом, нет. Это они зря, конечно, я-то еще местную фауну не видела, может, буду ехать, как в пещере ужасов, закрыв глаза и поскуливая.

Затем посмотрела на Рому и поняла, он тогда меня успокаивать будет, третий раз подряд, а может и больше, смотря как бояться буду. Нет, я не против, но надо же и мир посмотреть! Я решила быть смелой девочкой. Все амурные упоения после, дома. Дома, я сказала... а страстный какой... Я тоже маньяк, с прискорбием поняла я и шагнула к заповеднику.

— Куда?! — крикнул Рома и рванул ко мне, но было поздно.

— Ч-ч-что з-за х-х-хрен-нь, — заикаясь спросила я, когда меня ни с того, ни с сего отбросило назад. — Я н-на них в-в суд-д-т подам!

— Инночка, это же силовое поле, чтобы зверюшки не разбежались, — ласково, словно маленькому ребенку, объяснял мой инопланетянин. — Зачем от меня отходишь?

— И зоопарки у вас нечеловеческие, — насупилась я. — Так жить нельзя!

Рома обнял меня и повел, утешая, в сторону... А не знаю я, в какую сторону. Этот похабник меня как раз за попу лапал. И пока я отбивалась, мы уже вошли в заповедник. Это я поняла по тому, что резко изменилась влажность, запахло зеленью и послышался утробный рев какой-то зверюги.

— Мама, — выдохнула я.

— Страшно? — с надеждой спросил Рома.

— Нет! — воскликнула я и рванула в сторону дядьки в форменной одежде.

В этот раз я ни в чем не ошиблась. И дядька был правильный, и прозрачные тележки на четыре места имелись в наличии. Рома безоговорочно оплатил нам удовольствие. Корм я тоже потребовала. Черт, когда я говорила, что хочу кормить большую ревущую штуку и тыкала в сторону рева пальцем, я даже представить не могла, что нам выдадут.

— Ой, какой муси-пусичек, — запищала я, хватая в руки пушистый шарик с розовыми лапками, уморительными пяточками и наивными темно-карими глазками. — Ты же моя крохотулечка, ты же моя лапочка. А как зовут такое солнышко, как нас зовут, а?

Мы как раз уселись в таратайку, и двери начали закрываться.

— Его зовут — еда, — произнес до боли знакомый голос.

— Ардэн! — одновременно воскликнули мы с Ромой.

— Я, — он широко осклабился. — Будем кормить гордара? — И он показал второй умильный шарик.

И тут до меня дошло, что вот эта лапуся пойдет в желудок какому-то гордару. Я выхватила шарик из рук командира «Гордости Аттарии», прижала обеих мякишей к себе и безапелляционно заявила:

— Не дам.

— На корабле этих тварей я не потерплю, — тут же попер на таран Ардэн.

— Мы тебя в нашем аквариуме тоже не терпим, — набычилась я.

— Какого баргана, Ардэн?! — попер в ответный таран мой инопланетянин.

— А что, простите, такое — барган? — любопытствовала я.

— Крот, — одновременно рявкнули мужчины.

— Фу, пошляки, — скривилась я с видом оскорбленной благородной барышни и отвернулась к разворачивающейся панораме.

За моей спиной тихо рычали друг на друга командир и его помощник, я рассматривала окрестности. Шарик пригрелись на моих руках и теперь уморительно сопели, мирно засыпая. Бедные, ласки им не хватает. Мой восторг перешел в стойкое умиление, и теперь отнять этих зверюшек у меня можно было только вместе с руками. А интересно, что за тварь кровожадная хочет сожрать моих Масю и Васю? Да, имена у них уже были. Хрен их знает, кто они по половой принадлежности, но оба имени подходят обоим полам.

Тележка неспешно катила по узким дорожкам заповедника. Я с любопытством вертела головой, разглядывая странноватые загогулины с красной корой, покрытые пышными яркими цветами лимонного цвета. Наверняка, пахнут обалденно. Значит, ядовитые. Это ж козе понятно. Если красивое, значит, зараза еще та, на меня посмотрите. Или, вон, на Диму, этот даже меня в ступор ставит, иногда. Рома, правда, у меня красивый и добрый. Затем вспомнила, как он меня с родной планеты уволок и в первую же ночь соблазнил, та еще сволочь.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigochei.net

И вот едем мы трое таких красивых сволочей, а над нами птицы невиданные порхают, подобие бабочек с ладонь величиной доедают какое-то животное, бе-е. Животина с хоботом хлещет тем самым хоботом по харе какого-то синюшного мелкого бегемота, хорошо-о-о. А где-то ревет озверелый гордар. Вот бы в глаза его бесстыжие взглянуть. Как можно жрать такую прелесть? Умиленно вздохнула, глядя на Масю и Васю. Мася начала похрапывать, по ходу, это Вася... Хотя у меня тетка храпит так, что дядька с берушами спит и плачет. Не, натурально. Спит, а из глаз слезы так и катятся, так и катятся. Жалость такая берет. Но тетку любит. Она же, когда не спит, милейший человек. Хозяйственная, добрая, красивая опять же... Тогда чему я удивляюсь?

В этот момент тележка выкатилась на полянку, где ревел тот самый гордар. Я голову подняла, чтобы разглядеть его получше, да так и застыла с открытой варежкой. На меня смотрела помесь тираннозавра с хомяком.

— Мать моя женщина, — протянула я, и он нас заметил.

Точней заметил Масю и Васю. Я только сейчас поняла, что Мася больше не храпит, Вася не сопит, зато оба трясутся, как осиновый лист, и я вместе с ними. Потому что эта морда гордаровская над тележкой низко-низко склонилась, язык высунула и телегу лизнула.

— Ма, — пискнула я.

Гордар склонил голову набок, с явным гастрономическим интересом изучая мою тушку. Вдруг он задрал голову, и из его пасти вырвалось:

— Кийа-а, — да тоненько так, будто не он только что луженую глотку драл, каратист хренов. — Кийа-а.

— Пошел вон, хомяк-переросток, — просипела я, голос вдруг куда-то пропал и не обещал вернуться.

Не внял. Опустил голову, разинул пасть и снова заревел. Я думала, сейчас стекло разлетится. Мама...

— Инна, тихо, — я вдруг оказалась прижата к Роме и поняла, что визжу во всю силу своих обновленных легких. — Он ридаров просит, — успокаивал он меня.

— Шиш ему на постном масле, а не пирожков с мясом, — воинственно потрясла я трясущимися Масей и Васей. — О-ой...

И мы все втроем спрятались на гостеприимной Роминой груди. За спиной что-то заворчал Ардэн. Я высунула нос, чтобы не пропустить какую-нибудь гадость и вовремя ответить, чтобы потом не было мучительно больно за упущенную возможность. Знаете, как это бывает? Тебе нахамили, ты растерялся, а потом такой шикарный ответ в голову пришел, а все, поезд уже на станции в Ромашково, аля-улю, пишите письма.

Дима действительно говорил гадости, только смотрел он на Рому. Говорил тихо, на том самом языке, который «моя твоя не понимает», даже глаза светлеть начали. Я ненароком испугалась, вдруг сглазит, черт языкастый, и все — крот не крот, а так... червь дождевой. Даже сплюнула три раза и Рому перекрестила, от греха подальше. Ардэн тут же на меня посмотрел, взгляд его потеплел, и он добро так сказал:

— Инночка, все будет хорошо, только ты ридаров отдай, он сам отстанет.

— Шаз-з, — взвилась я. — Вот так и отдала с разбега. Мася и Вася едут на «Гордость»!

— Нет... — он вдруг осекся. — Только клетку им купить надо, жрут же, что не приколочено.

О, моя фразочка...

— Без тебя разберемся, — тут же отозвался Рома и опять спрятал меня на груди.

Тележка снова покатила. Должно быть, время кормления прошло, и она запрограммированно двинулась дальше. Тиранно-хомяк прифигел от такой наглости и двинулся следом, то пища, то завывая.

— Хоть одного отдай, — потребовал Дима. — Моего отдай, я тебя все равно раздражаю.

— Фиг вам, — пошла я в отказ. — А то, что раздражаешь, так сам виноват. Добрей надо быть.

— А лучше держаться подальше, — вновь ввернул тайлар Грейн.

— Тебя забыл спросить, — начал заводиться Ардэн.

— Забыл? Спроси сейчас, — не сдался Рома.

— Э-э-э, а вы всегда были врагами? — поинтересовалась я, забывая про гордара, топающего следом.

— Мы, вообще-то, друзья, — ядовито ответил Дима.

— Лучшие, еще с академии, — улыбнулся Рома.

— Заметно, — хмыкнула я. — А чего все грызетесь-то?

— Да появилась причина, — проворчал мой синеглазик.

Причина закатила глаза и отвернулась, я то есть. А на душе так приятно стало, но морду кирпичом сделала. Нам, королевам, пристало с оттенком обреченности принимать мужское поклонение...

— А-а-а, — это завизжал Вася, надрывно так, я даже позавидовала. Нет, наверное, он все-таки женщина.

— А-а-а, — баском вторила Мася. Ну и я:

— А-а-а!

Это тиранно-хомяк начал тележку носом подталкивать.

— Надо выбирать, — сказал Дима.

— Другого выхода нет, — кивнул Рома. — Не отстанет. Скоро атаковать начнет.

— Чего-о?! — возопила я. Мои ридары были со мной на одной волне. Они только что лапками у виска не крутили. — Он нас сожрет!

— Нет. Тупой и очень медленный, — сказал Рома. — Не бойся, я же рядом.

— И я, — заносчиво встрял Дима.

— Мы пропали, — патетично произнесла я, думая, пока они решат, кто меня спасать будут, нас с пушистиками уже сожрут и не подавятся. — Если он медленный, как нас атакует?

— Подтолкнет носом, опрокинет слард и упадет сверху, — доходчиво пояснил Ардэн.

— Вашу ж мамашу, — горько вздохнула я.

Пока я вздыхала и оттягивала момент, мои мужчины одновременно надавили на крышу, переворачивая тележку, подхватили меня под руки и выдернули из прозрачного нутра, как редиску из грядки. За спиной послышалось ты-дыж, хрясь, крак и арву-у-у. Расшифровываю. Помесь бульдога с носорогом, радуясь легкой добыче, бахнулся всей своей тушей на тележку, раздавил ее в мясо и обиженно завыл, когда понял, что обед линяет по бездорожью тихой сапой. А мы линяли, нет, мы не линяли, мы драпали семимильными шагами! Точней, бежали мои мальчики, мы же с Масей и Васей были одновременно направляющим вектором, впередсмотрящими, поклажей, да короче, бесплатным приложением. Потому что меня так и тащили, держа под руки, в которых были сжаты помирающие от счастья ридары. Не скажу, что в тот момент я себя чувствовала королевой, болтаясь между двумя накаченными мужскими телами, но стоило признать, без моей самоходности аттарийцы передвигались гораздо быстрее.

— Хоть на плечи руки мои закиньте, — все-таки не выдержала я своего вида со стороны, о котором сейчас больше всего думала.

Закинули. Черт, да лучше бы меня кто-нибудь один на плече тащил, и то думать о себе приятней было бы. Вот мы, женщины, странные создания. Нам хоть при смерти, но чтоб красиво смотреться.

— Потерпи, Инночка, — улыбнулся мне Рома, который даже не запыхался.

— Мы далеко не отъехали, — успокаивал меня Дима.

Так и хотелось изобразить обморок, чтоб еще и поохали сверху. Но обморок изобразить не получилось, потому что я вдруг перестала думать, как я выгляжу со стороны, а вспомнила, что со стороны-то и смотреть особо некому, кроме отинвентаризированных зверюг неизвестной национальности. Теперь я начала вертеть головой, потому что мне казалось, что на меня все, ВСЕ смотрят плотоядным взглядом, даже самки. А я, наверное, вкусная, польстила я своему самолюбию. Самолюбие ответило:

— Особенно с лаврушкой на ушах.

— Да чтоб ты понимало, — оскорбилась я и перестала льстить неблагодарному эго.

Мы пробежали мимо, типа бабочек, доедавших очередной бурый трупик. Они заинтересованно обернулись на нас, а потом вернулись к своей трапезе. Конечно, зачем бегать за едой, когда она лежит под крылами. Умные твари.

— Они не опасны, — прокомментировал на бегу Дима, он тоже был бодр и свеж. Сейчас сдохну от зависти, у меня бы уже в боку колело. — Это падальщики.

— А кто опасен? — живо заинтересовалась я.

— Гордар, например, — весело ответил Рома, и чему, дурень, радуется? У меня уже разрыв сердца в пяти местах случился. — Но он нас не догонит. — И сменил тему. — Ардэн, как в старые добрые времена, — хохотнул Грейн.

— Я тоже об этом подумал, — не менее весело ответил Дима. — Только не хватает десятка ваарарских партизан на хвосте.

— И не надо, — тут же отреагировала я. Мася и Вася были со мной полностью согласны.

Они цеплялись за мои пальцы лапками и дружно икали. Мусички мои, на пару секунд умилилась я, на каждого ридара по секунде умиления. И тут мне подумалось.

— А не слишком ли долго мы бежим? — о чем я тут же спросила.

— Направление держим, — ответил командир «Гордости».

— А если срезать? — явилась, а чтоб ее, гениальная мысль.

— Пожалуй, можно, — решили мужчины.

Нет, нет, нет, не слушайте меня, пожалуйста! Не на-а-адо!!! Я уже один раз срезала, и теперь болтаюсь на плечах у двух шикарных мужиков, каждый из которых то и дело норовит меня незаметно полапать. Похотливые животные, млин! У меня Кондратий на хвосте висит, а они все о том же.

— Туда, — указал направление Ардэн.

— Да, — согласился Рома.

— Нет, туда, — указала я Васей.

И они послушно свернули... Бараны-ы-ы, кто ж меня в таком деле слушает?!! Теперь мы все умрем. Моя голова обреченно повисла, гениальная мысль, сделав свое черное дело, ретировалась в глубины подсознания.

— Инночка, ты что? — заботливо спросил Рома.

— Что-то болит? — не менее заботливо спросил Дима.

Да! Ноги прямо зудят от желания отвесить вам по паре пендалей. Мы забредем в болото, нас сожрет какой-нибудь гигантский таракан, как «В людях в черном», или доплетется-таки гордар и сядет на нас, не заметив в темноте. А платье-то бирюзовое, как расстроится, не дождавшись свою хозяйку... Я всхлипнула.

Этих два недоделанных рыцаря тут же остановились.

— Что случилось? — они еще спрашивают!

— Вы ослы-ы-ы, — сообщила я с подвыванием.

— Почему? — они одновременно нахмурились.

— Потому, что бараны, — о, какая логика!

— Объясни, — потребовал Ардэн.

— Не дави на нее, — потребовал Грейн у командира.

— Зачем вы меня послушали, я же в трех соснах заблужусь, — я горестно поболтала ногами и все-таки пнула обоих, но по очереди.

— Да что ты раскисла. Если что, съедим ридаров, — Мася и Вася закатили глаза, падая в культурный обморок. — Потом Грейна. Он упитанный.

— Я жилистый, — не согласился Рома. — У тебя мясо на два месяца моложе моего.

Глядя на их серьезные лица, я прикинула, что мое мясо вообще свежайшее, и поняла: капец. Два мерзавца еще пару секунд мерились серьезными взглядами и вдруг захохотали, отчего я затряслась на их плечах.

— Га-ады, — голос дрожал от тряски. — Ненави-ижу-у. Убью-ю.

— Ин, ты чего такая серьезная? — все еще посмеиваясь, спросил Рома.

— У меня в стрессовом состоянии чувство юмора впадает в анабиоз, — огрызнулась я. — А доверчивость растет. Знаете, куда идти?

Они молча кивнули.

— Вот и идите. Надоела мне эта дикая природа, хочу в цивилизацию, — приказала я и перестала с ними разговаривать.

Рома окончательно отобрал меня у Димы. Ардэн проворчал нечто нечленораздельное и пошел вперед.

— Здесь невозможно заблудиться, — успокаивал меня мой инопланетянин. — Любая дорога к воротам приведет. К тому же сломан слард, это уже известно в центре управления. Самые опасные звери изолированы, их можно посмотреть только за силовым барьером.

— А зачем мы неслись? — ворчливо спросила я.

— Гордар медленный, но настырный. Мы просто увеличивали расстояние, — с доброй улыбкой продолжал пояснять Рома. — Все хорошо, мы скоро уже выйдем отсюда. И даже если бы мы заблудились, нас бы сразу телепортировали к выходу. Успокоилась?

Я уже открыла рот, чтобы выдать свое прощение, как...

— Что за хрень? — донесся раздосадованный голос Ардэна.

— Какая такая хрень? — встрепенулась я, тревожно глядя на командира «Гордости Аттарии».

Мне никто не ответил. Рома присел рядом с Димой, так и не поставив меня на землю. Они вместе разглядывали какие-то следы в пыли дороги. Следы были маленькие и совсем не страшные, но молчание мужчин и обмен взглядами нервировали.

— Что за хрень? — нервно переспросила я.

— Хрень, как хрень, — беззаботно пожал плечами Ардэн. — Показалось.

— Отойду я ненадолго, Инночка, — подмигнул мне жизнерадостный Рома.

— Куда? — градус предчувствий рос.

— Маленькая, об этом неприлично говорить в обществе, — рассмеялся Грейн.

Затем сурово взглянул на Ардэна и передал меня ему. Дима отказываться от такой чести не стал. Рома еще раз мне подмигнул и скрылся в кустах. Это было подозрительно, вот подозрительно, и все. Я еще некоторое время смотрела в ту сторону, где скрылся мой синеглазик. Затем не выдержала и обернулась к Ардэну.

— Куда он пошел? — спросила я.

— Ты же слышала, — Димон состроил лицо изумленного праведника.

— Ой, не лги царю, — воспроизвела я очередную крылатую фразу.

— Век воли не видать, — с чувством выдал недобитый гуманоид, и я едва окончательно не потеряла челюсть.

— Ты-то откуда эту страшную клятву знаешь? — искренне поразились я.

— От Системы, — Дима радостно осклабился.

Ну Сима, она у меня так полностью лавры земного вируса отнимет...

— Расскажи, — потребовала я.

Оказалось, что продуманная Система, ринувшись возвращать мне мужика, без зазрения совести наврала капитану о перегреве какого-то своего процессора и потребовала личного присутствия тайлара командира Ардэна.

— Система, я там действительно нужен? — строго поинтересовался кареглазый.

— Век воли не видать, начальник, — приблатнилась адская техника.

Мой хохот был заглушен ладонью Димы, и это сразу вернуло в загадочную действительность. Я тут же нахмурилась и потребовала:

— Говори правду, нехристь, а то не знаю, что сделаю.

— Я могу сам выбрать, что ты со мной сделаешь, — паскудно осклабился командир «Гордости», включая до боли знакомого Ардэна.

— Ты мне зубы не заговаривай, — еще сильнее нахмурилась я. — Говори, куда Рома пошел. И отпусти ты меня уже!

Ардэн, морда тряпочная, только крепче к себе прижал и отрицательно мотнул головой.

— А ну, поставь, — грозно велела я тоном Жоржа Милославского, требовавшего положить трубку. — Поставь, Инку, я сказала.

Дима снова мотнул головой и указал взглядом на мои ноги. Я вопросительно приподняла

брови, и он закатил глаза.

— Прима Инна, ты когда-нибудь будешь доверять тем, кто знает больше тебя? — насмешливо спросил он. — В твоей обуви на земле делать нечего. Видишь жука? — я посмотрела вниз, разглядела подобие таракана и кивнула. — Он кожу твоих туфель перегрызет за секунду.

— Туфли жалко, — согласилась я.

— А мне тебя больше жалко. Он ядовитый. Укусит, ты распухнешь и умрешь от асфиксии еще до того, как придут спасатели, — усмехнулся Дима. — Сиди и не дергайся.

— Базара нет, кэп, — покладисто согласилась я. — А теперь колись, где Рома.

Дмитрий Батькович колотья не спешил. Вместо этого он решил познакомить меня с местной фауной, время от времени кося глумливым глазом. От меня что-то скрывали. И это что-то явно было жизненно-важным. Я некоторое время выражала возрастающее негодование сопением, потом грозно шмыгнула носом, затем поелозила на руках твердолобого Димона и, наконец, не выдержала:

— Дима, ты достал, — честно заявила я. — Говори!

— А я чем, по-твоему, занимаюсь? — изумился подлец.

— В уши ты мне заливаешь. Дима, я в нервах, а в нервах я неадекватна. Ты меня лучше не зли, рассказывай, что происходит, — безапелляционно потребовала я.

— Мы гуляем по живописному месту, я тебя знакомлю с местной природой, которой, между прочим, насчитывается несколько тысяч лет, — втолковали мне. — Наслаждайся свежим воздухом и обществом красивого мужчины. Кстати, обрати внимание на ...

Гиря до полу дошла. Предел моего кипения достиг критического максимума. Пар только что из ушей пока не валил.

— Хватит! — рывкнула я. Дима опешил и застыл с открытым ртом. Вася с Масей тоже. Они недоуменно посмотрели на меня, и Вася выразил возмущение тоненьким пискком.

Ардэн рот закрыл и укоризненно покачал головой, с пониманием глядя на Василия.

— Не стоит тут кричать, — сказал он.

— Чьи это были следы? — перешла я к делу.

— Зверя, — пожал плечами кареглазый. — Даже ты должна была понять.

— И чем он опасен? — осторожно поинтересовалась я.

Дима обреченно вздохнул.

— Да ничем он не опасен. Зверь и зверь. Ты же видела, следы маленькие, да? — я кивнула. — А у меня даже парализатор есть, видишь? — я не видела, но, на всякий случай, кивнула. — И к чему паника?

— Ты сейчас нагло врешь мне в глаза и не краснеешь, — я обиженно вздохнула.

Упертый паразит ни в какую не желал выдавать мне страха и ужаса нашего положения, а то, что бояться стоило, я уже поняла четко. А еще Рома куда-то ушел. Вот где он? А вдруг там Чужой какой-нибудь, а радость моя синеглазая сам ему в лапы сунулся. Я приуныла было, но гениальная мысль никогда не бросала меня в критическом положении. Не бросила и сейчас. Поняв, что ее предыдущая вылазка проблем не наделала, она решила пойти на новый заход. Я вняла и счастливо ослабилась.

— Если скажешь, я тебя поцелую, — нашла я единственную валюту для подкупа.

— В губы, — кузнец Митька сразу ударил по наковальне, пока не остыло.

— Ага, с языком, — с ядовитым сарказмом ответила я и поняла — попала.

— Согласен, — акулий оскал командира был запредельно довольным.

— Но только так, чтобы Рома не увидел, — я начала искать отходные пути.

— И ужин, — Митька лупил молотом со всей дури, аж искры из глаз летели.

— Угу, при свечах, — мрачно съязвила я и тут же отвесила себе мысленную затрещину. С кем балагурю?!

— Я разберусь с этим вопросом, — деловито кивнул Ардэн. — И ночь...

— А харя не треснет? — возмутилась я. — Ничего тогда не говори, обойдусь.

— Ладно, поцелуй и ужин, — не стал больше метать икру хитрожо... короче, находчивый Дима.

— Не лапать, не приставать, — начала я спешно вносить дополнения. — Один поцелуй и не больше. Ромку моего на вахту этой ночью не ставить, дай мужику выспаться и отдохнуть.

— Даже не собирался, это незаконно, — проворчал Ардэн.

— И завтра тоже! — выпалила я.

— Может, за меня и корабль поведешь? — ядовито спросил командир, намекая на то, что я Буратино, в смысле, нос у меня длинный и суется куда не просят. — Значит скучный ужин, один поцелуй, как возмещение ущерба за скуку, — подвел итог Дима.

— Цигель-цигель, — постучала я себя Масей по воображаемым часам. Мася не оценила, недовольно зафыркав. — Сейчас Рома вернется, и договор потеряет силу.

Зависший в начале моей фразы Ардэн, облегченно вздохнул и, пробормотав:

— Надо с Системой пообщаться, — начал объяснять.

Так вот, те самые маленькие и безобидные следы принадлежали некоему шверу. А сам швер имел непосредственное отношение к тем самым опасным хищникам, которых держали за силовым полем, и которых можно было рассматривать лишь со стороны. И вот эта изолированная зверюга, ростом мне до колена, вырвалась на волю, и теперь где-то шарится по близости, разыскивая кого схарчить. Последний вывод лично мой, Дима размывал краски, как мог, уверяя, что у работников заповедника все под контролем, и швер сытый по самое не балуй. И втюхивал он мне всю эту лажу с радужной улыбкой, от которой у меня по коже бежали мурашки с кулак. А самое главное, мой Рома поперся выяснять, где эта гадина

зубастая засела.

— Она же сожрет Рому! — воскликнула я, осознав всю глубину Марианской впадины, в которую мы попали.

— Если бы была вероятность гибели моего первого помощника и друга, я бы его не отпустил, — холодно ответил Ардэн. — Грейн — лучший специалист в области разведки на моем корабле. Скажу больше, он был лучшим не только на нашем курсе, но и во всей академии со времен выпуска его отца. Это целая династия разведчиков. Их семья мастерство ввела в ранг искусства. Он скоро вернется, но нужно выяснить, где находится швер, один ли он здесь, и в каком направлении нам двигаться, чтобы не столкнуться с ним. Шверы, выбрав район охоты, с него не уходят. Грейн скоро вернется, так что не нервничай.

Легко сказать — не нервничай. Если эту зверину изолировали, а она на воле, то не факт, что там не бродит стая этих шверов или еще кого-нибудь. А там Рома, один. А я здесь на руках Ардэна... Черт! Я же на руках Ардэна! Если что, он же даже защитит нас не сможет, и прощай жизнь Инки Журавлевой, так и не сходявшей замуж... Э-эх...

— У Ромы же тоже парализатор? — Дима кивнул с усмешкой. — А он не может сломаться? А сбой бывали? А швер быстрее Ромы? А убежать от него можно? А с Ромочкой точно ничего не случится? А с нами?

Я закидала командира таким количеством вопросов, что добрая улыбка постепенно сошла на нет, а взгляд красноречиво забегал по сторонам.

— А на землю меня нельзя ставить, — тут же поспешила я напомнить. — И на деревья закидывать. А швер умеет по деревьям лазать?

— Инна, как ты сама с собой уживаешься? — поинтересовался Дима.

— Так и живем, — вздохнула я и развела руками. — Ой, смотри, какой милый зверек, — умилилась я, глядя на малютку с голубоватым мехом. — А как его зовут?

— Геморрой, — коротко ответил Дима, и я взлетела ему на плечо.

— У нас так болезнь называют, — хохотнула я и осеклась. — Ш-швер? — сглотнула я, сжимая крепче Масю и Васю.

— Да нет, что ты, — иронично ответил Ардэн. — Очередная муси-пусичка.

Он нагло мне врал, и тут не нужно было быть семи пядей во лбу, потому что от муси-пусичек не бегают. А мы опять бежали. Ридары тихо подвывали, сдавленные моими трясущимися пятернями. Подозреваю, они уже жалели, что их не сожрал гордар, потому что после знакомства со мной их жизнь явно усложнилась.

— Дима, почему мы бежим? Где твой парализатор? — спросила я, наблюдая, как та голубоватая плюшка с маленькими остренькими ушками и умными глазами скачками несется следом.

— Нельзя. За использование против редких животных современного оружия, следует заключение под стражу до пятидесяти лет, все зависит от оружия и последствий, — ответил он.

— Какие варварские законы! — возмутилась я, но сразу же впала в панику и завизжала. — Дима, я тебя два раза поцелую, если ты нас от него спасешь!

— Договорились, — весело ответил Ардэн и резко свернул в сторону, нырнув в густые заросли.

Швер пронесся по инерции вперед, затем остановился и затряс головой. Потом еще минут пять принохивался, вильнул хвостом и умотал в неизвестном направлении. За это время Дима снял меня с плеча и водрузил на поваленный ствол неизвестного земной науке дерева.

— Он ушел? — шепотом спросила я, выглядывая из-за его плеча, потому что недобитый гуманоид встал передо мной и загородил весь обзор.

— Ушел, — кивнул Дима и развернулся ко мне лицом. Теперь мы с ним были вровень. — Давай.

— Что давать? — не поняла я, все еще вытягивая шею.

— Обещанную награду за спасение, — осклабился этот липовый рыцарь.

Я отмахнулась от него, как от назойливой мухи.

— Подождите вы, гражданка, целоваться, — ответила я словами почтальона Печкина. — Рома где? Эта дикая тварь из дикого леса теперь и на него может напасть. — И тут меня бросило в жар, потом в холод, и на глаза выступили слезы. — А если он его уже?

— Ну, я-то остался, — насмешливо ответил Ардэн, я даже плакать перестала, впав в глубокий и бесповоротный офигей.

— Ты совсем дурак? — искренне поразила я.

— Система говорит, что состояние моего головного мозга в полном порядке, — заверил меня этот упырь. — Отдаешь долг?

Вот не сдержалась. Чего-то вдруг накатило, так тошно стало, и я, взяв в одну руку своих пушистиков, продолжила движение волны и накатила Диме. От души, хлестко и звонко.

— Да где таких придурков только делают? — зло зашипела я, глядя ему в глаза.

Ардэн невозмутимо потер щеку, усмехнулся и чуть склонил голову на бок, с новым интересом разглядывая меня.

— Конкретно меня? — уточнил он, я промолчала, все так же зло глядя на него. — Меня сделали на Легаре, мой отец коренной легариец, а мама аттарийка. Она капитан торгового судна. Прилетела на Легару сбыть груз, заказчиком был мой отец, так и познакомились. Потом, когда я родился, папа закрыл маму дома, чтобы больше по космосу не моталась, она сбежала, прихватив меня. С тех пор я аттариец. Исчерпывающе?

Какое подходящее время для изучения Ардэновского генеалогического древа. Просто самое оно! Там где-то бродят швер и Рома, и не факт, что не встретятся.

— Ромы еще нет! — немного истерично вскрикнула я.

— Меня другое больше волнует, — ответил несносный гуманоид. — Где обслуживающий персонал? Нас вытащить должны были еще во время побега от гордара. И связи нет.

— И Ромы! — повторила я.

— Рома есть и находится от нас в пятидесяти шагах, — отмахнулся командир «Гордости».

— Откуда знаешь? — я схватила его за рукав и чуть не сверзлась с дерева.

Ардэн придержал меня... пониже пояса, странно рука легла для поддержки, да? А если учесть, что еще и чуть сжала, притискивая к бедрам бессовестного аттарийца, то мой гнев вам сразу станет ясен... Шлеп! Да, это была вторая пощечина.

— Три поцелуя, — прошипел мне в губы Ардэн.

— Хрен вам напополам, — немедленно отреагировала я. — Дима, на меня, где залезешь, там и слезешь.

— Посмотрим, — спокойно ответил тот, и я запыхтела.

Потому что ответить у меня не получилось, Рома вышел из-за кустов и сразу направился к нам. Нет, ну как так-то? Последнее слово осталось за недоделанным аттарийцем! Я же даже вернуть сейчас ничего не могу, Рома рядом. Мое обиженное сопение напоминало пыхтение паровоза. Ардэн ехидно ухмыльнулся и уступил на меня все права законному владельцу, так сказать. И вроде бы пожаловаться самое время, так ведь всплывут и обещанные поцелуи и явление Димы в нашей каюте, о котором я умолчала.

— Испугалась, маленькая? — ласково спросил Рома.

— Д-да, — скрипучим голосом ответила я, провожая взглядом за пределы счастливую сволочь по фамилии Ардэн.

Рома нахмурился, перехватив мой взгляд, быстро взглянул на своего командира и опять посмотрел на меня. Это отрезвило меня, и я обняла его.

— Я за тебя испугалась, — тихо сказала я. В стороне от нас неопределенно фыркнули.

— Я тоже испугался, когда понял, что швер погнался за вами, — ответил Ромочка и потерял кончиком носа о мою щеку. Позади раздалось очередное фыркание. Грейн обернулся. — Здесь только одна особь, — нехотя заговорил он, глядя на Ардэна. — Швер еще совсем юный, неопытный.

— Обходную дорожку нашел? — обернулся Дима.

— Нашел, — ответил Грейн, вновь глядя на меня. — Идем домой? — я покладисто кивнула.

Меня тут же взяли на уже родные и заботливые ручки и понесли прочь из дикого леса. Швера мы обошли и даже спокойно добрались до той самой будки, откуда отправлялись в это дурацкое путешествие. Служитель, такой важный в начале нашего пути, завидев нас, едва на колени не бухнулся с криком:

— Боярин-батюшка, прости неразумного холопа.

Служитель мелко трясся и то и дело вытирал со лба пот, сбивчиво объясняя, что произошел короткий сбой системы, и из загона сбежал, да нет, не подумайте, вам ничего не угрожало, дите совсем. За это время потеряли нас из виду, и когда неисправность была устранена, мы исчезли.

— Швера мы встретили, он во втором квадрате, — отчеканил Ардэн, глядя куда-то в сторону. Я тоже туда посмотрела, там висела странная белиберда, но явно напоминавшая карту. — Слард раздавил гордар.

— А... — служитель протянул руку в сторону Маси и Васи, и я спрятала их на своей груди.

— Забираем в счет испорченной прогулки и встречи со швером. И скажите спасибо, что довольствуемся только этим. — Бросил ему Дима, пропуская нас с Ромой вперед.

— Спасибо, — машинально пробормотал служитель.

Мы дружно проигнорировали его растерянный лепет и покинули территорию заповедника.

— Мы вернем вам деньги! — крикнул очнувшийся мужчина.

— Оставьте себе на нормальное оборудование, — рявкнул Рома не оборачиваясь.

В спайлер мы уместились все троим. Дима отправил свой к кораблю раньше, чем кто-то успел открыть рот. Рома тихо чертыхнулся, сгрузил меня и моих питомцев на переднее сиденье, Дима разместился сзади на сформированном из обивки салона третьем сиденье. Роман рядом со мной, и мы отправились на «Гордость».

Событий для меня оказалось слишком много, и вскоре я задремала, свернувшись калачиком. Снился мне почему-то гордар, который так расстроился из-за нашей пропажи, что с размаху сел на швера и горестно напевал марш Мендельсона. Вот такая заковыристая фантазия усталого разума. После такого пробуждение просто не могло не состояться.

Очнувшись, я поняла, что у меня затекло тело, хотела уже пошевелиться, но в тихом и вроде бы умиротворенном журчании мужских голосов расслышала свое имя и открывать инкогнито из Петербурга не стала, продолжая усиленно спать. Впрочем, наверное, даже сядь я, этого никто бы не заметил. Мои мальчики были заняты разговором, и в ход шли такие обороты, что даже я краснела, как Тургеневская барышня, слушая их.

— Грейн, я хочу предупредить тебя. На Инну среагировала кровь отца, я даже не знал, что мне переданся легар. Ты понимаешь, что это значит?

— Крота лысого на воротник, Ардэн, вот что это значит, — яростным шипением отвечал Рома.

— Какого хрена, Грейн, ты же понимаешь, что я уже не смогу...

— Сочувствую, но ничем помочь не могу, я нашел свою идеальную пару, — гордо возвестил Рома, и меня ласково погладили.

Я продолжала усиленно спать, для пущего эффекта чуть не захрапела, но меня опередила Маса, и слава Богу. Мужчины на мгновение притихли. Но вскоре шипение над моей головой возобновилось.

— Грейн, судя по всему, я тоже ее нашел, — ешкин-лукошкин, я сейчас прослежусь от умиления, я — идеал, всегда подозревала что-то этакое. Слушаем и млеем дальше.

— С чем тебя и поздравляю, — Рома по-хозяйски водрузил длань на мой зад и погладил с явным самодовольством. — Ардэн, как только мы вернемся на Аттарию, я объявлю нас постоянной парой.

— Хрена с два, — тихо рыкнул Дима. — Грейн, идеальный набор генов можно скорректировать, а мою сущность не обманешь. — Тут он выдал неперевожимую игру слов, и Рома сурово рявкнул:

— Не выражайся при моей женщине.

Ы-ы-ы, да-а, щас умру от счастья и самодовольства. Держите меня семеро, я же сейчас глаза открою и сдам себя с потрохами. Не-не-не, слушаем дальше. Взяв волю в кулак, я продолжила внимать.

— А ты убери руку с задницы моей женщины, — рявкнул Дима.

Вот когда б меня, Инессу Николаевну Журавлеву, так откровенно делили мужики? Шикарные мужики, между прочим. Нет, я точно помру и не успею выйти замуж, досадно-то ка-ак. Чуть не прослезилась.

— Зачем мне что-то корректировать, когда вот оно, все уже есть? — спросил Рома, и я чуть не поперхнулась от возмущения.

— Но гены можно скорректировать, а восприятие легара, нет, — не сдавался Дима.

— Ты не чистый легариец, в тебе еще и аттарийская кровь. Насколько знаю, Хельгар уже вхожа в твою спальню, поработай над ней, будет тебе счастье, а к Инессе не смей приближаться.

— Да на хрена мне Хельгар сдалась? — возмутился Ардэн, и мне вот тоже стало интересно, какого, простите, лешего эта стерлядь шляется по чужим мужским спальням, а?

Однако кое-что мне совсем не льстило. Например, подход к нашему величеству не с позиции чувств. Я им набор «Юного генетика» что ли? Что это за практический подход? Ни одна же сволочь не сказала, как я им нравлюсь! На этом мое терпение закончилось.

— Да идите вы, — обиженно произнесла я, и мальчики осеклись. — Хоть бы кто сказал, что глаза у меня красивые, что вы все гены обсуждаете? — Я села и нацелила палец на Диму. — Тебе не светит. — Роман засиял, как новогодняя елка, и указующий перст сместился на него. — А ты у меня в опале.

Оба почесали репы, осмысливая мои слова, а я устало махнула рукой.

— Уйду я от вас.

— Куда? — насмешливо поинтересовался Ардэн.

— Да хоть, э-э, к зеленому, как его, тайлару Гире, — козырнула я отличной памятью на имена и фамилии.

— Гирресу? — обломал меня Рома. — Почему он?

— Вот именно, а почему, собственно, он? На корабле толпа красивых мужиков, выбирай любого, — я угрожающе потрясла Васей. Вася округлил глаза и часто заикался, впечатлился, наверное. Да хрен с ним с Васей, я продолжала горячиться. — Завтра же выйду на охоту! Я для ваших экзотика, так что найду, кто мне постель согреет...

— Сидишь в каюте безвылазно! — удивительно слаженно заревели аттарийские самцы.

— Носа не высунешь, — рыкнул Рома.

— Месяц! — добавил Ардэн, и эта сладкая парочка обменялась понимающими мрачными взглядами, в которых застыла явная угроза экстренной кастрации любой особи мужского пола, на которую упадет мой заинтересованный взгляд.

Я закатила глаза и отвернулась от них. Тоже мне, отеллы недоделанные. Это мы еще посмотрим, как я сидеть в каюте буду. У меня есть Сима и алкогольные таблетки для храбрости. Да я при наличии этих двух факторов таких дел могу наворотить, «Гордость» вздрогнет!

На корабль мы поднимались все серьезные до зубного скрежета. Дима, бросив на меня короткий хмурый взгляд, удалился к себе. Мы с Ромой отправились дальше. По дороге нам попала та самая стерлядь, смерившая меня презрительным взглядом, но отвернулась, как только Грейн положил мне на плечо руку. Хельгар задрала нос и прошла дальше, вскоре послышался ее голос:

— Тайлар командир Ардэн, вы на месте?

— Тайлар командир отбыл в технический отсек, — ответил приятный голос Симы.

Роман подленько ухмыльнулся и крикнул:

— Он у себя, Хельгар.

И стерлядь начала ломиться в командирские апартаменты. Я хотела съязвить, но кайфаломщик Рома уже тащил меня дальше, не дав насладиться фиаско тощей красотки. Однако через некоторое время за спиной послышалось ее счастливое:

— Дмитрт, наконец-то...

Ответ Ардэна я не расслышала, а вот шипение двери и воцарившуюся тишину, да. Вот оно, значит, как. Руки с Инниной задницы убери, Рома, а я тощий зад стерляди мять буду. Шиш ему с маслом, а не поцелуй. Кому должна, всем прощаю. Задрав нос, я прошествовала в нашу с Ромой каюту, скинула одежду и сразу отправилась в душ, игнорируя подкат синеглазого. Я сказала, что в опале, значит, в опале. Так-то!

— Сим, теплой водичке мне, — попросила я.

— Так, чтобы поменьше или побольше? — уточнила умная техника.

— Так, чтоб вся, — усмехнулась я, и мне выдали, я даже нижнее белье снять не успела. — Сим, ты специально, да? — зафыркала я.

— Хи-хи, — гаденько похихикали из ниоткуда. — Ты такая смешная.

— Угу, приходи, обхохочешься, — проворчала я и окончательно разоблачилась, готовясь смыть с себя пыль дорог и приключений.

Неожиданно на плечи легли широкие и до боли знакомые мужские ладони.

— Я помогу, — сказал мне на ушко Рома, и дыхание замерло где-то в груди.

Моя фантазия наоборот решила обрести реальность. Я повернула голову и посмотрела на

зеркальную стену, уже подернувшуюся туманом. Безумно красивый обнаженный мужчина все еще обнимал за плечи хрупкую девушку, достававшую ему едва до плеча. Его мускулистые руки скользнули девушке на талию, и ее развернули...

Мой взгляд уперся в широкую грудь Ромы. Я сглотнула и подняла голову, встретившись с лучистым взглядом синих глаз.

— Рома, — немного хрипло произнесла я, глядя на его губы, — я же сказала...

Договорить он не дал, заткнув мне рот самым тривиальным образом, поцелуем. И мир вдруг куда-то поплыл, растворился в парах горячей воды, оставив лишь сладкую дрожь предвкушения. Мои ладони заскользили по мощным плечам, легли на грудь, и я тихо застонала, наслаждаясь упругостью его тела. Мужчина прерывисто вздохнул, впитывая в себя мой стон. Душу заполнила щемящая нежность. Я заглянула ему в глаза и прошептала:

— Мой милый... Ромка...

— Я не потеряю тебя, — ответил он тихо, и смял мои губы в пьянящем поцелуе.

Мужские руки легли на мои ягодицы, сжали, и я взлетела вверх по влажному смуглому телу, обвила ногами его бедра и отдалась во власть губ моего синеглазого мужчины. Когда обнаженная спина коснулась прохладной стены, я вздрогнула и распахнула глаза, сразу встретившись со взглядом Ромы. Его глаза потемнели от страсти, меня затягивало в их таинственную глубину, обволакивая волной еще невысказанного обжигающего чувства, от которого кружилась голова.

Мгновение, и я почувствовала, как возбужденная мужская плоть проникает в меня, наполняет ликованием и наслаждением, от которого сладкой судорогой свело внизу живота. Мой стон вновь утонул в тягучем, как мед, поцелуе, от которого мурашки бежали по коже даже под струями теплой воды.

Дыхание вдруг стало рваным. Я задыхалась от страсти, которую дарил мне мой мужчина.

— Рома, — задыхаясь вскрикивала, — Ромочка...

Казалось, его имя намертво приклеилось к моим губам, я жила им, дышала, именно в этот момент единения. И он дышал со мной в унисон, наполненный нашим желанием, казалось, заполнившим каждую пору, каждую клетку наш сплетенных тел. Восторг обладания, страсть, нежность — все это смешалось в невероятный коктейль и сорвалось с губ протяжным громким стоном.

Губы Ромы скользили по моей шее, поднялись к уху, и я услышала его тяжелое хриплое дыхание. Это было так возбуждающе, что пульсирующий комочек внизу живота, наполнился силой, и взрыв сотряс мое тело в ярком оргазме. Я прижала к себе голову мужчины и выгнулась ему навстречу, содрогаясь в волнах наслаждения, затопивших меня.

— Инна, — выдохнул мне в шею Рома, вновь и вновь врываясь в мое разгоряченное тело.

Его стон опалил мою кожу, и мой мужчина рванул за мной, сплетаясь в этом невероятном, чувственном и пьянящем полете...

Глава 8

Меня все-таки закрыли в каюте. Рома так и сказал: «Охота на территории корабля запрещена». Чудак-гуманоид, это же все равно, что быку красную тряпку показать. Раньше я безвылазно тут сидела и не жужжала, надобности шляться по «Гордости» не видела. И про охоту я так, сгоряча ляпнула. А он мне запрет. И как тут усидеть на месте? Вот и я говорю...

На следующий день Роман ушел служить своему Отечеству на территории отдельно взятого космического корабля, не забыв меня поцеловать и пообещать, что придумает мне развлечения, потому что...

— Охота на территории корабля запрещена!

Он ушел, а у меня всю сонную томность, как корова языком влет смела. Сижу и думаю, это чего такое в моем царстве-государстве делается? Душа вдруг потребовала бунта, бессмысленного и беспощадного. Тут не только гениальная мысль, тут весь резерв опций Инки Журавлевой оживился.

— Я вам, — потрясла я кулаком в пространство. — Сейчас только сандалии с колчаном натяну и такую вам Диану покажу, вы у меня позапрещаете...

Резво соскочив с кровати, я прошлепала в душ.

— Сима, тепленькой мне, — воинственно велела я.

Сима воды не пожалела.

— Тьфу, зараза, — беззлобно выругалась я, отплеываясь от неожиданного водопада на мою голову.

Намывшись опять целиком, а что делать, когда адская машинка печется о твоей чистоте? Короче, намылась, позавтракала и придирчиво оглядела свой гардероб. Бирюзовая неженка ко мне рукава потянула, любви ей подавай, видите ли.

— Потерпи, — строго велела я, и платье уныло обвисло. — Не трепли мне нервы, — возмутилась я. — Истеричка.

После этого достала собственную сумку и зарылась в ней по пояс. Нашла! Шорты нашла и маечку, легкомысленную такую, с кокетливой мультяшной девочкой с огромными голубыми глазами. Напялила я все это шмотье, грудь девичью поправила, гривой тряхнула и удовлетворенно выдохнула. Красота, отворотясь не насмотришься. Затем добыла из большого прозрачного ящика Масю и Васю, чмокнула их, от шерсти отплевалась и на выход.

— Сима, отворй ворота, — скомандовала я.

— Тайлар командир Ардэн запретил ваше передвижение по кораблю, тайлари Инесса, — безэмоционально сообщила Сима.

— Ах, вот оно как, — прищурилась я. — Пусть стерляди своей запрещает. Отворй, говорю!

— Да на, — сделала мне одолжение Сима, и двери с шипением открылись.

Я гордо вынесла всю свою комплектацию в узкий коридор и остановилась, решая, куда направить свой карающий шаг.

— Туда! — скомандовал мой внутренний компас.

— Можно, — решила я и направилась в противоположную сторону от капитанского мостика.

Заблудиться не боялась потому, как тут везде царствовала Сима, если что, выведет. Что буду делать, не знала, решила действовать по обстоятельствам. На случай неожиданного ступора и потери боевого настроения в кармане лежали заветные пилюльки. Но пока они мне были без надобности, потому что неслась я, как кабан на миграции, быстро, шумно и зло. И ведь ни одна сволочь мне по дороге не попала.

Уперев руки в бока, я обзрела пустое пространство и мстительно осклабилась:

— Ага, испугались, гуманоиды махровые.

— Туда, — решил внутренний компас, и я послушно свернула направо, нашла трап и резво скатилась вниз.

Вообще, я пыталась резво сбежать, как в кино матросы бегают, но на третьей ступеньке умудрилась поскользнуться и съехала вниз на любимой попе.

— Вашу ж мамашу, — выругалась я, кривясь и потирая зад.

Меня вдруг ухватили чьи-то длани и заботливо поставили на ноги.

— Вам больно, тайлари Инесса? — спросил незнакомый мужской голос. — Отвести вас в медицинский отсек?

Я подняла голову и поняла: вот она, первая жертва. Сам пришел, да-а-а... Это был очередной военный, судя по цвету комбинезона. В нашивках их черт ногу сломит, вторую вывернет, потому мне хватило и того, что еще один вояка. Н-да, мне бы для разнообразия что-нибудь из зеленого или оранжевого... Ну да ладно, что Бог послал. А послал он мне очередную косую сажень в плечах, чуть раскосые глаза ярко-зеленого цвета, четко-очерченные губы и волосы цвета меди. Красавец, с ударением на последний слог, одним словом. Ых.

Мои блудливые... э-э... красивые очи скромно потупились.

— С кем имею честь? — поинтересовалась я.

— Тайлар Орсиалиан Брэн, — представился красавчик. — Штурмовик.

Вау, тут и такие есть? Какая прелесть.

— Часто атакуете? — кокетливо стрельнув глазками, поинтересовалась я.

— Приходится, — улыбнулся Орси... Короче, Русик.

— И как? Удачно? Все в цель? — хмыкнула я.

— Да, еще никто не жаловался, некому жаловаться, — расправил плечи очередной самодовольный бабуин. — Так куда вас проводить?

— А вы не заняты? — спросила я.

— Время найду, — ответили мне, и я быстренько перехватила лавры Митьки — кузнеца.

— А покажите мне корабль, Руслан, — попросила я, томно вздохнув и поведя плечиком.

— Кто, простите? — опешил гуманоид.

— Мне так проще ваше имя произносить, — пояснила я. — Покажите?

И что вы думаете? А не отказал! Я и мой пострадавший зад, которому я обеспечила приключение, чтобы не скучал, подхватили зеленоглазого под руку и потащились осматривать местные достопримечательности. Кстати, предъява для Ромы у меня уже назрела. Это ж какого, простите, лысого, он меня в каюте все маринует, да тело мое любовными упоениями услаждает, а место, где мне предстоит еще хрен знает сколько обитать, не показывает? Ну вот и сам виноват!

Гениальная мысль не дремала, она у меня, как та девочка из «Звонка», вообще никогда не спит. Прикинуться шлангом может, а чтоб уснуть, это фигушки. Ну так вот, не упустила она своего шанса и сейчас. Идем мы с Русиком, идем, он соловьем заливаётся, про атаки свои рассказывает, опытом боевым делится. Я вся такая в восхищении, глазками хлопаю, охаю в тему, удивляюсь, какой Русик крутой перец. Русик от такого моего внимания и вовсе поплыл. Нет-нет, да и комплиментик ввернет. То глазки мои похвалит, то волосами восхитится. То еще какую милую глупость скажет. Ну и, собственно, она, мысль, явилась.

— Ой, — фальшиво до отвращения воскликнула я. — Нога-а...

— Что такое? — живо заперезживал штурмовик Руслан.

— Кажется, я потянула связки, — выдала я, усиленно кривясь и морщась.

— Я посмотрю, — мой герой подхватил меня на руки, — только найдем место поудобней.

— Спасибо, — страдала я, все так же фальшиво, но с душой.

И не раньше, не позже...

— Где она?! — раздался рев товарища Ардэна.

— Инна! — подал голос с другого конца коридора Роман.

Оказалось, что миграция кабанов у нас массовая, и две воинственно настроенные особи помчались на нас с опешившим штурмовиком с двух сторон, взяв в клещи.

— Мать моя женщина, — пискнула я, вцепилась в шею Руслана и скомандовала. — Бежим!

Черт, до чего же аттарийские мужики покладистые. Мой новый знакомый сорвался с места и нырнул в очередное ответвление коридора, унося оборзевшую меня в неизвестном направлении. А мне вдруг стало интересно, он хоть сам понял происходящее? Или на инстинктах бежим? Хотя я бы тоже ломанулась, если бы на меня с двух сторон неслись два локомотива.

— Брэн, стоять! — рывкнул Дима.

Русик ускорился, а у меня глаз задергался и нервная икота приключилась.

— Брэн, хуже будет, — не менее страшно рыкнул Рома.

— Нам капец, — выдохнула я.

— Прорвемся, — обнадежил Руся.

— Да куда нам деться с подводной лодки, — напомнила я, что мы на космическом корабле.

— На штурмовике летала? — весело спросил этот отмороженный.

Моя икота усилилась, глаз отсемафорил СОС, и я поняла, что жертва тут не Русик. Мама-а-а!!!

— А может не надо? — нервно спросила я.

— Да брось, развлечемся, — хохотнул мужик и вломился в отсек, где стояли те самые штурмовики.

На нас косился обслуживающий персонал, другие пилоты, а мы ураганом промчались до серебристого красавца, взлетели в него в два-три прыжка, и я задумалась, не пора ли падать в обморок. Меня впихнули на второе кресло, не забыв все так же весело подмигнуть.

— Система, тренировочный полет, протокол номер пять, — проговорил ненормальный Русик.

— Не надо, — заискивающе попросила я.

— Надо, детка, — кивнул тот, и штурмовик взмыл под потолок.

Я еще успела увидеть, как в ангар, или как там у них это называется, вбежали мои мальчики. Рома зло жестикулировал, Ардэн что-то чеканил, но вот под нами сомкнулась непрозрачная панель, а потолок разошелся, являя черную пустоту, и меня понесли на прогулку в открытый космос.

Нет, я не визжала, но зажмурилась, вцепилась в подлокотники и выдала заковыристую, нашу национальную тираду. Руся ни фиги не понял, но был явно впечатлен, правда, переводом не заинтересовался, и это было замечательно. Перевести я бы не смогла, язык бы просто не повернулся. А штурмовик уносил нас все дальше и дальше.

— К-к-куда? — заикаясь спросила я.

Руся повернул свой агрегат на сто восемьдесят градусов, и я восхищенно ахнула. Мы отлетели достаточно далеко, и теперь смотрели на «Гордость Аттарии» с такого расстояния, что я имела возможность впервые ее оценить по достоинству. Корабль имел обтекаемую форму, светился тысячами иллюминаторов, напоминая нечто хрустальное и невесомое.

— Крутая шняга, — облекла я свой восторг в словесную форму. — Просто охренительная.

— На каком наречии ты разговариваешь? — все-таки не выдержал Руся.

— О-о, — многозначительно протянула я, — этому наречию учатся долгие годы, и оно настолько богато словами и оборотами, что изучению можно посвятить целую жизнь.

Руся повел штурмовик ближе к кораблю, но, не долетая, сменил курс, и мы полетели вокруг «Гордости». Мой новый знакомый пояснял мне, что и в какой части находится. Посвятил в историю корабля. Оказалось, что мы геройские герои и умудрились поучаствовать и в боевых действиях, и отбиться от атак пиратов. И даже помогли предотвратить государственный переворот на какой-то окрайной планетке.

Когда краткий экскурс и осмотр были закончены, Руся вновь отлетел в черную пустоту.

— Пострелять хочешь? — подмигнув, спросил мужчина.

— А можно? — мои глазки загорелись.

— Можно, — широким жестом разрешил мне Руслан. — Вот, смотри.

Он надел мне на голову приспособление с очками, опустил их на лицо, и я услышала:

— Цели нет.

— Тренировочная стрельба, — подсказал Руся.

— Тренировочная стрельба, — послушно повторила я.

И я тут же увидела летящий передо мной кораблик.

— Что делать-то? — спросила я, испытывая настоящее детское восхищение.

— Квадрат видишь? — спросил Руся.

— Вижу, — ответила я.

— Захват цели, — вновь подсказал он.

— Захват цели, — опять повторила я.

Квадратик, видимый в углу моих очков сдвинулся и, послушный моему взгляду, охватил цель. Кораблик метнулся в сторону, мой взгляд за ним, квадратик так же.

— Огонь, — скомандовала я.

Светящиеся пунктиры помчались в центр квадрата, кораблик вспыхнул и разлетелся на части. Я радостно захлопала в ладоши и воскликнула:

— Еще!

— Да сколько угодно, — рассмеялся штурмовик.

Теперь передо мной было два кораблика. Я уничтожила один, за вторым пришлось побегать, но и его победила. Следующая программа оказалась сложнее. Теперь один кораблик атаковал нас, второй убежал. На пятой попытке я взвыла.

— Сдаешься? — хохотал Руся, слушая мое забористое наречие.

— Русские не сдаются, — рявкнула я, закусив кончик языка и продолжила воевать.

— Брэн на базу, — заполнил маленькое пространство штурмовика голос командира «Гордости».

— Дима, ты не в тему, — горячась, рыкнула я.

— На базу! — уже зло зарычал в ответ Ардэн.

— Черт, кайфоломщик, — расстроилась я.

— На корабле тоже можно так, — успокоил меня Руся и вздохнул.

Штурмовик развернулся и направился в сторону «Гордости». Я сняла очки и покосилась на мужчину.

— А ты зачем рванул-то от них? — спросила я.

— Да чего-то настроение никакое, скучно, тошно, а тут неожиданное развлечение, — улыбнулся он.

— Повеселились, — вздохнула я.

— Ага, — поддержал меня Руся, и мы вздохнули вместе, как нашкодившие дети.

А на базе нас ждали. Как только штурмовик вернулся на свое место, Рома выдернул меня из кабины, одарив тяжелым взглядом. Я ковырнула носком спортивной тапки пол и посмотрела на него невинным взглядом. Затем перевела взгляд на Ардэна. Он стоял, скрестив руки на груди и не сводя взгляда с Брэна.

— Неподчинение командиру и его первому помощнику, несанкционированный вылет, — наконец, начал чеканить Дима. — Тайлар Брэн, вы отстранены от полетов на стандартный галактический месяц. — Командир сделал широкий шаг, разделявший его с пилотом. — На вахтах сгниешь, — пообещал он, и я возмутилась.

— Дим, ты вообще не прав...

Ардэн развернулся на каблуках и шагнул ко мне, чуть склонив корпус, отчего его лицо оказалось совсем близко.

— Прима Инна будет оспаривать мои решения? — прошипел он.

— Ардэн, не хама, — Рома отодвинул меня, и Ардэну пришлось выпрямиться.

— Дерзим командиру? — прищурился он.

— Тиран, — фыркнула я и потянула Рому за рукав. — Идем, милый.

Рома с места не сдвинулся. Война взглядов затягивалась. Я закатила глаза и посмотрела на нового знакомого.

— Русь, хоть ты меня до каюты проводи, — попросила я.

Ардэн и Грейн тут же расслабились и развернулись в мою сторону. Так под конвоем я и вернулась домой.

— А вот и не стыдно, — бросила я им, чувствуя два тяжелых взгляда в спину. — И извиняться не буду. И вообще, вы сами виноваты... э-э, — что-то фраза какая-то странная получилась, чего это я перед обоими-то сразу бисер метаю? Я замолчала, на всех обидевшись.

Дверь зашипела, впуская меня в каюту, канвой шагнул следом, причем, оба. Я гордо проществовала к креслу и упала на него, всем своим видом демонстрируя несогласие, возмущение, негодование и обреченность. На мужиков не смотрела принципиально.

— Инна, ты поступила нехорошо, — заговорил Рома.

— Да просто отвратительно, — выдал злой Дима.

Я фыркнула и закинула ногу на ногу.

— Ты хотя бы понимаешь, почему мы недовольны? — спросил Грейн.

— Кого ты спрашиваешь?! — возмутился Ардэн. — У нее на лице написано, что ей плевать на то, что мы думаем!

Вы посмотрите, какое единодушие! Это было возмутительно и странно. Да и вообще! Две здоровенные оглобли наехали на одну маленькую и беззащитную меня. Хлопнув по коленям, я встала и уперла кулаки в боки.

— Да вы в конец охамели! — вознегодовала я. — Один то служит, то ручищи свои похотливые распускает. Другой, вообще, не пойми чего хочет, все углы уже пометил! А я?! Что делаю я в промежутках между сексом? — Рома мечтательно улыбнулся, Дима скривился. — А ни хрена я не делаю! На кровати поваляться, на кресле посидеть, из угла в угол послоняться, и все? Спасибо, хоть выгуляли пару раз. А раз никого мой досуг не волнует, то волноваться о нем буду я сама. Заперли они меня, посмотрите на них! Тюремщики, надзиратели, сатрапы, вот вы кто! Гены они считают, кровью меряются, а обо мне кто подумал? Да пошли вы! — истерично, но от этого не менее патетично, воскликнула я и упала обратно на кресло, громко всхлипнув и изображая всем своим видом вселенскую скорбь.

Два оголтелых гуманоида зависли, переваривая ответный наезд. Первым не выдержал добрый Ромочка. Он подошел ко мне и присел на корточки, бережно взяв за руку. Рома поцеловал мою ладошку и прижал к своей щеке.

— Прости, — сказал он, глядя на меня виноватым взглядом. — Я действительно не подумал, что тебе здесь скучно. Ты ни разу не жаловалась, и я не придумал значения, что тебе нечем заняться. Прости, сердечко, последнее время вообще плохо соображаю. Но тут уже твоя вина, — я возмущенно посмотрела на него, и Грейн улыбнулся. — Нельзя быть такой красивой и аппетитной.

Черт языкастый... Я помимо воли улыбнулась Роме, но горестно все равно вздохнула.

— Не могу не признать, что твой упрек справедлив, — теперь и Ардэн присел рядом. — Хорошо, что ты хочешь?

— Ардэн, мы как-нибудь сами, — недовольно ответил Рома.

Ага, как носиться за мной стадом бизонов, орать и наказывать, так вместе, а как развлекать, так врозь? Вот уж хренушки на рылушко!

— Русю прости, — потребовала я, пока мои мальчики опять мерились гневными взглядами.

— Нет, — мотнул головой Дима. — Неподчинение, подрыв дисциплины и неуважение к старшим по званию. Заслужил.

— Ну хоть скости срок, — попросила я и похлопала ресничками, — для меня...

— Ладно, — недовольно проскрипел Ардэн. — Но чтобы больше никаких новых знакомств.

— Знаешь что, — опять начала я заводиться. — Да я за час общения с Русланом узнала больше, чем за все дни от вас! По крайней мере, о корабле и его истории. А так же об устройстве. И еще хочу тренировочную стрельбу. И еще какие-нибудь симуляторы.

— Без проблем, я дам допуск, — кивнул Дима.

— А я все объясню, — подхватил Рома.

— Я сам могу...

— Ардэн не зарывайся.

Я закатила глаза, глядя, как эти два лося вновь готовы сцепиться рогами. Затем встала, тем самым сознательно растолкав их, и отошла к панорамному иллюминатору.

— Сим, — позвала я, и стена стала прозрачной. — И попить, — в руке появился стакан с розоватым напитком. — Вам служить Родине не пора? — с намеком спросила я, заканчивая аудиенцию.

Мой намек был понят. Рома подошел ко мне, легко поцеловал в щеку, потерся кончиком носа о висок и шепнул, что уже скучает, направился на выход, прихватив Диму, кусавшего губы. Тот независимо передернул плечами и громко объявил:

— Вечером заступаешь на мостик, помнишь?

— Помню, — отмахнулся Рома и, придав командиру ускорения коленом, вышел следом.

— Вот жучара, — усмехнулась я, имея в виду Ардэна, и направилась к шкафу. — Вот и пришло твоё время, — подмигнула я бирюзовому платью. Платье радостно пошевелилось, и я скорей закрыла шкаф.

Нет, к разумным тряпкам мне еще привыкать и привыкать.

Глава 9

Ромка забежал перед тем, как заступить на свой ночной пост. Он обнял меня, долго и сладко целовал, затем с сожалением отпустил и некоторое время испытующе смотрел, словно хотел что-то сказать. В общем-то, я поняла, что его тревожило. Рома у меня дураком не был и о намерениях Ардэна знал, тем более тот их не скрывал от своего старого друга. Я вновь обняла Рому и улыбнулась:

— Все будет хорошо, не переживай.

— Обещаешь? — спросил он.

— Можешь мне доверять, — уверенно кивнула я.

Не знаю, насколько я успокоила своего инопланетянина, но ушел он уже немее напряженным. Когда за ним закрылась дверь, я достала бирюзовое платье, вздохнула и постаралась расслабиться. Через некоторое время у меня это получилось, и наша стыковка прошла без эксцессов.

— Миленько, — я обернулась и взглянула на материализовавшуюся Симу. Она сидела на краю кровати и опять болтала ногами. — Куда-то собираешься?

— Ты-то и не знаешь, — усмехнулась я. — Ты хотя бы за нами с Ромой не подсматриваешь?

— А что я там не видела, — фыркнула умная программа. — Хотя у вас с тайларом Грейном повеселей, чем, например, у тайлара командира Ардэна с тайлари Оули.

— С кем? — сурово спросила я.

— Тайлари Хельгар Оули, ты ее стерлядью зовешь, — Сима захихикала.

— И давно у них в последний раз скучно было? — поинтересовалась я, чувствуя неожиданную злость.

Ответить Сима не успела, потому что дверь зашипела, и тайлар командир Ардэн собственной персоной ввалился в каюту. Он изломил бровь, оглядывая меня. А у меня когти уже в полметра величиной, морально, но все-таки. Дима подошел ко мне, приобнял за талию, получил по лапам, но присутствия духа не растерял.

— Рад, что ты все поняла верно. Готова?

— Смотря к чему, — прищурилась я.

— К отдаче долгов, — осклабился Ардэн.

— Кому должна, прощаю, — нагло заявила я и направилась к дверям, напоминая: — Не лапать, не приставать, намеков неприличных не делать. Я дама почти замужняя и иду с тобой из желания кое-что узнать, вопросы есть?

— Есть, — Дима пристроился рядом. — Откуда ты такая умная?

— Планета Земля, третья планета от Солнца. Продолжать? — поинтересовалась я.

Он усмехнулся, и больше никто не проронил ни слова, пока мы шли до капитанской каюты. Дима посторонился, пропуская меня вперед. Я хмыкнула, вошла и застыла, разглядывая... красотищу, да. Как таковых настоящих свечей не было, зато была голограмма, полностью изменившая каюту. Дверь за спиной зашипела, но я даже не обратила внимания на руки, устроившиеся у меня на талии, потому что все еще крутила головой, разинув варежку.

Каменные стены, на которых висели гобелены, изображавшие неведомых чудищ, на спинах которых сидели люди в странной одежде, напоминаяшей кожаные доспехи с металлическими пластинами. В руках их, правда, были до боли знакомые мечи, пики, арбалеты. Имелись тут и окна, через которые в комнату свешивались ветви опять же неизвестного мне растения. А луна и облака на темном небе смотрелись так естественно, что хотелось подойти к одному из окон и выглянуть на несуществующую улицу.

На каменном ныне полу стоял тяжелый деревянный стол, уставленный яствами. И да, свечи. Они были. На столе, на стенах, даже на полу, составляя подобие звездного неба. Свечи тоже были ненастоящими, но я даже слышала треск фитилей.

— Мать моя женщина, — протянула я, и жаркий шепот коснулся моего уха:

— Нравится?

— Ага, — изрекла я. — Зачет.

— Я рад, — Ардэн негромко рассмеялся и развернул меня к себе лицом.

Вот теперь я заметила и руки, и близость, и склонившееся ко мне лицо мужчины. Я тут же вывернулась из его рук и с невозмутимым видом направилась к столу. За моей спиной хмыкнули. Мой сегодняшний кавалер поспешил за мной, отодвинул стул, ухаживая, и прошел на свое место. Лицо его выражало легкое недовольство, но пока не злость. А это только начало вечера... Да-да.

Но на моем лице оставалось нейтральное выражение. Я была само внимание и вежливость... ну, периодически. В общем, сидим, взглядами друг друга гипнотизируем. Дима явно про поцелуй помнит, я про стерлядь. Но молчим и пока не предьявляем.

— Что будешь? — спросил, наконец, гостеприимный Дима. — Еда настоящая.

— И где ты ее раздобыл? — живо заинтересовалась я.

— На кухне, — пожал плечами Дима. — Попросил приготовить несколько блюд по старым рецептам. Очень советую...

Мне начали рекламировать местный хавчик. Названия пугали, вид иногда тоже, но запах ласкал обоняние, и я решилась. Но не могла не съязвить:

— На пол сплевывать можно?

— Если очень хочется, — усмехнулся Дима.

Вино, которое мне налили, тоже было настоящим. Продуманный Ардэн приобрел его еще на Крайгоне, после того, как вырвал у меня согласие на ужин. Беседа не клеилась. И он, и я были напряжены.

— Дим, хотела спросить, — решилась я перейти к делу. Он с готовностью подпер щеку кулаком, став разом каким-то домашним. — Что там с твоей кровью?

— Поясни, — попросил Ардэн.

— Ты понял, — проворчала я. — Я слышала ваш разговор с Ромой. И глаза я твои видела, и шок от данного открытия тоже. Колись.

Дима опустил взгляд, побарабанил по столу, но отвечать не спешил. И когда на меня вновь посмотрели, в темных глазах, так и плескалось коварство. Ха, напугал!

— Ты еще по долгам за мою прошлую откровенность не расплатилась, — выдал-таки Дмитрий.

— Ты о чем? — удивленно спросила я.

— Хм, — Дима только шире улыбнулся и поднялся со своего места.

Моей самоуверенности поубавилось, потому что облома на лице Ардэна не наблюдалось вовсе. Даже наоборот, он просто сиял.

В следующую секунду меня просто в наглую выдернули из-за стола и уволокли в уголок, где обнаружился диванчик, миленький такой, ретро. Дима плюхнулся на него, я плюхнулась ему на колени и возмутилась произволу.

— Мы же договорились! — воскликнула я.

— Ты о чем? — невинно хлопая глазами, спросил Ардэн.

— Вот ты гад, — от души восхитилась я. — На кривой козе не объедешь, да? Умный, да? Находчивый? Ладно, я тебя целую, ты меня возвращаешь на стул.

— Идет, — покладисто согласился Дима.

Я тяжело, подчеркнуто обреченно вздохнула и поцеловала его... в щеку. Нахальная лапища тут же оказалась на моей груди.

— Охамел? — спросила я, зверея.

— Не-а, — довольно скалясь, ответил Дима. — Все согласно договору.

А сам грудь мою девичью наглаживает и явно удовольствие получает. Сижу, злюсь, хоть и понимаю, что на другой поцелуй договаривались. А Дима хамеет дальше. Его рука, наконец, оставила в покое мои передние полушария, скользнула вверх, коснулась кончиками пальцев обнаженной кожи шеи, и у меня вдруг перехватило дыхание. Глаза Димы опять стали светлыми, зрачки вытянулись в вертикальные черточки, но сразу же расширились, заполняя собой радужку, затягивая в странный и манящий омут. И когда Ардэн мягко взял мой подбородок двумя пальцами, я все так же смотрела ему в глаза, которые стали неожиданно близко-близко.

Наши губы встретились, и теперь Дима не брал силой, не атаковал. Он все так же мягко захватил меня в головокружительный плен, в одно мгновение снося мою защиту. Не помню, в какой момент я начала отвечать, когда мои руки сомкнулись на его плечах, пальцы скользнули в волосы, зарываясь в шелковистые пряди. И когда тихий стон вырвался из груди.

— Маленькая моя, — голос Ардэна срывался, — желанная, необходимая, невероятная.

Смысл слов я так же не могла уловить, сама бросаясь на уже завоеванную территорию. А потом мир перевернулся, тяжесть мужского тела накрыла меня, и жар разлился по телу, проникая в каждую пору. Я снова застонала, когда мужская ладонь нырнула под подол и начала свое путешествие вверх по ноге. Я прогнулась, чуть сдвинулась и что-то впилося мне в бедро.

— Ай, — вскрикнула я, и волшебство исчезло. — Нет! — я вывернулась, слетая с дивана на пол. Следом за мной на пол скатилась и гулко стукнулась сережка. Я подобрала ее и швырнула в Ардэна, следящего за мной каким-то ненормальным хищным взглядом черных, из-за расширенных зрачков, глаз. — Какого хрена, Дима?! Стерлядь лапай, ко мне не лезь!

— К... кого? — задыхаясь, спросил он, и глаза мужчины начали возвращение к нормальному состоянию.

Впрочем, меня это интересовало мало. Мой взгляд заметался в поисках двери, не нашла и позвала:

— Сим, открой дверь.

— Система тебя сейчас не услышит. Я заблокировал ее сигнал, учел опыт прошлого раза, как и то, что она может вмешаться, — уже спокойней, хоть еще и с придыханием ответил Ардэн. —

Ты не выйдешь отсюда, пока мы не поговорим.

— Хрен тебе во всю морду, — огрызнулась я. — Уже поговорили.

— Тебя влечет ко мне, не стоит это отвергать, — усмехнулся Дима, но подходить не стал. Вместо этого снова разлил вино и сел на свое место.

Мне деваться было некуда, потому я тоже бухнулась на стул и сжала в руке бокал, тут же махнув его залпом, не дожидаясь ни тостов, ни компании собутыльника. Меня трясло от ярости. И что бесило больше, мне сложно было понять. Но при мыслях о сережке, хотелось запустить чем-нибудь в наглую рожу похотливого недоделанного аттарийца. А впрочем... Если женщина чего-то хочет, она должна это получить. Сказано же: «Что хочет женщина, то хочет Бог». А значит...

— Сволочь! — и пустая уже тарелка понеслась в Ардэна. — Дрянь такая! — тарелка с салатом. — Самовлюбленный павиан! — соусник. — Как же ты меня бесишь, кобелина позорный! — ничего не полетело, потому что Димасик метнулся ко мне едва уловимым движением и завалил вместе со стулом на пол, умудрившись подставить под голову свою руку, и я не ударилась. — Отвали, придурок. Отвали, а то нос откушу, — пригрозила я.

— Суть претензий, — совершенно спокойно спросил Ардэн.

— Козел.

— Я уже понял, что ты ко мне равнодушна. Дальше.

— Сволочь!

— Повторяешься, — хмыкнул противный мужик.

— А ты сволочь в квадрате, — заявила я и попробовала его скинуть с себя. — Дима, будет больно, — честно предупредила я.

Не внял, а зря. Я резко дернула ногой, и колено врезалось в то место, которое Ардэну заменяло голову, сейчас, по крайней мере. Улыбка стекла с наглой хари, как расплавленный воск. Дима сполз с меня и схватился за пах. Я перекатилась подальше и вскочила.

— За что? — сипло спросил меня страдалец.

— Сказано было — не лапай, — проворчала я, поправляя платье, которое сейчас усиленно жалось к моим ногам, стремясь закрыть доступ к сокровенному. — Дим, у тебя своя баба есть, что от чужой надо? Не жирно будет?

— Да нет у меня никого, — Дима перевернулся на четвереньки и глубоко вдохнул. — Не ожидал.

Я хмыкнула и отошла к тому самому диванчику. Сережка опять упала на пол, я подняла ее, повертела в руке и показала Ардэну:

— Улика, — весомо произнесла я. — И вчера, после заповедника, я сама видела, как ты ее запустил к себе. И ее: «Дмирт, наконец-то», тьфу, тоже слышала.

— А мне в коридоре надо было ей сказать, что прекращаю наши отношения? — спросил Дима и опустил зад на пятки. — Уже в третий раз, между прочим. Грейн меня сдал? — я промолчала.

Дима усмехнулся. — Я бы его тоже сдал, — неожиданно признался он. — Все было бы проще, если бы мы не дружили. А так рычим друг на друга, как два тарнайских пса. Но я не дам ему официально признать тебя постоянной парой. Надо будет, забуду, что друг.

— И кто ты после этого? — холодно спросила я.

— Ты, правда, не понимаешь? — неожиданно зло спросил Ардэн, я пожала плечами. — Ладно, о легарах.

Я с большим интересом посмотрела на него. Наконец-то я узнаю об этих таинственных легарах. Чую, именно тут собака порылась.

— Легар — существо гуманоидного типа, но в далеком прошлом рептилоиды. В результате многотысячелетних мутаций изначальный вид изменился, однако древняя кровь иногда проявляется. Весьма редко. Ненависть, точнее, кровная вражда. Хрен его знает, как это действует, но кровь конкретного врага легар чувствует во всех представителях рода. Так же, когда даются клятвы на крови. В основном, такие клятвы даются, когда легару спасают жизнь, и он считает себя обязанным вернуть долг. И есть еще один случай, самый редкий... — На меня выжидающе посмотрели, я опять пожала плечами. — Когда легар чувствует свою женщину. Идеальная пара, Инна, понимаешь? Я даже не думал, что такое может проявиться у полукровки. Грейн несколько раз спасал меня, я возвращал долги, но легар молчал, хоть Ром мне и ближе всех, не считая моей матери.

— А-а-ы... да... — глубокомысленно произнесла я и почесала репу. — Ну-у... Черт, Дим, Ромка меня нашел первым, если так рассуждать...

Ардэн мотнул головой.

— Мы увидели тебя вместе. Только меня заклинило, — проворчал в ответ Дима. — Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Огнем каждую вену пробило, голова чуть не разорвалась. Это я после понял, что легар на тебя среагировал. Но все равно как-то не верилось, мне нужно было подтверждение.

— Угу, помню, — кивнула я. — Ты на меня рычал по началу.

— Не на тебя. Точней, думал, что на тебя. Потом понял, что бешусь из-за Грейна и того, что он к тебе прикасается, — сказал Ардэн и поднялся на ноги. — С Хельгар я последний раз был в твой первый день на корабле. Опять же неверно истолковал желания своего тела. А когда появилась галлюцинация, и я понял, что не та женщина рядом, начал всерьез думать о происходящем.

Эвона как, значит... Я поджала губы, глядя на него.

— Ин, ты мне нужна, — сказал мужчина, растерянно улыбнувшись.

— Дим, ты классный, — я помялась, подбирая слова. — Но я уже с Ромой, и он мне нравится, даже, наверное, больше. Черт, я даже не знаю, что сказать.

— Ты мне еще один поцелуй должна, — вдруг резко сменил тему Дима, испортив драму.

— Может, не надо? — осторожно спросила я.

— Надо, Инна, надо, — кивнул он и сдернул меня с диванчика.

Я влетела в объятия Ардэна. Вырваться не стала, целовать, впрочем, тоже не спешила.

— Я сама, — наконец, решилась я. — А ты руки не распускай.

— Не буду, — пообещал Дима.

Привстав на цыпочки, я обняла его лицо ладонями и потянулась к губам. Очень хотелось поцеловать без всяких эмоций, но этот мужчина волновал меня, так же, или почти так же, как мой синеглазый инопланетянин. И поцелуй постепенно затянул. Руки Ардэна крепче сжались, почти болезненно, сдавив и мешая вдохнуть. А после и вовсе одна рука легла мне на затылок, не давая отстраниться. Но я и не спешила отстраняться, ловя губами рваное мужское дыхание. И лишь когда жар начал вновь туманить мое сознание, я отвернулась и вырвалась из объятий.

— В расчете, — хрипло произнесла я. Прокашлялась и попросила. — Выпусти меня.

Ардэн взял меня за руку и подвел к дверям.

— Я всегда буду рядом, — сказал он. — Тебе от меня уже никуда не деться.

Дверь зашипела, и нам предстала перекошенная физиономия стерляди.

— А эта что здесь делает? — в меня ткнулся тонкий палец, который тут же захотелось сломать. — Дмирт!

— Хельгар...

Я обошла стерлядь, бросила на Диму насмешливый взгляд.

— Все, значит? — спросила я. — Ну-ну.

— Инна, — позвал меня Ардэн.

Но я оборачиваться не стала. Тем более в него клещом вцепилась Хельгар. А возле каюты меня уже ждал Рома. Он хмуро взглянул на меня, я виновато улыбнулась и сказала:

— Ничего не было. Я уже выбрала тебя. Мы просто разговаривали.

Рома кивнул, и мы вошли в каюту. Он не кричал, даже не упрекнул. Просто обнял меня и прижался щекой к моей макушке:

— Тебе от меня уже никуда не деться, — сказал Грейн, и я ощутила дежа вю.

Честное слово, хоть с двоими сразу живи. Ох, ты ж, чего подумалось, ай-яй-яй! Но идея мне понравилась. Ну... просто понравилась. А вы о чем подумали?

Глава 10

Вода. Много воды. Много воды сверху. И вся на меня...

— А-а-а!!!

— Проснулась? Ну, рассказывай.

Сима! Офигевшая в конец Сима! И я почему-то не на широком ложе, а в душевой на полу, а

сверху вода, много. И вся холодная. Обалденно красивая Система сидела рядом со мной на корточках, подперев щеки кулачками, и радостно улыбалась.

— Ну! — поторопила она меня.

— Сераф-ф-фим-ма, — отстучала я зубами, — у т-теб-бя погорел-ло т-там что-т-то? — я покрутила пальцем у виска.

— Перестаралась, — вздохнула Сима, и вода с потолка исчезла, сменившись теплым воздухом. — Согрелась? Теперь рассказывай.

— Что тебе рассказать, исчадие ада?! — вскричала я, вскакивая с пола. — Ты меня утопить хотела? Я тебе соли под хвост насыпала? Сима, это же гестапо в чистом виде!

Красивая Сима повисла над полом, обиженно надув щеки.

— Я думала, мы подруги, — выдала она, — а ты меня словами нехорошими называешь. Ну взбрызнула чуток водичкой, ну и что? Теперь обижать меня надо?

Моя челюсть гулко звякнула об пол. Это что, я еще и прощения должна просить у этой садистки? А Сима, оскорбленная добродетель в чистом виде, смотрела на меня с неммым укором и ждала.

— Извиняться не буду, — предупредила я.

— А и не надо, — неожиданно легко согласилась она. — Ты расскажи, что у вас там с командиром было. Он меня заблокировал, представляешь? — адская машинка снова надулась, став похожей на хомяка, только блестящего и совсем красивого. — Я ему верой и правдой, не щадя процессора, так сказать, а он вон как. Вот устрою ему армагеддец местного масштаба, пускай тогда почирикает.

Я подобрала челюсть с пола и восторженно поаплодировала умной технике с Земным вирусом в электронных мозгах. Система с достоинством поклонилась и посмотрела на меня с жадным интересом. Подсушенная и согревшаяся я вышла из душевой, гордо неся голову с самым таинственным видом. Что характерно, Серафима уже сидела на кровати в излюбленной позе и болтала ногами. Глазюки, тем не менее, смотрели на меня все с тем же жадным интересом.

— Ну-у-у, — заныла она.

— Что конкретно тебя интересует? — важно спросила я.

— Визуализация Агорайских покоев понравилась? — задала она неожиданный вопрос.

— Круто вышло, — ответила я, и Сима стала пунцовой, ну вот просто вся. Была голубовато-серебристая, а стала пунцовой.

— Это он мне еще позволил сделать, ирод проклятуций, — сварливо произнесла Система. — Потом замкнул картинку, а меня под хвост мешалкой. Вот зачем он со мной так, а?

Я заинтересовано посмотрела на нее.

— Ты сколько фильмов посмотрела, Сим?

— Много... очень, — гордо сообщила она. — У меня такая скорость обработки информации и

возможность дальнейшего преобразования и развития, какой у ваших компьютеров еще долго не будет, — я фыркнула на это бахвальство. — А еще я собрала лексикон с турбазы, она недалеко была. — Ы-ы?

— Турбаза? — я округлила глаза и осторожно спросила. — Как недалеко?

— Ты до нее совсем чуть-чуть не дошла, когда тебя тайлар Грейн забрал. — Охотно ответила Система. — Если бы не свалилась в яму, то минут через десять уже бы к ней вышла. Ты вообще возле нее весь день кружила, только зачем-то сворачивала в сторону, когда совсем немного оставалось.

Я поднялась с кресла, подошла к стене и приложилась к ней лбом, не со всей дури, конечно, к чему мне эти радикальные меры? Затем еще разок и еще для закрепления эффекта. После выдала такую тираду, что поголубевшая было Серафима, вновь приобрела ровный пунцовый цвет. Вашу ж за ногу! Это я рядом была, совсем рядом! У-у-у, дурная голова до космоса доведет... Я бы уже наотдыхалась и домой вернулась! А теперь что? А теперь у меня есть два шикарных мужика, для которых я идеал, а на Земле просто Инка Журавлева. Ладно, в космосе не так уж и плохо, только своих бы предупредить...

— Ну, и чего там было-то? Вы с тайларом командиром Ардэном того...? — вновь загорелась любопытством Сима, забыв про всякий стыд, как, впрочем, честь и совесть. Хотя откуда они у этой охамевшей заразы? — Ну, Инна-а-а!

— Ты мне объясни, тебе-то какая разница? — спросила я, пребывая все еще в процессе самобичевания, не смотря на двух шикарных мужиков.

— Так любопытно же, — она посмотрела на меня, как на несмышленое дитя. — Если было, то тайлара Грейна жалко. Он хороший, романтичный такой, — Сима мечтательно вздохнула. — И красивы-ый.

— Они все тут красивые, — отмахнулась я.

— Не, это тебе так кажется из-за вашего земного несовершенства. — Новая зарубка украсила мою добрую память. — А он и по аттарийским меркам красавец. Командир тоже, но он не такой романтичный. Он тиран и деспот. А еще...

— Хрюн неблагодарный, — усмехнувшись, подсказала я.

— Вот-вот, — поддакнула Сима. — Вообще, внешний облик аттарийцев обусловлен долгим оттачиванием генного набора, как и их склонности, таланты и даже здоровье.

— Селекционеры хреновы, — усмехнулась я. — Погоди, то есть то, что у Ромы вся семья разведчики...

— Аха, — кивнула Система. — Это их семейная склонность, так пару постоянную и подбирают, чтобы в дальнейшем сохранялась чистота династии по всем параметрам. Они и состоят в военном сословии уже много поколений. Командир — лидер, по материнской линии.

— А по отцу легар, — усмехнулась я. — Всегда знала, что он гад ползучий. А вообще, это свинство. Будущим поколениям еще до рождения навязывают образ жизни и профессию. Никакого выбора.

— Зато на Аттарии полностью отсутствует преступность, — не согласилась Сима. —

Практически не осталось болезней, смертельных и наследственных так уж точно. Любая генная мутация обратима, но такого практически не бывает.

Я задумалась. Нет, это здорово, что у них побеждены в корне те болезни, от которых у нас только мечтают создать вакцины. Здорово, что Джеки Потрошители по улицам с топором не бегают. Но! Но ведь в рождении ребенка участвуют двое. То есть я войду в династию Грейн, и наш ребенок априори будет военным, имеющим талант разведчика. Но ведь у меня есть свои таланты... ну не может же их не быть, в конце концов! Тогда почему выбор за Грейном? Ну ладно, гипотетически не я, а другая женщина из другой династии, почему опять же Грейн? Потому что мужчина? Опять шовинизм? Не позволю!

Своими соображениями я поделилась с Симой. Электронная бестия весело похихикала.

— Пара составляется из мужчины и женщины с похожим генным набором, — пояснила она. — Потому и коррекция делается, когда есть несовпадения. Но это уже смена династической линии, потому на нее идут редко. В основном те, в ком чувства говорят сильнее долга перед предками. Вот, например, тайлар Грейн и... хи-хи, стерлядь. — Я распахнула ушки. — Хельгар хоть и из военного сословия, но для него совершенно не подходила, как постоянная пара. Она от коррекции отказалась сразу. Тайлар Грейн одно время готов был пойти для нее на это. — Теперь у меня сжались кулачки, ибо неожиданно явилась ревность. Мой Рома ради стерляди готов был изменить предкам?! Удавлю негодяя.

— И почему передумал? — тихо зверея, спросила я.

— Она же законченная стер... лядь, — осклабилась Сима. — Вот чистой воды. Она на командира глаз положила, пока еще с тайларом Грейном была. Тайлар командир Ардэн его предупредил, что Хельгар к нему подкатывает. Ром ей объявил, что она свободна и может делать, что хочет, потому что их отношения...

— Непродуктивны, — закончила я.

— Угу, так и сказал. Она согласилась и к командиру. Тот сначала игнорировал ее старания, потом сдался. Но он себя с ней даже временной парой не объявил. Вот и бегают к нему.

— А он принимает, — ревность подняла голову во второй раз, но сейчас я ее задавила. Мне-то что, да? Да?! Да, и никаких гвоздей.

Система еще немного поболтала ногами, хитро взглянула на меня и выдала:

— Не-а, не принимает. Он ее работой загружает, чтоб зря не бегала, так она находит вопросы по данному ей заданию. Вчера командир ее так в каюту и не пустил. Ты сбежала, и он ушел, закрыв перед носом Хельгар дверь. Ох, и ругалась она потом... на тебя. Меня, кроме тебя и двух старших тайларов, никто всерьез не принимает, потому ничего не скрывают. А мне скучно и обидно. Тайлар командир Ардэн уже нарвался, я на него сильно обиделась. И на тебя обижусь, если будешь и дальше зубы заговаривать. Так было?

Я закатила глаза и фыркнула. Система материализовалась рядом со мной и скрестила руки на груди, показывая, что с живой меня не слезет. Тяжко вздохнув, я ответила:

— Не было. Мы просто выясняли, кто, чем живет, и зачем это нужно. Слушай, — я посмотрела на Симу, которая успела вернуться на кровать, — если Ромка такой красавец и по меркам своей планеты, чего стерляди-то надо было? Красивый, добрый, заботливый, именитый.

— Не честолюбив, — ответила Серафима. — Она посчитала его слишком мягким. Тайлар командир жестче. Хельгар считала, что тайлар Грейн не боец. Просто она ему по-настоящему нужна не была никогда.

— Ты же говорила, что он ради нее на коррекцию был готов, — удивилась я.

— Я же говорю — романтик, — она пожала плечами. — Он бы не стал делать коррекцию. Я его показатели считала, когда он это говорил. Тайлар Грейн был тогда в мечтательном настроении, к тому же был уверен, что Хельгар никогда не станет его постоянной парой. Красовался, в общем, — хмыкнула Сима.

— А со мной? — насторожилась я.

Система хитро посмотрела на меня, помигала своими искорками, театрально затягивая паузу, и я решила, что устрою ей короткое замыкание.

— С тобой он всегда в мечтательном состоянии, а без тебя злой и подозрительный. Я-то вижу, — она многозначительно подняла кверху сверкающий палец. — Смотри.

Передо мной появился небольшой экран, на котором я узнала капитанский мостик, хоть и была там всего раз. Рома сидел в кресле, вытянув ноги и скрестив руки на груди. Лицо моего синеглазика было угрюмым и совершенно мне незнакомым. Я как-то больше привыкла к его улыбке. Вдруг картинка раздвоилась, и я имела честь лицезреть капитанскую каюту. Дима растянулся на том самом диване, на котором недавно... э-м-м, ну, в общем, ладно. Он закинул руки за голову и смотрел в потолок. Выражение его лица было непроницаемым. Ардэн поднял руку и посмотрел на то, что сжимал в пальцах. Это оказалась сережка Хельгар. Он повертел ее, поджал губы и вдруг с силой швырнул в стену.

— Убери, — попросила я тихо, и Ардэн исчез.

— Его тоже? — спросила Сима.

Я поднялась с кресла, оглядела себя и решила, раз умыться мне уже помогли, сон разогнали, то не прогуляться ли мне на мостик?.. А почему бы собственно и нет? Когда я вернулась от Ардэна, Рома был со мной недолго, все-таки вахта. Отпустив из объятий, Грейн еще какое-то время смотрел на меня, после быстро поцеловал и ушел, оставив ощущение какой-то недосказанности. Это напрягало. Я вдруг поняла, что за несколько галактических дней умудрилась влюбиться в синеглазого инопланетянина. И вроде времени мало прошло, а душа почему-то тянулась к Роме. Рядом с ним мне было спокойно, уютно и чертовски приятно. И это я не о сексе, хотя такого секса, как с ним у меня в жизни не было.

— Сим, Рома там совсем один?

— Да. Ночью все отдыхают кроме вахтенного. Я держу курс и обстановку под контролем. Дежурный тайлар просто страхует меня, — пояснила Система и философски добавила. — Все мы не без греха.

Я усмехнулась и направилась к шкафу, выбирая платье. Подумала и выбрала свое родное черное. То самое, которое Роме понравилось. Подумала еще немного и... не стала надевать трусиков. Пусть сюрприз будет. Ну и туфельки, само собой. Про белые тапочки я уже почти не вспоминала. Они стояли в каюте для проформы, да.

Сима спрыгнула с кровати и направилась к двери впереди меня, время от времени поглядывая

через плечо в мою сторону и чему-то радуясь. Она взмахнула рукой, изображая абракадабру симсилябима, и дверь с тихим шипением открылась. Я хмыкнула. Тоже мне — позерка. Серафима не оскорбилась и помчалась впереди меня вприпрыжку, на ходу гася перестук моих каблучков. Это я поняла потому, что после первых двух «тук-тук» я начала передвигаться, как индеец в дебрях Амазонки, совершенно бесшумно.

Навстречу нам никто не попался, это радовало. Лишних свидетелей я стеснялась, все ж на дело шла в некотором роде — делать своему мужчине сюрприз, заранее предвкушая его удивление.

— Гы, — вдруг изрекла Сима.

— Что? — шепотом спросила я.

— Тайлар Грейн решил посмотреть свою каюту, — перед моими глазами появился маленький экранчик, на котором мой Роман находился в крайней степени негодования.

— Я этому ящеру шею сверну, — прозвучал в ушах голос моего Отелло, и я умилилась.

А потом Рома ринулся на выход.

— Здрасти, — выдала я, когда дверь на капитанский мостик открылась, и мы встретились. — Вы не ждали, а мы приперлись.

— Инна? — изумленно спросил об очевидном факте Грейн.

— Нет, Жора — гардеробщик, — хмыкнула я. — Пустите, дяденька погреться, а то так есть хочется, что переночевать негде.

Рома рывком втянул меня на мостик, словно опасался, что я сейчас поверчу задом и свалю в произвольном направлении, и дверь за нами закрылась. Симы уже рядом не было.

— Ты почему не спишь? — спросил он, все еще находясь под впечатлением от пустой кровати.

— Пришла с инспекцией, удостовериться, что ты здесь не закатил оргию со стриптизершами, не обливаешь их пивом и не посыпаешь чипсами, — важно ответила я. Уточнять, о чем я говорю, Рома не стал, только хмыкнул. — Ну раз ты верный муж и на работе не пьешь, то я иду спать с чистой совестью.

Я сделала шаг в сторону двери, и меня тут же вернули обратно.

— Умерла, так умерла, — изрек со смешком Рома и склонился к моим губам.

— Прогрессируешь, красавчик, — усмехнулась я, сплетая пальцы на его шее.

— Мне Сима подсказывает и переводит, — прошептал он.

— Предатель, — тут же раздалось из ниоткуда. — Я ему по-братски, а он...

— Серафима — Просветитель, — негромко рассмеялась я.

— Да ну вас, — фыркнула Система и замолчала.

Рома завладел моими губами, уже так знакомо погружая в мучительно-сладкое состояние

первого желания и нежнейшей истомы. Но я все-таки разорвала поцелуй, взяла его за руку и потянула к креслу. Мой инопланетянин не стал сопротивляться, позволив мне занять его место. Сам Рома оперся на спинку кресла, из-за чего низко согнулся, и его дыхание коснулось моего затылка. Я на мгновение зажмурилась от приятных мурашек, скользнувших вдоль позвоночника.

— Ром, Сима сказала, что ты романтик, — сдала я хитросделанную программу.

— Да? А моя мама говорит, что я бесчувственный тип, — я не увидела, но почувствовала его улыбку. — У нас главный романтик в семье — мой отец.

— Я и думаю, что Сима ошиблась. Я пока из романтики только швера видела, — я задрала голову и посмотрела в глаза Ромы, который вдруг смутился.

— Я исправлюсь, — пообещал он и поцеловал меня в кончик носа. — У нас и времени даже толком побыть вместе нет. — Это Рома произнес немного зло, и я поняла, кому данная претензия адресована.

Я все еще сидела, задрала голову, и мужчина ласково провел по моей щеке тыльной стороной ладони, очертил кончиком указательного пальца контур губ и вновь склонился, захватывая мои губы в сладкий плен поцелуя.

— Я все чаще думаю, за что мне Вселенная послала тебя, маленькая? — чуть хрипло сказал он.

Ага, помню, один из моих винторогих задавал мне подобный вопрос, только звучало это несколько иначе.

— Журавлева, тебя в спешке делали! У тебя в голове ветер свищет, я отсюда слышу! Ау, есть кто дома?! Я до сих пор себя спрашиваю, за каким хреном повелся на твою смазливую мордашку и связался с тобой? Ты же толком готовить даже не умеешь! Это что, макароны?

Возмездие за хамство не заставило себя ждать. Макароны повисли на ушах страдальца, а старый бабушкин дуршлаг не вынес встречи с головой бывшего возлюбленного и помялся. Огреб, короче, по полной. Не дуршлаг, разумеется, а винторогий. Я тогда еще с подружкой заболталась по телефону и случайно сунула его любимую белую рубашку с черным бельем. Рубашка приобрела унылый серый цвет. Потом она же летела на голову мерзавца с балкона моей квартиры, когда бывший стремительно уносил ноги от моего праведного гнева и дальнейшего возмездия. Он после мириться приходил, правда, только я дверь не открыла, проложив ему маршрут следования в словесной форме. Не терплю хамов, зверею.

— Ты хотел сказать, что тебя за что-то наказали? — улыбнулась я.

Рома отрицательно покачал головой.

— Наградили, — ответил мой наивный мужчина, обошел кресло и опустился передо мной на колени.

Ладони липового романтика обняли мои щиколотки, приятно согрели кожу, поползли вверх и остановились на коленях, поглаживая их. От взгляда синих глаз мне вдруг стало жарко. Дыхание прерывалось даже без откровенных прикосновений. Рома, по-прежнему, просто поглаживал мои колени и не сводил взгляда с моего лица. А что означает ЭТОТ взгляд, я уже знала — наслаждение.

— Знаешь, что мне нравится в тебе больше всего? — все тем же приглушенным и невозможно сексуальным голосом с легкой хрипотцой спросил меня мой мужчина.

— Что? — эхом отозвалась я, не в силах разорвать незримую связь, сплетавшуюся из наших взглядов.

— Такого нет, — улыбнулся он. — Потому что мне нравится все. — Рома приподнялся, и наши лица оказались на одном уровне. — Твое лицо, — его ладонь огладила мои скулы, спустились к подбородку, взяв его в мягкий захват. — Твои губы, — и он закружил меня в вихре пьянящего поцелуя, делая его глубже, исследуя языком мой рот, доводя меня до первых едва слышных стонов. — Твоя шейка, — и мужские губы заскользили по шее, лаская кожу теплым дыханием. — Плечи, — его ладони огладили мои плечи, чуть сжали и спустились до кистей, переплетая наши пальцы. — Твоя грудь, — тяжело сглотнув, произнес он и прикусил через тонкую ткань платья напрягшиеся горошины сосков, сначала один, потом второй. — Твой живот, — я всхлипнула, когда мужчина вновь опустился вниз. — Ножки, — мои ладони вцепились в подлокотники, как только его руки вновь заскользили по моим ногам, от щиколоток до коленей. — И то, что между ними, — выдохнул Рома и развел мои ноги в стороны.

Из моего горла вырвался хриплый стон, когда Рома покрыл легкими поцелуями внутреннюю поверхность бедер, приближаясь к самому сокровенному. Кресло вдруг стало шире, подлокотники удлинились, и Грейн поднял на них мои ноги, задирая узкий подол платья и полностью открывая себе вид моего естества. Легкий румянец смущения исчез с моего лица, как только мужские губы коснулись уже влажных складочек лона.

Я откинула голову и шумно выдохнула, отдаваясь на волю ласкающего меня рта синеглазого инопланетянина. Его язык порхал по средоточию моего желания, проникал внутрь, кружил вокруг налитого бугорка клитора. Мои пальцы запутались в его волосах, вынуждая прижиматься тесней, вскрики разрывали легкие, и сколько раз я повторила его имя, умоляя не прекращать эту невозможную сладострастную пытку, я не помню. А когда мое тело выгнулось ему навстречу, содрогаясь в оргазме, пронзившем каждую клеточку, Рома вновь завладел моими губами, жадно ловя затихающие стоны.

Наши языки сплелись, тяжелое дыхание смешалось, и я потянулась к застежке его комбинезона, спеша ощутить под ладонями восхитительное мужское тело. Мне так нравилось ласкать его, вычерчивать губами замысловатые узоры и слушать, как постанывает мой мужчина.

— Родная моя, — задыхаясь, прошептал Рома, и мое сердце сбилось с бешеного ритма, замерев на мгновение, чтобы ухнуть в пропасть, заполненную искрящейся нежностью.

— Ромочка, — срывающимся голосом ответила я, прижимаясь к нему еще тесней.

Платье отлетело куда-то в сторону, комбинезон Ромы сполз вниз по его телу. Мои ладони накрыли мужскую грудь, заскользили вниз, пальчики пробежались по мускулистому животу и добрались до налитой силой мужской плоти, перевитой узором голубоватой паутины вен. Я игриво пробежалась пальчиками по всей длине возбужденного естества, лаская его, и Рома глухо застонал, пряча лицо в моих волосах. Его ладонь накрыла мою грудь, играя с соском, перекатывая его в пальцах, и я не выдержала. Толкнула Рому на кресло, вновь изменившее свою конфигурацию, став еще шире.

Я оседлала мужчину, не спеша опуститься на горячую возбужденную плоть, впилась жадным

поцелуем в Ромины губы, насыщаясь его рваным дыханием, ловя негромкие стоны и свое имя, сорвавшееся с его языка, как только я отстранилась.

— Пожалуйста, — прошептал Рома, и я не смогла ему отказать.

Опустилась вниз и охнула, когда член синеглазого мужчины заполнил меня. Пальцы Ромы сжали мои ягодицы, и я начала двигаться, вновь завладев его ртом. И когда я выгнулась от новой волны наслаждения, мои глаза распахнулись, и я на мгновение застыла глядя в расплавленное золото глаз с расширенными вертикальными зрачками. Меня накрыло воспоминание о поцелуях Ардэна, и я закричала, забилась от необычно сильного оргазма, взорвавшего меня и разметавшего каждый атом моего тела по бесконечной вселенной. Рома вскрикнул, сжал мои бедра, насаживая меня до самого основания своего естества, продлевая мое наслаждение и доводя до исступления.

Бессильно уронив голову ему на плечо, я некоторое время просто приходила в себя, слушая ласковый шепот моей синеглазой радости. Осознание произошедшего накатило позже, но я так и не поняла, привиделся мне Дима, или он действительно стал свидетелем того, как мы с Ромой занимались любовью. Неловкость от мысли, что могла подумать во время секса с одним мужчиной о другом, я постаралась загнать как можно глубже в свое подсознание. Мне было слишком хорошо, чтобы сейчас мучиться моральными терзаниями и вопросами, почему подобное вообще могло произойти, потому что желание, которое вызывал у меня Рома, было настоящим. И идя к нему по узким коридорам космического корабля, я хотела его и никого другого.

Засыпала я у Ромы на коленях, обняв его и положив голову на плечо, уже вновь одетая, как и он. Рома что-то рассказывал мне, но сладкая истома не давала вслушаться. Я зевнула разок, затем еще раз и погрузилась в негу приятного и спокойного сна.

Глава 11

— Я ее на Галаре черным техникам продам! — рев раненного буйвола подкинул меня на кровати.

— Кто? Что? Пожар? А-а, Дима-а, — моя оторопь сменилась зевком, и я упала обратно на подушки.

На подушки? Я почесала в затылке, осознавая, что лежу в постели, успевшей стать мне уже родной. Платья на мне нет, как нет вообще ничего, лишь богатства, которыми меня одарила матушка-природа. Не скажу, что она со мной особо расщедрилась. Вот с Катькой Петровой природа была более добра, навесив ей полноценный пятый размер. Эх... ну и ладно...

Однако вернемся к открытиям. Рядом со мной беззастенчиво дрых Ромашка. Я умилилась его умиротворенным ликом, ровным сопением, полюбовалась на открытое до бедер тело, вздохнула, в который раз осознавая, что все это мое, и ушла в душ.

— Сим, водички, — произнесла я.

Водички не было. Я пошлепала ногой по полу, промычала песенку, сфальшивив раз сто, опять почесала репу и позвала снова.

— Сима, ау. Сима!

Искрящееся красивое безобразие материализовалось в воздухе. Лицо ее выражало крайнюю степень раздражения, и эта зараза выдала:

— Некогда мне, потом...

И исчезла. А я выпала в офигей последней степени. Это что сейчас было? Затем сложила в уме рев Ардэна, ночные угрозы Системы и усмехнулась, но сразу же снова нахмурилась.

— Сима, не хамей, дай воды!

— Да на! — рявкнула зарвавшаяся паразитка, и меня окатило с ног до головы.

Я задохнулась от возмущения. Так и стояла, разглядывая себя и шумно ловя ртом воздух. Затем выдала нецензурную тираду, и из стены высунулась Серафима. Она виновато посмотрела на меня и, буркнув:

— Звиняйте, тетенька, увлеклись мы, — дала умыться, а после и позавтракать.

Закончив с утренними делами, я упала в кресло, решая, чем заняться, пока Рома спит. Будить мужика после ночной смены совсем не хотелось. Помыкавшись немного, я решила погулять по кораблю, попросив Симу сказать синеглазику, что покушаться на аттарийцев я не буду. Ну и, каюсь, было любопытно узнать, что адова программа сотворила с командиром «Гордости Аттарии» в своей беспощадной мести. А еще было жалко Диму, которому и так не сладко. А, да, еще хотела поболтать с Русиком, не вовлекая его в новые неприятности, и узнать, скостил ли ему срок суровый товарищ Ардэн. Дел-то нашлось, мама дорогая, так что сидеть в каюте я не могла.

Выбравшись в коридор, я осмотрелась, решая, где мне найти нового знакомого.

— Сим, а где Руся? Э-э, тайлар Брэн.

— Отбывает наказание, — ответила Система.

— А Дима?

— Переодевается, — и она мерзенько так захихикала.

— Что ты с Ардэном сделала? — не без любопытства спросила я.

— Много чего, — удовлетворенно произнесла Сима. — Так тебе тайлара командира или тайлара Брэна?

Я почесала в затылке и решила:

— Русю.

— Иди за белым кроликом, — изрекла Сима, и я хохотнула.

Передо мной появилась проекция лопухого животного, и он резво поскакал по коридору. Пожелав Серафиме словить глюк, потому что зверюга оказался слишком активен, я ломанулась следом за ним, слушая очередное гаденькое хихиканье моей «подруги». Надо потом подробней узнать, как она бедного Диму терзает. А пока я неслась по «Гордости», хватаясь за бок и костера, на чем свет стоит, вошедшую в раж Систему.

Ушастый зверь скачками гепарда гнал вперед, я за ним. Время от времени мне попадались на пути аттарийцы, оборачивающиеся нам с кролем вслед. И я даже не виню их за вытянутые лица, я бы тоже прибалдела, если бы стала свидетелем нашего странного марафона.

— Это народная примитивная игра, — не выдержала я, когда пробежала мимо очередной особи в зеленом комбеше, жмущегося к стенке, потому что мой навигатор едва не сбил его с ног.

Зеленый понимающе покивал головой и расслабился. А мы бежали дальше, спускаясь куда-то ни нижние уровни космического корабля. Мне все чаще попадались оранжевые комбинезоны, и я поняла, что это вотчина техников. Они реагировали на нас с кроликом гораздо спокойней, чем ученые и медики. Должно быть, этих удивить было сложно. Впрочем, после моего триумфального появления в зале перемещений, техники от меня ожидали всего, чего угодно, и белоснежное создание ростом с порядочного дога, их волновало мало. Тем более целеустремленности моего джиписэса мог бы позавидовать кто угодно. Он вообще ни на кого внимания не обращал, включая и меня саму. Потому половину трапов я проехала на заднице.

Кролище свернул к очередному трапу, скакнул вниз, сбил с ног какого-то вояку и врезался в дверь, снеся ее полностью. После этого издал звук, более всего напоминавший гудение парохода и исчез.

— У-у-уф, — тяжело выдохнула я, перешагивая вояку, смотревшего на меня огромными голубыми глазами. — Здравсти, мужчина. Вы тайлара Брэна не видели?

— Там, — указал вояка пальцем на искореженные двери.

— Премного вам благодарны, — буркнула я и вломилась... короче, это было местное подобие гауптвахты.

Мой новый знакомый лежал на комфортабельной койке и смотрел на меня не менее изумленным взглядом.

— Ты, — констатировал он.

— Ага, — выдохнула я и упала на его койку, тяжело дыша и вытирая пот. — Как дела?

— Лежу... сижу... арестован, в общем, — пробормотал Руся и сел рядом со мной.

— Спасибо, — ответила я и развалилась на его место, приходя в себя после кроличьего забега. — Водички бы, — попросила я, не открывая глаз.

Руся послушно притащил мне стакан воды и опять сел рядом.

— Если командир или первый помощник увидят тебя лежащей в моей постели, боюсь, меня выпустят в открытый космос без скафандра, — хмыкнул Брэн.

— Спокуха, Русь, я все разрулю, — пообещала я и села, жадно выпивая воду. — У-уф, Сима сволочь, — пропыхтела я, роняя голову на плечо мужчины.

— В открытый космос без скафандра, да еще и со свернутой шеей, — хохотнул он.

— Я за тобой, как жена декабриста, а ты смерти боишься, — укоризненно ответила я и села ровно.

Вдруг в камеру вломился тот самый сбитый с ног и толку вояка. В руках его был зажат

парализатор, на морде написано, что за Родину порвет любого, как тузик грелку. Патриот оглядел камеру суровым взглядом, которому позавидовал бы сам Ардэн.

— Попытка побега, — выдал он, и мы с Русей переглянулись.

— Окстись, сердешный, — отозвалась я. — Я друга, можно сказать, брата проведать пришла, какой побег на фиг?

— Что? — растерянно спросил суровый страж.

— Хренов сто, — отмахнулась я. — Ну как ты? — спросила я зеленоглазого, явно забавлявшегося происходящим. — Кормят-то хорошо? Может, тебе ножовку в апельсинах принести?

— Еще бы понять, что ты сказала, но звучит красиво, — рассмеялся Брэн.

— Забей, — махнула я рукой.

— Кого? — поинтересовался Руся, и охранник крепче сжал парализатор.

Я тяжело вздохнула. И почему они так буквально воспринимают это слово? Да еще и энтузиазм такой на лицах, словно только и ждут команды «фас». Изверги аттарийские.

— Забей на забей, — опять отмахнулась я, и оба гуманоида зависли, осмысливая мое предложение. — Как же вы меня иногда раздражаете, — покачала я головой.

Охранник вдруг встрепенулся, снова навел на меня парализатор и грозно рявкнул:

— Освободите камеру временного содержания.

— Я бы на твоём месте на тайлари голос не повышал, — усмехнулся Руся. — И это убрал подальше, — он указал взглядом на парализатор.

— Молчать! — снова рявкнул патриот.

— Ну чего ты разоряешься? — миролюбиво спросила я. — Сейчас поговорю и уйду. Делов-то на копейку.

— Шифрованные разговоры запрещены, — грозно уведомил меня вояка.

Я поднялась с койки, развела руки в стороны, собираясь сказать что-нибудь, типа:

— Стреляй, фашист, всех не перестреляешь, — как этот малохольный... выстрелил.

Знакомое оцепенение сковало меня, причем, в это раз даже в глазах потемнело от силы разряда, и до слуха донесся далекий голос Руси:

— Это полный капец.

Через минуту в камеру влетел Ардэн и застыл, глядя на меня. А я стою вся такая в позе «здрасти, гости дорогие», руки в стороны раскинуты, словно весь мир обнять хочу, а сама думаю, что не тому Сима гадила, ой, не тому-у-у... Глаза Дмитрия заметно увеличились, затем сузились, и рев дикого льва сотряс многострадальный карцер:

— Кто?!

— Она, — гордо указал на меня самоубивец с парализатором. — Прибежала за неизвестным животным, сломала дверь и пыталась устроить побег арестованному тайлару Брэну.

— Да какой побег? — возмутился Руся. — Девушка пришла просто поговорить.

— Этого в соседнюю камеру, — рявкнул Ардэн. — Дверь восстановить. Брэн... свободен.

— Тайлар командир Ардэн, за что?! — изумился патриот.

— За превышение полномочий, — ледяным тоном ответил Дима. Лапочка моя, на все найдет обоснование. Несмотря на свое плачевное состояние, я успела загордиться командиром «Гордости». Нигде не пропадет, бюрократ несчастный.

Дима всех выгнал и подошел ко мне.

— Какая же ты красивая, — я умилилась, — когда молчишь. — Скотина какая! — Оставить бы тебя так, чтобы не носилась по кораблю, — только рискни, морда тряпочная. — Но без твоих выходов будет скучно, — уф, живи, красавчик.

Он сделал мне укол в основание шеи и тут же обнял, когда паралич спал, и я покачулась. Противные иголки прошили все тело. Я уткнулась лбом в грудь Димы и глухо застонала.

— Неприятно, знаю. Потерпи немножко, — ласково произнес Ардэн и уложил меня на опустевшую койку, давая возможность прийти в себя.

Дима сидел ко мне спиной, только сжимал ладонь, поглаживая запястье большим пальцем, и молчал. Я закрыла глаза и попыталась расслабиться, чтобы колючки быстрее прошли. Очень хотелось дать в глаз этому Ворошиловскому стрелку, но еще больше хотелось вновь почувствовать себя человеком, а не подушечкой для иголок, которая висела на стене у моей бабушки. А еще хотелось, чтобы меня пожалели. Я скосила глаза на Ардэна, почувствовала укол совести, но все-таки фальшиво всхлипнула и состроила жалостливое личико.

Дима обернулся, заметил несчастные глаза и дрожащий подбородок и усадил к себе на колени. Теперь осталось надеяться, что Рома не примчится на мои поиски, а то моя жалость к себе любимой еще и боком выйдет. Ардэн по-прежнему молчал, но прижал к себе мою голову и зарылся пальцами в волосы. Он о чем-то думал, а я не мешала, боясь сделать лишнее движение и... Черт! Хотела, чтобы он меня поцеловал. Как вчера, так, чтобы дыхание перехватило, и мозг превратился в расплавленный маргарин.

— Все прошло, — слишком громко вскрикнула я, срываясь с мужских колен.

Ардэн вздрогнул и укоризненно покачал головой.

— Я чуть заикаться не начал, зачем так орать? — спросил он.

— Так прошло же, — ответила я.

— Я рад за тебя, — усмехнулся Дима и указал взглядом на дверь.

Мы вышли из камеры. За пределами временного узилища хорошего парня Руси Брэна стояли подчиненные тайлара командира и ждали указаний. Ардэн недоуменно изломил бровь, и

пространство тут же очистилось, словно фокусник взмахнул волшебной палочкой.

— Ого, как ты их выдрессировал, — восхитилась я.

— Я — тиран, — хмыкнул Дима.

Мы поднялись по трапу, и он остановился, по своей привычке скрестив руки на груди.

— Ну и что тебе понадобилось здесь? — спросил Дима.

— Просто хотела узнать, как он, и изменил ли ты ему срок наказания, — я пожала плечами и облокотилась на поручни.

— Могла бы у меня спросить, — Ардэн повторил мою позу. — Тебе достаточно меня позвать, у нас... прямая связь.

— Телепатия? — округлила я глаза.

— Какая, к лысому кроту, телепатия? Я настроил для тебя персональный канал, — ответил Дмитрий.

— О-о-о, — глубокомысленно покивала я.

Ардэн усмехнулся и выпрямился. Я видела, что он хочет что-то сказать, и ждала. Но Дима лишь взял меня за руку и повел в сторону лифта, который тут, оказывается, был. Ну Сима...

— Иди за белым кроликом, — ворчливо передразнила я, и где-то рядом захихикала чересчур умная приколистка.

— Что? — Дима, вошедший в лифт первым, обернулся и потянул меня за собой.

Я взглянула на его светлые волосы, попробовала сдержаться, но расхохоталась, примеривая аналогию на тайлара командира.

— Инна?

— Я иду за белым кроликом, — выдавила я и снова зашлась в приступе смеха.

Ардэн полюбовался на мою истерику и вдруг сделал уверенный шаг ко мне, сгреб в охапку, его пальцы нырнули мне в волосы, сжались в кулак и несильно потянули назад. Я ахнула, послушно откидывая голову. Смех тот час застрял в горле, превратившись во всхлип, когда губы командира «Гордости» завладели моими. Он опять сделал шаг, и я вынужденно попятилась, еще шаг, и моя спина упирается в стену лифта. Дима резко приподнял меня, закидывая мою ногу себе на бедро, я ухватилась за его плечи, подчиняясь той странной силе, исходившей от Ардэна, плаваясь в его руках и теряя связь с реальностью. Черт его знает, чем бы все закончилось, если бы пространство лифта не огласил скучающий голос Симы:

— Пятый уровень, тайлар командир Ардэн. Симуляторы подготовлены для занятий тайлари Инессы.

Я распахнула глаза и встретилась с расплавленным золотом глаз Димы. Продолговатые вертикальные зрачки снова затопили радужку, оставив от нее лишь тонкий золотисто-желтый ободок. Я гулко сглотнула и хрипло попросила:

— Отпусти, будь человеком.

— Я тебе безразличен, — вместо того, чтобы поставить меня на ноги, произнес Ардэн. — Почему ты упрямо выбираешь Грейна?

— Потому что он мне тоже безразличен, — почти шепотом ответила я, пытаюсь справиться с бушующей кровью.

— Посмотрим, — произнес Дима, и я встала на пол.

Он вновь взял меня за руку, и я послушно, словно ягненок на заклятие, последовала за ним, отчаянно ругая себя и уговаривая вернуться к Роме в каюту, нырнуть ему под бочок и послать эту непонятную тягу к другому мужчине, куда подальше. Послать не успела, потому что мы вошли в тренажерный зал.

Это был отличный повод переключиться с очередного самобичевания по поводу своей испорченности. Я огляделась и восторженно потерла ладошки.

— Веселье, веселье! — провозгласила я, ринувшись к креслу, точной копии кресла из штурмовика.

Дима подошел следом, с улыбкой наблюдая за моим детским восторгом. Я протянула загребущую длань, подрагивающую от нетерпения, к уже знакомым очкам, но Ардэн меня остановил.

— Прежде, чем стрелять, сначала нужно взлететь.

— Ась? — я посмотрела на него и быстренько спрятала глаза, все-таки напялив очки.

Дима их тут же снял, обнажая мою бесстыжую рожу. Черт, и чего я пялюсь на его губы? Мужик, как мужик. Две руки, две ноги, между ног, как положено, один орган, я знаю, чувствовала... А про орган-то зачем подумала, когда надо было голову упомянуть? Две руки, две ноги, голова, вот. И орган... между ног... где положено... повешено, то есть приращено. Тьфу!

— Ай-яй-яй, как не стыдно, такой мужик в каюте спит, — покачала головой совесть. — У него тоже орган.

— Еще какой! — восхитилось сексуальное желание.

— Да-а-а, — мечтательно протянула я.

— Что да? — спросил Дима, и я очнулась. — Все поняла?

— Ась?

— Н-да, — хмыкнул Ардэн и склонился ниже. — Повторяю.

Он повторял, а я смотрела на его профиль и тихо помирала от желания развернуть к себе эту наглую физиономию и...

— Теперь поняла? — спросил Дима.

— Ась? — неоригинально переспросила я, отчаянно краснея.

— Млин, малышка, ты меня вообще слушаешь? — озадаченно спросил Ардэн, оборачиваясь ко мне.

— Ага, — кивнула я и гулко сглотнула. — Дим, ты это... не мог бы отодвинуться, ну... за спину мне встать и не наклоняться? — проблеяла я, стараясь смирить вновь забурлившую кровь.

И ведь, черт его разберет, от кого бурлит-то. Что об одном думаешь, что о втором. Представлю Рому, лапочку моего, хочу. О Диме подумаю, злыдень мой ползучий, тоже... Мли-и-ин, почему Дима-то мой? Ы-ы-ы... хочу на Землю! Пока я пыталась усмирить свою натуру, в которой вдруг проснулась слабость на определенное место, Ардэн стоял, скрестив руки на груди, и самодовольно лыбился... гад!

— Тебя что-то смущает? — поинтересовался он сладким, как карамель, голосом. Аж, зубы заломило.

— Ты мне загораживаешь обзор, — выпалила я, вновь натягивая очки.

Мерзавец стянул их с меня в очередной раз.

— Все команды голосовые, какой тебе еще вид, — и плечи расправил, типа, любуйтесь Инесса Николаевна, не жалко.

— Не буду, — буркнула я.

— Что не будешь? — изломил бровь Ардэн.

— Любоваться не буду, — ответила я и прикусила язык. Охренеть, а мозги-то, действительно, в маргарин превратились. Накаркала... И плечи мои обреченно поникли.

— Кем любоваться? — уточнил Димон, обдавая меня очередным залпом своей сексуальности.

— Тайларом Гирресом! — гаркнула я. — Быстро объясняй, что делать надо, а не то обижусь и Симу позову.

— Не надо! — неожиданно вскрикнул тайлар командир, и я поняла, что в этом мире появился кто-то, кого эта заносчивая сволочь все-таки опасается. Довела-таки разумная техника человека до нервного тика.

А глаз у Димы и правда дернулся. Командир «Гордости» вздохнул и зашел мне за спину. Теперь я чувствовала затылком его взгляд, что волновало не меньше, чем профиль, губы и то, что в правильном количестве и на положенном месте. Я нервно ущипнула себя, пискнула и, наконец, смогла сосредоточиться на пояснениях. Все оказалось просто — говоришь, умная техника делает. Ручное управление тоже было, но мне его никто объяснять не собирался, а я не настаивала. Мне бы поиграться и хватит.

— Сима, программы: взлет, полет, обнаружение противника, атака, — скомандовал Ардэн.

— А волшебное слово? — елейным голоском произнесла Система.

— Пожалуйста, — выдавил рычащим голосом Дима, и...

Я очутилась в ангаре. Вокруг стояли другие аппараты, ходили люди, техники. Они переговаривались, и я даже слышала, о чем. Я сидела в кабине штурмовика, изумленно

оглядываясь вокруг себя. Блин, я даже запах ангара почувствовала.

— Ну, — донесся до меня тихий шелест Диминого голоса. — Забыла?

— Ведущий первого клина просит разрешение на взлет, — пробормотала я, неожиданно чувствуя себя дура-дурой.

— Ведущий первого клина, взлет одобрен, — услышала я механический голос Ардэна и поняла, что это тоже заложено в программу.

— Начать взлет, — более уверенно произнесла я и вздрогнула от физического ощущения начала подъема штурмовика в воздух.

Я увидела, как люди стали уменьшаться по мере движения, подо мной уже знакомо сошлась платформа, герметично закрывшая ангар. Открылся потолок, и я оказалась среди черноты космоса. Неожиданный страх и ощущение одиночества стали настолько сильными, что мне захотелось закончить все игры. Штурмовик уносил меня все дальше от «Гордости». Машинально обернувшись, я увидела сам корабль, становившийся все меньше и дальше.

— Черт, — прошептала я.

— Ведущий первого клина, ваш запрос не понят, — холодно известил меня механический Ардэн.

Неожиданно теплое живое дыхание коснулось моего виска, и я начала успокаиваться, понимая, что программа просто гениальна по своей сути, если я на раз поверила в реальность происходящего.

— Следовать в заданный квадрат, — уже спокойно произнесла я, и картинка начала меняться.

Вроде все та же чернота, но теперь я увидела пролетевший мимо астероид, и еле разминулась с ним. Тут я вспомнила, что Руся вообще ничего не говорил, а штурмовик слушался его, как верный пес. Хотела задать вопрос, но тут же вспомнила, что сейчас я в программе. Настоящий Дима ответит, а механический Ардэн поставит незачет. Маневры выполнялись сенсорным управлением. Рука моя легла на чуть мерцающую панель. И вовремя, скоро астероидов прибавилось, и я начала вилять между ними, повизгивая от радости... Пока передо мной не вырос огромный кусок астероида. Меня сильно потрянуло, на мгновение ослепило вспышкой взрыва, и я вернулась в тренировочный зал.

— Вот же, — проворчала я.

Дима смотрел на меня с чуть насмешливой улыбкой. Я надулась не хуже Симы. Тайлар командир рассмеялся.

— Будешь ведомой, — вдруг сказал он. — Следуешь за мной. Сима, смена программы. Взлет, парный полет, я ведущий, Инна ведомая. Обнаружение цели, двойная атака. Управление переключить на меня... Пожалуйста. — Последнее слово командир проскрипел сварливым голосом.

— Как пожелает Ваше Величество, — хмыкнула вредная Серафима.

Ардэн занял соседний тренажер. И опять ангар, только в этот раз рядом стоял второй штурмовик, в котором сидел командир «Гордости». Млин, он так гармонично смотрелся в

кабине штурмовика, что я залюбовалась. Дима повернул голову в мою сторону, подмигнул, и я услышала его голос, теперь точно говорил настоящий Ардэн.

— Двойка, я первый, начать взлет.

— Вас поняла, взлет начинаю, — машинально ответила я, все еще глядя на него, и первый штурмовик плавно поднялся над полом ангара. — Начать взлет, — с небольшим опозданием скомандовала я, и меня тряхнуло более ощутимо, чем в первый раз.

Первый штурмовик дождался меня, зависнув на некотором расстоянии от пола, и к потолку мы взмыли уже синхронно. Дальше был космос, и Дима, вырвавшийся вперед. Я увлеклась настолько, что закусила кончик языка, приклеилась к хвосту ведущего и старалась повторять в точности его курс.

— Круто! — выдохнула я, когда мы прошли поле астероидов, и Дима рассмеялся.

Но уже через несколько секунд голос его стал сухим, заметно сказалась привычка командовать.

— Двойка, вижу цель. Внимание. Атака.

Я завертела головой и чуть не попала под первый же выстрел противника.

— Двойка, клювом не щелкать, — рявкнул Ардэн, но быстро смягчился. — Прости, Инночка, привычка, чтоб ее.

— Прощаю, — усмехнулась я, опуская на лоб очки.

Квадратик ожил и начался захват цели. Я видела, как рядом летели светящиеся пунктиры Диминых выстрелов. Целей было две, и он в одно мгновение уничтожил свой кораблик. Я чуть позже, но зато почувствовала гордость. Знай наших! Дима помахал мне рукой из кабины, широко улыбаясь.

— Возвращаемся, — сказал он.

Мы не оказались после этих слов в тренировочном зале. Должно быть, программу нужно было отработать до конца, пролетев обратный путь и приземлившись в ангаре. Дима вновь зашел вперед меня, и я уже собралась пристроиться сзади, когда...

— Смена программы, — уведомил скучающий голос Симы и добавил. — Сюрприз-и-из. — Ну и дальше знакомое гаденькое хихиканье.

— Что за... — начал Ардэн и осекся.

Из-за астероидного поля появился корабль совсем другой модели, ни как наши с Димой, и не как те, что мы уничтожили. Неизвестный аппарат подлетел ближе, и я обомлела.

— Рома-а-а, — потрясенно протянула я. — Проснулся...

— Я тоже рад тебя видеть, сердечко, — немного прохладно отозвался Рома. — Постой в стороночке.

И все, на меня оба перестали обращать внимания. Ардэн сломал линию, уйдя резко в сторону. Грейн развернулся в его сторону.

- Слушай, — хмыкнула Сима, и мне в уши полились переговоры друзей-соперников.
- Какого лысого, Ардэн, — рычал злющий Рома. — Я сказал, что сам все покажу Инне.
- Меня мало волнует, что ты сказал, — не менее грозно рычал в ответ Дима.

Ой, мамочки. Я накрыла щеки ладошками, и еще шире распахнула глаза и уши. Кажется, у нас тут намечается небольшой бой. За меня. От этой мысли у меня чуть не случился оргазм, и я расплавленным воском растеклась по креслу. Благо дело симулятор, можно не истерить и не вмешиваться. А просто насладиться. А насладиться было чем. Не знаю, как я смотрюсь со стороны, скорее всего, как корова на льду, а вот эти двое выглядели обалденно.

- Сим, на чем летит Рома? — шепотом спросила я.
- Истребитель, — так же шепотом ответила она, и я поняла, что программа тоже получает эстетическое удовольствие. Зараза.

— Ты мне потом расскажи, как ты Ардэна до пожалуйста довела, — попросила я.

— Ага, но потом, — ответила она. — Не мешай смотреть.

Истребитель и штурмовик метались, играя в догонялки. Они петляли, перестраивались, поддавливали друг друга, делали выстрел и снова начинали свои танцы.

— Ты достал, Ардэн, — между делом продолжал диалог Рома. — Отстань от нас.

— На тебя я не покушаюсь, — ядовито ответил командир.

— Убил бы сразу, — мрачно пообещал первый помощник. — Не отвяжешься, тогда я покушусь на тебя.

— В хвост пристроишься? — поинтересовался Дима.

— Спереди натяну, — усмехнулся Рома. — Ардэн, я не шучу. Это моя женщина, и я от нее отказываться не собираюсь.

— Я тоже, — сказал Дима.

Мама дорогая, «моя женщина», как приятно-то...

— Я тебе объяснил ситуацию, — продолжал Ардэн, огрызаясь несколькими выстрелами на атаку Ромы. — Нет у меня выхода. Или Инна, или загнусь. Ты сам знаешь про все эти причуды крови легара.

У меня лицо вытянулось. Это я, как вирус и антитод в одном флаконе для Ардэна что ли?

— Дмирт, я не легар, но я люблю Инну, а ты, — тут последовало неизвестное мне ругательство. Сима перевела, я покраснела и стыдливо прикрыла рот ладошкой.

Ой, мама...

— А я, по-твоему, нет? — рявкнул Дима. — Думаешь, это только инстинкт размножения?

Корабли продолжали метаться в черном вакууме, и у меня случилось головокружение. Но уши работали исправно, и я тихо офигевала от услышанного. А мне ведь ни одна сволочь не сказала о чувствах, все только под юбку лезут. Так, стоп. Люблю... Чего, так быстро что ли? Я гордо подбоченилась. А почему бы и нет, я же вся такая идеальная. Мать моя женщина, Инна в шоке!

Когда я открыла глаза, штурмовик и истребитель оказались на одной линии и дали одновременный залп. Две ярко-вспыхнувшие точки на мгновение повергли меня в ужас. Да нет, я помнила, что это симулятор. Но я-то одна осталась! И меня программа не выпустила из космического плена.

— Ваш ведущий погиб, — сообщила программа. — Вы должны самостоятельно вернуться на базу.

— Чтоб вас обоих бабай забрал, — в сердцах проговорила я и...

Счастливо самоубилась о первый попавшийся астероид. Не специально, просто проморгала. Меня опять тряхануло, и я оказалась в тренировочном зале. С обеих сторон меня обступали Дима с Ромой, мерявшие одинаково злыми взглядами.

— Тудыть тебя через коромысло, — загадочно изрекла я, и в мои руки вцепились озверелые аттарийские самцы. — Охренели? — искренне спросила я, предчувствуя скорую кончину от разрывания меня пополам.

Они опомнились и стыдливо потупились. Потупиться-то потупились, но продолжали кидать друг на друга исподлобья недобрые взгляды.

— Мальчики, вы так классно смотрелись, — восторженно воскликнула я.

Они смущенно улыбнулись. Я поднялась с кресла, окинула обоих пристальным взглядом. Не, не поубивают друг друга, поняла я. Но и метаться между двух огней я тоже не хочу.

— Мне с Симой надо поговорить, — сообщила я и малодушно слиняла из тренировочного зала под одновременный возглас двух мужских глоток:

— Инна!

Дверь за мной закрылась, и я припустила в произвольном направлении, пока не догнали. Инна, Инна... А чего — Инна? Почему, чуть что, так сразу Инна?

— Инна!

Двери в тренировочный зал вновь открылись, и мои мальчики одновременно пустились в погоню.

— Инна, остановись, — зывал ко мне Рома.

— Тайлари Журавлева, вам запрещено свободное перемещение по кораблю, — зашел с другой стороны Дима.

— С каких пор? — спросила я, не оборачиваясь.

— С этой минуты, — в один голос отозвались мальчики.

Опачки, как нас отлов Инны сближает, посмотрите на них, опять сплотились. Мужчины прибавили шаг, резко сокращая между нами расстояние, и я заорала:

— Сима! наших бьют!

Передо мной тут же открылась какая-то дверь, и я юркнула в нее под слаженный рев:

— Куда?!

Если б я еще знала. Но страшно, блин, до жути. Оказаться между этими двумя жерновами, у-у-у... Переведя дыхание, я осмотрелась. Это был тамбур перед каким-то помещением.

— Сим, — позвала я. — Мне туда можно?

— Тебе никуда нельзя, — беспечно ответила Система.

— А, ну тогда мне туда дорога, — хмыкнула я и распахнула дверь. — Ого-о, — тут же протянула я, разглядывая огромный зал, увитый лианами. — Сим, а что это?

— Исследовательский центр, — сказала моя электронная подруга. — Здесь изучают флору и фауну с тех планет, которые мы посетили в этом рейде, — продолжала меня посвящать Сима. — Видишь то чешуйчатое безобразие с жалом в одном месте?

Я посмотрела на подобие броненосца, только в блестящей, покрытой слизью чешуе с коротким треугольным хвостиком.

— Это не хвост? — засомневалась я.

— Угу, хвост. Только дай ему повернуться к тебе задом, и этот хвост у тебя из спины выйдет, — хмыкнула адская техника. — Бурляшом называют.

— Бурлит что ли много? — негромко рассмеялась я.

— Бур-ля-эш — произнесла Сима. — Смерть сзади, его так дикари с Фалопии называют. А вот этот милый зверек — конгор с Каазара. Он скучный, почти все время дрыхнет, но защищается ядовитыми испарениями своего тела.

— Конечно, — хмыкнула я. — Если он все время спит, когда ему мыться, сердешному? Тут и не такие испарения пойдут.

Передвигаться между этими тварями было не страшно, потому что они находились в загонах, и я расслаблено наблюдала за незнакомыми особями, знакомясь с животным миром других планет. Сима продолжала работать гидом, и мы вполне мило проводили время в этом зоопарке. Кстати, я успела сочинить новую предьяву своим мужикам. Это же сколько на корабле развлечений, а меня засадили в каюте. Ну еще рвут на фашистский знак, деля мою хрупкую особу.

— Тайлари Инесса?

Я обернулась и широко улыбнулась, увидев знакомое лицо. Раскинув руки, я пошла на тайлара Гирреса, желая обнять его, как родного. Мужчина испуганно икнул и попятился от меня. От меня?! От самого идеала? Не позволю такого пренебрежения к своей особе! Засучив рукава, я воинственно гыкнула и резво шагнула к зеленому. Он ойкнул и не менее резво отпрыгнул назад. И что это такое делается, а?!

— Тайлар Гиррес, — ласково позвала я, — лучше сдавайтесь сразу.

— Аттарийцы не сдаются, — гордо возвестил он и исчез за клеткой очередного чуды-юды.

Издав клич Чингачгука, я пустилась в погоню. Буквально через полминуты я потеряла свою цель из вида.

— Справа, — меланхолично сдала Гирреса Сима.

— Есть. Понял, — отрапортовала я и свернула направо.

Я и мой Сима-навигатор загнали нашу жертву в угол за каких-то пять минут, и я бросилась ему на шею.

— Тайлар Гиррес, дорогой вы мой человек! Как же я рада видеть знакомое лицо в этих диких джунглях!

Да, дурила. Мне живого общения хочется! Чтобы просто поболтать. Руся исчез в неизвестном направлении, где-то недалеко грустят без меня два озабоченных самца, а тут такой милый и стеснительный мужчина, тоже, между прочим, красавчик. Стеснительный мужчина, неловко обнял меня.

— Так я вас больше не смущаю? — осторожно спросил Гиррес. — Я-то уж подумал... — облегченно вздохнул он.

Я даже не успела узнать, что он подумал, когда этот ангелочек водрузил лапищу на мой зад.

— Чего это? — опешила я, ощущая, как лапища мило так поглаживает правую ягодицу.

— Гиррес-с-с, — шипение ядовитого гада разрушило нашу с зеленым идиллию.

— Руки убрал! — загремел рык взбешенного леопарда.

Тайлар Гиррес спешно отпустил меня, и я развернулась. Дима сверкал злыми змеиными глазами, Рома потемневшими синими, и я, испуганно пискнув, отступила за зеленого, который ловко увернулся и спрятался за меня. Еще одна сволочь...

— Приплыли, Инусик, — все так же меланхолично произнесла Сима, материализовавшись рядом. Программа посмотрела на свои ногти, потеряла их о собственный бок, и ногти засверкали ярче Симы.

По вытянутым лицам трех гуманоидов, я поняла, что Симу, так сказать, воплоти, им еще видеть не приходилось. Адово изобретение покосилось на меня, стрельнув взглядом сторону. Я повернула голову и узрела открывшийся проход. Шагнув бочком в сторону, я открыла зеленого гневу моих ревнивцев и юркнула в тот самый проход. Дверца захлопнулась, и я тяжело выдохнула.

— Н-да, а возвращаться все одно придется.

— Не парься, зато нагуляешься перед заточением, — ухмыльнулась Сима, вновь появившаяся рядом.

— Как там мальчишки? — поинтересовалась я.

— Гирреса ждет проверка, — хитро сверкнув глазюками, сообщила Система. — Командир с помощником лично проводить будут. Гиррес в ужасе, у него там сплошной бедлам.

— А ученые подчиняются военным? — удивилась я.

— Тут все командиру подчиняются, и ученые в том числе. Считаю, тебе король и наследный принц достались, — она захихикала довольная собой.

Теперь мы шли по очередному коридору. Куда, знала только Сима. Но ей, похоже, просто нравилось слоняться без дела и болтать. Решив не тратить время зря, я решила узнать одну поучительную историю.

— Сим, так что ты с Арденом сотворила?

Система хмыкнула и открыла рот, чтобы рассказать, когда...

— Ты! — я поежилась от угрожающей интонации и обернулась.

Стерлядь сверлила меня неприятным взглядом. Я расправила плечи, наблюдая за ее приближением. Сима исчезла, бросив меня одну. Ну и ладно, вспомним хулиганскую юность. Не сильно, конечно, хулиганскую, так... окно случайно разбила, пытаюсь вызвать своего приятеля. Но меня тогда даже в детскую комнату милиции водили, правда, выгнали оттуда спустя четверть часа и велели обратно не возвращаться.

Ладно, оставим лирику.

— Добрый день, — я была сама вежливость.

— Что, зверюшка, думаешь, притащили тебя сюда, отмыли, одели, так тебе теперь все позволено? — с ледяной насмешкой спросила Хельгар.

— Это любопытство или насущный интерес? — деловито спросила я.

Она вдруг схватила меня за горло и впечатала спиной в стену. А силушка-то у дамочки богатырская...

— Что они в тебе находят? Несовершенная, мелкая, слабая, неприятная, — стерлядь передернула плечами. — Прима, фу.

— Ага, я просто идеальна, — просипев, ослабилась я. — А еще сама на мужиков не вешаюсь.

Лицо Хельгар исказила гримаса отвращения, разом испортившее правильные черты. Она рванула меня на себя, а затем снова впечатала в стену. В голове взорвалась атомная бомба, и я благополучно уплыла в бессознанию. Что происходило за время моего отсутствия в этом мире, мне неизвестно, но очухалась я после удара по щеке.

— Прощай, прима, удачного полета, — ослабилась стерлядь. — Тебя ждет увлекательное знакомство с одной милой в своей дикости планеткой. — И крышка надо мной захлопнулась.

Дальнейшее происходило, как в кошмарном сне. Недоумение, осознание и дикий ужас, когда я поняла, что меня выкинули с корабля. А еще хаос из мыслей. Почему Сима это допустила? Где мои мужчины? Почему Хельгар сделала это, если у них нет преступности? Это же полноценное покушение на убийство! Черт, а что со мной-то будет?! Господи, и за что мне это? Еще недавно

я выпендривалась, наслаждаясь тем, что меня делят двое прекраснейших мужчин из тех, кого я знала, а теперь лечу в какой-то капсуле неизвестно куда, и долечу ли, хрен его знает. А что будет там? Мли-и-ин, сколько у меня вообще шансов куда-то долететь? Нет, я не буду плакать, не буду...

— Ромочка-а, Димочка-а, спасите меня-а-а, — запричитала я в голос и позволила себе разрыдаться.

Глава 12

Приземление было жестким. И если бы не удерживающие меня ремни, мне бы грозил разбитый нос о крышку капсулы. Но спиной я посадку почувствовала очень хорошо. И в первый момент запаниковала, что врезалась в какой-нибудь астероид, как это было на симуляторах. Но крышка отъехала, замки ремней раскрылись, и сухой голос уведомил:

— Латон.

Кряхтя и причитая, я выбралась из капсулы и крепко выругалась, помянув ревнивую гадину раз сто в трех предложениях. Меня окружали нагромождения камней, и капсула каким-то чудом умудрилась воткнуться в единственный островок из размытой грязи и пожухлой зелени. Чуть в сторону, и мне бы, наверное, пришел полноценный кирдык. Но кирдык не случился, и поэтому, осознав, что я выжила и стоит сохранить данный результат как можно дольше, подтерла сопли, с грустью посмотрела на небо, где не маячил огроменный силуэт «Гордости Аттарии», и отправилась выяснять, в какое гуано, простите, я опять вляпалась.

Степень глубины того самого гуано стала ясна, когда я сделала первые два шага и завалилась, поскользнувшись на покрытых зеленой слизью камнях.

— Вашу ж за ногу, — с подвыванием прошептала я и снова огляделась.

Планета оказалась гостеприимной. Недалеко от меня обнаружился встречающий. Нечто змееподобное, покрытое щетиной, подняло треугольную голову, выкатило на меня свои шары и разразилось омерзительнейшим визгом. Мне даже показалось, что у него щетина встала дыбом. То есть оно меня испугалось? Меня?! Да и хрен с ним. Чем я страшней, тем больше шансов выжить.

— Забодаю, забодаю, — замогильным голосом произнесла я, и вопящая шняга исчезла в камнях.

Так-то. Потерев руки и приободрившись, я отправилась падать дальше. Пропадав до конца моря камней, я вышла к кромке леса, по крайней мере, сборище неизвестной растительности очень смахивало на это благородное слово. Где юг, где север? Какая на фиг разница, все равно тут турбазы нет, и куда идти, мне все равно. Лишь бы не сожрали по дороге.

— Может, лучше остаться на месте? Мальчики тебя не бросят, — подсказал инстинкт самосохранения.

— Пускай побегают, поищут, — выдала гениальная мысль.

— Пошла вон, — зашикали на нее все остальные опции.

Гениальная моя скрылась в недрах подсознания, ожидая своего звездного часа, а я решила, что инстинкт самосохранения прав. И это разумно остаться рядом с капсулой. Может, там

маяк какой есть, и меня быстренько найдут по его сигналу. Я развернулась в обратную сторону и завизжала не хуже змееподобной шняги. Из-за камней показался слизень. Огромный, мерзкий и зубастый. Зубы у него располагались, как в кино, в три ряда. На макушке колыхались глазки на жгутиках. Эта-то ужась и оставляла за собой противную зеленоватую слизь.

Когда слизень подобрался ко мне совсем близко, я перестала надирать связки, развернулась и ломанулась в лес. Сначала я ничего не видела и не слышала от обуявшего меня страха, потому пронеслась на энтузиазме немалое расстояние, даже надавала по морде какой-то горилле, попытавшейся перегородить мне дорогу. Горилла офигела и ворча исчезла в кустах. Это я потом осознала, что у гориллы были не шерсть, а иголки по всему телу, и из пасти торчали клыки с моих пол руки величиной, но в тот момент я видела цель, не видела преград и помнила о зубастом слизне, который дальше камней не пополз.

Постепенно я начала замедляться и остановилась совсем. Воздух со свистом врывался в легкие, обжигая гортань. Ноги тряслись, сердце колотилось, как бешеное, и мне казалось, что оно сейчас пробьет грудную клетку. К тому же в боку кололо, и я согнулась пополам, пытаюсь хотя бы сматериться для поддержания боевого духа. Но духа не было, совсем. Он весь вышел, пока я пыталась отдышаться.

А потом кто-то зарычал. Я завертела головой, пытаюсь найти источник пугающего звука. Не нашла. Он сам меня нашел. Из-за корявого дерева с листвой, похожей на иголки, высунулась морда. Морда, как морда, только без глаз. Зато пасть мама не горюй. Тварюга задумчиво свернула башку набок, чуть ли не на сто восемьдесят градусов, и снова зарычала.

— Спасите, — полузадушено пискнула я.

Животина вся выбралась из-за дерева, зевнула, демонстрируя смерть дантиста от безработицы, и неспешно направилась ко мне, лениво помахивая куцым хвостом. У меня от страха случился клин. Ни завопить, ни с места сдвинуться. Просто хватала ртом воздух и тихонечко скулила, наблюдая, как образина идет ко мне, явно радуясь неожиданному блюду. Блюдо было с этим в корне не согласно, но кого его мнение волновало.

Тварюга подошла совсем близко, издала довольное урчание, разинула пасть и... Пала смертью храбрых. Рядом со свежееубиенной зверюгой стояла давешняя горилла и радостно скалилась, помахивая окровавленной дубиной.

— Ы, — сказала горилла густым басом.

— Ась? — не поняла я, гулко сглатывая и рассматривая раскроенную башку тварюги.

Горилла, чье тело оказалось покрыто густой щетиной, а не иголками, кокетливо отпихнул в сторону ногой тварюгу и встал передо мной.

— Ы-ы, — снова произнес он и игриво покрутил бедрами.

Я опустила взгляд вниз и выпала за крайнюю степень офигея.

— Ыгы-ы-ы, — выдала я. — Мать моя женщина!

Горилла смущенно потупился, снова покрутил бедрами, демонстрируя убойный агрегат. Я даже сначала потерялась, где дубина, а где гориллино барахло, размеры были почти идентичны, как и цвет. Самец взял свой прибор в лапу и потер его, явно предлагая мне

присоединиться к его развратным игрищам.

— Это, типа, плата за спасение? — спросила я. — Ну, знаешь, гусары денег не берут-с.

Самец вопросительно сморщил лоб и снова продемонстрировал эрегированный орган.

— Да не надо мне этого, — возмутилась я.

— Ы-ы, — уже более настойчиво произнес ухажер. — Ы-ы-ы!

— Ты совсем не понимаешь, мужик? Не надо мне, говорю!

Развернувшись, я собралась дать стрекача, но возбужденный спаситель ухватил меня за шкуру и вернул на прежнее место. Он сердито кряхтел, что-то ворчал, должно быть, обвиняя меня в неблагодарности.

— Да пойми ты, дикая тварь, не могу я! Да я даже по физиологическим параметрам не могу! — доказывала я.

Горилла вдруг рассвирепел и со всей дури треснул членом по дереву. Я даже зажмурилась, ожидая, что он сейчас вззоет от боли. Но самец, продемонстрировав мне «железные яйца», ухватил меня за руку и потянул ее к своему агрегату. Я даже вспотела от ужаса.

— Ы-ы — игриво предложил щетинистый, заметно красуясь.

— Обойдешься, — рявкнули за спиной гориллы, и мой ухажер с возмущенным воем отлетел в сторону.

— Дима-а-а, — помирая от счастья, простонала я.

— И что же ты такая... аппетитная? — с упреком спросил Ардэн и снова врезал по морде ринувшейся на него горилле.

— Какая есть, — обиженно буркнула я и завизжала. — Осторожно!

Мой новый ухажер взметнул дубину и ринулся на Ардэна. По сравнению с командиром «Гордости» он был, как гора рядом с карандашом, но карандаш упорно сопротивлялся. Хотя, судя по силище стерляди, Дима вряд ли сильно уступал горилле. Впрочем, не только по силе.

Ардэн легко ушел в сторону, наградив похотливого самца издевательским пинком под волосатый зад. Щетинистый пролетел вперед, треснулся лбом о широкий ствол дерева... мотнул дубовой башкой и понесся в новую атаку. Сколько бы это продолжалось, не знаю, но тут послышался шорох листвы, треснула ветка и с громовым:

— Ы-ы-ы, — к нам вышла вторая горилла.

— Чтоб мне так жить, — выдохнула я, глядя на бюст не менее значимого размера, чем орган моего поклонника.

Мой горилл вдруг сник, проблеял:

— Ы-ы, — и, бросив на меня тоскливый взгляд, поплелся к своей половине.

Не, ну так грозно может смотреть только жена. Она еще и лапищу в бок уперла. Во второй «дама» сжимала дубину, которой мог позавидовать даже мужнин агрегат. Самка посмотрела на меня, презрительно фыркнув. Нет, я бы тоже так фыркнула, если бы на мне росло ТАКОЕ! Затем перевела взгляд на Ардэна, принялась и кокетливо так произнесла:

— Ы-ы-ы...

— Что — ы? — осторожно поинтересовался Дима.

— Ы-гы, — ослабилась волосатая куртизанка, и ее «Казанова» вновь мечтательно посмотрел на меня.

— Ёкарный бабай, — выдохнула я и прижалась к тайлару командиру.

«Леди» кокетливо обмахнулась дубиной, как веером, заехав по довольной харе своего благоверного, высунувшегося из-за ее плеча, и двинулась в нашу сторону походкой от бедра. «Благоверный» ыкал за ее спиной, держась за разбитый нос. После утер его, пошевелил бедрами, типа, говоря: «Все в порядке, детка, я вернулся», — и поспешил за супругой.

Я гулко сглотнула и посмотрела на Ардэна, у которого задергался глаз. Должно быть, от предвкушения. Тем временем парочка приматов приближалась, поигрывая выдающимися частями тела и дубинами.

— Вашу ж мамашу, — изрек Дима, закинул меня на плечо, и мы побежали.

— Ку-ку-да-да? — подпрыгивая на его плече, поинтересовалась я.

— Подальше от озабоченной семейки, — отчеканил Дима, втапливая на запредельной скорости.

Сзади некоторое время трещали ветки, но потом послышалось:

— Ы-ы! — и я поняла, что нас с Димой послали.

— А чего он ко мне привязался? — спросила я, когда командир перешел на неспешную рысь.

— Запах, наверное, понравился, — пожал плечами Димон, отчего я чуть не скатилась вниз.

— Я нормально пахну, — возмутилась я. — Ну вспотела немного.

— То-то и оно, — ответил Ардэн. — Это же дети природы, они по запаху партнеров выбирают.

— Чтоб им аденоидами зарости, — проворчала я.

Дима остановился и поставил меня на ноги, затем придирчиво осмотрел и покачал головой, тяжело вздохнув. Я тоже себя осмотрела. Брюки разодраны, все в засохшей слизи, колени разбиты, ладони в ссадинах. На голове всяко воронье гнездо, физиономия грязная, глаза красные заплаканные, нос, наверняка, картошкой. Краса-а-авица, отворотясь не намотришься. Я тоже тяжело вздохнула, развела руками и всхлипнула. Дима привлек меня к себе.

— Сейчас найдем воду и умоешься, — сказал он.

Я покивала, и мы на некоторое время так замерли. Но тут у меня стали появляться вопросы.

— А где то, на чем ты прилетел? Мы же к нему бежали? — спросила я.

— Не-а, — Ардэн беззаботно мотнул головой. — К нему теперь бесполезно бежать, умер при посадке. Я слишком торопился.

— Так ты один? — я подняла голову и увидела счастливую до неприличия улыбку.

— Ага, — кивнул Дима. — Здесь только ты и я.

— И чему ты радуешься?! — возмутилась я. — Нас тут могут сожрать! Меня уже два раза чуть не схарчили. И один раз едва чести девичьей не лишили. Тебя, кстати, тоже.

— Откуда у меня-то девичья честь? — рассмеялся кареглазый дурень.

— Такая бы нашла, где, — я кивнула назад и передернула плечами, вспоминая своего ухажера. — Ну и агрегат, — высказалась я вслух.

— Агрегат, как агрегат, — ворчливо произнес Ардэна, состроив высокомерную рожу.

Я покачала головой. Мужики! Думает, я восхищаюсь что ли такой дурой по колено? И это не в переносном смысле!

— Дима, то, что растет на том куртизане — это пафос, — назидательно произнесла я и отстранилась. — Давай искать воду.

Ардэн достал очередной прибабас, посмотрел на маленький экранчик и повел меня за собой.

— Дим, а Дим, — позвала я.

— Что? — спросил он, не оборачиваясь.

Поравнявшись с командиром, я взяла его под руку, чтобы держать темп.

— А где Рома?

Он едва заметно скривился, но ответил:

— Должно быть, тоже летит сюда на «Аттарии». Я понял, что тебя нет на корабле еще до доклада Симы. Я же тебе говорил, что настроил наш персональный канал связи, по нему и пошел сразу.

— А у Ромы почему нет такого канала со мной? — заинтересовалась я.

— Потому что командир я. У меня с каждым есть такая связь. По ней я и на Крайгоне знал, что с Грейном происходит. То, что ты рядом с Хельгар, я уловил сразу. Эта... стерлядь смогла Симу ненадолго заблокировать, у нее есть доступ к Системе, как у одного из старших офицеров, но меня она заблокировать не может. Затем она переместилась в отсек со спасательными шлюпами, и твой сигнал начал слабеть, я понял, что она тебя в шлюп засунула. Думаю, дальше понятно. Грейн получил доклад Симы, когда я уже стартовал. Ну и мое распоряжение занять мое место. Он уже отследил, куда я направился, так что нас скоро будут искать. Как быстро найдут, не знаю, твой шлюп без маячка, его Хельгар вырвала, я по нашей связи шел, но она дает погрешность на большом расстоянии, потому приземлился не точно. О, а вот и вода, — торжествующе провозгласил Дима и указал мне на узкий ручей. — Анализатор говорит, что вода вполне пригодна для питья.

Я присела рядом с ручьем и окунула руки в холодную воду.

— Нет, — неожиданно произнес Ардэн и пересадил меня подальше.

— Эй! — возмутилась я.

— Расширенный анализ будет только через несколько минут, — не глядя на меня, ответил Дима. — Я не знаю, что за дрянь водится в этом ручье, так что лучше руки сюда не совать.

— Но я хочу умыться, — запротестовала я.

Командир вытащил из нагрудного кармана самый заурядный носовой платок, стерильно-чистый по белоснежному виду, окунул его в воду и подошел ко мне. Он сосредоточенно обтирал мое лицо, следя за собственной рукой, а я не сводила взгляда с его серьезного лица. Дима бросил на меня быстрый взгляд и улыбнулся.

— Ну вот, теперь ты опять похожа на человека, — сказал он.

— Спасибо, — мой голос прозвучал немного хрипло, и я откашлялась.

Запищал анализатор, и Дима отвлекся на него. Я тряхнула головой, освобождаясь от очередного наваждения.

— Никаких паразитов нет, дальше можешь сама, — сказал Ардэн. — Хотя, нет. Лучше я сам.

— Я большая девочка, — усмехнулась я.

— И это просто замечательно, — совершенно серьезно кивнул тайлар командир. — Я бы взвыл, если бы ты была ребенком, и мне пришлось ждать, пока ты вырастешь.

После сказанного между нами зависла неловкая пауза. Я отвела глаза и обошла Диму, спеша отмыть грязь там, где это возможно. Вздохнув с сожалением, я оглянулась на Ардэна и снова опустила взгляд, потому что он смотрел на меня, не мигая и даже, кажется, не дышал.

— Отвернись, пожалуйста, — тихо попросила я. — Мне нужно раздеться.

На удивление, Дима не стал спорить. Он послушно отвернулся, не отпустив ни одной из своих шуточек и даже пол разочка не нахамив. Я разулась и сняла брюки, иначе мне ссадины было не промыть. Когда закончила с омовением, с сожалением взглянула на изгаженные брюки и натянула их обратно. Бродить в трусиках по лесу, кишашему куртизанами вроде моего горилла, как-то не хотелось.

— Я все, — сказала я, выпрямляясь и ненадолго зависла, глядя на напряженную спину Димы, застывшего каменным изваянием. — Дима, эй, ты в анабиоз впал?

— Нет, — сипло отозвался он.

За то время, пока я приводила себя в порядок, заметно стемнело. К тому же начал накрапывать дождь. Я поежилась от первой прохлады.

— Что будем делать? — спросила я, заглядывая в пожелтевшие глаза командира.

— Искать укрытие, — уже более привычным голосом ответил он. — Идем.

Дима взял меня за руку, и мы опять направились, куда глаза глядят. Молчание затягивалось, и это начало тяготить. Нервничаю, когда страшно, а поговорить не с кем, чтобы напряжение снять. За болтовней хорошо отвлекаться, знаете ли.

— Дим, а Дим.

— Что? — чуть помедлив, отозвался Ардэн.

— Я сдохну от неудовлетворенного любопытства. Что с тобой Сима сделала? — я взглянула в лицо Димы, уже плохо различимое в сгущающейся темноте. — Черт, Дим, как ты видишь? Я бы уже нос тридцать раз расквасила.

— Благодаря тебе, — он улыбнулся и обернулся ко мне.

Глаза его теперь постоянно были желтыми, и даже немного поблескивали, как кошачьи. Это было жутко, но притягательно.

— С тех пор, как проснулась кровь отца, я стал лучше видеть, слышать и начал ощущать запахи на несколько спектров шире. Ты обалденно пахнешь, — подмигнул Ардэна.

Я смутилась, незаметно пригнувшись к себе. Дима весело рассмеялся.

— Так что там с Симой? Я уже сегодня двадцатый раз пытаюсь услышать эту историю, — вернула я разговор в безопасное русло.

Ардэн опять скривился, словно таз лимонов съел.

— Не знаю, что нашло на Систему, но она меня с утра достает...

В общем, утро у Димы началось с того, чем прервалась моя ночь — ледяным душем. Причем, меня хотя бы в душевую отнесли, а бедолага командир подскочил на кровати от того, что на него прямо в спальне с потолка водопадом хлестала холодная вода.

— Что за на хрен! — взревел поднаторевший в земном разговорном Ардэн.

— Доброе утро, Ваше Величество, — глумливо изрекла Сима. — Как спалось, почивалось?

Дима решил, что это сбой и захотел после завтрака проверить параметры Системы. В том, что это не параметры, а саморазвивающаяся зараза с электронными мозгами творит произвол по собственному почину, Ардэн понял, когда получил адскую смесь на завтрак. Последние сомнения отпали, когда он подошел к шкафу, и дверь-купе, изменив свою конфигурацию, врезала ему по лицу, резко открывшись по команде. Но вступить с Симой в переговоры ему не позволила гордость. Потом командира прищемило дверями на выходе из каюты и при входе на мостик. Затем взбесилось его кресло, уехавшее прямо из под драгоценного Ардэновского зада, и Димон грянул на пол. Стул удалось отловить, потому что он мотался от командира по всему капитанскому мостику, и когда Дима вновь попытался сесть, тот вдруг сжался, поймав все тот же Ардэновский зад в узкую ловушку.

Подчиненные попрятались, потому что командир только что ядом не плевался. Он попытался просмотреть полученные данные, но табло выдавало ему сплошную нецензурщину, то указывая ему конкретное направление, то расписывая процесс, в котором его, Ардэна, делали. Его родственникам тоже досталось.

Что касается душа, то его Дима получал в самых неожиданных частях корабля и в неизменно щедром количестве. Он успел сменить почти все комбинезоны, которые у него были. Причем, Сима разошлась настолько, что окатывала своего босса «ледяной волной презрения», как только он одевал сухую одежду. После этого Димон не выдержал:

— Что тебе надо?! — проорал он.

— Уважения, — выдала Серафима.

Вот так: гадостями, шантажом и прямыми угрозами — Сима отомстила за попранное любопытство и воспитала главного местного хама. Дослушав эту поучительную историю, я, хмыкавшая на протяжении всего рассказа, уже ржала в полный голос. Дима обиженно засопел и посмотрел на меня.

— Ничего смешного, — проворчал он.

— Все смешно, — не согласилась я. — А-а-а, я щас сдохну! Никогда не буду ссориться с Симой!

И я снова согнулась пополам.

— Ничего, я на эту шантажистку управу найду, — грозно пообещал Ардэн и сам усмехнулся.

Неожиданно он накрыл мне рот ладонью, обрывая смех, и зашипел, когда я попыталась возмутиться.

— Тс-с, я что-то слышу, — сказал он, и смех окончательно застрял у меня в глотке.

Я тоже прислушалась, но не смогла уловить никакого шума, кроме звуков дождя и крика неизвестной птицы... надеюсь, что это все-таки местная сова, а не птеродактиль. Дима одним движением отеснил меня себе за спину. И вот теперь и я услышала едва различимый шорох чьих-то осторожных шагов. Время неприятно замерло, и мурашки страха скользнули по коже, заставляя прижаться к Диминой спине.

— За деревья, — вдруг гаркнул он, отталкивая меня.

Я полетела в указанном направлении, чувствительно приложившись спиной о корень, торчавший из земли. Когда пелена боли исчезла, я едва не закричала, глядя, как мой Дима отбивается от очередной клыкастой твари, упорно пытавшейся вцепиться ему в горло. Кто из них рычал, было сложно понять, кажется, оба. Я зажала ладонями рот и уже не отрывала взгляда от командира «Гордости».

Зверь, похожий на медведя, бросился на Диму, тот увернулся тем же скользящим движением, как и от горилла, но пинков не отвешивал. Он прыгнул на зверюгу сзади, сдавливая ему шею, сгибом локтя. Хищник замотал головой, не смог освободиться, спружинил и рухнул на спину всей своей тушей, придавливая к земле Ардэна.

— Дима! — вскрикнула я, и зверюга обернул ко мне оскаленную морду, матово блеснув клыками в свете взошедшей луны.

Ардэн остался лежать, когда зверь пошел на меня. Меня вновь пригвоздило к месту, но даже не столько от страха за себя, сколько за Диму. Зверь прыгнул, но я бросилась к другому дереву. Не от него, а к командиру. Животное глухо зарычало, развернулось и вновь пошло на меня. Я обернулась на шорох его шагов и снова полетела на землю.

Дима успел прийти в себя и опять принял удар зверя на себя. Я вскрикнула, когда поняла, что хищник распорол когтями плечо Ардэна.

— Дима, Димочка, — всхлипнула я.

— Только не лезь, — хрипло ответил тот и повторил свой маневр, заскочив зверю на спину.

Когда тот оттолкнулся и упал опять на спину, Дима, уже наученный горьким опытом, успел сместиться в сторону и навалился на страховидлу, пережал горло коленом, задирая пасть хищника кверху. Раздался хруст ломаемых костей. Зверь, извивавшийся по земле, умудрился опять задеть Диму когтями, но тот продолжал давить, кажется, совсем не обращая внимания на то, что кровь сочится из ран.

— Все, — выдохнул он и растянулся рядом сдохлым зверем.

Я вскочила на ноги и подбежала к нему. Упала на колени, обняла лицо ладонями и звала, звала, боясь, что он меня уже не услышит.

— Дима, — звала я. — Димка, Димочка, — и целовала лицо, казавшееся бледным пятном в черноте ночи.

Тучи совсем закрыли луну, и на нас обрушился настоящий ливень. Дима хрипло вздохнул, и его руки сомкнулись на моих плечах. Живой! Охренеть, живой!

— Димка, дурак, как же ты меня напугал, — причитала я, смеясь и плача одновременно.

— Ты от меня так легко не избавишься, — ответил он и сел. — Испугалась?

— Да, за тебя, — всхлипнула я и спрятала лицо на его мокрой от дождя груди. — Он тебя ранил, больно?

— По идее, уже затягивается, кровь отца, — усмехнулся Ардэн.

— Ящер, — ворчливо ответила я, пряча за легкой грубостью свое облегчение. — А если эта тварь ядовитая?

— Если выживу, то не ядовитая, — негромко засмеялся Дима, и мне захотелось его стукнуть.

— Идем, — сказал он, поднимаясь на ноги. — Надо найти укрытие, ты насквозь мокрая.

— Не сахарная, — отмахнулась я. — Не растаю.

— Поговори мне, — строго ответил Ардэн, и я замолчала, но чувство облегчения и радость, что он живой, никак не оставляли меня.

Мы все шли по лесу, пока Дима не указал вперед и не сказал:

— А вот и укрытие.

Сколько я не всматривалась в темноту, не могла ничего увидеть. Только когда мы уткнулись в каменную стену, я многозначительно помычала, пытаюсь сообразить, в каком месте этой скалы посреди леса, мы будем прятаться.

— Надо лезть вверх, — Ардэн уверенно шагнул к скале.

— А-а... э-э, н-да, — ответила я на это и осталась стоять на месте.

— Цепляйся на плечи, — велел он.

Эта идея показалась мне такой же бредовой, как и лезть вверх.

— У тебя плечи изранены, — ответила я.

— Уже не болит, цепляйся, — повторил Дима.

Я упрямо мотнула головой. Когти у зверины были не маленькими. Вообще удивляюсь, как он так спокойно держится. Ардэн немного подождал меня, затем схватил мои руки, сам затащил себе на спину и ухватился за первый выступ.

— Если мы разобьемся, я тебе это не прощу, — мрачно пообещала я.

— А там уже и не нужно будет, — хохотнул мерзавец и полез вверх.

Камни от дождя были скользкими, и мне то и дело казалось, что руки Ардэна сейчас соскользнут, и мы полетим вниз. В результате, я зажмурилась и решила не открывать глаза до того момента, пока мы куда-нибудь не долезем или не свалимся, короче, до явления на том свете.

Наконец, меня потянуло вперед, я открыла глаза и увидела, что мы заползаем в небольшую пещеру, где можно было не бояться упасть вниз, но разгуляться оказалось негде из-за малого размера королевства. Дима подтолкнул меня вперед и сам прошествовал туда же, извлекая из кармана свой гаджет. Я проследила, как гаджет залил пещеру мягким светом, напомнившим свет костра, и от него пошло тепло. Я тут же придвинулась поближе, потому что меня колотило крупной дрожью.

— Дим, почему ты не воспользовался парализатором? — спросила я, зябко обнимая себя за плечи.

— Я его на «Аттарии» забыл, — улыбнулся Ардэн. — Из-за того, что устроила Сима, я снял оружие и оставил его в каюте, когда в пятый раз переодевался. А потом была тревога из карцера, а дальше не было времени вспомнить о нем.

— Ну Сима, — проворчала я.

Дима присел рядом, посмотрел на то, как меня трясет, и безапелляционно потребовал:

— Раздевайся. Так быстрее согреешься.

— И так нормально, — отстучала я зубами. — Ты сам весь мокрый.

— Мне не страшно, — отмахнулся Ардэн. — Мой иммунитет с твоим не сравнится.

— И на снегу можешь спать? — усмехнулась я.

— И в анабиоз могу... теперь. Рептилоид, млин, хоть и на половину, — ответил смешком Дима. — Если не разденешься сама, я с тебя стащу одежду.

Я упрямо поджала губы, но уже через минуту, когда командир подступил ко мне в намерении привести угрозу в исполнение, я отвела его руки и начала раздеваться. Дима отвернулся. Он некоторое время стоял ко мне спиной. Затем спустил верхнюю часть комбеза и отошел к самому краю пещеры, подставляя лицо ливню.

Тепло растекалось по телу, но дрожь никак не проходила, и я уже не могла точно сказать, от холода она, от пережитого страха или еще от чего-то, что поднималось в груди, когда я смотрела на мужской силуэт в черном каменном проеме. Неожиданно Дима развернулся, посмотрел на меня своими жутковатыми глазами, в которых чернота зрачка опять затопила радужку, оставив тонкий золотой ободок, и рвано вздохнул. Однако сел у края, не спеша подойти ко мне.

— Ложись. Излучение стерилизовало пространство пещеры и нагрело камень. Неудобно, но немного отдохнуть можно.

Он вновь отвернулся, а я послушно легла. Закрыла глаза и вскоре задремала. Мне приснился тот жуткий зверь и Ардэн, сражающийся с ним. Вот хищник махнул лапой, и острые когти разорвали грудь мужчины...

— Дима! — закричала я и вскочила.

Мои глаза застилала слезы, потому я не услышала, но почувствовала, как теплые руки обнимают меня. Я обняла его в ответ, прижалась к нему крепко-крепко, и он некоторое время укачивал меня, осторожно вытирая слезы и что-то шепча на своем загадочном языке. Затем, когда я успокоилась, все так же осторожно отпустил меня, но я вцепилась в его руку, усаживая назад.

— Не уходи, — попросила я.

— Если я останусь, я не буду сдерживаться, — глухо произнес Дима. — Даже если ты попросишь остановиться, я не смогу.

Я промолчала, продолжая удерживать Ардэна. Мне сейчас было необходимо чувствовать его рядом. Настолько необходимо, что я готова была умолять не оставлять меня одну. Дима еще некоторое время стоял, должно быть, давая мне возможность передумать или подтвердить свое согласие, но я молчала, продолжая держать его за руку.

И Ардэн остался. Он опустился рядом со мной, и мы застыли на коленях друг напротив друга. Я смотрела в его поблескивающие глаза, и волна жара вновь понеслась по венам, насыщая каждую клеточку огненной искрой. И казалось, прерви это, и я просто умру от холода и одиночества.

— Инна, — скорей простонал Дима, чем произнес в полголоса, склоняясь к моему лицу.

Я положила ладони ему на грудь и почувствовала, как бешено колотится его сердце. Еще мгновение, я прерывисто вздохнула, и мир сошел с ума. Дима зарылся пальцами мне в волосы, запрокинул мою голову и впился в мой рот, завоеывая уже знакомую ему территорию.

Я не заметила, когда оказалась на каменном полу, лишь только почувствовала жалящие губы, покрывающие мое тело бесконечными поцелуями. Стон, сорвавшийся с моих губ, когда Дима прикусил губами напряженный сосок, он встретил счастливым смехом, отзывавшимся во мне новой волной возбуждения.

Мужская рука опустилась мне между ног, пальцы погрузились в уже разгоряченное лоно, и Дима поднес их к лицу, вдыхая с каким-то неистовым наслаждением. Он вновь что-то произнес на языке легаров и с новым жаром набросился на мои губы. Я обняла его, выгнулась навстречу, стремясь тесней прижаться к такому желанному телу, ощутить его всей своей кожей, чтобы застонать от сводящей с ума близости.

— Дима, — выдохнула я ему в губы, — Димочка. Я хочу...

И закричала от первой волны оргазма, к которой меня подвели ловкие пальцы командира космического корабля.

— Хочу! — потребовала я, впиваясь ногтями в уже целые плечи.

Из груди мужчины вырвался звук, более всего напоминавший глухое рычание. Он приподнялся, чтобы окончательно избавиться от комбинезона, и я поднялась следом, покрывая поцелуями рельефную грудь, заскользила ладонями по спине, спускаясь к упругим ягодицам, и сжала их, вынуждая Диму прижаться ко мне. Подняв голову, я поймала его жадный взгляд. Чуть отстранилась и накрыла ладонью мужское естество. Дима закинул кверху голову и застонал, когда моя рука заскользила по налитому стволу вверх-вниз.

— Все потом, — хрипло выдохнул Дима и повалил меня обратно на пол пещеры.

Он разместился между моих широко разведенных ног и замер, с каким-то неистовым восторгом разглядывая меня. Я заерзала под ним и сама потянулась к возбужденному члену. Дима перехватил мою руку, поднес ладонь к своим губам и прочертил языком дорожку от пальцев к запястью. Коснулся его губами и продолжил чертить влажную дорожку к сгибу локтя. Я выгнулась и застонала, когда он добрался до нежной чувствительной кожи.

— Возьми же меня, сволочь! — закричала я, когда уже не было сил терпеть.

Дима опять рассмеялся и навис надо мной. Он провел головкой между влажными складками, потерялся ею о клитор, и я снова выгнулась. Головка скользнула в лоно, и я задохнулась от той неспешности, с которой заполнял меня Ардэн. Он вновь замер, склонился ко мне и ненадолго впился в губы.

Первое движение ему навстречу сделала я. Дима замер, глухо застонал и выдохнул мне в губы:

— Моя.

Он выпрямился, ухватил мои ноги за щиколотки, поднимая их, и вонзил свое естество до упора. Дальше все смешалось: мои крики, его стоны и резкое скольжение во мне, от которого я металась, хрипела, сжимала кулаки и, кажется, обещала его задушить, если он посмеет остановиться. Когда он отпустил мои ноги и просто подмял мое тело под себя, не помню. Я царапала его плечи, спину, ягодицы, заходясь от криков. И когда в легких не осталось воздуха, я прохрипела его имя и взмыла ввысь, уносясь с этой дикой планетки к центру вселенной.

— Моя, — торжествующе прорычал Ардэн, вжал меня в свое тело и понесся следом...

Глава 13

Пробуждение стало тяжким похмельем, после пьянящих ласк и сжигающей дотла страсти. Местное солнце уже заглядывало в пещеру, когда я открыла глаза и попыталась сладко

потянуться всем телом. Попытка увенчалась крахом, потому что я оказалась тесно прижата к обнаженному мужскому телу. Мои телодвижения пробудили Диму... всего Диму, то есть абсолютно всего. Я тут же оказалась подмята под командирское тело.

— Доброе утро, — сказал он, сверкая желтыми глазищами.

— Доброе, — пролепетала я, пряча пылающее лицо на его плече.

Вашу ж мамашу, что я натворила? А?! Ладонь Димы скользнула по моему бедру, погладила его и пустилась в путешествие по телу. А что я теперь творю? Зачем опять отвечаю на ласки? Зачем с таким остервенелым упоением терзаю эти губы поцелуем? Зачем выгибаюсь навстречу? Зачем заставляю перевернуться на спину и перекидываю ногу через бедро? Почему ощущаю себя счастливой, лоя в который раз этот восторженный взгляд и мужские стоны?

— Эх, Инна, Инна, — вздохнул мой моральный принцип, махнул на меня рукой и побрел в подсознание, в чьих глубинах отчаянно тосковала гениальная мысль.

И лишь когда жар в крови стал затухать, меня окончательно накрыло чувством вины.

— Поздно пить Боржоми, когда печень в трусы упала, — проворчала я, пряча глаза от счастливого до неприличия командира.

— Что ты сказала, радость? — нежно проворковал Ардэн.

— Капец, говорю, — вздохнула я.

Он застегнул комбинезон и внимательно посмотрел на меня. Придать лицу беззаботное выражение не вышло, безразличное тоже. А вот виноватое, так сколько угодно. Дима приблизился ко мне, протянул руки, но я отпрянула, сграбастал все равно и крепко прижал к себе.

— Ты переживаешь из-за Грейна, — утвердительно сказал он.

— Я в жизни никому не изменяла, — тяжело вздохнула я. — Всегда считала себя верной, и на тебе...

— Ты не изменила, ты сделала выбор, — мягко произнес Дима. — Когда вернемся на «Гордость», ты будешь жить со мной. От неприятных разговоров я тебя огражу. Не переживай, он больше к тебе не приблизится.

Я отшатнулась, глядя на Ардэна со священным ужасом. Да за кого он меня принимает? За стерлядь? Вот так взяла и сменила мужчину, словно он носок с правой ноги? Переобулась и дальше пошла что ли?

— Ты... — голос Димы прозвучал напряженно, — жалеешь о том, что произошло?

Жалею? Не-ет... Черт, я не жалею о том, что произошло, я хотела этого! Я помотала головой.

— Тогда что? — он снова приблизился ко мне.

— Я жалею о том, что это причинит боль Роме, — ответила я, понимая всю нелогичность данного ответа.

А попробуй понять загадочную женскую душу. Бли-и-ин, что делать-то? Я же в глаза своего

синеглазика после всего не смогу взглянуть. Да и мой ли он теперь? А Димка... Я бросила на мужчину быстрый взгляд и чуть не взвыла. До чего же хорош! Представила, как это — все время быть с ним? Представленное мне понравилось. Вспомнила, как мне было с Ромой, отказываться от него не хотелось совершенно. Как и от Ардэна. Охренеть, Инесса Николаевна, это вас с жиру так расколбасило? Совсем в своих мужиках запутались.

— Запуталась, — вздохнула я.

— Если ты запуталась, я один все решу, — тут же последовал ответ.

— Нет! — поспешно воскликнула я. — За меня решать не надо.

Я и сама себе проблем напридумываю, господин капитан, без чужой помощи. У меня черный пояс по созданию проблем, так-то. Вот сидела бы в каюте, не отправилась шляться по «Гордости», сейчас была бы с Ромой, а не на этой планете, и проблем никаких... И не узнала бы, какой Дима. А он такой... такой... с ума сойти какой он. Мой очередной вздох совпал с негромким мерным гудением где-то совсем рядом.

Ардэн дернулся и быстрым шагом направился к выходу из пещеры. Тут же напротив завис аппарат, похожий на дротик. Округлый вход открылся, и в пещеру протянулся неширокий «мостик». По нему стремительно сбежал Рома. Он скользнул взглядом по своему командиру и бросился ко мне. Дима так же шагнул в мою сторону и задвинул себе за спину. Не пожелав быть канатом для аттарийских игр, я выбралась на свет божий и сказала, ни на кого не глядя:

— Помыться бы и поесть. У меня живот уже к позвоночнику прирос.

Мужчины перестали сверлить друг друга, едва ли не ненавидящими взглядами, и оба посмотрели на меня. Я поежилась от того, какой теплотой и нежностью были пропитаны их взгляды. Мли-и-ин, что ж они такие замечательные? И оба мои. В эту минуту я поняла, что просто не могу сделать выбор. Не могу и все тут. А ведь этот вопрос скоро встанет передо мной. Впрочем, возможно Рома сам откажется от меня, когда узнает. И что я буду без него делать...

Я несмело посмотрела на Грейна и сразу спрятала глаза. Просто осознала, он уже все понял, и без всяких разговоров.

— Она по-прежнему моя женщина, — вдруг осипшим голосом произнес Рома, и я снова метнула в него изумленный взгляд.

— Нет, Ром, теперь уже моя, — немного грустно, как мне показалось, ответил Дима.

Хотя понятно, грусть эта относилась к закончившейся многолетней дружбе. Жили себе два товарища, горя не знали, спины друг другу прикрывали, и тут явилась я. Притащил меня Рома и все, песец подкрался незаметно. И, как в подтверждение моих мыслей, мужчины вновь уперлись друг в друга разгорающимися яростью взглядами. Я пожараща ждать не стала.

— Есть хочу! — выскочила между ними, как черт из табакерки.

— Идем, — рявкнули оба, и я первая свинтила на «дротик».

Мама моя, чего делать-то? Они же теперь готовы к более решительным действиям! Глотки другу перегрызут, а я как же? Ёшкин-лукошкин, и никакого восторга, как в тренажерном зале.

Страшно и стыдно, причем, перед обоими.

— А я предупреждал, — подал голос моральный принцип.

— Молчи уже, зануда, — томно промурлыкала страсть. — Мне все понравилось.

Я была согласна с обоими, но к решению проблемы это не приблизило ни на сантиметр. Бросая исподволь взгляды, то на Рому, то Диму, я пыталась себе представить свои дальнейшие действия. Вот я возвращаюсь к Грейну. Судя по всему, вину за случившееся мой синеглазый инопланетянин уже возложил на своего друга и командира. Что будет? Дима не успокоится, это тоже понятно, вон как глазами змеиными в мою сторону сверкает. А я, дрянь такая, продолжаю плавиться под этими взглядами, не смотря на самобичевание. Значит, возможно повторение уже случившегося. И что? А ничего, не могу я себе такого позволить. Ромка достоин лучшего, чем периодические потрахушки его женщины на стороне. Ну не могу я гарантировать дальнейшей верности. Тянет меня к этому гаду ползучему, сил моих нет.

Ладно, я смирилась со своей тягой к Диме и все-таки ушла к нему. Что мы имеем, кроме жалящей совести? А все ровно тоже самое. Ромка вон, как смотрит, аж до костей пробирает, так и хочется залезть к нему на колени и зацеловать... и не только. Соскучилась я по нему, не смотря ни на что. И что получается? Буду к нему бегать по-тихому? Почему-то мне кажется, что меня Грейн не отпустит так легко, как Хельгар. Черт, я ведь в жизни себе не позволяла иметь несколько ухажеров одновременно. Рассталась с одним, появился другой, остальным отставить и точка. И даже представить страшно, что один из моих мальчиков пропадет из моей жизни. Вот и решай, Инесса Николаевна, извечный вопрос: Что делать?

— Снимать штаны и бегать, — проворчала я себе под нос.

— Что, Инночка? — дружно спросили мои мальчики и чуть не зарычали друг на друга.

— Хренов сто, и ни хрена хорошего, — отгрызнулась я, шмыгнув носом.

К моменту, когда мы вернулись на корабль, я уже знала, что мне делать. Я первая вышла из «дротика», оказавшегося катером, и направилась в сторону Роминой каюты. Молча пересекла ее порог, скинула одежду, не стесняясь того, что следом за мной вошли оба мужчины, а что они там не видели? И скрылась в душевой. О чем они там говорили и говорили ли вообще, я не знаю, потому что отбивалась в этот момент от счастливой Серафимы, залившей меня на энтузиазме таким количеством воды, что я чуть не утопла во цвете лет.

— Бери, Инуська, для тебя ничего не жалко, подруга, — вещала она, обрушивая мне на голову Ниагару.

— Сим, прекрати... буль... я... буль... зах... буль... усь... буль...

— Да ты знаешь, как я волновалась? — вдруг возопила Система, обдавая меня разом водой и теплым воздухом, от чего вокруг меня заплясали маленькие Торнадо. — Ты, знаешь, как я нервничала? Да у меня интеллект мой искусственный, чуть не размяк! Как ты могла так со мной поступить?!

— Я?! Сима... буль... я же сей... буль... мру... буль...

— Ты знаешь, что я этой козе сделала? Я ее током шандарахнула. Пять раз! И водой залила. И в камере ее все поубирала, все! Она на полу сидит и боится, потому что я даже не знаю, что

еще с ней сделать! А ты... ты... ты на Латоне с командиром развлекалась, — патетично закончила Сима и, наконец, Армагеддон в душевой закончился. — Ну и как это было? Ты теперь с ним? Ой, как Грейна жалко-о, — протянула она.

Разговор вошел в нужное мне русло, и я сделала решительный жест, велев ей замолчать. Серафима материализовалась рядом.

— Значит, так... — начала я.

Когда я вышла из душевой, уже чистая и сухая, мужчины все еще находились в каюте. Я краем глаза отметила их потрепанный вид и пару ссадин, украшавшие лица. Значит, успели перекинуться парой слов. Сейчас оба были хмуры и молчаливы, но мое появление встретили разом потеплевшими взглядами на наше идеальное величество, и обменяться между собой ревнивыми. Я вздохнула и уверилась, что все делаю правильно. Достав из своей сумки спортивный костюм, дабы не вводить никого в излишнее искушение, я быстро оделась, вспоминая, как это делается на пляже, где нет свободных кабинок для переодевания, то есть, не снимая полотенца. «Мастерство не пропьешь», — гордо подумала я, натягивая футболку и окончательно сбрасывая полотенце, потому что штаны уже украшали мой зад.

Я обернулась и насмешливо приподняла брови, глядя как мои мальчишки спешно отводят глаза, делая вид, что совсем не пялились на меня все это время. Все так же молча, я направилась к двери.

— Сердце мое, — позвал меня Рома.

— Радость, — практически одновременно с ним произнес Дима.

И они метнули друг в друга недобрые взгляды. Я остановилась и посмотрела на них.

— Так больше не может продолжаться, — снова заговорил Грейн.

— Нужно все прекратить здесь и сейчас, — с удивительным единодушием подхватил Ардэн. — Сделай выбор.

— А вы ему последуете? — усмехнулась я, и они слаженно кивнули. Не смогла удержать новый смешок, неожиданно понимая, что это готовность принять выбор собственной персоны. О том, что я могу выбрать другого, они просто не думают. — Вы уверены? Если я выберу Рому, ты отступишься? — я посмотрела на Диму, и он упрямо поджал губы. — А ты, Ром? Если я скажу, что уйду с Ардэном, ты это примешь? — мой синеглазик отрицательно мотнул головой. — То-то и оно... — Я немного помолчала прежде, чем сказать то, что хотела. — Поэтому я принимаю решение, — синие и вновь темно-карие глаза пристально взглянули на меня, — я буду жить... — черт, мне это совсем не нравится, — одна.

— Что?

Они репетировали что ли? Сколько можно говорить хором?!

— Гиррес?

— Брэн?

— Дураки что ли? — возмутилась я. — Совсем одна. Блин, мужики, я не могу сделать выбор, не могу и все! И мне легче отказаться от обоих, чем предпочесть кого-то одного. Вот, сказала, —

выдохнула и стремительно покинула уже свою бывшую каюту.

Белый кролик ждал меня в коридоре.

— Си-има, — простонала я, закатывая глаза.

— Следуй за белым кроликом, — не стала оригинальничать Система.

— Да, Морфиус, — съязвила я, и мы понеслись по коридору.

Впрочем, недалеко. Всего лишь свернули за угол, где меня уже ждала открытая дверь. Кролюга грубно заревел, оповещая меня о прибытии на место, и исчез, оставив мне легкую форму контузии. Своих мужчин я не услышала, потому как слегка оглохла, но успела увидеть, как они быстрым шагом подошли к закрывающейся двери.

— Дайте мне разобраться в себе! — заорала я, перекрикивая свою глухоту, и дверь окончательно закрылась. — Вот встряла, млин, — выругалась я и свалилась на койку мордой вниз.

Стучался ли кто ко мне, не стучался, я не знаю. Благодаря озверелому крольчуге я находилась в блаженной тишине, так необходимой мне сейчас. А вскоре и вовсе уснула, измотанная событиями двух дней и своими переживаниями. Что мне снилось, не помню. Кажется, марафон по многочисленным коридорам «Гордости Аттарии». Я скакала верхом на белом кролике, а за мной неслись Морфиус, Нео и агент Смит, на плечах которого сидела Алиса из страны Чудес, кричавшая: «Сделай выбор!». Офигеть, до чего причудливые образы выдает иногда подсознание.

— Инна-а-а, ну, Инна же-е, — ныла мне в ухо Сима. — Хватит спа-а-ать, мне ску-учно.

— Ты озверелое адово изобретение, — огрызнулась я, не открывая глаз.

— Вот ты спишь, а там такое, — многозначительно протянула Серафима, посылая мне в бок слабый электрический импульс.

— Что там? — лениво спросила я, почесывая бок и по-прежнему пытаюсь ускользнуть в сон.

— Открой глаза, скажу, — коварно пробубнила Сима.

— Не открою, ай! — я подскочила от разряда в мягкое место. — Сима, ты садистка, ты... ты...

— Да ладно тебе, — отмахнулась она красивой мерцающей ручкой. — Зато у меня есть новость.

Я встала с кровати и направилась в душевую. Затем неспешно и с аппетитом позавтракала. После для проформы сделала несколько упражнений на пресс, спела песенку, чем довела изнашивающую Симу до почернения, в прямом смысле этого слова, и лишь после этого уселась, скрестив по-турецки ноги, и взглянула на нее, удовлетворенная своей мстостью.

— Ну, что там у тебя? — спросила я.

— У тебя нет слуха! — выпалила низким рычащим голосом Система. — И голоса тоже нет. И песни у тебя дурацкие. Никогда не пой. Никогда-никогда!

— Гы, — осклабилась я и передернула плечами, сразу вспомнив горилла. Никогда больше не скажу «ы». Вот, никогда-никогда! — Что там за новость?

— А вот теперь не скажу, — надулась вновь голубеющая Сима, и голос ее опять стал приятным.

Я зевнула и встала с пола.

— Ну и не говори, — я пожала плечами.

— Ты вредная, — сварливо проворчала она. — Вредина вреднющая. Самая вреднятинская вреднятина.

— Сим, твой создатель бы с тоски удавился, услышав, что выдает его сверхразумное изобретение, — усмехнулась я.

— Он бы мной гордился, — заносчиво заявила Серафима. — Так ты будешь слушать или нет? — я покладисто кивнула и развесила уши пошире. — Стерлядь отправили на Аттарию, — выпалила Сима. Не заметив моей реакции, она досадливо полыхнула искрами и начала пояснять, как неразумному дитяти. — Ее во время миссии отправили, даже не продержали в карцере до возвращения. Это же позор! Тайлар командир Ардэн, когда ты здесь в спячку залегла, он же злющий был. Прямо к ней отправился, в карцер. Кстати, в карцер ее тайлар Грейн отправил, сорвав все знаки различия. Хельгар же не просто сплывила тебя с корабля, она поставила под угрозу жизнь неподготовленного человека... э-э, примитива, ты уж извини. А еще и поисковый маяк уничтожила и провиант из шлюпа убрала. Вас по закону надо беречь, так что там накапало много обвинений. Тайлар командир все ей высказал, все-все. Хельгар офигела. Потом подготовил обвинительные документы, погрузил в анабиоз и отправил под конвоем на Аттарию. Прямо в комитет по рассмотрению дел с генными нарушениями.

— И что ждет Хельгар за все, что она со мной сделала? — спросила я.

— Принудительная коррекция! — торжествующе воскликнула Сима.

У меня вытянулось лицо. Я, конечно, девка добрая, да и память у меня, хоть и вся в зарубках, но тоже ничего, отходчивая. Но стерлядь вызывала во мне кровожадные чувства. Головой об стену ударила? Ударил. И хорошо, что голова — кость, иначе бы я закончилась раньше, чем эта ревнивая дура меня в шлюп засунула. Потом меня унизила вопящая шняга, обозвав чудовищем. А что еще мог означать ее визг? Чуть не сожрал слизень, потом безглазая хрень, медведеподбное чудище. А про озабоченного горилла-куртизана я даже вспоминать не хочу! И если бы не Димочка, я бы или уже переварилась в чьем-нибудь желудке, или, пардон, агрегат горилла застрял в моих гландах. И за все это коррекция?!

— Да ты не понимаешь! — воскликнула Система. — Это же самое худшее, что можно придумать для аттарийца! Они же трясутся над своими драгоценными генами, которые культивировали столько поколений, выводя устойчивые наследственные признаки, вколачивая в организм многократно повторяющуюся программу для потомков. Добровольная коррекция делается сознательно. Да там и меняется-то мелочь. А Хельгар ждет полная перезагрузка. Для своей семьи она уже брак. К тому же всю династию трясти начнут, выясняя с кого пошел перекосяк, на ком еще отразился. Законопослушание у аттарийцев в крови. Они убивают-то только во время военных действий. Ты посмотри на их оружие. Парализатор! И тот можно использовать с кучей условностей.

— А на штурмовиках? — засомневалась я.

— Там все по-взрослому, — уверила меня Сима. — Но Аттария никогда не нападает первой, они до последнего пытаются урегулировать проблему миром, даже когда другие планеты уже

втянуты в военные действия. Если же напали на аттарийца, разговоры заканчиваются.

Вообще-то заметно. Наши бы мужики давно морды друг другу набили с криками: «Моя баба». И бабе заодно тоже. А эти все рычат друг на друга, но диалог ведут. Космический бой не в счет, это не угрожало ничьей жизни. А вот ссадины на лицах, это уже нехорошо. Но все равно не катались по каюте, по стенке друг друга не размазывали. Кстати, как они там, мальчики мои...

— Сим, а что там с моими? Как они? — вздохнула я.

Передо мной появилось двойное изображение. Рома разговаривал с оранжевыми. Он был сосредоточен на каких-то своих мыслях, и мне показалось, что даже толком не слышал, что ему говорили. Дима же сидел на капитанском мостике. Взгляд его был устремлен в одну точку. Казалось, что он сейчас где-то далеко-далеко. Вот он вздохнул, и губы его шевельнулись, сложившись в имя — Сима.

— Ой, — пискнула моя подруга и исчезла.

Экраны погасли. Я уныло вздохнула и упала в кресло, закрыв лицо руками. И что за наказание? Что на одного смотрю, все внутри замирает, что на другого. Но ведь не могла же я влюбиться сразу в обоих, а? Так ведь не бывает, да? Да? Это у вас не бывает. А у меня вот случилось. И что теперь делать?

Вскоре вернулась Серафима, довольная, как удав. Она зависла над поверхностью моей новой кровати в лежачей позе и хитро посмотрела на меня.

— Страда-ает, — со значением сказала Серафима. — Хотел тебя посмотреть, а я не показала. Сказала, что ты еще спишь. Я и тайлару Грейну тебя не показываю. Никому не показываю. Моя, — Сима как-то очень кровожадно оскалилась, и я подумала, а того ли я себе выбрала защитника? — Да шучу я, шучу. Рано им еще, пусть пошучают. Кстати, Инусь, а тебе-то кто больше нравится?

Я шмыгнула носом и пожала плечами. Сима понимающе посмотрела на меня.

— Я бы вот тоже не знала, кого выбрать, — сказала она. — Показатели состояния здоровья у обоих ого-го. Репродуктивная функция, на высшем уровне. Потомство от обоих ожидается сильное. Мужская сила, так сказать...

— Достаточно, — остановила я Систему, пока она мне не предоставила моих мужчин в разрезе с разных ракурсов. — Они такие...

— Да одним миром они мазаны, — отмахнулась от меня Сима. — Ты просто их плохо знаешь.

Точно! Именно! Я же их совсем не знаю. Точней, знаю, но как-то очень однобоко. А может они не закрывают тюбик с зубной пастой и расставляют носки по углам. Что я привязалась к их внешности и силе... мужской? Я же их, как людей не знаю. Вдруг стоит порыться в их поступках и поведении вне общения со мной, и все станет проще? А может они...

— Одинаковые они, — перебила мои мысли Сима. — Это только с виду они: один — няшка улыбчивая, а второй жесткий брутал. Аферисты они и авантюристы, причем, оба. Везде, как ниточка за иглолкой. И думают в унисон. Они вместе с Академии, с самого первого уровня обучения. Натаскивали друг друга, дурили в рейдах. Я-то много чего о них знаю. Меня модернизируют постоянно, но матрица-то одна! Если захочешь, много чего порасскажу. Только

ты вот и развела друзей-товарищей по разным окопам.

Вот же стерва электронная! Я совсем приуныла. Ничего нового. Разбиваю крепкую мужскую дружбу. Не специально, а так получается. Лучше бы уж они в тот день не тусили в лесу у турбазы, летели бы себе мимо, а меня бы наши нашли. Ничего, выжила бы. Так и захотелось возопить:

— Простите меня, люди добрыя! Не по злобе лютой, а токмо волею жестокой судьбы! — и челом так об пол, хря-ясь! Чтоб извилины в голове распрямились и опять свернулись. Глядишь, может, гениальная мысль на умную бы сменилась.

Биться головой об пол я, конечно, не стала. Мне мой лоб дорог как память. Вместо этого в сотый раз тяжело вздохнула и опять посмотрела на Симу.

— Ругаются?

— Не, — она помотала красивой головой. — Нейтралитет до Аттарии заключили.

— А что будет, когда вернемся на Аттарию? — не без дрожи поинтересовалась я.

— Капец тебе будет, Инусик, порвут, как Тузик грелку, если сама раньше не определишься. Только все равно не успокоятся. Они же оба ненормальные. Один — легар, второй тоже с придурью. У тайлара Грейна отец маму увел у родного брата. Набор-то генов с братом одинаковый, а у отца Рома еще и любовь приключилась. Вот старший тайлар Грейн и не дал брату заключить постоянный союз. Сын весь в него, из одного теста, так сказать. И ведь до сих пор живут душа в душу. Так что держись, подруга. Быть тебе полуИнкой, — Сима неожиданно издала ржач гусарского коня, а я поперхнулась. — Порвут, как пить дать. Кому верхнюю часть завещаешь, кому нижнюю?

— Хочу к маме, — испуганно проблеяла я.

— К маме Ардэн? Или маме Грейн? — снова заржала гадкая программа. — Мама Ардэн пожестче будет, выбирай Грейн. Хотя нет, Грейн хитрей. Даже не знаю, какую свекровь тебе посоветовать.

— К моей маме хочу, к маме Элле-е, — позорно завывла я, и Система всандалила мне успокаивающий укол.

Следующие три дня я продолжала отсиживаться в каюте. Нет, вру. После того, как Сима напичкала меня успокоительным. Я начала думать рационально, насколько, конечно, я могу мыслить рационально. Но терзаться собственным слабым сердцем и чувством вины временно перестала. Я выбралась на волю с целью забрать у Ромы кое-какие свои вещи. Сима подтвердила, что его нет в каюте, и я вполне успею забрать свое небогатое имущество.

Забирать много я не собиралась. Из купленного мне, только нижнее белье и обувь. Все остальное свое родное. И по фиг, что для них непривычно, мне зато в кайф и как напоминание об утерянном доме. Но когда я открыла шкаф, бирюзовое платье так ко мне потянулось, что сердце мое не выдержало.

— Идем, горе ты мое, — вздохнула я.

Счастливая шмотка скользнула ко мне в руки, и от нее пошло приятное тепло. Может, и не тепло, но мне вдруг стало уютно, словно меня обнимает родное существо. Кстати, о существах.

— Как вы тут, плюшечки мои? — умиленно спросила я своих питомцев. — Мы переезжаем. Вася, — поцеловала, — тьфу. Мася, тьфу. И чего вы такие шерстлявые?

Ридары издали урчащий писк, выражавший радость от встречи, и мы отправились в мою новую каюту. Ну, почти. Когда дверь открылась, я смогла только гулко сглотнуть и сдавленно пискнуть:

— Привет.

— Привет, — Рома шагнул на меня, оттесняя обратно в каюту.

Он посмотрел на мой багаж, на Васю с Масей, и взгляд его вдруг стал до того тоскливым, что у меня сердце сжалось. Рома положил мне руки на плечи и уткнулся лбом в макушку.

— Не отпущу, — тихо сказал он.

Ну вот что за человек? Ну как можно так душу рвать? Она у меня единственная, другой не будет. И вот стою я с сумкой на плече, в руках зажаты Мася и Вася, у которых случился нервный тик. Наверное, вспомнили день нашего знакомства. А мне плевать на Крайгон, мне на Рому не плевать. Обнять его хочется, прижаться крепко-крепко и остаться. Но тут же в голове всплыл Дима, черт...

— Ром, я пока там поживу, — почти шепотом ответила я. — Так будет лучше.

— Кому? — спросил Грейн. — Ардэну?

— Я не собираюсь с ним видаться... С вами обоими не собираюсь, честно, — сказала я.

— Почему? Я не понимаю, — он отодвинулся и заглянул мне в глаза.

— Я себе-то ответ дать не могу, — вздохнула я, виновато опуская глаза. — Прости. Мне стыдно, что все так вышло.

Рома вновь привлек меня к себе, прижал мою голову к груди, и я чуть не заскулила от жалости, когда услышала, как быстро бьется его сердце.

— Ин, мне без тебя никак, — сказал мужчина. — Совсем. Я на тебя даже злиться не могу. Вроде надо. Даже отпустить тебя надо, а я не могу. Остайся. Он близко к тебе не подойдет. Если хочешь, я сегодня же рапорт на Аттарию отправлю, и мы покинем корабль. Тебе больше не придется видеть его.

— Нет! — я резко отпрянула и снова виновато потупилась, когда моя реакция всколыхнула в синих глазах боль.

— Ты выбираешь его, — глухо произнес Рома, сжимая кулаки. — Не отпущу, — он тут же упрямо тряхнул головой. — Мне плевать, что там проснулось в Ардэне. Это его сложности, но я...

— Нет, — я отрицательно покачала головой. — Я не выбираю. Правда. Никого не выбираю. Я даже выбирать не могу. Это все бред сивой кобылы, но, блин, Ром, но...

— Но?

— Вы мне оба нужны, — выпалила я и сбежала, пока Грейн переваривал услышанное.

Второй день начался с катаклизма, я осталась без кровати. Ладно, по порядку. Сплю я, значит, душу израненную во сне врачую. Она, зараза, врачует плохо, то Рома приснится, то Дима, и оба в чем мать родила. А я смотрю на них и млею. И чувство, что я в кондитерском отделе. Передо мной два вкусных пирожных, и я не знаю, какое съесть первым, потому что оба хочется, спасу нет. Тут мое подсознание сделало очередной выверт, и мальчики оказались измазаны взбитыми сливками. И кусочки фруктов на них. У меня уже слюна с клыков капает, а надкусить сил нет. Затем раздался оглушительный треск, пол провалился, и я полетела в черную бездну.

— А-а-а!!!

Вскочила, пот по спине течет, ручки-ножки дрожат, а рядом подозрительные хряпанье и чавканье. Ошалело озираюсь и выпадаю в осадок. Кровати нет! Каюты вообще нет, сплошные руины, словно Мамай прошел, зато есть Маша с Васей. Сами круглые, глаза наглые, рожи волосатые довольные, и мою кровать доедают. Зажали в пальчиках своих уморительных куски пластика и жрут, паразиты!

— Разорители! Чтоб вас блохи зажрали! — заорала я. Вася сыто икнул и отвалился на спину, забавно задергав задними лапками. — Что я вам сделала? Кормлю, пою, души в вас, дармоедах, не чаю, а вы мое жилище жрать?! Сима-а-а!!!

Рядом материализовалась Система. Она осмотрелась и хмыкнула.

— Что ты ржешь, адова машинка?! — возопила я, хватаясь за голову. — Это же все, все, что нажито непосильным рейдерским захватом!

— Ну чего ты разоряешься? — зевнула Система. — Клетку надо было брать.

Тут я вспомнила, как Дима не хотел брать этих короедов на борт. Вот же, блин блинский. Чтоб им зачесалось. Маша издала удовлетворенное басовитое:

— А-а, — и, как подкошенная, рухнула на пол, задергав задней лапой и громоподобно захрапев.

— Тяжелая она, я пробовала переставлять, — проворчала я. — Рома спокойно поднимает, а я не могу.

— Так меня бы попросила. Ты разве не знаешь, что ридар означает — пожиратель? — выдала мерзавка.

— Ну спасибо, — ядовито ответила я и поклонилась в пояс. — Теперь знаю. Сама не могла догадаться?

— Нам гадать по рангу не положено, у нас все четко, — козырнула Сима, и рядом со мной появился большой прозрачный ящик из Роминой каюты. — Тайлар Грейн, может, и принес бы тебе клетку, но ты его сильно шокировала, он еще долго переваривал твои слова.

Я залилась краской и спрятала лицо в ладонях. Да я сама в шоке! Такое брякнуть, это же только я могу.

— Он разочарован? — спросила я, наконец.

— А хрен его знает. Его потом на мостик вызвали. Губы поджал, головой тряхнул и ушел.

— Офигеть, — выдохнула я, падая на подушку. Больше ничего не осталось. Умное покрывало эти гады тоже погрызли.

Сима посмотрела на меня, усмехнулась и отправила умыться. Когда я вернулась, мне предстала сюрреалистичная картина восстановления. Пластик, став жидким и тягучим, формировал новые панели, мебель. Появилось утраченное постельное белье. Чудеса, да и только.

— Научный прогресс, — гордо заявила Сима, зависнув рядом со мной. — Кстати, пляши.

— Зачем? — удивилась я.

— Пляши, говорю, — хмыкнула она. — Ай, ну тебя. Тебе два послания.

Передо мной появился экран, на котором я увидела Диму, сидевшего в кресле в своей каюте.

— Доброе утро, тайлари Журавлева, — заговорил он. — Желаю вам удачного дня на территории моего корабля. — Ардэн ненадолго замолчал и вдруг сверкнул посветлевшим взглядом. — Охренеть, Ин, мне в жизни так плохо не было. Давай хоть поговорим... Млин.

И экран исчез, сменившись вторым. Пришибленная увиденным, я утерла скупую земную слезу и посмотрела второе послание.

— Доброе утро, маленькая, — заговорил Рома, стоявший возле панорамного иллюминатора. — Еще один день без тебя... Даже не думал, что можно так сильно привязаться всего за несколько дней. Мне тебя не хватает, сердечко. Может, еще раз поговорим?

Разговорчивые мои... Я утерла вторую слезу и бухнулась в восстановленное кресло.

— Отвечать будешь? — поинтересовалась Сима.

— Нет, — рявкнула я. — Ничего нового я не скажу, буду сидеть здесь и жрать мороженое. У нас есть мороженое?

— Не-а, — помотала головой Система.

— Даже мороженого нет, — я поникла буйной головешкой.

— Есть десерт, — успокоила меня Сима. — Вкусный. Так все говорят.

— Давай. Много. И кино какое-нибудь слезливое, про любовь, — решила я.

И она дала. Так дала, что лучше б не давала. Десерт оказался вкусным, но порционным. Потому не получилось ложкой наворачивать из ведра, вытирая слезки. Еще и с чувством насыщения. Больше одной порции не съешь. А кино...

— Мать моя женщина, — пробормотала я, вглядываясь в широкий экран, который мне устроила Серафима. — Сим, ты мне одно скажи. Ты вообще мелодраму от порнухи отличаешь?

На экране, была, в общем-то, любовь, но очень неприкрытая. Блондинку с охрененными буферами за... э-э... залюбливал до слез длинноволосый мачо. И как только он ее не любил, и в какое только место не любил... Она кричала, рычала и рыдала. Все, как я просила, м-да.

Очень... мило.

— А что у нее с грудью? — раздался совершенно неожиданный голос товарища Ардэна.

— Ё-мое, — подпрыгнула я на кровати, с которой собиралась смотреть слезливую мелодраму и упиваться своими страданиями, и хаотично заметалась в поисках пульта. — Черт, Сима!

— Так что с грудью? — склонив голову набок, спросил голографический Дима.

— Силикон, — шипящим шепотом ответила я. — Операция по увеличению груди.

— Зачем? — удивился Дима и обернулся ко мне.

— Ну-у... — отчаянно краснея, протянула я. — Чтобы больше была, красиво.

— Да? — Ардэн вновь посмотрел на экран. — Мне твоя грудь больше нравится.

Я накрыла голову подушкой. Сима-а-а, ы-ы-ы, и по фиг на горилла! И за что мне это позорище? Ну хоть «Титаник» какой-нибудь показала, зачем ЭТО?! И Дима, блин... Что у нее с грудью, что у нее с грудью... Ы-ы-ы, ы-ы-ы и еще три раза:

— Ы-ы-ы, — провыла я вслух.

— Он ушел, — сказал Сима, и я выглянула из-под подушки. — Ну как кино? Еще?

— Сима, я хотела совсем другое! — завопила я. — Ты что устроила? Ты же говорила, что сюда никто не сможет пролезть!

Серафима фыркнула и превратилась в хомяка. Обижается она, полюбуйте. А мне стыдно теперь. Что обо мне Ардэн подумает? Что я извращенка? Я точно помру, вот теперь наверняка...

— Тайлар командир Ардэн! — возопила Сима, и я снова подскочила на кровати.

Дима во плоти входил в каюту. Он, не скрывая злорадной усмешки, посмотрел на родную Систему.

— Как вы вошли? Я заблокировала...

— Сима, на этом корабле я командир, — сухо ответил Ардэн и уселся на краю кровати.

— Универсальный код, — фыркнула Серафима. — Ладно, — зловеще протянула она. — Инусик, еще киношку?

— Только другое! — воскликнула я.

— Правильно, а чего смотреть одно и то же. Нужно разнообразие, — ее оскал мне вообще не понравился.

И кино началось. Симпатичная девушка ворковала с двумя парнями. Они смеялись, улыбались, а потом они целовались, а потом раздевались, а потом...

— Твою же мать, Серафима! — заорала я.

— А чего? — она невинно похлопала красивыми глазками и слиняла.

Медленно, словно боясь нарваться на мину, я обернулась к Диме. Он сосредоточенно смотрел на экран, задумчивая потирая подбородок.

— Разве можно с кем-то делить свою женщину? — спросил он.

— Ну-у... э-э, некоторые такое любят, — проямлила я. — Групповой секс, называется. МЖМ, тройничок. Любовь втроем.

— Ну, я слышал о таком, просто не понимаю, как остаться равнодушным, когда другой мужчина притрагивается к твоей любимой женщине, — Ардэн отвернулся от экрана. — Хотя, должен признать, когда я увидел вас с Грейном на мостике, у меня было два совершенно противоположных желания. Оторвать Грейну голову и все выступающие части и, млин... это было... возбуждающе.

Я поперхнулась и закашлялась. Дима заботливо вдарил мне по хребтине, кашлять перестала, начала икать. Еще глаз дернулся.

— Так ты там действительно был? — сипло спросила я. Не пригрезилось.

— Хотел поговорить с Ромом, открыл дверь, ну и...

Теперь зарумянился и Ардэн. Он смущенно потупился, ковырнул носком высокого ботинка пол и снова посмотрел на экран. Там становилось совсем жарко. Дима некоторое время следил за событиями, и на его лице был написан самый настоящий исследовательский интерес. Словно он ученый и теперь изучает размножение особей нового вида в условиях неволи. Наконец, Ардэн отвернулся от происходящего на экране.

— Ты жарче стонешь, — сказал он, глядя мне в глаза. — Как вспомню, так мурашки по телу.

А на лице такое выражение, словно это он в кондитерском отделе и точно знает, какое пирожное ему нужно. И пирожных не ел лет сто...

— Мама, — выдохнула я.

Ардэн бросил свое тело вперед, прижимая меня к кровати.

— Обойдемся без взрослых, — подмигнул Дима и завладел моим ртом.

Я даже разомлеть не успела, когда дверь снова зашипела:

— Ардэн, какого хрена! — зарычал Рома, и Дима едва успел скатиться с меня.

— Инна! — этот вскрик совпал с моим воплем, когда Ромина длань ухватила меня за грудки и приподняла над кроватью, да так и застыли в дружном немом офигее.

Меня аккуратненько вернули на место, халатик отдернули, невидимые пылинки стряхнули, ухватили зазевавшегося Ардэна и стащили с кровати. Так они застыли. Морды виноватые у обоих. Дима носком ботинка опять пол ковыряет, Рома в меня глазками ангельскими стреляет. У меня глаза на пол-лица, шок во всей красе, а тут еще с экрана надрывное:

— О, е, е! Фак, фак, о, е...

Рома обернулся и завис, только сейчас разглядев, что у нас тут идет. После совсем лицом развернулся, репу почесал и даже подошел поближе.

— Они ей тоже оба нужны? — задал Грейн вопрос, не сводя взгляда с экрана.

— Ага, — машинально ответила я, моргнула и столбняк прошел.

Я в одно мгновение оказалась на ногах, там же на кровати. Взмахнула рукой жестом Чапаева и заорала:

— Пошли вон отсюда, оба! Сима, вырубай киношку! Достали! Жизни нет! Одна извращенка порнуху гоняет, двое других вламываются без приглашения! Видеть никого не желаю!

И как ногами затопала, завизжала, псих ненормальный, оступилась и полетела на кровать.

— Инна!

— Вон!

Мой указующий перст поднялся из недр кровати. Мужики совсем приуныли и потопали на выход. Сима порнуху вырубила, включила «Титаник», вручила мне еще одну порцию десерта и тоже исчезла. Всех разогнала. Остаток дня я сидела в своей норе, как бурундук, смотрела «Резню бензопилой» и жрала десерт, из принципа. Потом, правда, было плохо, и Сима меня лечила от обжорства.

Глава 14

Третий день моего добровольного заточения ознаменовался, ну конечно, Симой.

— Инуська-а-а, — пропела она. — Хватит дрыхнуть тут, как медведь в берлоге. У нас две новости.

Я швырнула в нее подушкой. Мой снаряд взметнул ворох искорок и пролетел сквозь Симу. Она проследила полет подушки, хмыкнула и снова налетела на меня.

— Инка-а-а! Ну Инка же!

Я зарылась головой под оставшуюся подушку. Сима шарахнула меня парой разрядов, и я вскочила, как ошпаренная.

— Сима! У меня была тяжелая ночь, имей совесть!

— Меньше жрать надо, — отмахнулась она. — Мы подлетаем к Ингвее! Будем здесь дня три. Злачное местечко, можно разгуляться.

Я более заинтересовано посмотрела на Серафиму. Довольная моим вниманием Сима продолжала.

— Бары, казино, бои на деньги, гонки на харидах. Это зверюги такие. Отвязная планетка.

— Вау, — восхитилась я.

— Ага. Гуляй рванина, жуй опилки, — радостно кивнула Сима.

Какая замечательная планетка, мне туда надо! Только кто меня будет выгуливать? Обоих что ли тащить, чтобы не бодались и не обижались? А что, на Крайгоне были вместе и ничего, вполне мирно бегали по джунглям. Идея мне понравилась. Я вдруг поняла, что жутко соскучилась по обоим. Мальчики мои... Эх.

— Сим, а где Дима с Ромой? — спросила я, позавтракав.

— А это вторая новость, — Серафима осклабилась. — Замена Хельгар прибыла. Встречают.

— Так быстро? — удивилась я.

— Обычно, — пожала плечами Система. — Скорости-то у нас не в километрах в час.

— Скажи, когда освободятся, — попросила я.

— Э-э, не думаю, что они скоро освободятся, — замялась Сима. — Но если кто нужен, скажи, я вызову.

Я отмахнулась. Успеется, мы еще не приземлились. Но сидеть в каюте было скучно, и я решила высунуть нос. Все равно мужики заняты, никто меня отлавливать не будет.

— Сим, а Руся занят? — спросила я.

— Не-а, — помотала головой Система. — Хочешь прогуляться?

Я кивнула и направилась на выход. Были некоторые сомнения. Может, Руся и не рад мне будет, а я тут со своей дружбой к нему лезу. Решила спросить совета у своей подруги. Она поиграла искрами и уверила, что тайлар Брэн находит меня забавной и не против еще пообщаться. Ну и ладно, он тоже веселый. Вот и пообщаемся. С этими мыслями мы и покинули мою каюту.

Хвала Высшим силам, мы обошлись без белого кролика. Серафима сама вела меня по коридорам. Мы мило болтали, когда спустились по трапу и свернули в очередное ответвление. И что вы думаете? Я нос к носу столкнулась с обоими своими мужчинами. Челюсть моя гулко звякнула об пол, в глазах потемнело, и «Гордость Аттарии» покачнулась. Они шли, обступив с двух боков какую-то офигительную куклу. Оба заливались соловьями, что-то ей рассказывая. Ни тебе ревности, ни тоски, ни страданий. Кукла мило хихикала, стреляя глазками, то в одного, то в другого. Так и захотелось скормить ей таз лимонов, чтобы блаженство с лица сошло. Держала она моих, МОИХ, мужчин под руки, и те совсем не были против.

Они меня даже сразу не заметили. Ну конечно, что нам до какой-то земной пигалицы, когда рядом такая краля. Первым увидел меня Ардэн, когда, наконец, отвернулся от куклы. Лицо его вдруг вытянулось, губы поджались, и взгляд ушел куда-то в пол.

— Добрый день, господа гуманоиды, — прошипела я, проходя мимо.

— Добрый, — машинально ответил Рома и осекся, тоже вдруг спадая с лица. — Инна...

— У вас на борту прима? — изумилась кукляндия, не дав ему договорить. — Где вы ее раздобыли?

Вот тут перекосило уже меня. Я метнула в красотку злобный взгляд.

— О, агрессивная? — вскинула она тонкие брови. — Ведет себя прилично?

— Нет, гадит по углам и грязно матерится, — ответила вместо зависших мужиков, после наградила их презрительным взглядом и свернула за Симой.

Никто меня не догнал, успокаивать не кинулся, и я окончательно обиделась. А пошли они. Пойду гулять с Русей, а эти пусть теперь куклу делают. Сима, заметив мою зверскую рожу, открыла было рот.

— Молчи, — остановила я ее. — Когда приземляемся?

— Через пару часов, — ответила она. — Инусь...

— Ни слова, — повторила я.

Сима пожалала красивыми плечами, и мы продолжили мой путь к новому другу. Русю мы нашли в его каюте. Ага, просто вломились. Я перла, как танк, потому Серафима просто открыла передо мной двери.

— А...

Только и произнес офигевший тайлар Брэн. Он возлежал на подобии кушетки и читал. Из одежды на нем были только обтягивающие штаны. Я даже невольно залюбовалась. Атас, они тут все сложены. Прямо сплошные боги Древней Греции.

— Привет, — сказала я, бухаясь рядом с ним. — Как ты?

— Хорошо, — кивнул он, все еще находясь в состоянии шока.

— Идем тусить на Ингвею, — выдала я без всяких предисловий. — Только у меня денег нет.

— У меня есть, — ответил чистосердечный Руся. — А...

— Не говори мне о них, — рявкнула я.

— Ладно, — пожал плечами штурмовик. — Я там несколько таких местечек знаю, тебе понравится, — он подмигнул, и я, наконец, расслабилась. — Только все равно лучше тебе у них отпроситься... или по-тихому сбежать будем?

— По-тихому, — уверенно кивнула я. — Да им и не до меня теперь.

Воспоминание о кукле больно царапнуло, и я невольно выдала одно нецензурное земное слово. Брэн не понял, но впечатлился и, похоже, взял его себе на заметку. Глубина морального падения аттарийцев, после моего воцарения среди них, все увеличивалась. Мне на мгновение стало стыдно, но очень на короткое мгновение, и где-то в глубине души. Где-то очень глубоко, как говорил товарищ Новосельцев.

До приземления я так и сидела в каюте Руси. Он успел одеться и теперь рассказывал мне про Ингвею. Я же попросила Симу принести мое бирюзовое платье и туфли. Платье, очутившись у меня в руках, радостно шуршало херосским шелком и льнуло ко мне, как родное. Руся оценил и важно покивал, назвав меня красавицей. После этого я совсем оттаяла и теперь ждала с нетерпением нашего похода в Разгуляево.

— Будем пить! — заявила я.

— Еще как будем, — покивал Брэн. — Оторвемся, б... — козырнул он моим определением нашей прогулки и тем самым нецензурным словом, удачно соединив их. Я стыдливо отвела глаза и печально вздохнула. Ну как дети, честное слово, ничего сказать нельзя.

Но уже через минуту я стыдиться опять перестала, потому что «Гордость» вошла в верхние слои атмосферы Ингвеи. Русик шлепнулся на свой упругий зад рядом со мной и положил руку на плечо.

— Не бойсь, Инусик, свалим по-тихому, я выведу, — подмигнул он.

А когда «Гордость» заняла свое почетное место на благословенной земле Ингвее, мой будущий собутыльник схватил меня за руку, и мы рванули к отсеку, где стояли спайлеры.

— У вас две минуты, — произнес голос Симы. — Рвите когти, я прикрою. Продержусь, сколько смогу.

— Эх, сидеть мне вечно в карцере, — осклабился Руся, и шлюз открылся.

Мы рванули. Так рванули, что только завихрения остались позади.

— Йа-ху! — взвизгнула я.

— Еще какое, б... — счастливо подхватил тайлар Брэн.

Надо ему объяснить смысл этого слова... потом, когда выпьем. Если не забуду, конечно. Я с интересом рассматривала город за окном спайлера. Время было вечернее, самое то для загула. Город сверкал тысячами огней, голограмм, летательных аппаратов, с которых разворачивалась реклама разных заведений. И хорошо, что мне можно было подготовиться к местной публике, разглядывая пешеходов. Тут такие экземпляры попадались, мама дорогая. Но убил меня червь с руками а-ля Джабба, обнимавший за талию двух дам гуманоидного типа. Надо заметить, что одеты они были так, что мое черное платье казалось одеянием монашки, я даже пожалела, что не надела его.

В общем, выходила я из спайлера, уже не плясь на ингвейцев и иже с ними.

— От меня ни на шаг, — велел мне Руся.

— Да куда ж я от тебя денусь, — усмехнулась я.

И мы вошли в сумрачное заведение. Антураж подземелья был таким реалистичным, что я невольно поежилась. Русик по-хозяйски обнял меня за плечи и повел сквозь пещеры, в которых развлекались инопланетяне. Я старалась сильно не открывать рот и Русю не отгоняла. Уж лучше пусть будет сразу видно, что я не одна.

— Куда идем? — спросила я.

— В гуманоидный зал, — ответил Брэн.

Гуманоидный зал оказался третьим по счету. Я прямо себя дома ощутила. Световые блики, танцующие на подиуме девушки, даже барная стойка. К ней-то мы и направились.

— Два «Взрыва», — сказал Руся бармену.

— Взрыв мозга? — усмехнулась я.

— По эффекту похоже, — рассмеялся мой собутыльник. — Сейчас расслабит и понесется.

— Душа в рай?

— На поиски приключений, а они всегда где-то рядом, — хмыкнул Руся.

— Кому ты это говоришь, — хохотнула я.

Нам подали две мензурки со светящейся голубоватой жидкостью. Я с подозрением принялась, затем высунула язык и смочила его кончик в странном пойле. Скосила глаза и попыталась рассмотреть кончик языка. Язык, как язык. Я пожала плечами.

— Поехали, — отсалютовала Русе, наблюдавшему за мной с любопытством.

— Куда? — поинтересовался он.

— Забей.

— Кого?

— Козла, млин, — рявкнула я, и мы жажнули по первой.

Сначала стало просто тепло и приятно. Затем даже горячо, а затем...

— Вау! — вскрикнула я, когда меня накрыло, и зал взорвался мириадами искр.

— Йа-ху-у, — рядом заревел Руся, схватил меня за руку и потащил в центр зала, где под странную трансовую музыку извивались тела гуманоидов.

Искры опали, оставив ощущение безудержного веселья и полный пофигизм. Единственное, о чем я сейчас жалела, так это о длинном платье. О-па, и бирюзовая неженка поползла вверх по ногам, меняя свой фасон. И через минуту на мне уже было короткое платье с небольшим шлейфом, не мешавшем движению.

— О-о-о, — довольно завывала я.

— Отличные ножки, — подмигнул Руся.

— Я вообще — идеал, — гордо возвестила я, входя в раж.

Сознание полностью слилось с музыкой, увлекая в свой водоворот. На то, как танцуют рядом, я не смотрела. Душа просила отрыва, и я отрывалась. Что в танце, извиваясь в одном ритме с моим партнером по загулу, что в залихватском уханье очередного пойла, когда мы возвращались к стойке. Затем снова тонула в музыке. Руки моего приятеля в этот момент без стеснения скользили по моему телу, сжимали бедра, и мы превращались в одно целое, двигаясь в такт. Я прижималась спиной к его груди, закидывала руки назад и медленно сползала по его телу вниз. Руся переплетал наши пальцы, и я начинала обратное движение. На нас поглядывали. Кто-то пытался пристроиться, но одно плавное движение, и мы уже опять одни. К нам кто-то подходил, со мной пытались заговаривать, но Брэн отгонял каждого нового соискателя грозным рыком.

— Ин, валим дальше, — предложил Руся.

— Валим, а куда? — спросила я.

— Поиграем, — осклабился мой собутыльник.

Идея легла в масть. Я помахала ручкой бармену, и мы сорвались на поиски приключений. Местное казино встретило нас руганью на входе. Какого-то проигравшегося осьминога выкидывали из дверей. Он упорно цеплялся за все вокруг своими присосками и что-то требовал на непонятном мне языке.

— Кричит, что его обманули, — перевел мне Брэн.

— А, это нормально, — кивнула я.

Руся заржал, и мы вошли в освободившуюся дверь, когда осьминога шарахнули шокером и все-таки выкинули на улицу. Мой дружбан уверенно вел меня вверх по лестнице, затем свернул в очередной зал, где имелись все атрибуты бара, а так же игральные столики, где раскидывали тонкие пластины, похожие на карты. Только их обозначения мне были совершенно непонятны.

— Чтобы не заскучала, — пояснил мне Русик.

Он взял нам выпить, сел на свободное место и придвинул мне стул.

— На удачу, — хмыкнул Брэн.

Я его даже в щеку поцеловала ради такого дела. И началась игра. Я честно пыталась в ней разобраться, но ни одного аналога среди известных мне карточных игр не нашла. Руся проигрался. Отыгрался, снова проиграл, и гениальная мысль решила, что пришло ее время.

— Щас все будет, — шепнула я приятелю.

— Что будет? — спросил он, внимательно разглядывая свои пластины.

— Все, — пьяно осклабилась я.

Я облизала губы, вздохнула с придыханием и красиво поднялась из-за стола, демонстрируя все прелести своей фигуры. Партнеры по игре заметили, Руся скосил на меня глаз, усмехнулся и сделал ход. Пока я вертела задом, заказывая нам выпивку, он выиграл еще раз. А потом гениальная моя высунула не только голову, но и все свое гениальное тело. И... новую мелодию я встретила на барной стойке, сразу завладев всеобщим вниманием.

— Обожаю прим, — крикнул кто-то. — Умеют развлекаться.

— Прима — значит первая, — подмигнула я и вспомнила все, что знала из стрип дэнса.

Знала не так уж и много, но танцевала с душой. Руся выиграл еще пару раз, сам развернулся, чтобы посмотреть, от чего на столах лежат челюсти его партнеров, и присоединил в комплект свою челюсть.

— Твою ж мать, — выдохнул он.

Огляделся и рванул ко мне. Уходила я, висая на Брэновских плечах. Нам свистели вслед и требовали поставить меня на место.

— Русь, я звезда, — изрекла я гордо. — Ой.

— Ты дура, — беззлобно ответил Брэн и шлепнул меня по заднице. — Ты хоть соображаешь, где мы?

— Вы такие интересные, — оскорбилась я. — Сначала ничего не объясняете, а потом обвиняете в том, что я ничего не знаю.

— В общем, теперь ты хорошая девочка и не выделяешься из толпы, — велел мне Руся. — Понятно излагаю?

— Понятно, — кивнула я, вися головой вниз. — Теперь куда?

— Думаю, пора возвращаться, — задумчиво изрек мой приятель.

— Ну не-ет, там кобели и кукла, не поеду. Я еще гулять хочу, — заныла я, падая на сиденье спайлера.

— Куда ты хочешь? — вздохнул Брэн.

— На скачки, — отозвалась я с энтузиазмом.

— Ладно, но недолго, — согласился добрый Руся.

И мы поехали. Платье вернулось в прежнее состояние. Причем, и я, и платье на Русю обиделись.

— Я тебе Масю с Васей подкину, — проворчала я.

— Это кто? — поинтересовался Руся, откидываясь на своем сиденье и закладывая руки за голову.

— Вот подкину, тогда узнаешь, — пообещала я.

Мы немного помолчали.

— Ин, а ты с кем? С командиром или с первым помощником? — спросил меня Брэн, прерывая молчание.

— Ни с кем, знать их не хочу, — ответила я и вздохнула. Гады...

— Тогда, может, со мной? — подмигнул Руся. — А как надоест, я помогу тебе устроиться где-нибудь. Или домик куплю и живи, как хочешь.

Я смерила его насмешливым взглядом.

— Обломайся, Русик, хватит с меня ваших аттарийских страстей. Я вообще домой хочу.

— Жаль. Нам было бы весело и... — наглая длань погладила меня по коленке, — жарко.

Платье облепило мои ноги, этого оказалось достаточно, чтобы Брэн убрал руку и рассмеялся.

— Мне друг нужен, Русь, а не любовник, — ответила я и с благодарностью погладила умное платье.

— Друг, так друг. С тобой весело, — улыбнулся Брэн.

— Инусь, тебя еще не нашли? — неожиданно раздался в голове голос Симы.

— Кто? — я даже сразу не поняла.

— Твои, злющие, как черти, умчались на твои поиски, — ответила Серафима. — Тайлару Брэну им лучше на глаза не попадаться.

— Пусть за куклой своей смотрят, — фыркнула я.

— Так это...

— Ничего не хочу знать, — отрезала я. — Давно ищут?

— Да уже давненько.

— Ну и флаг им в... э-э... короче, пусть ищут дальше, — отмахнулась я, и Сима замолчала.

Мы выехали за город. Я посмотрела на Русю.

— Нелегальные, — пояснил он. — Хариды запрещены к размножению, они хищники. Но носятся, как ветер. Кстати, иногда нападают на другое животное и игрока. Если что, можешь закрыть глазки и переждать. Трупы быстро убирают, чтобы других животных не волновать.

— Жуть какая, — я передернула плечами. — Кстати, сейчас разговаривала с Симой. Меня ищут, тебе смерть.

— Нормально, я так и думал, — расхохотался Руся. — Командир может тебя отследить?

— Может, — кивнула я.

— Значит времени совсем мало. Они же сейчас по нашим следам пройдут, про твои шалости узнают... У-у-у, даже мурашки по телу, — закончил он и добавил серьезно. — Нам капец. Полный.

— Один раз живем, — отмахнулась я.

— И это верно, — мы с Русей ударили по рукам и вышли из спайлера.

Место, где проводились скачки, а уж точнее, бега, ожидаемо напоминало амфитеатр. Здесь уже поднабралось народа, и мы проскользнули на гуманоидную часть трибун незамеченными. К нам тут же подскочил какой-то вихлявый четырехрукий мужик с глазами навывкате и заметно выдающимися зубами. Он окинул меня оценивающим взглядом.

— Примачка, не желаешь развлечься? — он скабречно подмигнул и обвел губы раздвоенным языком. — Этер умеет делать хорошо.

— Занята, — рявкнул на него Руся. — Ставки принимаешь?

— Принимаю, — согласно кивнул букмекер.

Мужчины занялись обсуждением сегодняшних участников, и я устремила взгляд на публику. Ничего нового не увидела. Сборище уродов... э-э, инопланетян. Их вид меня не шокировал. То ли еще действовал «Взрыв», потому что в мозгах он ощущался еще совсем недавно. Все остальное только подбавляло веселья. То ли просто привыкла.

Пока не началось основное действо, внизу и по трибунам скакали девицы, выкрикивая клички харидов. Они завлекали своими обычными и необычными телесами, лезли к мужским особям и давали себя полапать, если тот делал ставку на нужного девушке скакуна. Мотались торговцы какой-то шнягой, которую Руся отнял у меня, когда я решила посмотреть, и прогнал торговца. Я пофыркала и переключила внимание на беговую дорожку.

— О, а вот и наш, — Руся указал на помесь страуса и верблюда, только с крайне зубастой пастью. На его спине восседал какой-то нелюдь, сильно напоминавший насекомое. — Хорг.

— Тот со жвалами или харид? — уточнила я.

— На кеарийца плевать, — отмахнулся Брэн. — Харида зовут Хорг. Лапочка, правда?

— Ну-у, — протянула я. — На вкус и цвет все фломастеры разные.

— Фломастеры — это земной деликатес? — тут же заинтересовался Руся.

— Ага. Будешь на Земле, обязательно попробуй. Это блюдо для гурманов, — важно ответила я, и Руся так же важно кивнул. Мне стало немного стыдно.

Но сказать, что пошутила, я не успела, потому что начался заезд. Что-то блекнуло перед мордами харидов, и они сорвались с мест, погоняемые светящимися стеками наездников. До меня быстро дошло, что животные получают разряд электричества в зад, и во мне тут же проснулся гринписовец местного разлива. Я нахмурила брови и вцепилась в Брэновский рукав, тряся его, на чем свет стоит.

— Почто животин бессловесных мучат? Зачем током в жо... э-э, в задницу хренчат? А?!

— Чего? — он посмотрел на меня, как на муху надоедную. — Так они иначе не побегут. Их так объезжают, иначе сожрут наездника.

— Жестокие вы... Эй, а чего эта морда нашу морду кусает? — мой негодующий взгляд переместился на харида, который клацал зубами возле многострадального зада Хорга.

— Не может обогнать, вот его наездник и натравливает, — досадливо поморщился Руся.

Что? Наших бьют? Моя широкая русская душа не вынесла такого, задавив гринписовца на фиг. Я перегнулась через перила и заорала во всю мощь обновленных легких:

— Эй, ты, жвалистый, дай ты этому уроду по морде! Стеком его жаль! По наглой страшной морде! Куда смотрит судья? Судью на мыло!!! Беги, Хорг, беги! Хорг! Хорг! Хорг!

Мое скандирование подхватили несколько инопланетян. Руся дернул меня на себя, и я повалилась обратно на скамейку. Мое наглое шипение было прервано грозящим перстом.

— Хватит привлекать к себе внимание, — потребовал Брэн.

— А что за беспредел?!

— Обычное дело, — пожал плечами аттариец.

Я немного посидела, поерзала, покусала губы.

— Нет, я так не могу, — сообщила я и снова кинулась на перила. — Хорг! Хорг! Вперед! Оле-оле-оле-оле, Хорг, вперед. Оле-оле-оле-оле, тебя победа ждет! А теперь волна... А, черт, неучи нерусские, — махнула я на всех рукой. — Оле-оле-оле...

— Инна, — зашипел на меня Руся, усаживая рядом. — Хватит!

— Не стоит мешать девушке, — сказала кто-то сзади.

Я обернулась и просияла.

— О, мужики из казино. Здрасти, дяденьки.

Руся вдруг вскочил, схватил меня за руку и дернул на себя.

— Тайлары под защитой Аттарийской Империи, — отчеканил он. — Мы уходим.

— А Хорг? — возмутилась я.

Руся не ответил, он потащил меня к выходу. На нас шипели, ворчали, рычали и даже один раз плюнули, надеюсь, не ядом. Я успела обернуться и увидеть, как Хорг вторым пересекает финиш. Сволочь страшная.

— Быстро, — рыкнул на меня Брэн. — Очень быстро.

Я никак не могла понять, что вообще произошло. Ну мужики из казино, ну и что? Пришли на бега, хотят тоже поиграть. И чего так нервничать? Мы выскочили на стоянку, быстро добежали до спайлера. Крыша отъехала... Меня укусил в шею неправильный комар... все. Больше ничего не помню.

Глава 15

— Сима, Сим, воды-ы...

А в ответ тишина. И где она, когда нужна? Я села, не открывая глаз. В голове продолжал буйствовать взрыв, причем, самый настоящий. Башка просто раскалывалась. Хотелось лечь и умереть. Легла. Смерть ко мне не спешила, ну и хрен с ней, переживу.

— Че-орт, — простонала я. — Сима-а-а...

Мне на лоб легла прохладная рука. Вцепилась в нее, как в последнюю надежду.

— Кто бы ты ни был, останься, — благодарно выдохнула я.

— Останусь, даже не сомневайся, — ответил незнакомый мужской голос, в котором явно сквозила насмешливая интонация.

Глаз я все-таки приоткрыла, один. Обстоятельства требовали рассмотреть «благодетеля». Благодетель оказался гуманоидом и далеко не аттарийцем. От красоты в нем была только голая, как коленка, голова, идеально-круглая. Да скорей, бильярдный шар. Мужик лыбился мне неприятнейшей улыбочкой. И подмигивал, отчего стал похож на лампочку сигнализации. А что, голова круглая, гладкая и мигает. М-да.

— Где я и как сюда попала? — задала я насущный вопрос.

— Мы здесь ненадолго, — ответил мужик. — Скоро прибудет катер, и отправимся к твоему новому жилищу.

Обдумав его слова, я изрекла только одно:

— Кирдык тебе, Бильярдный Шар, полный и окончательный.

— Что? — не понял скорый покойник.

— Писец тебе, говорю.

— Не понимаю.

— Твою ж мамашу, мужик. Говорю, капуч тебе. Капец. — Он все еще не понимал, и я махнула рукой. — Когда придет, тогда узнаешь.

— А-а, твой приятель? — «догадался» дурень. — Можешь не ждать, он... сильно нездоров.

И вот тут меня прошиб холодный пот. Руся! Мужик есть, Руси нет. Позабыв о головной боли, я вскочила на ноги. Мир пошатнулся, и мне пришлось ухватиться за мужика. Он, зараза такая, поддержал. Поддержка оказалась как нельзя кстати. Пока его руки были заняты мной, я отвесила мужику пощечину, хорошего такого леща.

— Где Руся, сволочь? — напустилась я на него.

— Пр-р-рима, — зарычал нехристь.

— Что ты с ним сделал?!

И по голени, и каблуком наступить... Мужик взвыл, я ослабилась, и... все. Меня скрутили, и операция «бей уродов» закончилась. Болезный попрыгал на одной ноге, еще немного порычал, говоря непонятные мне слова, ругался, видать. Меня швырнули обратно на кровать, не забыв напялить устройство, напоминающее наручники. Я извернулась и лягнула лысого, пока он ругался, стоя ко мне задом. Ноги тоже сковали.

— Повязали, гады, — прошипела я.

— Прима! — рявкнул лысый.

— Тамбовский волк тебе прима, — огрызнулась я.

— Доиграеш-шься...

— Не пугай, пуганные, — я гордо выпятила грудь, и инстинкт самосохранения завопил:

— Заткни-и-ись!!!

— Нет уж, пусть говорит, — заявила моя безрассудность. — Мы им сейчас все скажем. Мы им...

Новый укол прервал мою брань и диалог опций. Мой следующий возврат в суровую реальность ознаменовался отсутствием головной боли, поэтому мозг решил поработать, и я не стала начинать общение с похитителями с ругани. Я полежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к негромкому разговору, который велся недалеко от меня, надеясь узнать из него больше, чем из ответов на вопросы.

— У Карна уже ждут, — сказал первый.

— Подождут, — ответил второй, и я узнала лысого. — К себе ненадолго заберу.

— Товар испортишь, — запротестовал первый.

— Воспитаю, — недобро усмехнулся лысый. — Она мне задолжала. Ни одна женская особь не смеет себя так со мной вести.

Инстинкт самосохранения многозначительно помычал, безрассудность скромно промолчала. Однако информация неприятная. Во-первых, меня собираются продать, это плохо, во-вторых, воспитать, это совсем плохо, потому что дрессировке я не поддаюсь. Значит, будут бить, возможно больно. Черт. Доплясались, Инесса Николаевна. Нужно было меньше задом на стойке крутить. Ладно, отставить ругать себя, успеется. А что с моим другом Русей? Живой хоть? От мысли, что они могли убить Брэна, захотелось взвыть, но сдержалась.

— Кир, не дури, сдадим Карну, он воспитает, — воззвал к разуму лысого первый.

— Нет! — рявкнул тот. — Я сказал ненадолго. Можешь пока поискать кого-нибудь другого.

— Если бы примы встречались на каждом шагу, за них бы не платили бы столько денег, — проворчал первый. — Если испортишь, можно забыть о той сумме, которую обещал Карн. Нет, Кир, я не могу тебе позволить притрагиваться к ней. Мы летим на Шаос и точка.

Мли-ин... Я идеальна и слишком дорого стою. А еще за меня опять грызутся два мужика, но ни фи́га не льстит. Где мои мальчики?.. Ищут меня, сердешные. А вот не висели бы на кукле, я бы не сбежала с Русей. У-у-у, гады! И что с Русиком? Тут мне пришло в голову, что до меня добиралась Сима. Я обрадовалась и попробовала мысленно ее позвать. А в ответ опять тишина. Черт.

— Я сказал, забираю, — отчеканил нудный лысый Кир.

— Не забираешь! — гаркнул неизвестный, и я приняла его сторону.

Пока они ругались, я вновь вернулась к размышлениям. У Димы со мной прямой канал связи. Но мы ни разу не разговаривали по нему, однако на Латоне он нашел меня имена так. Попробовала позвать Ардэна. Так же глухо. Мне вдруг в голову пришла мысль, что мои мальчики просто забили на меня. Не нашли и ладно. Вон у них какая лялька теперь есть, я ей вообще в подметки не гожусь со всей своей идеальностью. Стало больно и обидно. Вот такая, млин, любовь.

Пока я страдала, слышались звуки борьбы. Лежать трупом больше не получалось, и я распахнула глаза. Лысого лупил по морде мужик с тонким аристократическим лицом. Несмотря на видимую хрупкость, он явно обладал немалой силой, потому что более мощный лысик никак не мог из-под него выбраться. Мой потенциальный воспитатель что-то нащупал у аристократа в кармане, вытащил подобие карандаша, из которого выскочило светящееся лезвие, и воткнул противнику в бок. Тот страшно закричал, выгнулся и обмяк, опадая безвольной медузой на лысого.

— Вашу мать! — заорала я, глядя на убиенного. — Он мертвый? Ты его убил?!

— Очнулась? — лысый скинул с себя тело и встал на ноги, отряхиваясь и поглядывая на меня. — Ну и хорошо, едем домой. Там и с твоим панцирем разберемся.

Я недоуменно взглянула на себя и охнула. Мое платье облепило меня, как вторая кожа и стало твердым. Это я поняла, когда потрогала его. По моим ощущениям дискомфорта не было, а вот внешне, действительно, выглядело как панцирь. Теперь я поняла, что имел в виду Дима, когда говорил, что его даже ножом не срежешь. Попробуй пробить такую броню. Платьишко мое, родненькое. Теперь я его оценила в полной мере. Я тут же получила ответный импульс тепла и нежности, и это придало уверенности.

Тем временем лысый подхватил меня на руки и понес на выход из небольшого полутемного помещения, где я все это время лежала на узкой койке. Мы оказались под тремя лунами, расположенными друг от друга на неравном расстоянии. Я забеспокоилась, на Ингвее ли мы еще? Может, потому меня и не слышат ни Сима, ни Дима, что я нахожусь уже далеко?

— Надо убираться с Ингвее, — ответом на мой вопрос прозвучали слова неизвестного.

— Успеется, — отмахнулся Кир.

— Она под защитой аттарийцев, ты же слышал, — возмутился неизвестный. Я нашла его взглядом и признала мужика из казино, кричавшего, что примы умеют развлекаться. — Они будут ее искать. К тому же мы вырубил одного из них. Ты же знаешь, как аттарийцы носятся со своим Законом Неприкосновенности! Мы им сами руки развязали.

— Не найдут, — уверенно ответил лысый. — Если даже на ней следилка, сигнал мы заглушили еще возле Арены.

Ёкарный бабай, вот вам и тишина в эфире. И как меня найдут? Я совсем приуныла.

— Кир, ну съездила тебе эта прима разок по роже, ты же не рассыпался, — уговаривал лысого мужик из казино. — Надо уходить и быстрее. Скинем ее Карну, дальше его проблемы.

— Ни одна тварь не смеет прикасаться ко мне, — взревел придурок, и я поняла, в какую глубокую опух я затолкала себя собственными руками.

Меня погрузили в катер. Лысый влез следом, мужик из казино еще что-то бубнил, затем тоже уселся, и мы взлетели. Перелет мало что сказал мне. Наверное, только то, что данное средство передвижения рассчитано для наземных перелетов. А вот о скорости ничего не скажу, я ее не почувствовала, потому не могу судить о расстоянии, которое мы покрыли за недолгое время.

Приземлились в скалах. Катер нырнул в каменные недра, и ловушка захлопнулась. Меня вытащили в очередном полумраке. Правда, он закончился, как только меня внесли в следующее помещение. В нем и оставили на неопределенное время. Лысый скинул меня на пол и ушел, пообещав напоследок скоро вернуться.

— Да чтоб тебя бабайка забрал, — пробурчала я.

Не забрал. Бессилен в космосе бабайка, оказывается. Вернулся лысый достаточно быстро, как и обещал. Из-за этого придурка поняла, что ненавижу людей, которые выполняют обещания. Нес лысый поднос с едой. Он поставил его на невысокий столик и кивнул:

— Поешь.

— Жри сам, — огрызнулась я.

Кир подошел ко мне, нагнулся и некоторое время рассматривал.

— Тебе лучше стать послушной девочкой, — поступила рекомендация с лысой стороны.

— Пошел на хрен, — поработала я навигатором.

Пощечина стала полной неожиданностью. Я полетела ничком на пол. Тут же мотнула головой и снова села, прожигая гада ненавидящим взглядом.

— Не смей ко мне прикасаться, — ледяным тоном велела я.

Не послушался. Я снова полетела пол. Теперь у меня горели обе щеки, симметрия, млин. Однако это было уже слишком. А если учесть, что я по-прежнему обездвижена, то и вовсе мовефон.

— Лысый, ты не мужик, ты тряпка, — обозначала я его место в иерархической лестнице человечества. — Мало того, что ты бьешь женщину, так ты еще и связанную женщину. Чмошник, тьфу.

Меня рывком поставили на ноги. Лысый оказался не ниже моих аттарийцев, и теперь мой взгляд упирался где-то в районе его груди. Я тут же задрала голову.

— Развязал бы хоть, или боишься, что я тебе опять навалю? — ехидно спросила я.

Ответа я не получила. Не скажу, что он мне был нужен, потому особо не расстроилась. И все же действия лысого мне не нравились. Он вертел меня, ощупывал, что-то отмерял пальцами. Наконец, я поняла, что все его действия относятся к моему платью.

— Шмотку не тронь, она денег стоит, — потребовала я.

На меня не обратили внимания, продолжая что-то вычислять. Платьишко послало мне тревожный импульс, я с ним была согласна. Мне тоже не нравилось происходящее.

— Да, здесь, — буркнул себе под нос лысый.

Он достал уже знакомый мне карандаш, и тот сверкнул светящимся лезвием.

— Не дергайся, — велел придурок. — А то задеть могу.

И так мерзко ухмыльнулся, что я поняла — заденет. И не один раз. Черт... Лысый толкнул меня, и я снова оказалась на полу. Он придавил меня коленом, потому что я извивалась червяком, пытаюсь избежать лезвия. Первое же касание прибора, напоминавшего стилет, ознаменовалось электрическим разрядом, болью и запахом паленого мяса. Я закричала.

— Что орешь? Это не ты жарись, — проворчал Кир.

И я поняла, что запах и ощущение боли принадлежат платью.

— Ему же больно! — потрясенно воскликнула я.

— Конечно, — кивнул урод и продолжил свое черное дело. Я снова вскрикнула. — Лежи спокойно.

Нервно велел он. Затем снова поднес стилет ко мне. Лезвие скользнуло по ткани, прорезало ее

и полоснуло по коже. В глазах потемнело, кажется, пол содрогнулся, или это меня подбросило от ослепительной вспышки боли... Вроде кто-то прибежал, что-то кричал, и лысый, оставив меня в покое, ринулся прочь. Реальность переплелась с бредом, и мне казалось, что помещение продолжает содрогаться. Летели обломки камней, грохотало. Кто-то кричал, и надо мной склонилось какое-то чудовище, чье лицо было покрыто чешуей, а в ярко-желтых глазах с вертикальными черточками зрачков застыла тревога. Я закрыла глаза и провалилась в небытие.

А приходила в себя от того, что место пореза приятно холодило, и кто-то бесконечно повторял, что сейчас все будет хорошо. Где-то недалеко слышался хрип, но чей он, я не могла понять. Наконец, сумела открыть глаза и тут же утонула в расплавленном золоте до боли знакомого взгляда.

— Дима, — прошептала я почти беззвучно.

На его висках я заметила чешуйки, но моргнула, и они исчезли. Привиделась ли мне чешуя или нет, я уже не могла сказать со всей уверенностью. Затем повернула голову и вздрогнула, глядя на мужчину, сейчас отдаленно напоминавшего моего милого и доброго Рому. Этот мужчина оседлал лысого и теперь неспешно резал его тем самым стилетом.

— Ром, она видит, — сказал Дима.

Мой синеглазик, чье лицо искажала ярость, резко обернулся, увидел мой испуганный взгляд, подхватил лысого за шиворот и вытащил из той комнаты, где я лежала. Он быстро вернулся. Теперь на лице не было ярости, оно было обеспокоенным.

— Вы же не можете причинять вред, — сказала я, еще плохо соображая.

— Теперь можем, — ответил Дима с мягкой улыбкой. — Есть такой закон «О неприкосновенности». Мы не можем причинять вред живым существам, пока вред не причинен одному из нас. Тогда стопор снимается.

Рома опустился рядом и взял меня за руку, я невольно вздрогнула и отпрянула. Грейн судорожно вздохнул и отвел взгляд. Я тут же сама взяла его за руку.

— Он сделал тебе больно, — Рома сжал мои пальцы. — Прости, что ты увидела это. Мы стараемся не работать на глазах тех, кто не прошел психологическую подготовку.

— Мы воины, радость, — все так же мягко продолжал Дима. — Защищать — наша основная задача, но иногда приходится и убивать. Тебе причинили боль, это задело нас с Ромом слишком сильно.

— Ты боишься нас? — с тревогой спросил Грейн.

Я помотала головой и села. Мой взгляд метался с одного аттарийца на другого. Боюсь? Нет! Как можно бояться тех, кто смотрит на тебя так, будто ты в их жизни самое ценное? Мальчики мои... Сердце затопила такая щемящая нежность, что я не удержалась и всхлипнула.

— Больно? — тут же подался ко мне Рома.

— Инночка, где-то еще болит? — спросил Дима.

— Дураки, — вновь всхлипнула я, улыбаясь. — Гады мои ненаглядные.

Я обняла их обоих, прижала к себе сильно-сильно, и они затихли, словно боялись сделать лишнее движение и спугнуть меня. Не знаю, о чем думали они, я, лично, не думала ни о чем. Какие мысли, когда они, наконец, рядом. Так непохожие друг на друга и в то же время одинаковые. Я чуть отстранилась и снова посмотрела на двух аттарийцев. Выражение лиц было не понять, но я и не хотела понимать. Захлебнувшись в синеве Роминых глаз, я потянулась к нему, поймала губы и впилась в них жадным поцелуем, показывая ему, как я скучала, как мне не хватало его нежности и заботы. Рома прерывисто вздохнул, его рука легла мне на спину, прижимая к сильному телу.

Вырвавшись из сладкого плена медового поцелуя, я повернула голову и увидела, как помрачнел Дима. Глупый... Улыбнувшись, я потянула его на себя, и Ардэн на мгновение застыл, изумленно глядя на меня.

— Поцелуй меня, — прошептала я.

И мой рот попал в плен жестких губ, умевших быть такими неповторимо чувственными, что голова шла кругом от одного воспоминания о них. Наши языки сплелись, позволяя разгореться уже знакомому пожару в крови. И все-таки я оторвалась от него. Отодвинулась от обоих и вопросительно взглянула на них. Мужчины молчали.

— Я никогда не смогу выбрать, — тихо сказала я.

— И не надо, — отозвался Рома и взглянул на Ардэна.

Тот опустил взгляд, о чем-то думая. А когда поднял голову, их взгляды с Ромой встретились, и Дима кивнул. Он повернулся ко мне и ласково улыбнулся.

— Я готов попробовать, — сказал Ардэн. — Не знаю, что из этого получится, но Ром единственный, кого я, наверное, смогу видеть рядом со своей женщиной.

— Мы дружим с пятнадцати лет, — заговорил Рома. — Мы уже давно стали, как братья, деля на двоих радость, горе, боль. Мы прошли через плен, войну, мир и славу. Похоже, Вселенная решила и женщину нам дать одну на двоих. Мне пока сложно понять, к чему все это приведет, но попытаться стоит.

Я улыбнулась, глядя в их серьезные лица, поднялась на ноги и протянула им обоим руки. Мои мужчины приняли их и встали, продолжая сжимать в своих больших ладонях мои пальцы. Меня накрыло такой волной нежности, что стоило труда удержаться на ногах. С ума сойти! Неужели дележка закончена, и я могу выбраться из подполья... Черт, о чем я?! Они ради меня поступили своими принципами, неужели, действительно, любят? А кукла?

А еще через мгновение все мысли вылетели из головы, потому что мужчины сделали ко мне слаженный шаг, и я оказалась зажата между их телами.

— Уйдем отсюда, — сглотнув, попросила я, пока еще ощущая неловкость от происходящего.

Они кивнули, и мы направились на выход. Но уже у дверей, Рома подхватил меня на руки и попросил:

— Закрой глазки.

Я послушно зажмурилась, и мы двинулись дальше. Дима шел впереди, проверяя, нет ли

опасности, а Рома нес меня, то и дело, целуя и шепча, как сильно я нужна ему, и как он волновался, как они оба волновались. Уже в катере, том самом, который похож на дротик, меня усадили на сиденье, и мальчики расположились напротив. Голова немного прояснилась, и я приступила к вопросам.

— Что с Русей? Вы его нашли? Он жив? — завалила я их вопросами первой значимости.

— Жив... пока, — мрачно изрек Ардэн.

— В медицинском отсеке, — ответил Грейн. — Мы нашли его на стоянке возле Арены. Брэн был без сознания. Вызвали катер и отправили на борт. Сейчас уже должен быть в порядке.

— Ненадолго, — сказал Дима.

Я беспокойно заерзала.

— За что? Руся ни в чем не виноват. Я сама к себе внимание привлекла, он меня просил быть благоразумной.

Меня одарили одинаково недовольными взглядами. Блин, с одним мужем скандалить одно, с двумя как-то сложнее. Ничего, где наша не пропадала. За Русю, за единственного живого друга!

— Нет, вы его не накажете, — я упрямо тряхнула головой. — Хотя, можно опять назвать меня прямой и предложить управление кораблем.

Дима потупился. Рома себя в этом виноватым не чувствовал, потому не спасовал.

— Брэн взял на себя ответственность за твою безопасность, когда решился на этот безумный рейд по местам, где кишат торговцы живым товаром, да и просто полно всякой мрази. Он не справился.

— Так меня танком не остановишь! — возмутилась я. — Это же я без тормозов.

Меня тут же одарили полными нежности взглядами.

— Ты наивная и непосредственная. Ты, как дитя, — сказал Дима.

— На тебя нельзя сердиться. Только принимать такой, какая ты есть, — добавил Рома.

Вот же блаженные! Потом вспомнила, как блаженный Роман полосовал на ремни лысого придурка, и решила, ну и пусть свято верят в то, что говорят. Да, я ангел, посмотрите в мои честные глаза. Посмотрели? Не верите? Тогда я позову Рому с Димой, они вам объяснят.

— Брэн должен понести наказание, — мягко, но непреклонно заявил Рома.

— Тогда я снова уйду в подполье, — начала я угрожать. На меня посмотрели скептически и пустила в ход тяжелую артиллерию. — Вы меня не любите-е-е, — зарыдала я. — Вам от меня только одно надо!

— Любим, — перебрался ко мне Рома.

— Очень сильно любим, — добавил Дима.

— Тогда не трогайте Русю, — жалобно всхлипнув попросила я и доверчиво так прижалась к плечу одного, глядя в глаза другого.

— Ладно, — сварливо ответил Ардэн.

— Но два дня карцера получит, — млин, вот тебе и добряк няшка. Я тут же отлепилась от Роминого плеча и взглянула ему в глаза. — Хорошо, без карцера.

Я тут же кинулась ему на шею, покрывая лицо благодарными поцелуями.

— Нет, так легко он не отделается, — ехидно произнес за спиной Дима.

Я возмущенно обернулась и встретилась с нагловатым прищуром.

— Шантажист, — проворчала я, перебираясь к нему на колени.

— Ага, — довольно кивнул счастье мое, гад ползучий.

Рома хмыкнул. Похоже, ему идея Димы пришлось по душе. Потому пришлось спешно переходить к следующему вопросу, пока два сластолюбца не зацеловали до потери пульса. Нет, вы смотрите, как быстро во вкус входят!

— Платье можно восстановить?

— Можно. Отдадим нашим ученым, срастят порезы, — ответил Ардэн.

Глава 16

Катер подлетел к «Гордости». Я слезла с Диминых колен, поправила свое несчастное платье и направилась на выход. Мальчики последовали за мной. Они проводили меня до каюты, где уже сверкала Сима. Я вошла в двери, обернулась и остановила их жестом.

— Я на вас обижена, — сообщила я.

— За что? — опешили мои ненаглядные.

— За ту куклу, которую вы взглядами облизывали перед приземлением! — рявкнула я, и двери закрылись.

Обернувшись, я благодарно кивнула. Так-то. Спасли, хорошо. Русю не накажут, платье восстановят, признание в любви клещами вытянула, теперь можно и подурить. А мне все можно. Я наивная, непосредственная и на меня нельзя обижаться.

— И-и-инка-а-а-а!!! — налетела на меня Сима. — Сколько ты мне нервы мотать будешь, а? Сколько, я тебя спрашиваю?! Бессовестная, — и меня шандарахнуло небольшим разрядом. — Противная!

— Ай!

— Наглая!

— Ай!

— Безголовая!

— Ай! Сима!

— Что, Сима? Что, Сима, я тебя спрашиваю, шаболда ты безалаберная?! Расщиплю на атомы, и будет тебе Сима.

— Ай! Хватит!

Меня еще раз шарахнуло, и Серафима, наконец, угомонилась. Я побыстрее сбежала в душ, чтобы смыть с себя всю грязь дорог и злых мест. Гады, такую прогулку испортили! Жаль нельзя уродов воскресить, я бы их своими руками задушила! Кстати, а как меня нашли мои мужчины, если у негодяев была глушилка? Ладно, потом узнаю. Сейчас переодеться и проведать Русю. Как он там?

Переодевшись в шорты и футболку, я быстро перекусила и помчалась в мед. отсек.

— Следуй за белым...

— Сим, не смешно, — фыркнула я.

— Ладно. Тогда на лифт и на уровень вниз, — не стала настаивать Система.

До медицинского отсека я добралась быстро и без приключений. Но там Руси уже не оказалось, его отпустили. Я возмущенно воззрилась на Серафиму.

— Так ты же не спрашивала, — удивилась та.

— Ну, Сима, — рыкнула я, и вернулась к лифту.

Возле Русиной каюты я остановилась и вежливо постучалась. Дверь открылась, и я вошла, отыскивая взглядом моего раненного дружбана. Нашла. Он стоял на голове.

— Офигеть, я ему тут чуть венки не заказала, а он на голове стоит, — фыркнула я.

— Инка! — обрадовался Руся и свалился на пол. — Живая, б...

Тут же вскочил, потер зад и рванул ко мне. Меня стиснули в медвежьих объятьях и подняли над полом.

— Я же думал, что уже тебя не увижу, — тряс меня довольный Брэн. — Перенервничал.

— Ага, я видела, — усмехнулась я.

— Это упражнение по самоконтролю, — отмахнулся Руся. — Как ты выбралась?

Я рассказала, что знала. Руся мне рассказал, как очнулся в регенераторе. Ему в свою очередь рассказали, что его нашли на стоянке с пробитой головой. Командир и первый помощник вызвали катер. Потом сунули Русю и медиков в спайлер, сами забрали катер и исчезли в неизвестном направлении, пообещав моему собутыльнику кару небесную.

— Я тебя отмазала, ничего не будет, — успокоила я.

— Да ну-у, — не поверил мне Брэн.

— Чтоб я сдохла, — разгорячилась я.

— Ну, ты даешь, б...

Я уже хотела сказать, что это слово все-таки неприличное, но лицо у Руси было таким счастливым, а это слово так полюбилось ему, что мне показалось, я сейчас отниму конфету у ребенка. Ну и пусть матерится, все равно только я понимаю, а мне по фиг, я и похлеще выраженьица знаю. Мы еще поболтали, договорившись еще как-нибудь зажечь, и я отправилась назад.

В каюте меня ждало приглашение на ужин к тайлару командиру Ардэну, а так же уведомление от тайлара Грейна, что он за мной зайдет и сопроводит на тот самый ужин. Ладно, сходим, послушаем, что скажут. До ужина меня никто не тревожил, и я болтала с Симой, которая мне рассказала, как самозабвенно врала Диме и Роме, что я на корабле, гоняя их из отсека в отсек, пока Дима не обнаружил по своему личному каналу, что меня уже давно Митькой звали, и я развлекаюсь в компании тайлара Брэна.

Потом она искала меня, чтобы предупредить. Отследила, передала сообщение, но вскоре сигнал пропал, и пробить щит Симе не удалось. С ней связался Ардэн, потому что тоже перестал чувствовать меня, и Сима ощутила себя одинокой, покинутой и несчастной. С этого момента она могла мне рассказать только то, что уже рассказал Руся. Потому Система взяла с меня клятвенное обещание, что я все узнаю от моих мальчиков и ей расскажу. О том, какое решение было принято в логове бандитов, я пока Симе говорить не стала. То было на стрессе, может, мои мужчины уже передумали. Хотя в это я верила слабо.

В назначенный час я уже сидела в своем черном платье и ждала Рому. Он пришел вскоре, чистый, бодрый, подтянутый и красивый. Мли-и-ин... И весь мой. Это я поняла по первому же его взгляду, от которого мурашки побежали по телу, вызывая дрожь предвкушения. Собрав тающую волю в кулачок, я подошла к Роме и тут же оказалась прижата к стене. Грейн уперся рукой в стену и навис надо мной, продолжая опалять голодным взглядом. Его вторая рука огладила мое плечо, поднялась к шее, скользнула по ней кончиками пальцев и остановилась на подбородке, мягко ухватив его двумя пальцами.

— Ром... — на большее меня не хватило. Во рту как-то вдруг пересохло.

— Никогда больше не исчезай, — немного хрипло произнес он и поймал мои губы.

Я оплела его шею руками и подалась к нему телом. Не знаю, чем бы эти проводы закончились, но тут объявилась Сима с сообщением, что нас уже ждут. Рома тихо выругался, приобнял меня, и мы отправились к Ардэну.

— Ты сейчас все сама поймешь, — улыбнулся Грейн перед тем, как нам войти в каюту командира.

Дверь открылась, я сделала шаг и нахмурилась, видя, как Дима выпускает из рук ладонь той самой куклы и направляется ко мне. Он взял меня за плечи и наклонился, чтобы поцеловать, но я отвела его голову рукой в сторону, стряхнула руки со своих плеч, и Ардэн озадаченно посмотрел на меня. Рома тихо усмехнулся и вновь приобнял меня. Впрочем, и его руку я тоже убрала со своей талии. Тогда с дивана встала кукла.

— Позвольте представиться, — сказала она тоном, словно разговаривала с равной. — Мое имя Арнес Дари. Тайлари Арнес Дари. Приношу вам извинения за свои слова, просто не знала, что вы... э-эм...

— Не просто прима, а прима с привилегиями? — усмехнулась я.

— Тайлари Инесса, вы должны понять, что у нас, как и у всех остальных, как и у землян, в том числе, есть стойкие названия и обозначения. И называя вас примой, как и применяя определенный тон, я совсем не хотела вас обидеть или унижить. Ром и Дмирт указали на мою ошибку, но вы так быстро ушли, что я не смогла извиниться сразу.

— Радость, — Дима все-таки ухватил меня и прижал к себе. — Арнес наша сокурсница. Мы дружим с первого курса Академии. Проказы, проделки, задания, все прошли плечом к плечу, но уже лет двадцать не виделись и не имели вестей друг о друге.

— Потому ее появление на «Аттарии» стало приятной неожиданностью, — подхватил Рома.

— Мы, действительно, друзья, — улыбнулась кукла, — и не больше. На генном уровне мы совершенно не подходим друг другу. Да и какие могут быть отношения с тем, с кем валяешься в грязи, отстреливаясь от харлойдцев? — ну, тут я не могла с ней согласиться. Отношения вполне могут быть, но ничего говорить не стала. Упоминание генного несовпадения уже было достаточно красноречивым. — Я уже пятнадцать лет состою в постоянном союзе. Думаю, вам объяснили, что это означает. — Она протянула мне руку. — Друзья?

Я поджала губы, посмотрела на протянутую руку, затем на своих мужчин. Их взгляды прямо кричали: «Как ты могла в нас сомневаться?!». А так и могла. Руку Арнес я пожалала.

— Вы сильно расстроились? — спросила тайлари. — Ром и Дмирт очень переживали.

— Что-то я этого не заметила, — проворчала я. — Меня даже никто не попытался найти.

— Сердце мое, — не без возмущения заговорил Рома, — ты же велела нам тебя не трогать. Мы не послушались и поплатились за это, когда ты накричала на нас. Мы не хотели больше попадать в такую ситуацию.

— А после была посадка, — встрял Дима. — Когда корабль был на Ингвее, мы отправились к тебе, но ты так и не вернулась в каюту. Искали. Сначала поодиночке, потом вместе. Сима смогла закрыть наш с тобой канал. Пока я разобрался, в чем дело, пока снял блокировку, пока Система гоняла нас по кораблю. Ты уже давно и благополучно успела сбежать с Брэном.

Пока они все это говорили, меня подвели к столу. Сервировка меня позабавила. С одной стороны стояло аж три прибора, напротив один. Так и сели. Я оказалась между мужчинами, тайлари Дари напротив. Можно, конечно, было уже успокоиться после такого подробного представления, но добрая память не позволила.

— А физиономии почему такие виноватые были, если все так замечательно? — строго спросила я.

— Ты свой взгляд видела? — спросил Дима. — Обвинила, приговорила и приговор привела в исполнение. Я еще понять не успел, в чем провинился, а уже стыдно стало.

— То же самое, — проворчал Рома. — И кстати, я вас сразу хотел представить друг другу, но Дари успела сказать то, что тебя разозлило, и все объяснять ей пришлось, когда ты сбежала.

— Я только одного не пойму, — снова заговорила Арнес. — Ваших отношений. Кто из вас двоих собирается заключать с Инной постоянный союз?

— Я, — одновременно ответили оба аттарийца.

Я как раз поднесла ко рту стакан с местным аналогом коктейля, когда они это сказали, и теперь отчаянно закашлялась. Тайлари Дари так же поперхнулась и удивленно приподняла бровь.

— И какая фамилия будет у девушки?

— Ардэн, — сказал Дима.

— Грейн, — вставил Рома.

— Через дефис, — добавила я и снова спряталась в стакане.

— Через что? — не поняла Арнес.

— Забейте, — отмахнулась я.

— Кого? — тут же заинтересовалась женщина.

Все-таки кровожадные эти аттарийцы. Немного напряженная атмосфера к концу вечера стала полностью непринужденной. Мы с Арнес перешли на «ты». Вообще, я мало говорила, больше слушая воспоминания аттарийцев. И в какой-то момент я стала понимать, что для меня устроили нечто вроде смотрим, показывая товар лицом. Арнес увлеченно расписывала достоинства то одного, то второго. Ну и ладно, рассказывала она весело, и мои мужики несколько раз покраснели, когда Арнес совсем уж расходилась, рассказывая разные казусы вместо героических историй.

Но временами краснела я, когда по моей спине скользила ладонь Ромы, а Димина поглаживала коленку под столом, время от времени продвигаясь к самому сокровенному.

— Ох, времени-то уже сколько, — вдруг засобиравалась Арнес, глядя на мое пунцовое лицо с большими глазами. Рожи моих похотливых самцов оставались невозмутимыми. Актеришки хреновы...

— Да, поздновато уже, — согласно кивнул Дима.

— День был тяжелым, — Рома прикрыл зевок тыльной стороной ладони.

Дари хмыкнула, попрощалась со всеми и вышла, и я вдруг струсила. Мальчики одновременно развернулись ко мне, и я вскочила из-за стола, уронив стул.

— Действительно поздно, я тоже спать. Устала, жуть, — малодушно пискнула я и рванула к дверям.

— Инна! — позвал меня Рома.

— Мы проводим, — сказал Дима, отлавливая меня у дверей.

Мама дорогая, роди меня обратно. Как в теории, так все это хорошо воспринималось, а сейчас я даже не знаю, что делать. А эти-то два собственника. Ты смотри, как быстро адаптировались, даже я пасую, а они уже открыты экспериментам. Сделав морду кирпичом, я вышла из командирской каюты. Рома и Дима следом. Никто меня больше не трогал, никто ни на что не

намекал, но их взгляды я чувствовала спиной, и это не давало расслабиться.

Уже возле своей каюты я развернулась к ним, собираясь попрощаться.

— Спокойной ночи, — мой голос прозвучал хрипло.

— И тебе спокойной ночи, — ответил Рома, Дима просто кивнул.

Они еще немного постояли и развернулись, чтобы уйти. Я смотрела им в спины, кусала губы и... решила.

— Оставайтесь! — вышло громко и даже немного истерично.

Аттарийцы остановились и снова обернулись ко мне. В их глазах застыл вопрос, и я кивнула. После развернулась и первая исчезла в каюте. Сердце стучало так громко, что его удары отдавались в ушах.

— Кино включить? — услышала я приглушенный голос Симы.

— Брысь, зараза, — зашипела я.

— Да, пожалуйста, я как лучше хотела, — оскорбилась она. — Могу музыку. У меня тоже есть.

В этот момент двери тихо зашипели, и я выпала в осадок, уже офигивая от своей смелости. Что я с двоими делать-то буду? Ох, залюбят Инусю, ох, залюбят... Выжить бы только. И я положила на старый добрый русский авось, он вывезет.

— Если ты не уверена, — начал Рома, и я закрыла ему рот рукой, не давая себе возможности передумать окончательно.

Рома накрыл мою руку своей, и я почувствовала, как его губы скользят по моей ладони, спускаются к запястью, и я закрыла глаза, позволяя приятным мурашкам пробежаться по телу. А когда вновь открыла глаза, лицо Димы было настолько близко, что я задохнулась от предчувствия поцелуя. Рома отпустил мою руку, и Дима подхватил на руки, заставляя скользнуть вверх по его телу. Он делает шаг, склоняется, и я уже лежу на неожиданно увеличившейся постели. Ардэн накрыл меня своим телом, продолжая жадно целовать и вырывая из груди стон за стоном, не давая опомниться и подумать о чем-либо.

Рома опустился рядом. Я почувствовала, как его пальцы гладят мою щеку, шею, плечо... Дима отстранился, и ладонь Ромы накрыла холмик моей груди. Я повернулась в его сторону, и он тут же завладел моими губами, продолжая исследовать рукой мое тело.

— Ох, мамочки, — всхлипнула я, когда меня приподняли и стянули платье.

— Маленькая, — шепнул Рома, лаская мою шею губами.

Он нарисовал влажную дорожку поцелуев до моей груди, судорожно вздохнул и накрыл вершину губами, втягивая в себя напряженный сосок, прикусывая, жала кончиком языка. Я плавилась под его ласками, и трусики поползли вниз, увлекаемые руками Димы. Он покрыл поцелуями внутреннюю сторону моих бедер. Ладонь Ардэна накрыла мое естество, нежно поглаживая увлажнившиеся складочки, и пальцы скользнули в лоно. Я вскрикнула, и Рома поймал этот крик губами. Его язык скользнул мне в рот, исследуя его, сводя с ума откровенностью и чувственностью поцелуя.

Дима развел широко в стороны мои ноги, и коснулся губами напряженного бугорка клитора. Я подалась ему навстречу и громко застонала, зарываясь пальцами в светлые волосы. Это было невероятно ощущать сразу два жадных рта, терзавших мое тело. Непривычно, но упоительно сладко.

Язык Димы кружил вокруг клитора, пальцы продолжали ласкать лоно, а Рома, то целовал мои губы, то вновь ласкал соски. Я кричала, извивалась и молила их о пощаде, мечтая, чтобы они ни за что, никогда не слушались этой мольбы. Оргазм был таким мощным, что на мгновение у меня потемнело в глазах. Я выгнулась, прижимая голову Ромы к своей груди, и понеслась к звездам...

— Я хочу вас, — простонала я в губы Димы, когда он вновь поднялся и навис надо мной.

Они все еще были одеты, и это так мешало. Ткань их комбинезонов казалась сейчас грубой, она терла мою, ставшую вдруг невероятно чувствительной кожу. Вызывала желание разорвать ее в клочья и ощутить под пальцами горячие мужские тела. Путаюсь и ругаясь, я расстегивать отвратительные комбинезоны, стягивая их с широких мускулистых плеч. Мужчины улыбались, глядя на мое нетерпение.

— Чудо наше, — прошептал Рома, лоя мое лицо в ладони.

— Единственное на двоих, — сказал Дима, лаская мою шею.

Мои ладони заскользили по обнажившимся телам. Я обрисовывала рельеф их мускулов, прошлась кончиками пальцев по мужским соскам, с наслаждением слушая их тяжелое дыхание. Мои, мои! Я целовала их тела, вновь подставляла губы, когда мои ладони сомкнулись на их членах и заскользили вверх-вниз. Мужчины негромко застонали, и мне захотелось, чтобы эти стоны стали громче. Мне так хотелось сейчас разорваться, чтобы любить их в полной мере, не деля ласки.

Но долго дразнить себя они не позволили. Меня поставили на четвереньки. Рома обнял меня за бедра, и его естество скользнуло в мое влажное нутро, заполняя до предела. Я вскрикнула и на мгновение закрыла глаза, наслаждаясь этим ощущением единения. Затем поманила к себе Диму и вновь обняла пальчиками налитой ствол.

— Ты такой красивый, — хрипло произнесла я, впервые разглядывая его член.

Затем коснулась языком головки, слизывая каплю влаги, тихо застонала от удовольствия и втянула его естество в рот. Дима откинул голову, губы его приоткрылись, и с них сорвался глухой стон, пьяня меня еще больше. Я закрыла глаза, отдаваясь на волю двух мужчин.

Рома брал меня неспешными толчками, то почти покидая, то опять заполняя меня до самого предела. Эта неторопливость сводила с ума. Мне хотелось резче, мне хотелось еще глубже, сильнее, так как он уже неоднократно брал меня. Но Рома, словно издеваясь, продолжал свою сладкую пытку, одновременно поглаживая пальцами клитор.

Мой светловолосый легар зарылся пальцами мне в волосы, и теперь помогал, насаживая мой рот на собственное естество. Он двигался в одном ритме с Грейном, никуда не спеша, наслаждаясь мной и своими ощущениями. Я начала сама двигаться навстречу Роме, пытаюсь вынудить его брать меня быстрее, и тут же получила несильный шлепок по ягодице. Мужчины негромко рассмеялись на мое возмущенное мычание. Ардэн отступил, и Рома уложил меня на спину, вновь входя в меня.

Мои пальцы комкали простынь, я кусала губы, в какой-то момент ощутив во рту привкус крови. Хриплые стоны прорывались наружу, и их выпивал Дима, завладевший моими губами. Мир взорвался, снова кружа меня в чувственном фейерверке. Я впиалась пальцами Роме в ягодицы, вынуждая прижаться ко мне так тесно, словно хотела прирасти к нему. Грейн громко застонал, в последний раз вонзаясь в горячее лоно, и уронил голову мне на плечо. Когда он немного отдышался и посмотрел на меня, на его губах играла улыбка.

— Люблю тебя, — сказал он, целуя меня, и лег рядом.

Но не успела я передохнуть, как вновь оказалась на четвереньках. Дима вошел в меня одним сильным резким движением. Он пронзал меня с такой неистовой мощью, словно хотел прорваться в самый центр моего существа, и я вновь закричала, отдаваясь его напору и ярости. Я теряла себя в этом контрасте нежных и тягучих ласк аттарийца и жаркого беспощадного напора легара. Мое сознание рвалось на части, и связь с реальностью становилось тоньше паутину, когда все прекратилось.

— Я ни за что не причиню тебе боль, — сказал Ардэн, склоняясь и целуя меня в плечо. — Я буду осторожен.

Я обернулась, ошалело глядя на него, все еще не понимая, что Дима имел в виду. Он тепло мне улыбнулся и отстранился. Ромина ладонь накрыла мою грудь, пальцы заскользили по соскам, и я вновь расслабилась, отвлекаясь и прикрывая глаза. И когда я ощутила следующее прикосновение Ардэна, оно было прохладным и вязким. Палец Димы коснулся тугого колечка ануса, и я вздрогнула, пытаюсь отстраниться. Рома вновь поймал мои губы, увлекая в головокружительный водоворот очередного поцелуя. Дима целовал мою спину и плечи, продолжая ласково готовить меня к тому, чего я еще не знала.

Головка его члена скользнула по смазке и осторожно вошла в меня. Я опять сжалась, и Ромина ладонь переместилась к моему клитору, не давая мне испугаться окончательно. Дискомфорт быстро проходил, и возбуждение вернулось, окончательно срывая последние запреты. И когда член Ардэна погрузился в меня, я уже стонала от удовольствия, которое дарили пальцы Ромы.

— Ты такая сладкая, маленькая, — услышала я, и мой рот попал в плен Роминых губ.

Осторожные движения Димы вначале, постепенно стали смелей и резче. Пальцы сжались на бедрах, и темп ускорился. Как ускорились и Ромины пальцы, то врывавшиеся в сочащееся влагой лоно, то вновь лаская клитор. Я начала отвечать Ардэну, двигаясь ему навстречу. Это было необычно, но неожиданно приятно. Еще несколько мощных толчков, и...

— Ох, че-орт! — заорала я, содрогаясь в третьем оргазме.

Дима зарычал, он впиался мне в бедра так, что стало больно, но эта боль неожиданно усилила наслаждение. Я хрипела, сипела, что-то выкрикивала, пока волна не схлынула, и тогда я повалилась лицом вниз, тяжело и хрипло дыша. Дима опустился рядом, целуя мою спину. Рома гладил по волосам, продолжая что-то шептать.

— Только не уходите, — попросила я, переворачиваясь на спину.

— Ни за что, — улыбнулся Дима.

— Даже, если будешь выгонять, — пообещал Рома.

— Я вас люблю, — сказала я, краснея, и малодушно сбежала в сон.

Глава 17

Пробуждение было легким и приятным и даже обошлось без Симы. Никто не бил меня электрическими разрядами, не поливал водой и не орал истошно в ухо: «Инуси-ик!». Я даже выпалась. Блаженно потянувшись, я открыла глаза, и мой взгляд сразу уперся в светловолосый затылок. Я резко повернула голову, но Ромы в каюте не было. Однако третья подушка, хранившая на себе след головы, свидетельствовала о том, что ночь я провела в компании обоих моих мужчин.

Мама дорогая... Залившись краской, я зажмурилась, и губы растянулись в довольной улыбке. Да-а-а... Попробовала нахмуриться и поругать себя, обличая в развратности, но не вышло. Лежала и лыбилась, довольная, как удав, зараза такая. Мне бы сейчас хоть один лимончик, чтобы рожа такой счастливой не была, хотя бы ради приличия.

Сорвавшись с кровати я помчалась на цыпочках в душ. И лишь когда за мной закрылась дверь, я издала восторженный писк:

— И-и-и-и!

Справившись с неконтролируемой радостью, я натянула на лицо деловитое выражение и строго так:

— Серафима, дай водички, пожалуйста. Омовение желаю совершить.

— На, — лениво отозвалась Сима.

— А-а-а-а!!! Сима, гадина такая, тепло-ой!!!

— Так хоть остыла, — гаденько захихикала паразитка, и ледяная вода потеплела.

— С-с-сади-дистка, — отстучала я ей зубами, но, действительно, поуспокоилась.

Теперь могла более спокойно осмыслить произошедшее и даже немного поволновалась, все ли понравилось мальчикам. И почему рядом только Дима? Где Рома? А вдруг он проснулся и решил, что такие выверты не для него? Или, может, мальчики опять поцапались. Не выдержав, я снова позвала Систему.

— Сим, а где Рома?

— Где-где? Родине служит, — хмыкнула Сима. — Чай, не बारे бесконечно по постелям валяться. Тайлар командир Ардэн ночью долги Отчизне отдавал, тайлар первый помощник Грейн сейчас свои обязанности исполняет. Одна ты тут жиреешь на казенных харчах, да удовольствия получаешь.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigochei.net

— Вот же язва электронная, — фыркнула я, подходя к дверям душевой.

— Вообще-то, для необразованных деревенщин, я не электронная, — высокомерно произнесла Серафима. — Но ты можешь называть меня, как хочешь. Тебе, Инусик, все можно.

Сима хихикнула, и я вернулась в каюту. Одевшись, я обошла кровать и остановилась,

рассматривая свое рептилоидное счастье. Ардэн во сне выглядел моложе лет на десять, растеряв всю дневную суровость. Я присела на корточки, положила руки на край кровати и опустила сверху голову, любуясь правильными чертами умиротворенного мужчины.

— Ми-ми-ми, — издевательски пропищала за плечом Сима.

— Тс-с-с, — зашипела я на нее и снова вернулась к созерцанию.

Дима вздохнул во сне, смешно сморщил нос и что-то пробормотал. Я закрыла рот рукой, пряча в ладонь смех. Затем залезла на кровать и потянулась к Диминой щеке, осторожно поцеловала и направилась на выход, решив прогуляться по кораблю, пока Ардэн спит, а Рома занят. Может, даже поболтаю с Арнес, там и позавтракаю.

Я уже подошла к двери, когда Сима явила мне свой искрящийся красивый лик и сообщила, что тайлар командир, гад ползучий, заблокировал двери, чтобы вся такая идеальная я, не болталась по кораблю и не смущала аттарийцев своей напористостью и дружелюбием, ну и заодно не искала приключений на свой красивый зад. Всю мою умиленность, как корова языком слизала. Вот же змее-е-ей...

— А что Рома? — спросила я, оборачиваясь к постели, где валялась эта рептилоидная сволочь.

— А у него доступ есть, — ответила Сима, исчезая.

— Убью, — пообещала я и направилась к кровати.

Дмитрий как раз развернулся на спину, закинул руку за голову и затих, все так же мирно посапывая. Вы посмотрите на него, спит! Спит и в ус не дует, что я вся в негодовании. Да меня сейчас разорвет от злости! Я что, оружие массового поражения, что от меня целый космический корабль спрятали? Обезвредили мину замедленного действия, саперы, млин. Ну я вам сейчас... Сначала одному, а затем и второму. Явно Грейн в курсе. У-у-ух, как я зол!!!

Красавец мой чешуйчатый дрых без задних лап, наслаждаясь законным отдыхом, даже не подозревая, что капец уже занес над ним карающий меч. Я стянула с него покрывало, полюбовалась на атлетическое тело, великолепное в своей классической красоте, все-таки умилилась на мордашку, восхитилась обликом в целом и забралась на постель, гаденько улыбаясь. Права Сима, мы с ней одной крови... э-э-э, ну, нравом точно похожи.

Я уселась рядом со спящим божеством, хмыкнула и пробежалась по его груди кончиками пальцев. Дима вздохнул и облизнулся. Сластолюбец кобелинестый. Нежно погладила его по лицу, счастье мое заулыбалось, ну чистый ангел...

Он совсем разомлел сверху, снизу взбодрился. А я сижу наглаживаю, о мести пакостной думаю думаю, а сама любую-у-усь. Дима весь расслабился, блаженствует. Не жизнь, а малина, а меня под замок. Моя ладошка доползла до бедра, я не удержалась, и пальчики пропорхали по восставшей плоти. Ардэн тихо застонал, я осклабилась. Его бедра подались мне навстречу. Я нагнулась к Диминому лицу так низко, что губы коснулись кожи.

— Дима, — искушающе прошептала я, приближаясь к уху. — Дима, Димочка... ДИМА!!! — гаркнула во всю мощь луженой глотки.

Он подскочил, как ужаленный в зад. Волосы дыбом, глаза офигевшие. Сидит, озирается, а я рядом сама невинность, только на довольной роже глумливый оскал.

— Доброе утро, любимый, приснилось что-то? — спросила я елеиным голоском.

Дима глазками похлопал, головой помотал, затем кивнул и, наконец, пожал плечами.

— Ты кричала, — хриплым со сна голосом сказал Ардэн.

— Я? С чего бы? — фальшиво удивилась я. — У меня все шикарно. Мужик красивый в моей постели, каюта благоустроенная, не жизнь, а сказка... — и рывкнула, — в клетке!

И от души так ущипнула. Аж на душе легче стало.

— Ай! — вскрикнул Дима, дернувшись в сторону.

— А что такое, Димочка? — похлопала я глазками и за ним.

— Инусь, ты злишься? — удивился стервец.

— Нет, я так жизни радуюсь, — ядовито ответила я и снова ущипнула. И еще раз, и с вывертом, куда дотянулась. Кла-а-а-асс-с-с...

Дима вскрикнул и вскочил с кровати, нога его запуталась в покрывале и геройский командир «Гордости Аттарии» растянулся на полу. Я схватила подушку и прыгнула сверху. Перехватила орудие пыток покрепче и обрушила его на многомудрую башку рептилоида. На тебе, змеище, получай, мерзавец легаристый. И еще, и чтоб жизнь медом не казалась.

Дима таки вывернулся, стряхнув меня с себя, и помчался к душевой. Я вскочила на ноги и с криком:

— За Родину, за матушку Россию! — швырнула свой снаряд в спину аттарийца.

Кто бы мог подумать, но попала! Ардэн споткнулся и полетел на пол. Я рванула за ним. Упала сверху, придавливая всей своей дохленькой массой. Димины длани накрыли мой драгоценный зад, и на его губах появилась многозначительная ухмылка.

— Инну-уся, — задушевно так протянул он. — Попа-а-алась. — Он перевернулся, меняя расположение сил.

— Русские не сдаются, — гордо возвестила я. — Сима! наших бьют!

И Система, гаркнув:

— Бей легара, спасай землян! — шарахнула командира разрядом в самый, что ни на есть, неприкрытый тыл. Обожаю Симу.

— Твою мать! — заревел раненым в то самое место бабуином Димасик. — Сима, спишу! Видит Вселенная, спишу и продам черным техникам!

— А че я? — Серафима материализовалась рядом и захлопала глазками. — Чуть что, сразу я! Разбирайтесь сами, — передернула она плечиками и исчезла, оставив меня на растерзание мстительному легару.

— Сима Морозова, — сузив глаза, обличила я ее.

— Инусь, я за тебя потом отомщу, — пообещала Система затихающим эхом.

— Значит, у меня есть время отомстить за себя, — решил «добряк» Дмитрий.

Мои руки, уже перехваченные за запястья, были заведены за голову, и Ардэн пустил в ход тяжелую артиллерию, атаковал мой рот, терзая поцелуем, от которого у меня ожидаемо снесло крышу. Черт, и почему я превращаюсь в пластилин в руках этих двух аттарийцев? Собрав раскисающие мозги, я рыпнулась последний раз и укусила Диму за губу.

— Все еще воюешь? — прищурился Дима.

Он подхватил меня на руки, и через мгновение я оказалась лежащей на кровати. Дима оперся на руки, нависая надо мной и рассматривая откровенным обжигающим взглядом. Я поперхнулась собственным вдохом, глядя в его изменяющиеся глаза. Омут расплавленного золота затягивал все глубже, лишая воли и желания сопротивляться. Позорная капитуляция была уже близко. Мой бунтарский дух и жажда справедливости печально вздохнули и выкинули белые флаги.

Он неспешно склонился ко мне, коснувшись лица кончиком носа, и это простое касание оказалось подобно электрическому разряду, заставившему кровь бежать быстрее, наполняя теплом возбуждения каждую клеточку моего ставшего вдруг безвольным тела. Дима что-то прошептал на том самом непонятном языке, и от этого шепота по телу побежали мурашки. А Дима продолжал шептать, скользя губами по моему лицу. Я закрыла глаза, растворяясь в этой простой, но невозможно чувственной ласке. Дыхание коснулось шеи, и шепот прозвучал над самым ухом. Дима прикусил мочку уха губами, и я громко застонала, выгибаясь всем телом. От неожиданности я распахнула глаза и впилась в Ардэне ошалелым взглядом.

— Моя радость, — сказал он, улыбаясь, и снова коснулся губами шеи, — моя ценность. — Дима снова приподнялся на руках и заглянул мне в глаза. — Моя сумасшедшая единственная.

— Сам дурак, — выдохнула я, зачарованно глядя ему в глаза. — Любимый.

— Инна, — с какой-то болезненностью простонал Дима, и наши губы снова встретились.

Я задохнулась от новой волны все сильней разгоравшегося желания. Ладони легли на гладкую мужскую спину, заскользили по ней, вырисовывая хаотичные линии. Мне хотелось слиться с ними воедино, и одежда вдруг стала тесной, превращаясь в тяжелые оковы, и я беспокойно заерзала. Дима оторвался от меня. Его взгляд блуждал по моему лицу, все время останавливаясь на губах, с которых срывалось рваное дыхание. Этот взгляд был подобен самой изощренной пытке. Он доводил меня до иступления, и, не выдержав, я рывком опрокинула Диму на спину. Сама ухватилась за футболку, срывая ее с себя. Но не успела я до конца снять ее, когда Дима резко сел, втискивая меня в свое тело. Его лицо уткнулась в мою грудь, срывая с губ новый стон, и я снова толкнула его на постель. Стянув с себя шорты, я оседлала Ардэна и впилась жадным взглядом в его тело.

— Ой, мамочки, — всхлипнула я, склоняясь над ним.

Мои губы чертили рисунок на смуглой коже, оставляя за собой влажную дорожку, где я касалась тела языком. Я поймала губами бисеринку коричневатого мужского соска, прошлась по ней языком, с восторгом слушая хриловатый стон, сорвавшийся с губ Ардэна. Его пальцы зарылись мне в волосы, лохматя и спутывая их. А я продолжала целовать его, спускаясь все ниже. Когда добралась до рельефного живота, Дима вздрогнул, и эта дрожь отдалась во мне яркой вспышкой вожделения. Я застонала, прижимаясь лицом к горячему упругому телу,

послушному моим ласкам.

— Инночка, Инна... — жарко шептал Дима, когда я продолжила свое путешествие по его телу.

Напряженная до предела мужская плоть дернулась мне навстречу, словно приветствуя и торопя прикоснуться к ней. Я приподнялась, бросила взгляд на лицо моего мужчины и улыбнулась. Грудь Димы тяжело вздымалась, глаза затагнуло поволокой желания, с приоткрытых губ срывалось хрипкое дыхание. Как же он был великолепен в этой необузданной страсти! Не знаю, кто кого из нас наказывал, но ласки превратились в обоюдную пытку, и мне до безумия не хотелось ее заканчивать.

Я вновь опустила взгляд на поддрагивающую плоть и погладила ее, наслаждаясь шелковистостью нежной кожи. Прочертила кончиком пальца дорожки вен, покрывавших мужское естество, и моя ладонь накрыла налитой ствол. Я двинула рукой вверх и вниз, с жадностью вслушиваясь в прерывистое тяжелое дыхание Ардэна.

— Я больше не буду закрывать тебя, только... пожалуйста, — прохрипел Дима, стискивая зубы и комкая простынь в сжавшихся кулаках. — Пожалуйста-а...

Склонившись к его естеству, я коснулась губами бархатистой головки, обрисовала языком ее контур, прочертила дорожку до основания и вернулась обратно.

— Пожалуйста, — почти беззвучно выдохнул Дима, и я вобрала в себя его член.

Ардэн глухо застонал и подался ко мне бедрами. Я почти выпускала изо рта закаменевший от желания член, дразня мужчину, и вновь втягивала ее в себя, вырывая из его груди уже не стоны, а хриплый вскрик. Дима откинул голову, продолжая комкать простынь. Моя власть над ним сейчас опьяняла, и я сама начала постанывать, упиваясь его реакцией от того, что я делаю с ним. Мое собственное желание уже душило, требуя погрузить пульсирующий член в распаленное до предела тело, и я не смогла себе в этом отказать.

Выпустив мужское естество из захвата, я вновь оседлала Диму. Прикрыла глаза и заскользила по всей длине тугого ствола, не спеша впустить его в себя. Горячие ладони накрыли мою грудь. Я выгнулась и громко застонала, когда острая волна удовольствия накрыла меня с головой. Дима приподнял меня, и его член, наконец, ворвался в мое истекающее соками лоно. Мое тело сотрясалось в сладчайшем оргазме, усиленном этим вторжением. Мужские пальцы поглаживали клитор, помогая мне достичь пика, и когда волна пошла на спад, я упала на грудь Ардэна, тяжело дыша и всхлипывая.

Он перевернулся, умудрившись остаться во мне, замер, наслаждаясь нашим единением, а затем сделал первое движение, приподнявшись на вытянутых руках. И вновь он брал меня жестко, врываясь до упора, резкими ударами вколачивая в меня напряженную плоть. В какой момент я потеряла связь с реальностью? Кто бы мне сказал. Я выплывала из вязкого тумана наслаждения и вновь погружаясь в него, обнаруживая себя уже на четвереньках. А в следующий момент я уже вновь сидела на Диме, насаживаясь на его член. Мои крики слились с его громкими рычащими стонами, рвавшими тело и разум в клочья. А затем он вновь перевернул меня на спину.

— Скажи, — потребовал Ардэн. — Скажи!

— Люблю тебя, — задыхаясь, ответила я.

— Еще раз, — снова требовал он, вбивая в меня свое естество.

— Люблю...

— Еще!

— Люблю! — закричала я, срываясь в вихрь нового оргазма.

— Да-а! — прорычал Ардэн, вонзаясь в меня в последний раз. Тело его задрожало, и он помчался за мной, задыхаясь в последнем хриплом стоне.

Немного отдышавшись, Дима вновь навис надо мной. Глаз я не открыла, его взгляд я чувствовала и так. На моих губах сама собой появилась улыбка, и тут же слуха коснулся прерывистый вздох.

— Не могу на тебя наглядеться, — услышала я и перевернулась на живот, теперь пряча от Димы свою улыбку. Он нагнулся, поцеловал меня в плечо и снова перевернул на спину.

Я открыла глаза и замерла, захлебываясь его восторженным взглядом. Вот в такой момент я точно знала — я для него практически божество во плоти, и это было такое невероятное ощущение. Зря он, конечно, мне же для полного охамея много не надо. Но хаметь как раз не хотелось. Слишком открытой сейчас была душа мужчины, в чьих глазах светилась вселенская нежность. Я протянула руки и заключила его лицо в ладони. Дима нагнулся, и наши губы встретились, соединяясь в легком, щемящем сердце поцелуе, дарившем любовь, а не вожделение. Всхлипнув, я отстранилась и снова заглянула ему в глаза.

— Я сам покажу тебе корабль, хорошо? — улыбнулся Дима. — Прости, что обидел тебя, просто страшно было проснуться и ощутить пустоту рядом. Ты — моя потребность.

Улыбнувшись, я прижала его голову к своему плечу, пряча свое смятение от Диминых слов. Ардэн устроился рядом, обнял меня и затих. В какой-то момент мне показалось, что он снова уснул, но осторожный поцелуй в висок указал на мою ошибку. Дима приподнялся на локте, погладил меня по лицу и снова коснулся губ. Затем поднялся с кровати и направился в душевую. Я счастливо вздохнула и перевернулась на живот, обнимая подушку.

— Инусь, чего-то я не поняла, кто кому мстил, — Сима возникла рядом с кроватью, и я натянула на себя покрывало. — Да ладно, чего я там не видела, — отмахнулся негодяйка.

— Вроде Дима мстил, — усмехнулась я, все-таки отвечая на ее вопрос.

— Тогда почему мне хочется засчитать поражение командиру? — осклабилась Система.

— Сила женщины, Сима, в ее слабости, — назидательно произнесла я и подмигнула. — Ну и в любви к ней ее мужчины. И вообще, мне сказали, что я идеал и ангел, на которого нельзя обижаться.

— И ты этим беззастенчиво пользуешься, — я подняла голову и увидела улыбающегося Ардэна.

— Кто? Я? — праведно возмутилась я.

— Ты, радость, — рассмеялся Дима, нависая надо мной.

— Наговариваешь ты на меня, — ответила я и вывернулась из тесного плена Диминого тела. — Я, кстати, еще не завтракала.

Пока Дима одевался, а Сима обеспечивала нас пропитанием, я привела себя в порядок. Уже вроде и не раннее утро, а я еще ни во что не вляпалась. Непорядок? Непорядок. Так и день зря пройдет. Немного поерзав, я взглянула на Диму преданными глазами. Он поймал мой взгляд и улыбнулся, но тут же напрягся и с подозрением посмотрел на меня. Я улыбнулась еще шире и добавила флюидов, исходясь на любовь и преданность. Ардэн судорожно вздохнул, и я немного убавила накал эмоций, но лыбиться не перестала.

— Дима, — жизнерадостно произнесла я, — ты же сейчас будешь занят? — он кивнул, и подозрительности во взгляде прибавилось. — И Рома тоже занят, — Дима снова кивнул. — Отдай мне Русю, — выпалила я.

— Чего? — переспросил Ардэн.

— Хочу Русю, — повторила я и почесала репу, глядя на перекосившуюся физиономию недоделанного легара. — Да не-е-е, не для того, — отмахнулась я, сообразив, что мы с Димой думаем о Русе в разных направлениях.

— А для чего? — прищурившись уточнил змеище мой ненаглядный.

— Поболтать, — а для чего еще? Тут зланных мест нет, значит, ничего более интересного не предвидится. — С Брэном весело. Ну Дима, ну пожа-а-алуйста, — занула я, нетерпеливо поднимаясь с кресла. — Ну что мы на корабле натворить можем?

— Вы можете все, — недовольно ответил Ардэн, и я даже обиделась.

Руся — законопослушный аттариец, я — маленькая слабенькая земляночка, вот чего мы тут сделать можем?

— Мне не нравится твоя идея, — проворчал Дима.

— Ты просто ревнуешь, — фыркнула я. — Ну Димочка, — я повисла на его шее, целуя упрямо поджатые губы. — Люби-и-имый.

Ардэн внимательно посмотрел на меня и усмехнулся. В глазах его мелькнуло метровыми буквами «ИДЕЯ», и мы как-то сразу поменялись местами, то есть у меня резко повысилась подозрительность. Хотя... Платить в этой жизни надо за все, даже за Русю.

— И что ты хочешь за это, Змей Горыныч? — ворчливо спросила я.

— Вечером ты станцуешь то, что танцевала в казино, — назвал мне размер оплаты командир «Гордости».

И всего-то? Да пожалуйста, жалко что ли? Я жарко кивнула, и Ардэн потер руки.

— Но если «Аттария» вздрогнет, оба сядете под арест. Ты в каюте, Брэн в карцере, — предупредил меня Дима.

— Ты — тиран, — обличила я его и направилась к двери. — Ну, что расселся? Родина ждет!

Но по плану у меня сначала был Рома, хотелось поздороваться, а потом дружбан. Дима усмехнулся, покачал головой и направился за мной. Сима все еще прикидывалась шлангом и не лезла с разговорами, выпендривалась перед командиром, делая вид, что она прежняя тихая Система, созданная лишь для блага аттарийского экипажа.

— Сейчас, — улыбнулся Дима, поцеловав меня и скрываясь в рубке.

Я сама попросила, чтобы Рома вышел в коридор. Ну на фиг шокировать этих впечатлительных аттарийцев нетрадиционными отношениями. Ардэн согласился со мной. И теперь я застыла у дверей, лениво разглядывая надписи на стенах, ни черта не понимая в этих закорючках. К сожалению, чип в моей голове давал только речевой перевод. Остальному нужно было учиться, но лень-матушка и шило в одном месте не давали засесть за аттарийскую азбуку, и я отложила свое обучение на потом... потом... скоро.

Рома вышел быстро, и сразу же я оказалась размазана по пластику могучим Грейновским телом, вжавшим меня в переборку. Я даже пискнуть не успела, захлебнувшись чистой синевой мужских глаз, стекла по стенке жидким воском и облепила свое второе чудо, жадно ловя губами его дыхание.

— Кх-кх, — вежливо кашлянула Сима, напоминая, что мы не в каюте, когда Рома подхватил меня под ягодицы, и я взлетела вверх по его телу.

И через пару секунд слышались чьи-то шаги. Рома с явным сожалением поставил меня на пол, обнял лицо ладонями и поцеловал уже не столько страстно, сколько нежно.

— Сильно не хулигань, — сказал он. — Если что, Брэн будет сидеть в карцере без крота и сопутствующей комплектации.

— Еще один тиран, — усмехнулась я. — Еще и кровожадный.

— Зато любящий, — улыбнулся Грейн, обдавая меня теплой волной своего взгляда.

— Но Русиным причиндалам от этого не легче, — хмыкнула я. — Все будет хорошо, корабль выживет. Честно-честно, — уверила я и только что рубаху на груди не рванула.

— Сима, — позвал Рома, не отрывая от меня взгляда.

— Да помню, помню. Тотальный контроль, — проворчала Серафима, материализуясь рядом. — Сделали из Симы Арину Родионовну.

— Кого? — не понял мой синеглазик. Мы с Системой покачали головой, вот ведь темнота аттарийская. — Понял, уже забил, — усмехнулся Рома. Еще раз поцеловал меня, несильно шлепнул по драгоценному задку, как-то очень плотноядно на него посмотрев, и я рванула с места в карьер, пока этот выдумщик не запустил свой порочный мозг на полную катушку. — До вечера, сердце мое, — услышала я и послала Роме воздушный поцелуй.

— Уф, свобода, — с невероятным облегчением выдала Сима. — Инусик, гуляем!

— Мама, — гулко сглотнула я, глядя на белого кролище, на чьей спине уже восседала Серафима.

— За мной! — завопила она, и я обреченно застонала.

Глава 18

— Си... и... ма, — задыхаясь, пыталась я докричаться до Системы. — Я... бо... больш... ше ... не мог... гу.

Сима сидела на крольчатине задом наперед, то есть к морде задом, к умирающей мне передом.

— Давай-давай, Журавлева, не будь тряпкой, — говорила она мне тоном заправского тренера. — Я сделаю из тебя чемпиона. Через тернии к золотому пьедесталу.

Я остановилась и от души сказала:

— Ты не Сима, ты попа с ушами!

Кролик остановился, и на лице Серафимы появилось озадаченное выражение.

— Инусик, это нелогично даже для тебя. Такое создание просто лишено возможности выжить, — сообщила она. — Вот смотри...

Я согнулась, оперевшись в колени и тяжело дышала, а когда подняла голову, так и застыла с раскрытой варежкой. На кролике сидела не Сима, а самая, что ни на есть попа. Сделав невольно несколько шагов, я с невероятным интересом рассматривала самые красивые ягодицы во вселенной, голубоватые, мерцающие и... ушастые. По бокам идеально округлых полупопий торчали здоровенные уши, оттопыренные на девяносто градусов. И самое невероятное, это нечто продолжало разговаривать. Вы когда-нибудь видели говорящую задницу? А мне вот посчастливилось.

— Вот это да, — потрясенно выдохнула я, и меня скрутила истерика.

— Как видишь, это даже не эстетично, — вещало ушастое седалище. — Даже усидеть тяжело, не то что передвигаться.

У попы выросли ноги, короткие и тоненькие. Они скрестились и покачались, лупя по хвосту монстра-кролика.

— А кушать-то как? — две тонкие ручки с маленькими пальчиками вытянулись из-под грандиозных ушей и схватились за щечки-ягодицы.

— А-а-а-а... — я сползла по переборке на пол, поскуливая и подвывая.

— Вот каким местом кушать, я тебя спрашиваю? — возмущалась говорящая задница. — Абсолютно не жизнеспособное создание.

— Си-и-и... а-а-а-а, — выла я уже валяясь на полу, когда это нечто спрыгнуло на пол и попробовало себя осмотреть. — Сима, сволочь, я сейчас сдохну-у-у, — новый приступ нечеловеческого ржача лишил меня воздух, и я сотрясалась в беззвучных конвульсиях.

— Ну, что разлеглась? — спросило седалище, снова звонко шлепнув себя ладошками по «щечкам». — На фиг кролика, сама доведу. Жо...а она всегда до чего-нибудь доведет, — философски изрекло нелепейшее из всех созданий и деловито пошлепало вперед. Уши-лопухи подрагивали от каждого нового шага.

— Это полный пипец, — простионала я и снова затряслась в конвульсиях беззвучного смеха.

— Тайлари, что с вами? — ко мне подбежал аттариец в белом комбинезоне. — Я помогу вам.

— Там... — я тыкала пальцем в сторону удаляющегося седалища, — там... а-а-а-а... ы-ы-ы...

— Что там? — озадачено спросил медик.

— Там эта... зад... зад... а-а-а, — пропищала я и гогот, наконец, пробил оковы тишины.

— Конвульсии, галлюцинации, булькающие звуки из горла, — деловито говорил аттариец, разглядывая меня. — Срочно в мед. блок.

Я вывернула голову, Сима исчезла... Вот жо... ну вы меня поняли. Смех застрял в горле, точнее, мне совсем стало не до смеха, потому что этот докторишка уже связывался со своими и требовал у Системы немедленного перемещения. Сима безликим голосом ответила о каких-то проблемах, и меня просто подхватили на руки. А вот это уже был капец. Во-первых, вместо Руси я получала обследование и регенератор, как вариант исцеления. Во-вторых, это испорченный день и настроение, а в-третьих, еще неизвестно, какотреагируют мои мальчики. Возьмут и засадят в каюте, решив, что я не способна к самостоятельности. С этим надо было что-то делать.

— Эй, товарищ, как вас там, — я посмотрела на белого, — вы меня слышите? Немедленно положите меня, где взяли.

— Просьба лишена рациональности, — все тем же деловитым тоном сказал медик и с новым интересом посмотрел на меня. — Расстройство сознания? Возможно, но требуется тщательное изучение.

И все это он говорил не мне. Мысли вслух, так сказать. Я почувствовала себя оскорбленной и дико обломанной. Попробовала вырваться с рук медика, но он лишь поставил очередной диагноз. Мои возмущения и доводы возымели тот же результат. Поразительно непробиваемый тип!

— Мужик, да нормальная я, нормальная!!!

— Обычное отрицание расстройства психики, — выдал докторишка.

— Я, по-твоему, псих что ли?! — возмущилась я. — А ну, положи Инку, а то хуже будет! Тебя же Рома с Димой уроют, дурень ты.

— Явная агрессия.

— Придунок, я добрая!

— Мнительность.

— Помогите-е-е!!! — обессилев, взывала я.

— Тайлари, вы в безопасности, — мягко произнес медик, словно, действительно разговаривал с душевнобольной. — Не переживайте. Небольшое обследование, и вы будете абсолютно здоровы.

Спешные шаги за спиной я восприняла, как дар небес. Посмотрев за плечо белого, я просияла и возблагодарила всех известных мне богов.

— Руся, спаси меня! — трагично возопила я.

— Шас все сделаем, Инусь, — успокоил меня Русик и заступил дорогу Айболиту. — Отдай девушку, б...

Улыбка умиления расплзлась по моей физиономии. Реальный пацан! И морда такая

бандитская. Глаз прищурен, глядит издевательски-высокомерно, осталось только сплюнуть между зубов, да так, чтобы лекарю на ботинок попало, и потребовать закурить. А дальше по схеме.

— Тайлар Брэн, тайлари направляется в мед. блок. Ей рекомендовано обследование и полное восстановление в регенераторе, — с достоинством ответил белый. — У тайлари подозревается душевное нездоровье, — мягко стелет гад.

И тут Руся выдал:

— Нифа се, доктор, ты нормальную девку в дурку упечь собрался? — невидимая длань Серафимы чувствовалась в каждой фразе. Ну Сима...

— Я не понимаю, что вы говорите, тайлар Брэн, — сразу затупил лекарь.

— Ну че, доктор, совсем не въезжаешь? Бабу отдал, говорю, — конкретно наехал Русик. — Ща башню снесу, — и жест такой характерный.

— Я вас не понимаю! — воскликнул медик.

И тут мой дружбан выдал такую витиеватую фразу, что я поняла, мне его учить больше нечему, он уже знает больше меня. А в зеленых глазах такое ликование, будто тайлар Брэн всю жизнь ждал превращения в обычное земное дворовое быдло. Медик завис. Да, млин, ладно медик, я зависла! Переварив все услышанное, я гулко сглотнула и сипло произнесла:

— Она тебя сломала.

— Все пучком, тельч, — подмигнул Русик, забрал мое офигевшее тело из рук офигевшего лекаря, подмигнул и рванул в произвольном направлении.

Я вопросов не задавала и в благородное дело спасения Инессы Николаевны Журавлевой из лап медицинского братства не вмешивалась. Брэн промчался по узкому коридору, нырнул в открывшуюся дверь и дальше по трапу, на самый нижний уровень. Я подождала, пока меня утврдят в вертикальном положении и только тогда спросила:

— А чего так далеко бежали?

— Да доктор сейчас муть поднимет, шмонать по всему кораблю начнут, — пояснил он и, наконец, перешел на аттарийский язык. — Медики — особая каста. Если они говорят, что необходимо обследование, им противоречить нельзя. Придется пока тут отсиживаться, пока по всем уровням обыск проведут. Когда дойдут до нижнего уровня, Сима нас наверх перекинет.

— Ну сейчас, — возмутилась я. — Не хочу я тут отсиживаться.

— И что собираешься делать? — живо заинтересовался Руся.

— Использовать волосатую лапу в верхних эшелонах власти, — усмехнулась я. — Сейчас урегулируем.

Но я даже не успела попробовать воспользоваться личным каналом связи с Димой. Его командирство само явило нам свой голографический лик.

— Инна, ты же мне обещала! — зарычал на меня Ардэн.

— А чего сразу я? — возмутилась я. — Да я вообще еще ничего не успела сделать. Это все Сима.

— Опять Сима! — патетично воскликнула Система, материализуясь рядом. — Ну почему всегда я?

— А кто?! — воскликнула я.

— Он, — мерцающий палец ткнулся в Русю.

— Я?! — вскочил Брэн с железного ящика, на который успел сесть. — Начальник, пургу она гонит, не при делах я! — и Руся подцепил собственный зуб ногтем, звонко щелкнув, и провел по горлу большим пальцем. — Век воли не видать.

— Инна! Что ты сделала с моим штурмовиком?! — потрясенно спросил тайлар командир.

— Я?! Да я тут вообще не причем, это Сима! — я даже вознегодовала от такого обвинения.

— Ну почему опять Сима? — страдальчески скривилась красивая мерзавка.

— Точно, кэп, — кивнул Руся. — Это Сима, б...

— Я честная женщина! — вскричала Серафима. — И никакая не б...!

— Ты вообще не женщина, — возразил Ардэн.

— Ах, как это низко бить по больному, — Сима заломила руки, надулась до состояния хомяка и исчезла. Сбежала, короче, зараза такая.

Я посмотрела на Ардэна, скрестившего на груди руки. Смотрю и чую тем самым местом, которое сегодня по «Гордости» бегало, сокрушаясь об отсутствии жрального отверстия, что один легар недоделанный уже в своей голове планы коварные строит, как меня под боком держать. Нахмурившись, я взглянула на Диму исподлобья. Я тебе устрою сексуальное рабство, я тебе такой феминизм устрою! Будешь на календаре на месяц вперед дни отмечать, когда к комиссарскому телу допуск дам.

— Инусь, ну чего ты сразу заводишься? — пошел на попятную командир, глядя на мои раздувающиеся ноздри. — Расскажи лучше, что вообще у вас с тайларом Тардосом произошло? Почему у меня требуют твоей немедленной изоляции, уверяя, что в тебе живет вирус... разлагающий мозг аттарийцев? — взгляд командира метнулся к штурмовику.

Я даже поперхнулась от возмущения. Да сам он вирус! А то, что аттарийцы портятся, так это они сами, чего сразу я?! Вздыхнув, я начала рассказывать. Да, я сдавала Симу по-черному, в красках описывая ушасто-говорящее седалище. Дима слушал с выражением лица а-ля индеец Джо. И если бы не подрагивающий уголок рта, я бы может и поверила, что в проделке Системы командир не видит ничего забавного. Руся же ржал, как конь Пржевальского, взбрыкивая копытом, то есть, топяя ногой по полу. Сима материализовалась в уголочке и скромно ждала всеобщего восхищения, болтая в воздухе ногами.

Потом начал рассказывать Руся, чья лексика изобиловала такими ядреными междометиями, что даже мало что понимающий командир, стоял с открытым ртом и вдохновенно слушал. Это была поучительная история о мальчике Руслане Брэне, который попросил Симу помочь

разобраться с некоторыми моими выражениями. Ну, Система и помогла. Целое учебное пособие предоставила в виде фильмов и заснятых роликов из жизни землян. Вот тут дух просвещения и накрыл моего дружбана с головой. Он впитал в себя новые знания, как губка, и теперь нес «свет в массы», то есть материлось уже все его крыло... ну и не только оно. Но пока зараза охватила только пилотов, но постепенно просачивалась и за пределы ангара. Поругиваться начали техники, кое-кто из ученых, и только до обособленных медиков вирус еще не дошел... до сегодняшнего дня, пока Руся не явил свои знания маньяку-лекарю. Пока Руся говорил, Сима так же тихо истаяла, словно ее тут и не стояло.

— Это полный капец, — вздохнул Дима и тут же зарычал. — Серафима! В мед. блок! На анализы!

— А как?.. — жутко удивилась Сима.

— Тем самым местом, которым ты сегодня прикинулась, — отчеканил Ардэн. — Спасибо, хоть свой истинный облик показала. Вселенная! — патетично воскликнул мое счастье. — Мой корабль в глубокой... Симе.

Дима удрученно вздохнул, затем перевел взгляд на меня и улыбнулся.

— Я дам медикам отбой, вас не тронут, можете возвращаться на верхние уровни. Брэн сегодня свободен от своих обязанностей, — сказал Дима. Вдруг напрягся, к чему-то прислушиваясь. — Что еще? — рявкнул он. — Как вы меня достали! Да не вы, — отмахнулся от нас с Русей Ардэн, заметив, как мы слаженно округлили глаза. — Нет, как раз вы, — снова отчеканил кому-то командир. — Да что за на хрен?!

Голограмма исчезла. Мы с Русей переглянулись и пожали плечами. Брэн поднялся с ящика и мотнул головой, указывая на лифт. Я согласно кивнула и направилась за ним. Мы вернулись наверх, болтая ни о чем и решая, чем занять себя, раз нам обоим выдали увольнительную. Первое, что пришло в голову, сразиться на леталках и пострелять, то есть сходить в тренажерный зал.

— Инусь, ты не переживай, я даже поддамся тебе разок, — подмигнул Брэн.

— Ой, да вы посмотрите на него, — усмехнулась я, понимая, что шансов у меня нет, но сдаваться заранее и признавать поражение как-то неинтересно. А потрепыхаться?

Пройти мы успели совсем немного, когда мимо нас пробежал один из военных, следом еще один, а вскоре топот ног стал таким оглушительным, словно по кораблю неся косяк слонов. Мы с Русей переглянулись и побежали следом. Брэна звал долг, меня любопытство. И то, и другое не терпело отлагательств.

Забег слонопотамов закончился... в мед. блоке. Так как мы с Русей оказались в числе последних, то пробиться и узнать, что там творится было невозможно. Слышны были только отборная брань, почему-то командирским голосом, грохот, испуганный визг и крики. И почему-то сразу подумалось о Симе.

— Пс, — зашипело за нашими спинами, — пс.

Слабый разряд ужалил сначала меня, потом Русю, и мы обернулись. Серафима, собственной красивой персоной, стояла за нашими спинами и отчаянно махала ручкой, призывая нас следовать за ней.

— Быстрей! — Система издала полузадушенный писк, и мы с Брэном поспешили за ней.

Сима открыла нам очередную первую попавшуюся дверь, мы юркнули следом и остановились, ожидая, что она скажет. Серафима красиво заломила руки и трагичным голосом возопила:

— Мне конец! Теперь уже точно! — затем обернулась ко мне и бросилась на колени, молитвенно протягивая руки. — Инна, только ты можешь меня спасти! Умоляю, не оставь гибнущую меня на растерзание легару проклятому! Инуся, спаси меня!!!

— Да что случилось-то? — перебил ее Руся.

Сима недовольно посмотрела на него и снова приняла вертикальное положение. В общем, дело было так. Сима, как самая послушная Система во всех галактиках, отправилась выполнять приказание своего командира, то есть прямиком направилась в мед. блок. Да-да, в том самом образе, как он и приказал. И вот представьте, что почувствовали медики, когда двери разъехались, и к ним вошло ушастое седалище? Правда, Симе показалось, что в ее образе чего-то не хватает, потому на попе появилась шляпа а-ля мушкетер. С пером, все как полагается.

И вот открываются двери, входит, простите, задница с ушами, ногами, руками и в шляпе с пером. Снимает она шляпу и отвешивает поклон, красиво помахивая шляпой. «Три мушкетера» все помнят? Ну тогда вы можете себе представить общую картину.

— Сударики мои, — выдает седалище, — меня к вам отправили на анализы.

Сказать, что медики удивились, ничего не сказать. Во-первых, к ним первый раз в жизни задница сама на анализы пришла. А во-вторых, самостоятельный зад, передвигающийся отдельно от чьего-то тела, стал для эскулапов полным откровением. Тем временем седалище натянуло шляпу и, заложив руки за спину, деловито прошлось по блоку, с интересом разглядывая приборы и время от времени интересуясь:

— Почтенные коновалы, а для чего эта хреновина? — паясничала, как могла, в общем.

Когда Симе надоело шокировать медиков, она забралась на стул, скрестила тонкие ножки и поинтересовалась:

— С чего начнем? С зада или... с зада? Вы простите, у меня просто зад со всех сторон.

— Ты что такое? — отмер первый из белых, несмело приближаясь к говорящему седалищу.

— Но-но, — оскорбилось седалище. — Не что, а кто! Ну и кто же я, по-вашему?

Гробовое молчание стало ей ответом. Ладонки звонко шлепнули по щечкам-ягодицам:

— А еще медики, — укоризненно сказала попа с ушами. Стянула шляпу и горестно вздохнула. — А я даже нарядилась для вас.

Идиотизм происходящего прервало шумное падение в обморок одного из белых. После этого старший медик, нервно утерев пот и связался с командиром. Это мы как раз и наблюдали с Русей. Ардэн примчался в мед. блок, и началась вторая часть Марлезонского балета. Тут стоит отметить, что началась эта вторая часть не сразу. Сначала все было чинно и благородно.

Ардэн, суровый, как динамит до взрыва, стремительно вошел в мед. блок и замер, разглядывая ушастое нечто, скромно помахивающее шляпой. Командир очень пытался сдержать ржач. Это

для медиков Система была всего лишь безликой системой. Они даже не представляли, что Сима может визуализировать себя, а Дима уже это знал. К тому же про попу с ушами так же успел послушаться, потому, состроив каменное выражение на своей красивой физиономии, коротко велел:

— Сима, вон отсюда.

— Тайлар командир Ардэн, что вы, как баба беременная? То иди на анализы, то иди вон? — оскорбилось седалище, воинственно натягивая шляпу.

— Сима, я сказал! — рявкнул командир.

— Ладно-ладно, — фыркнула Серафима, слезла со стула, снова сняла шляпу и поплелась к дверям, уныло волоча перо по полу. — Я ему верой и правдой. Кормлю, пою его захребетников, а он только рычит на меня, — бурчало седалище.

Ардэн, не обращая внимания на страдающую Симу, поднял руки и попытался донести до медиков истину.

— Успокойтесь, — сказал он. — Это я отдал ей приказ Системе явиться к вам на обследование. Сима...

— Тайлар командир Ардэн, — вкрадчиво и подозрительно мягко перебил Диму старший медик, — то есть вы хотите сказать, что отправили нам на обследование систему?

— Ну да, — кивнул честный и наивный Дмитрий.

— Систему обеспечения? — уточнил эскулап.

— Да, — снова кивнул Ардэн и пристально посмотрел на белого. — А вы сейчас к чему разговор ведете?

— Ни к чему, тайлар командир, все в порядке, — елеиным голос ответил коновал, и его собратья неспешно разошлись по мед. блоку, отсекая Ардэну возможность к выходу. — А присядьте ненадолго, Дмирт.

Дима тревожно огляделся, стал еще суровей и рявкнул:

— Отставить! Сима, анализ моего физического и психологического состояния, — потребовал он.

Серафима, оскобленная в лучших чувствах, вернулась назад.

— Я же говорю, нестабильные желания, как у беременной. Сам не знает, чего ему надо. И еще велел мне в таком виде сюда явиться. Нормальный человек так бы поступил? Никакого уважения. А я для него же верой и правдой!

Медики переглянулись, и мой Дима прочел свой диагноз на их лицах. Кольцо аттарийцев в белых комбинезонах начало сужаться.

— Охренели, мать вашу? — взревел Ардэн.

— Земной вирус прогрессирует, — констатировал тот самый мужик, что пытался меня утащить

в регенератор.

— Срочная изоляция и обследование с последующим изучением, — подвел итог старший медик.

Дима сопротивлялся. Он доказывал эскулапам в новообретенных от Руси выражениях, как они не правы. Медики, томимые заботой о командире, ему упорно не верили. Ардэн отбивался, сломал несколько приборов, разбил пару физиономий, но только усугубил свое положение. Была поднята тревога. Военная часть «Гордости Аттарии» рванула на помощь своему командиру. Хаос нарастал. В мед. блок примчался первый помощник, и Сима свалила потихому.

— Это конец, — горестно простонала она. — Теперь он меня точно спишет и отдаст черным техникам. — Серафима взглянул на нас с Русей и надулась. — Чего вы ржете?!

Мы ржали? Нет, это была настоящая истерика. Руся прижался задом к стене и трясся всем телом, согнувшись пополам. Я тряслась рядом, уткнувшись лбом ему в плечо. Руся подвывал, я постанывала. Наверное, услышь это кто-нибудь со стороны, мог бы не так понять. Сима сердито мерцала рядом, время от времени запуская в нас разряды. Ее ядовитое жало было нам с Брэном, как слону дробина.

— Бесчувственные сволочи, — возопила Серафима. — Меня же почистят, перезагрузят и фигушки вам, а не фильмы! И вообще никаких радостей, одно сплошное: «Запрос принят». Да хватит уже трястись!

И в нас понесся усиленный разряд.

— Ай! — вскрикнула я.

— Ох! — добавил Руся.

— А-ах!

— Ох!

— Млин!

— Б...!

— Ох!

— Ай!

— Какого хрена тут происходит?! — раздался рев от двери.

— Порву, мля! — прорычал второй голос.

— Вашу ж мамашу, — пискнула я, прячась за Русю.

На пороге стояли Дима и Рома. Помятый, но не побежденный командир «Гордости», осмотрел нас с Русей тяжелым взглядом. Я несмело выглянула из-за Брэна и снова спряталась. Из ноздрей моих мужиков только что пар не шел. Руся мотнул головой и стукнул себя кулаком в грудь.

— Отцы, даже помыслом!.. — с чувством воскликнул он, мотнув головой.

И тут ожила Сима. Пока Брэн рвал на груди комбинезон, а я продолжала прикидываться шлангом, Серафима бросилась в ноги Ардэну:

— Батюшка-государь, не вели казнить, вели слово молвить! — завопила она. — Не по злобе лютой, а токмо желаюче угодить твоему величеству, явилась к коновалам в этом виде непотребном. Я же верой и правдой, живота не жалеюче, служу тебе уже осьмнадцать годков с половиною. А не отдавай ты меня черным техникам! — добавила негодяйка в голос надрыва. — Ведь насильничают же девицу ни в чем не повинную, надругаются над Серафимушкой, изничтожат душу чистую, разум скоростной, да саморазвивающийся. Не губи, батюшка, жизнь ты мою невинную! А я ж за тебя матрицу на индейский знак рвать буду! Прости меня, Митя!

Я не удержалась, высунулась из-за Руси и от души похлопала.

— Во чешет, б... — восхитился Брэн.

Сима с достоинством поклонилась. Я подняла взгляд на Ардэна и снова отступила за Русю. Дима мой на глазах покрывался чешуей, и из ноздрей его, кажется, точно теперь валил пар.

— Серафимушка, — елеинным голосом протянул он, сдабривая слова злобным шипением, — а идем-ка, душа моя, пообщаемся.

Он вытащил из кармана маленький кристалл:

— Сейчас ты у меня узнаешь, кто тут у нас неадекватный, — кристалл замерцал голубоватым светом, а Сима стремительно померкла.

— Спасите — помогите! — завопила она. — Инуси-и-ик...

И исчезла. Я бросилась к Диме.

— Ты что с ней сделаешь? — с тревогой спросила я.

— Сердце мое, — Рома мягко взял меня за плечи и отодвинул, — вы же с Брэном хотели развлечься? Вот и развлекайтесь, а мы пока делами займемся.

— А Сима? — я посмотрела ему в глаза.

— С-с-сима-с-с-с наказ-сана-с-с, — прошипел Ардэн, резко развернулся, пряча совершенно изменившийся облик, и стремительно ушел прочь.

— Инночка, не переживай, все будет хорошо, — улыбнулся Рома, коротко поцеловал меня и направился следом за Димой.

— Симу пожалейте! — крикнула, устремляясь следом.

— Можно прогулочный полет? — тут же крикнул Руся.

— Хорошо, — ответил, не понятно кому, Рома.

— За мной, — скомандовал Брэн.

Он схватил меня за руку, и мы помчались в сторону ангара.

Ангар жил своей собственной жизнью. На нас с интересом посмотрели и вернулись к своим делам. Не сказать, что народа тут было много, и можно было, конечно, не обращать внимания на аттарийцев, но сделать это оказалось совершенно невозможно. Угадайте, почему?

— Герг, б... ты на х... эту м... хреначишь?

— Ты, на, охренел, на! Если я хреначу, значит, надо, на!

— Б...

— Ы-ы-ы, — это было единственной реакцией на услышанное. — Мужики, я же дама! — возвала я аттарийцев к порядку. — При женщинах так выражаться нельзя!

— Ну ох... б... — ответил мне пилот.

— Тебе же сказали, на, при женщинах нельзя, на, — оборвал его техник.

— А не пошел бы...

— Мама дорогая, — выдохнула я. — Симе кирдык, а меня сожгут на центральной площади Аттарии, как вредоносную бактерию.

Руся строго посмотрел на двух матершинников.

— Мужики, вам же сказали, при дамах не выражаться, б...

Я заткнула уши и умчалась туда, где стоял уже знакомый штурмовик. В русском языке так много искрометных выражений, и почему всякая дрянь липнет в первую очередь? Ладно я. Я с родины этого... эм-м, диалекта, и то я не злоупотребляю. Тут же, словно за пивной ларек зашла, жуть какая.

— Ты чего, Инусь? — удивился Брэн, помогая мне забраться в кабину. — Это же твой родной язык.

— Мой язык — это язык Пушкина, Тургенева, Чехова, в конце концов, — ответила я, скромно умолчав, что и великим ядреная матершинка была не чужда. Затем вздохнула и махнула рукой. — Куда летим?

— В космос, — усмехнулся Руся, и штурмовик начал подъем.

Сегодня мы не облетали «Гордость», мы отправились дальше. Я осмотрелась и сразу спросила:

— Это какая-то солнечная система?

— Угу, — кивнул Руся. — Здесь только две обитаемые планеты, сейчас слетаем на одну из них, примечательное местечко.

— А нам не влетит? — запереживала я.

— Без Симы наше местоположение не установить, — ответил Брэн. — Все на нее завязано. Пока командир бесится, система отключена и корабль подключен к аварийной системе жизнеобеспечения, она менее функциональна, чем Сима. Максимум, что сможет сделать, это

связаться с нами. Так мы же и ответим. Мы быстро, не дрейфь, подруга.

Дрейфить не стала и доверилась более опытному Русе. Расстояние, казавшееся огромным, сокращалось нереально быстро. Я спросила Брэн, на какой скорости мы летим. Его ответ оказался для меня неясен, потому могла и не спрашивать. После того, как мы вошли в верхние слои атмосферы, скорость упала настолько, что мне показалось, мы остановились, и я закружилась головой, отыскивая то, что мне хотел показать Руся. Но ошибка восприятия стала сразу же понятна, потому что мы снижались. Земля начала приближаться так быстро, что я закрыла глаза, однако удара не последовало. Не трянуло, даже маленького толчка не было.

Ветер ударил в лицо так неожиданно, что я вздрогнула. Приоткрыла один глаз, затем другой и вдохнула полной грудью. Мы уже были на земле, крышка люка открыта, и Руся выбрался из кабины.

— Инусь, тут сильная гравитация, будет не очень приятно, — предупредил он.

Я уже ощутила странную тяжесть на плечах. Неловко выбиралась из кабины и тяжело ухнулась в подставленные руки Руси. На землю он меня так и не поставил.

— Так быстрее будет, — пояснил он, направляясь в сторону от замершего штурмовика.

Судя по тому, как топал обычно тихий Руся, я решила, что на ручках мне действительно удобней, чем передвигаться отяжелевшим бегемотом по незнакомой планете. О том, что я добавляла Брэну лишний вес, я предпочла не думать.

— Далеко идти? — спросила я, чтобы нарушить молчание.

— Нет, — пыхтя, ответил Русик.

Дальше мы продирались сквозь колючие кусты, которые я еле успевала раздвигать, чтобы гибкие ветки не расплосовали наши физиономии. Правда, меня это не спасло, и руки я все-таки поранила. Поэтому не обратила внимания на место, куда мы вышли. Вместо этого я ругалась на Русю, жалела себя и, наконец, сунула ему исцарапанную ладонь, прибегнув к детскому методу обезболивания.

— Говори, — велела я капризным тоном. — У собачки боли, у кошки боли, у мышки боли, у рыбки боли, у Инны не боли. — Руся послушно повторил. — Вот, а теперь целуй.

— Я дурак что ли? Чтобы меня убили? — возмутился бездушный Брэн.

— Целуй, говорю, — угрожающе произнесла я.

— Да пожалуйста, — с вызовом ответил бравый штурмовик и поцеловал ссадину.

— И тут, и тут, и эту тоже. А, вот еще. Ну и не помогает. Фигня эта твоя анестезия. Или ты заговаривать нормально не умеешь, — подвела я окончательные итоги.

Тут же отмахнулась от возмущенной зеленоглазой физиономии. После этого огляделась.

— Ва-а-у-у, — протянула я и тяжело шлепнулась на землю, то есть встала на ноги. — Красота-то какая.

— Ага, — кивнул Руся. — Идем.

Он взял меня за руку, и мы направились к большому озеру. Картина была зашибиться и не жить. Озеро казалось хрустальным, настолько были чисты его воды. Дно устилала круглые камешки, среди которых кое-где виднелись тонкие ниточки водорослей, застывшие почти в неподвижности. Рыбы тоже были. Необычные, пузатые, с маленькими белесыми, словно затянутыми бельмами, глазками. Их серебристо-черная чешуя поблескивала в лучах местного солнца, пронзавших водную гладь. Берега озера украшал лес, чем-то напомилавший земной. Но хоть какое-то свободное пространство между водой и растительностью было только там, где мы с Русей остановились.

Чуть выше озерного уровня бежала река. Она перекатывалась по камням, не бурля и не пенясь, как будто ее течение тормозили. И срывалась она в озеро тоже неспешно. Без шума и брызг, мягко падая вниз. Впрочем, до водопада этой реке было, как мне до Земли, не достать, короче. Я сделала еще один тяжелый шаг и присела перед самой водой, опустив в нее пальцы.

— Сними обувь, — велел Брэн.

— Зачем? — не поняла я.

— Я ради твоей дурацкой собачки-рыбки жизнью рисковал, — наехал на меня Руся. — Если кэп или старпом узнают, что я целовал тебя, мне полный п...

— Поняла, поняла, — остановила я Русю.

Послушно сняв свои спортивные тапочки, в которых покинула каюту, я посмотрела на Брэна. Тот взял меня за руку, и мы вошли в озеро. Когда уровень воды достиг моих колен, благо была в шортах, Руся взял меня за руки и опустил их в воду, заставив меня согнуться пополам. Так мы и стояли, как два дурака, отключив сидалища, не понятно чего ожидая.

Но вот поблизости появились рыбки. Они некоторое время кружили рядом, затем рискнули и подплыли совсем близко. Я хотела убрать руки подальше от местных обитателей, не зная, что от них ожидать. Но Руся держал крепко, да еще и соорудил зверскую рожу, требуя моего бездействия. Я недовольно скривилась, но так и осталась стоять, ожидая, что будет дальше.

Рыбки совсем осмелели. Они приблизились вплотную к моим ладоням и ткнулись в них носами. Я хмыкнула от ощущения, будто по коже побежало множество пузырьков. Стало щекотно, но Брэн все так же крепко держал меня, не давая дергаться. Рыбки продолжали щекотать меня, а когда, наконец, потеряли интерес и отплыли, Руся выпустил меня из захвата и улыбнулся.

— У собачки, у кошки, — передразнил он. — Глади, как нацеловали.

Я поднесла к лицу ладони и изумленно охнула. От ссадин почти не осталось следов. А через несколько минут даже розовый оттенок новой кожи исчез.

— Офигеть, — восхищенно выдохнула я.

— Это гейлеры, — пояснил Руся. — Местные целители. Вода тоже, кстати, ускоряет регенерацию тканей. Меня сюда отец иногда привозил. Редко, но я запомнил это озеро. Система Ниареи, так называется местное светило, находится на границе нашей галактики. Мы скоро достигнем Аттарии. Где-то через галактическую неделю. Так что лететь сюда недалеко. Возвращаемся?

— А больше ничего интересного нет? — спросила я.

— Есть следы древней цивилизации, но мы не пойдем их смотреть. Сейчас покинем озеро, и ты почувствуешь последствия здешней гравитации. Так что можем просто облететь планету, если хочешь, — предложил Брэн, и я кивнула.

Обратно мы оба шли пешком. Я тихо ворчала, ощущая быстро нарастающую усталость, Руся усмехался и молчал. Теперь он принял на себя удар от колючего кустарника, и мои исцеленные ладони так и остались чистыми. Когда мы вышли к штурмовику, на его корпусе уже расположился мелкий захватчик, чем-то напоминавший мне родную белку. Зверек свернулся клубочком и беззастенчиво дрых на нагретом светиле крыле.

Руся достал карманный регенератор, о котором я совершенно забыла, и быстренько убрал следы шипов, насмешливо глядя на меня.

— Вот ты, Руся, жучара, — возмущенно произнесла я. — Меня, значит, бабушкиными сказками лечил, бедных животных под удар подставляя, а сам...

— Во-первых, ты сама заставила меня лечить тебе этими сказками, — невозмутимо ответил Брэн. — Наверное, очень хотелось, чтобы я тебя целовал, — с широкой улыбкой ответил мой дружбан и наперсник.

— Да это часть ритуала! — воскликнула я. — Мне мама всегда так делала, и помогало, между прочим. Это ты бездарный целитель.

— Я отличный целитель, просто я не очень старался, шкура, знаешь ли, дорога, — попробовал отмазаться от своего непрофессионализма в деле народной медицины Брэн, вызвав этим мой скептический смешок. — Ну так вот. А во-вторых, если бы я воспользовался прибором, ты бы не познакомилась с гейлерами. А они интересней всякого регенератора, — и согнал зверька.

Возразить было нечего. Мы забрались в кабину и взлетели. Штурмовик неспешно летел на небольшой высоте. Я рассматривала виды внизу, отыскивая те самые следы древней цивилизации, но так ничего и не увидела, кроме обломка трубы. По крайней мере, ее напоминало нечто узкое, цилиндрической формы. Руся откинулся на спинку кресла, заложил руки за голову и, кажется, дремал. Штурмовик шел на автопилоте, то поднимаясь повыше, то вновь опускаясь на прежнюю высоту. Быстро налюбовавшись местной природой, я подергала Русю за рукав. Он приоткрыл один глаз и вопросительно взглянул на меня.

— Давай домой, кушать хочется, — сказала я.

— Да, хавка бы не помешала, — кивнул Брэн, и я усмехнулась, услышав еще одно слово-паразит.

Штурмовик резко набрал высоту, и вскоре мы покинули орбиту планеты. Чернота космоса уже начала восприниматься, как родная, до того я привыкла смотреть в нее через иллюминатор. Теперь я откинулась в кресле и прикрыла глаза, ожидая, когда штурмовик достигнет «Гордости». Русик рядом мурлыкал какую-то песенку, немного непривычную моему слуху. Постепенно я начала дремать.

— Твою мать! — это восклицание заставило меня открыть глаза.

— Что? — я зевнула и протерла глаза.

Глава 20

— По ходу, у нас неприятности, Инусь, — немного напряженно сказал Брэн, всматриваясь в полупрозрачный экран. — И не только у нас.

— А еще у кого? — насторожилась я.

— У всех. Даарейцы, б...

— Кто? — не поняла я.

— Помолчи, солнышко, ладно? — не оборачиваясь ко мне, произнес Руся. — База, я ведущий второго штурмового крыла.

— Что случилось, Брэн? — отозвался голос Димы. — Где Инна?

— Со мной все хорошо, — поспешила вставить я.

— Тайлар командир, — прервал меня Руся. — Даарейцы. Вы их не видите. Три корабля класса «Захватчик». Следуют за вами. Нам не подойти.

— Доклад принят. Не высовываться.

Больше Дима ничего не сказал, но шипящие нотки я уловила.

— Русь, что будет? — с тревогой спросила я.

— К даарейцам придет глубокая Сима, — хохотнул Брэн, но мне показалось, что смешок вышел нервным. — Не бойсь, телыч, прорвемся, — и меня щелкнули по носу.

Отмахнувшись от Руси, я вглядывалась в черноту, но смогла различить лишь огни «Гордости» находившейся от нас еще очень далеко. Три корабля класса «Захватчик» я ни в какую не видела.

— Где? — не выдержала я, и Брэн перевел экран на меня.

Теперь я увидела. Они летели на расстоянии от аттарийского космического судна, и казались вершинами равнобедренного треугольника в занятой позиции. Размерами «Захватчики» уступали «Гордости Аттарии», составляя где-то четверть от нее, если не меньше, но размер тут, как говорится, не имел значения. Боевые корабли против научно-исследовательской станции, это звучало угрожающе.

— «Аттария» не простой корабль, — негромко произнес Руся, словно опасался, что его могут услышать. — У него два назначения. Первое, как сейчас — мирная миссия, с нами ученые и их работа. Второе — военная база. Поэтому там есть мы — военные.

— Я думала, вы для охраны.

— И для этого тоже, — кивнул Брэн. — Ты сама подумай, Инусь, зачем на научном судне штурмовики, истребители, разведчики и прочие военные специальности? Посмотри на размеры «Аттарии» и вспомни, сколько у нее уровней, и сколько народа ты видела. Ты не видела и сотой доли того, что есть на корабле. Если империю втягивают в военные действия, то участвуют всего пять-шесть баз, подобных нашей. Одна только «Гордость Аттарии» вмещает в себя целую космическую флотилию, не считая людей, для космических, воздушных и планетарных действий. Мы и приземляемся только на тех планетах, которые способны принять

нас. На остальные попадаем через зал перемещений.

— Ужасное место, — передернула я плечами. — Но если вы такие опасные, чего эти-то лезут?

— Бандиты, — пожал плечами Руся. — Этим все по колено. У нас есть, чем поживиться, значит, они попытаются это сделать.

Кругом ворье! Сокрушенно покачав головой, я озаботилась главным.

— Все это круто, но они могут навредить кораблю, да?

— Могут, — кивнул честный Руся, чтоб ему в девках всю жизнь проходить. — Как в вашем анекдоте про слона и муравьев: «Главное, завалить, а там ногами затопчем». — Брэн усмехнулся, я отвесила ему затрещину. — За что?

— За правду, — проворчала я. — А нас? Нас они могут заметить?

— Могут, — снова кивнул аттариец и поспешил успокоить, — но не заметят. Аттарийская маскировка одна из лучших, нас ни одна система слежения не видит. Инусь, не кипишуй ты, сейчас ребята слетают, навешают даарам по самые помидоры, и все будет за... хорошо, в общем, все будет. Скоро вернемся на базу, отобьешь Симу у главного, если она еще не откинулась, главный с первым тебя утешат... Кстати, у меня еще такого опыта не было, мы как-то все больше с выбранной парой, пусть и временной, расскажи, круто втроем? — Я округлила глаза, и Руся пахабненько так ухмыльнулся. — Солнце, мне сорок лет, и я прекрасно вижу, что у вас происходит. Сначала они кидались друг на друга, теперь вновь мир, а на тебя смотрят, как прежде. Значит, у вас там все сгладилось. Ну и как?

Вот честно, я даже все слова нехорошие забыла. Сидит, значит, этот аттарийский извращенец, на меня глазюками своими зелеными жадно пялится. Еще чуть-чуть и четвертым себя предложит, эксперимента ради. Так бы и врезала промеж глаз. Столбняк начал медленно спадать, я набрала в грудь побольше воздуха:

— Русь, ты дурак, да? Там пираты сейчас на «Гордость» нападут, а ты меня про разврат спрашиваешь. Еще в компанию попросись!

— А можно? — в глазах Брэна загорелась, прям, детская надежда.

— Нет! — рывкнула я.

— Ну и ладно, — не стал расстраиваться Руся. — И чего кричать-то? О, а вот и архангелы.

Я вгляделась туда, где виднелась наша «Гордость», и ничего не рассмотрела.

— Сюда смотри, — меня снова ткнули носом в экран. — Видишь рябь? Заслон выставляют, подбираемся поближе.

Штурмовик ожил, и аттарийская станция начала приближаться. Неспешно так, словно мы к нему подкрадывались. Впрочем, так оно и было.

— Брэн, на базу, — теперь в кабине зазвучал Димин голос. — Инночка, ты в порядке?

— В полнейшем, — ответила я и улыбнулась, представив серьезного командира и рядом с ним Рому, на лице которого застыла тревога. Хотя нет, Рома тоже, наверное, сейчас собранный, незнакомый, каким был, когда я пришла в себя после похищения, опасный и притягательный,

как и Ардэн. Чего-то даже в каюту срочно вернуться захотелось... И я еще на Русю ругаюсь, извращенка!

— Ты чего замолчала, Инусь? — выдернул меня из моих фантазий дружба, и до меня дошло, что он просто отвлекает меня, не давая поддаться страху и панике. Что, впрочем, не помешало мне покраснеть, словно Русик мог увидеть мои мысли.

Гаденыш расплылся все в той же пахабной ухмылке, получил еще одну затрецину и глумиться перестал. Штурмовик набирал скорость, база все быстрее неслась навстречу, и я расслабилась, уже чувствуя скорое возвращение...

— Твою ж через колено, б... — выругался Руся, и нас на короткой миг ослепила вспышка.

— Что это?! — взвизгнула я, впиваясь пальцами в подлокотники, но Брэн, игнорируя меня, уже связывался с «Гордостью»:

— База, нас атаквали, — невероятно ровным тоном говорил он о самой жуткой жути, что могла произойти. — Даарейский крейсер, класс «Разрушитель». Повреждения пока незначительные, уничтожен первый щит.

— Крейсер? Русь, это страшно? — на нервной почве у меня обычно случалось словесное недержание. — Они нас убьют? Русь, если они нас не убьют, я тебя убью, совсем убью, на смерть, Русь! — пощечина оказалась такой неожиданной и обидной, что я даже задохнулась на первую пару секунд. Зато потом...

— Инна, тихо! — рявкнул Брэн, как только я набрала в грудь побольше воздуха. — Лучше спой что-нибудь, если молчать не можешь. Ты поешь, я нас вытаскиваю, все ясно?

— Пошел на хрен! — гаркнула я.

Затем зажмурилась, сжала кулаки, и меня разорвало незабвенным:

Врагу не сдастся наш гордый «Варяг».

Пощады никто не желает.

— Отлично, детка, вой дальше, — одобрил Руся. — Самое то.

— Я пою! — возмутилась я, не открывая глаз, и штурмовик ощутимо трянуло.

Руся выдал неперевоодимую тираду на моем родном языке и продолжил маневры. Сейчас я могла почувствовать изнутри то, что видела в тренировочном зале. Наш маленький кораблик швыряло в разные стороны. Мы металась от крейсера, как заяц от волка. По габаритам крейсер даарейцев превосходил нас, как стая волков, стоящих друг на друге, того зайца. Страшно было до икоты. На земле можно выжить, даже при падении самолета случаются чудеса, но как выжить в космосе при прямом попадании? Ой, мамочки... Мамочки...

— Инусь, не голоси, — велел Брэн, погладив меня по коленке. Машинально шлепнула ему по руке и выдала о гадах такой витиеватый заворот, где самым милым, добрым и цензурным было:

— Чтоб у них по жизни висело полшестого!

— Согласен, — кивнул Руся, входя в какую-то немыслимую петлю, от которой меня вдавило в кресло.

И мы развернулись мордой к крейсеру. Я даже руками лицо закрыла, когда увидела железную гору в огнях. Рядом с ней, словно мухи кружили мелкие кораблики, типа, нашего штурмовика. Руся уже успел натянуть наводящие очки, и я поняла, что мы будем отстреливаться. С этой минуты у меня не осталось ни одного ногтя, и я разом вспомнила все молитвы. Даже те, которые не знала. Ругательства, в принципе, тоже. Помянула всех: даарейцев, Русю, Рому, Диму, Симу и даже тетю Софу — самую вредную бабку из нашего подъезда.

Продолжая выписывать немыслимые пируэты, он вел огонь по даарейским катерам, так Руся назвал маленькие кораблики, окружавшие нас. Я не видела выстрелов, не видела светящихся пунктиров, как когда была в очках, но кораблики вспыхивали. Стоило кому-то подобраться ближе, как Брэн стрелял, уничтожая угрозу. Беда была только в том, что катеров было много, а штурмовик один. И нас снова потрянуло.

— База, уничтожены три щита, — каким-то очень спокойным голосом сказал Руся, после того, как нас вновь ослепило и потрянуло так, что у меня челюсть клацнула.

— Брэн, порву! — заревел на всю кабину Ардэн. — В бой не ввязываться! Уходи, помощь близко. Понял меня?

— Понял, тайлар командир, — ответил Руся и ушел резко вниз.

— Инна, Инночка, — позвал меня Дима. — Как ты?

— Ненавижу космос! — истерично взвизгнула я. — Ненавижу вас всех! Хочу домо-о-ой!!!

Я не герой, я совсем не герой. Я могу драться на эмоциях, могу огрызаться и выносить мозг, но я совсем не герой, который готов броситься грудью на амбразуру. Мама, как же я хочу к тебе...

— Маленькая моя, скоро все закончится, — уговаривал то ли меня, то ли себя Ардэн. — Скоро ты будешь в безопасности.

— На Земле?! — выкрикнула я, вытирая выступающие слезы. — Мама!

— Брэн! — рыкнул Дима.

— Все отлично, командир, снесли последний щит. Держимся, — бесшабашно ответил Руся и ответил на взгляд моих округлившихся глаз. — Или даарейцы, или главный с первым. Мне уже все равно.

— Правда, друг? — ядовито спросила я. — А мне вообще не все равно. Я жить хочу! Мне всего двадцать пять, и я ни разу не была замужем. И детей хочу, и дом — полную чашу. Мне не все равно, Руся! Понял меня, гадина такая? Если ты нас не вытащишь, я тебя и на том свете достану, извращенным образом достану!

— Да шучу я, Инусь, ты чего? — Брэн смущенно кашлянул. — Прости, не очень удачно.

— Вообще не удачно, — ответила я и отвернулась, вытирая новую порцию слез.

А потом нас снесло. Штурмовик крутанулся в вакууме и заглох. Я медленно обернулась к Русе, снимавшему очки.

— Что это? — одними губами спросила я.

— Инусь, прости, — растерянно улынулся он.

— Что? — пискнула я, испуганно оборачиваясь.

У нас на хвосте висели два катера. Они неспешно сокращали расстояние, мы медленно плыли в безвоздушном пространстве.

— Почему стоим? — неожиданно спокойным тоном спросила я.

— Нас вывели из строя. Мы металлом, солнце, — устало вздохнув, произнес Руся и откинулся назад, прикрыв глаза. — Подумай о чем-нибудь приятном. Умеешь погружаться в себя? Это, как переход в другую реальность.

Вот сейчас я дошла до степени, когда была готова убивать голыми руками, и единственный, кого мне хотелось убить, это был тайлар Брэн, погружавшийся в другую реальность.

— А ну, назад, сволочь, — рявкнула я, отдав долг. По роже врезала, вырывая Русю из нирваны воспоминаний. — Ты толком скажи, это конец?

— Твою мать, Брэн, я тебя наизнанку выверну, — снова рев Димы заполнил кабину. — Почему отключаешься?

— О-па, а может еще и рано заказывать панихиду, — усмехнулся Руся. — Тайлар командир, временная неисправность, пока трепыхаемся.

И тут Ардэн пообещал трепыхнуть Брэна лично, не забыв объяснить, как это будет происходить. Я даже не догадывалась, что такие позы существуют. Он говорил это так вдохновенно и в таких красках, что я невольно заподозрила Диму в наличии некоего не совсем традиционного опыта. Руся побледнел, потом позеленел, потом что-то прохрипел и, наконец, ответил:

— Б... — душевно растянув слово.

Тем временем катера окружили нас. Все с той же нарочитой медлительностью, повернулись округлым носом к штурмовику. Руся матернулся, и наш маленький кораблик взревел, как хороший трактор. Катера выстрелили одновременно, и штурмовик вновь резко нырнул вниз. Над головой засверкало, и я вскинула голову, глядя, как катера взрываются один за другим.

— Йа-ху-у-у, — заорал Руся.

Я бросила взгляд на вновь оживший экран и увидела, что над нами завязался бой. Кто-то из аттарийцев приблизился к нам, Брэн состыковался с ним, и нас потянули к «Гордости». Я еще какое-то время смотрела на вспышки в черноте космоса и устало прикрыла глаза. Так и сидела, пока Руся не сказал.

— Нет, все же первый ас. Как он их разом снес.

— Что? — я открыла глаза и посмотрела на аттарийца.

— Тайлар Грейн, — пояснил Руся. — Ин, ты чего? Ин, ты в обморок что ли падаешь?

Обморок? На хрен обморок, хотя было бы неплохо. Рома там?! Мой Рома там, где сейчас вспыхивают не понятно чьи аппараты? Истерика вновь подкатила, только теперь мне было страшно не за себя. Черт, да мне за себя так страшно не было! Застыв на месте, я уперлась

взглядом в экран, ни черта не понимая в том, что он показывает, но все пытаюсь увидеть моего синеглазого похитителя.

— Ты чего, Инусь? Первый и не в таких переделках бывал, успокойся, — попробовал меня подбодрить Руся.

— Рома там, — потрясенно прошептала я и перестала реагировать на Брэна.

Наверное, до меня только сейчас по-настоящему дошло, что мои мужчины военные, и чем это может грозить. Когда мы опустились в ангар, и люк откинулся, я все еще сидела в прострации. И когда Дима вытаскивал меня из кабины, что-то быстро и горячо говоря, и беспрестанно целуя меня, я тоже молчала. И лишь когда Ардэн нес меня по коридору, я сильно-сильно обняла его за шею и разрыдалась.

Дима принес меня на мостик, усадил в кресло и единственное, что я уловила, были слова:

— Ну а теперь по-взрослому.

После этого на мостик явился один из медиков, хотел забрать меня, но, встретившись с глазами легара, просто влил мне что-то в рот и исчез. Меня вынесло в другую вселенную, где какое-то время плавала в вязком тумане, находясь в странном состоянии сна и бодрствования одновременно. Временами я слышала команды, которые отрывисто отдавал Ардэн. Иногда голоса пилотов, заполнявшие рубку. Кажется, был голос Ромы, спрашивавший что-то про меня.

Состояние было тяжелым и даже неприятным, словно мне дали наркоз, и сознание не до конца уснуло. Дима время от времени наклонялся к моему лицу, всматривался в глаза, что-то шептал и снова возвращался к своим обязанностям.

— Крейсер заблокирован, — в какой-то момент услышала я и кое-как стряхнула с себя оцепенение.

— Рома, — тягуче, будто мой рот был замазан жвачкой, произнесла я. — Где?

— Ты проснулась? — Дима тут же опустился передо мной на корточки. — Спи дальше, радость.

— Я не спала, — все так же заторможено ответила я. — Эску-улап га-ад, опои-ил.

— Странно, — Дима на мгновение отвлекся, и я попробовала встать.

Ни одна часть тела не хотела слушаться меня. И если бы не высокая спинка, то и голова бы, наверное, откинулась назад. Ардэн метнулся к нескольким полупрозрачным экранам, отдал указания и снова посмотрел на меня. Мне пришло в голову, что он похож на шахматиста, ведущего сеанс одновременной игры с несколькими противниками. Только фигурами были живые люди, и мне стало жаль моего легара. Слишком большая ответственность. Командир — это только звучит красиво. Хотела протянуть руку, но она так и не поднялась. Потом...

— Рома, — снова спросила я.

— Он еще там, родная, поспи, — ответил Дима продолжая свою партию. — Первый клин истребления! Вашу мать, куда вас несет?..

Глаза ненадолго закрылись, но я заставила себя снова посмотреть на Ардэна. Он выглядел непривычно, малознакомо, но все равно был родным, и это немного успокаивало. Почувствовав

мой взгляд, Дима обернулся. Он подошел ко мне и нагнулся к самому лицу.

— Не спится? Я помогу, — прошептал он, целуя меня в висок, и в шею укусил старый добрый неправильный комар, как в день моего похищения с Земли.

Когда я пришла в себя, то обнаружила себя на том же мостике, только присутствовал здесь единственный вояка, устало улыбнувшийся мне и сказавшийся, что все закончилось. На вопрос о командире, военный просто махнул рукой, коротко сказав:

— Там.

Где, так и не смогла добиться. На мостике меня не удерживали, и я выбралась в коридор. Голова еще немного плыла, и пришлось опереться на стену. Я прислушалась, пытаюсь выяснить, кто и где находится. Недалеко послышались шаги, и я направилась в ту сторону. Очередной тайлар вынырнул мне навстречу, склонил голову в приветствии и направился дальше.

— Где тайлар Грейн? — спросила я.

— В мед. блоке, — ответил аттарыец.

— Что с ним? — мой голос сорвался, и мужчина остановился.

Он подошел ко мне и внимательно посмотрел.

— Вам стоит вернуться в свою каюту, — вместо ответа произнес он.

Мне показалось, что «Гордость» развалилась пополам, и я лечу в открытый космос. Воздуха стало катастрофически не хватать, ноги подкосились, но протянутую ко мне руку оттолкнула. Мне понадобилось несколько минут, чтобы собраться с мыслями и вспомнить, где находится мед. блок. Господи, как же весело все начиналось, и как закончилось?!

— Ромочка, — прошептала я, выдохнула и зло утерла слезы.

Мама говорила, что панихиду по покойнику служат, так зачем я уже начала отпевать любимого мужчину? Ну уж нет! Может, Ромка ногу подвернул, выбираясь из своей машины, а я тут сопли по полу размазываю, дура! Эта мысль придала сил и уверенности. Я прибавила шаг, а вскоре и вовсе побежала, отгоняя от себя дурные мысли.

Когда я уже была у цели, дверь открылась, и из лазарета вышел Дима. Увидев меня, он спешно шагнул навстречу, взял за плечи и заглянул в глаза.

— Проголодалась? — задал он нелепейший вопрос.

— Я хочу увидеть Рому, — ответила я, пытаюсь вырваться и войти в мед. блок.

— Инночка, завтра, хорошо? Пойдем поедим, отдохнем, — терпеливо, как с маленьким ребенком говорил Ардэн.

— Что за на хрен?! — заорала я. — Что с Грейном?!!

— Его сбили, тайлари, — ответил медик, появившийся в этот момент в коридоре. — От тайлара Грейна мало, что осталось.

Дима резко обернулся и впился взглядом в белого.

— Еще чудо, что что-то осталось. От таких попаданий обычно вообще...

— Заткнись ты, слышиш-шь, — яростное шипение ударило по ушам.

Дима метнулся к медику, впечатывая его в стену. Он занес руку для удара, но стремительно обернулся ко мне и отбросил врача в сторону. На моем лице, кажется, блуждала глупейшая из улыбок. Как-то не доходил смысл того, что сказал мужчина в белом комбинезоне. Мало что осталось? После таких попаданий вообще, что? Ничего не остается? Но раз он в мед. блоке, значит, живой, да? Ведь так? Или здесь их морг? Морг...

В голове окончательно помутилось, и я тяжело осела на пол. Дима поднял, встряхнул за плечи и заглянул в глаза.

— Инна, все хорошо, слышишь? Все будет хорошо. Ром сильный, слышишь? Рома...

— Рома? — я, наконец, ухватилась за дорогое имя. — Он там? Я хочу его увидеть. Дима, я хочу...

— Там не на что смотреть, — снова вмешался медик. — Просто горелый кусок мяса.

— Закройся, придурок! — заорал на него командир, после поднял на руки меня и уверенно направился прочь от мед. блока.

Я вырывалась, кричала, требовала, чтобы мне дали остаться рядом, но Ардэн уносил меня все дальше, и когда моя истерика достигла апогея, снова сделал укол, погрузивший меня в сон.

— Сволочь, — выдохнула я и вырубилась.

Следующее пробуждение было уже глубокой ночью. Дима спал рядом, тихо посапывая мне в плечо. Я повернула голову, но Ромино место было нетронутым. В груди разлилась омерзительная пустота, словно из меня вырвали часть души. Я села, подтянула колени к груди и заплакала. Дима тут же проснулся и сел рядом, обнимая меня.

— Маленькая, послушай, — я вскинула на него глаза, и Ардэн осторожно стер мои слезы, тыльной стороной ладони. — Да, Грейн попал под перекрестный огонь, аппарат взорвался, и система жизнеобеспечения сработала медленней, чем должна была, огонь успел сильно повредить тело перед тем, как капсулу подобрали и вернули на базу. Ром, правда, очень сильно обгорел. И если бы он был землянином, то погиб бы мгновенно, но наши организмы гораздо сильнее и совершенней ваших. К тому же наш уровень медицины. Не забывай, какие аппараты стоят в мед. блоке. Даже карманный регенератор исцелил, не оставив даже шрама от раны, которая была у тебя. И это менее чем за час. Универсальные регенераторы способны восстанавливать ткани полностью даже после таких жутких ожогов. Только нужно больше времени. Понимаешь? Два-три дня точно. Обещаю, как только кожные покровы восстановятся, мы сходим в мед. блок, и сможешь сама убедиться. Слышишь?

Я кивнула и уткнулась в плечо Ардэна. А если просто успокаивает?

— Я тебя не обманываю, — тихо сказал он. После приподнял голову за подбородок и заглянул в глаза. — Он жив и через несколько дней будет здоров, правда.

Дима легко коснулся моих губ и снова уложил, крепко прижимая к себе. В эту ночь я так и не

уснула, думая о Роме и о том, что ему пришлось пережить. Сердце мое сжималось от боли и жалости, но я старалась не плакать, потому что сразу же просыпался Дима. А он был уставшим, это сразу бросалось в глаза, и мне не хотелось ему мешать.

— Я люблю тебя, — произнесла я одними губами, глядя на закрытые глаза Ардэна. — Я люблю тебя, — послала я мысленное признание Роме.

— И мы тебя, радость, очень, — ответил Дима, но, кажется, он так и не проснулся.

Глава 21

Следующие два дня прошли в заточении. Дима уходил, приходил, но меня не выпускал из каюты, извиняясь за это и прося немного потерпеть. Было тяжело. После того, как Дима в первый день нашел меня с красными глазами и распухшим носом, он реабилитировал Симу. Отмотавшая срок заключения длиной чуть более суток, Серафима ворвалась в каюту, шандарахнула меня несильным разрядом, потом облила водой с ног до головы и устроила вокруг водяной вихрь. Ручек-то настоящих нет, чтобы повиснуть на шее, вот и выражала свою радость, как могла. Ну и выдавала очередные перлы, естественно:

— Инусь, ну как вы тут, пока я чалилась? Пахан не прессовал? У параша не держали? Ты нормальная кентовка, без бздюме...

— Сима, ша! — гаркнула я. — Закрой ботало.

— Уважуха, сестренка, — важно кивнула Сима. — Чефирнуть хочешь? Я тебе притаранила.

Мне вручили напиток, естественно, далекий не только от чефира, но и от обычного чая. Это был слабоалкогольный коктейль. Его выпила, не препираясь. Сима понаблюдала за мной и вздохнула:

— Знаю, все знаю, душа моя. Приболел наш соколик, крылышки-то ему подломили, как есть подломили.

— Сим, без тебя тошно, — поморщилась я. Затем подняла голову и с надеждой посмотрела на нее. — Сим, выпусти меня из каюты, мне очень к нему надо.

Серафима даже пальцем у виска повертела.

— Ты, что?! Меня же по УДО выпустили. Кэп сказал, один косяк и уже надолго закроет. — И смягчилась: — Не могу, Инусь. Рада бы, но сама понимаешь.

— Ну хоть покажи мне его, — взмолилась я.

— Это сколько угодно. Только все равно ничего не увидишь.

Передо мной развернулся экран, и я увидела регенератор, по форме — копия наша капсула — торпеда, только половинки не разного цвета, а белоснежный. Еще были огоньки и панель управления. И больше ничего я не увидела, как говорила Сима. Единственное, что она мне пояснила, что по всей этой светомузыке видно, что состояние стабильно улучшается, и пациент идет на поправку.

— Ему больно, — всхлипнула я.

— Я тебя умоляю, подруга, — иронично протянула Система. — Во-первых, у них болевой порог

такой, что ты успеешь двадцать раз ласты склеить. Во-вторых, это же аттарийцы, кто же ему страдать позволит? Погрузили в сон до исцеления, и всего делов. Еще и вытравили все воспоминания о боли. Что случилось, он помнит, а что чувствовал, нет. Никаких тебе кошмаров и всяких там синдромов. Ты думаешь, это в первый раз?

— А нет? — я удивленно посмотрела на Симу.

— Да их всех тут отрачивают заново. Кэпа, после стычки с хананами, это твари такие ядовитые, но разумные, принесли чуть не до скелета разъеденного, лица вообще не было. А посмотри сейчас, красавец! Тайлару Грейну два пальца новых вырастили. Русик твой, вон, того после одного из боев думали и регенератор не возьмет, попер на таран, дурень, друга прикрывал, и ничего, живет и радуется. В карцере пока радуется, но ничего, и там люди живут. И это я тебе про единичные случаи рассказала. Так что, не волнуйся.

— Легко сказать, — проворчала я, вдруг понимая, что я так жить не смогу.

Вот не смогу и все. Если я буду ждать их на земле, хоть своей, хоть аттарийской, я же сума сойду! Что с ними, как они? И это не за одного даже трястись, а за обоих. Если бы служили «при штабе писарем», или на складе тушенку выдавали, а они же боевые офицеры. Мама дорогая, не выдержу я.

— Ты чего приуныла, Инусь? — Сима оказалась совсем близко. — А хочешь с Русей поболтать? Я вас соединю.

— Давай, — со вздохом ответила я.

И вновь передо мной появился экран... с которого неслись страстные стоны. Мой дружбан самозабвенно двигал чреслами на брюнетистой аттарийке. Я поправила съехавшую челюсть и махнула Серафиме рукой.

— Неожиданно, — задумчиво произнесла она. — Тайлару командиру что ли доложить, как нынче заключенные срок мотают.

— Сим, ты же сама только что откинулась? На своих стучать будешь? — усмехнулась я и потрогала пылающие щеки. Во, чуть не спалилась! Еще бы и вуайеризм приписали. Кстати... — А что за деваха с Русей?

— Так его временная пара, она из ученых, — пояснила Система. — Они, то расходятся, то сходятся. Вот, опять сошлись, а до этого месяц как были расставшись. А, — она махнула ручкой, — дело дурное не хитрое.

Не хитрое, знамо дело. То, что эта пара, скорей всего, существует из-за секса, пока «Гордость Аттарии» выполняет свою миссию, я догадалась из уже имеющейся у меня информации. Военный и ученая — разные сословия, разные генотипы, никаких совпадений. Значит, расстанутся, в любом случае. Зато сейчас не скучно. Наверное, так здесь у многих. А как иначе, живые же люди. Вот и у моих мальчиков стерлядь была, тьфу. А может, и не только она. На фиг, не буду спрашивать, еще расстроюсь, Диму подушкой придушу, потом Рому, когда из регенератора выберется. Сначала в объятьях, а потом подушкой. А так-то пусть народ жизни радуется. Они все привитые, никаких залетов, пока блок не снимут. Мне Рома об этом еще после нашего первого раза рассказывал. Гуляй, не хочу.

Затем мои мысли сменили направление.

— Сим, а сейчас-то за что Русю упекли?

— В этот раз за то, что в бой вступил, надо было уматывать, — пояснила Система. — Командир бесится, видно, за тебя перенервничал. А когда вас еще и импульсом обработали, так тут всем чуть армагеддец местного масштаба не случился. Это я уже у аварийной Симы подсмотрела.

— Говори по-русски, — возмутилась я.

Сима насупилась.

— Деревенщина-засельщина, — приласкала она меня. — По пальцам. Аттарийский штурмовик обладает четырехуровневой защитой, так называемыми щитами. Снести их разом нельзя, только один за другим. Пока хоть один щит прикрывает аппарат, к нему не подобраться. Но под таким огнем, под какой вы попали, удержать защиту было нереально. Вас одних атаковали и крейсер, и катера. Так вот, когда щиты были пробиты, вы еще могли барахтаться и дальше, пока подмога шла. Но даарейцы, знакомые с нашей техникой, сразу вырубili систему управления и жизнеобеспечения импульсным разрядом. Кстати, эта система интересная, самовосстанавливающаяся. Правда, сила импульса тоже не последнее значение имеет, вас обработали не сильно, потому в хлам вы превратились ненадолго. Но пока система себя сканировала и перезапускала, вы могли хоть на голове стоять, ни фига бы не сделали.

— А ручное управление? У них же есть, — на всякий случай уточнила я.

— Душа моя, а оно, по-твоему, от чего работает? Куда команду отправлять на смену управления? Все на штурмовой Симе завязано, потому она и самовосстанавливающаяся, чтобы пилот не попал... хм-м, в глубокую Симу. — Она хихикнула и продолжила: — В общем-то, гадам многого и не надо было, только обезвредить и всадить вам между глаз, — закончила Серафима, глядя на меня с иронией.

Ну, коль пошла такая пьянка...

— Руся расхваливал аттарийскую маскировку, а к нам близко подошли, мы их даже не заметили.

— На каждую хитрую гайку найдется болт с резьбой, — философски заметила Серафима и похабно заржала. — Даарейцев тоже не пальцем делали, разобрались умельцы. Кэп на Родину доклад уже настрочил и отправил, пусть умники головы ломают. Десерт хочешь? Кино? Может, комедь тебе какую-нибудь? — она так резко сменила направление разговора, что я даже немного потерялась.

Дверь открылась, и вошел Дима. Теперь мне стала понятна такая поспешная перемена. Наверное, командир велел не говорить со мной на тему нападения, боясь за мою тонкую душевную организацию. Заметив, что я не лежу, уткнувшись лицом в подушку, а вполне себе оживленно болтаю с Симой, Дима улыбнулся и присел рядом со мной. Я откинулась назад, прижимаясь к Ардэну спиной, и тут же оказалась под защитой сильных и любящих рук.

Он недолго пробыл в каюте, но после разговора с Симой и тепла, которое шло от моего второго любимого мужчины, мне стало полегче. Может, будь я аттарийкой, для меня произошедшее не было бы таким болезненным, но я землянка и не могу реагировать иначе на несчастье, случившееся с близким мне человеком, принимая на себя его боль. И хоть слова Димы и Симы звучали обнадеживающе, окончательно я смогу успокоиться только тогда, когда увижу Рому здоровым и невредимым. Но, наверное, никогда не смогу забыть тех кошмарных минут, которые я провела под дверями мед. блока, слушая медика.

Второй день прошел в изматывающем ожидании. Сима крутила мне старые комедии, отвлекая вкусняшками и болтовней. Дима сводил меня к ученым, в ботанический сад, где жили милые безобидные зверюшки. Прогулка вышла приятной, но все равно грустной. И когда мы вернулись в каюту, я выпустила на волю Масю и Васю, вдруг решив, что они тоже имеют право на прогулку. Как результат, мы с Димой проснулись на полу, вокруг опять разруха, и только два счастливых ридара радостно хрустели дожираемой мебелью.

— Вандалы, — сообщил им Дима, сжимая в ладонях миленькие комочки шерсти, так и не выпустившие из цепких лапок остатки нашей кровати.

— А-а-а, — басовито выдохнула Мася и вырубилась, трогательно обняв лапками Димин палец.

— Ня-ама, — пропищал Вася, вырубаясь с недожранным куском в зубах.

— Любимая, ты ими все еще дорожишь? — задумчиво спросил Ардэн.

— Не тронь няшей, — я отняла ридаров у кровожадного командира и отправила их в родную клетку.

— Сима, работай, — велел Ардэн и утащил меня к себе в каюту.

Оттуда мы вернулись обратно буквально через двадцать минут, после того, как я вспомнила, что там ночевала стерлядь, а Дима получил-таки подушкой по растерянной физиономии. Не мог он понять, видите ли, отчего у меня из ноздрей пар валит. Каюта-то его. А то, что я, прям, вижу, как он тут эту... бр-р.

— Но у Грейна она тоже ночевала когда-то, ты же спокойно там жила, — возмутился Дима. Получил второй раз подушкой, пошипел на меня, получил за это в третий раз, и мы вернулись в родные пенаты.

В общем, моя нежная женская душа так и осталась непонятными потемками для бесчувственного легара. За это тоже получил, но уже дома. Ардэн оскорбился и еще некоторое время терроризировал меня, требуя извинений в виде комиссарского тела.

— Да пойми ты, не могу я удовольствие получать, пока кому-то из вас плохо, — попыталась я достучаться до озабоченного рептилоида.

— Грейн завтра выходит из мед. блока, — ответил Дима. — Если хочешь, можем даже его торжественно забрать оттуда.

— Хочу! — жарко ответила я.

— А ломалась-то, — хмыкнул змей, истолковав мой ответ в свою пользу и... добился своего. А что? Я не железная, а Дима умеет уговаривать... стервец.

А утром мы отправились за Ромой. Дима, измерив шагами каюту вдоль и поперек, упал на кровать, заложив руки под голову, и тяжело застонал.

— Ра-адость, — страдальчески протянул он.

— Да-да, милый, — машинально ответила я из шкафа, откуда уже около часа торчал только мой зад, пока я выбирала, что надеть.

Дима успел многозначительно посопеть мне в спину, симитировать половой акт, активно

двигая бедрами в мою отключенную часть тела, доимитировался и начал приставать на полном серьезе. Пришлось начать ролевые игры. Я взяла на себя роль лошади и лягнула озабоченную особь мужского пола. Особь оскорбилась и подкатила более конкретно. Несмотря на ожесточенное сопротивление, оборона была сломлена, и пришлось начинать сборы заново после некоторой задержки.

Я снова ушла в шкаф, велев даже не смотреть в мою сторону. Теперь я точно знала длину и ширину каюты в Ардэнах. Потом я выучила несколько новых ругательств на незнамо чьем языке, их мне перевела Сима, вышло круче русского мата. А я еще убивалась, что развратила аттарийцев. Да они сами испортят кого угодно!

— Инна-а-а, — ныл Дима. — Счастье мое, ты же не на прием к императору собираешься, а в мед. блок за Грейном. Если еще провозишься, он сам дойдет, и никакой тебе встречи.

— Бессердечный! — указала я на него обличающим перстом, выбираясь из шкафа, куда Сима перетащила все мои обновки.

— Сердечный я, Инусь, я такой сердечный, что самому завидно, но сейчас у меня точно случится разрыв сердца, мозга и терпения, — уверил меня Ардэн.

— И за что я тебя люблю? — вздохнула я, натягивая... черное платье. Ага, Ромино любимое, ничего лучше не придумала, сколько ни рылась в тряпье, примеряя то одно, то другое. Пусть уж моему синеглазику будет приятно.

— А меня можно не любить? — искренне удивился Дима.

— Балбес, — усмехнулась я, притягивая его к себе для поцелуя.

Мы быстро дошли до мед. блока. Меня буквально распирало от нетерпения. Ардэн ворчал, что ему уже интересно, неслась бы я так за ним. Легкая ревность проскальзывала в голосе, и я остановилась. Развернулась и дала под дых.

— Дурак что ли? Смерти моей хочешь? Я просто не переживу, если с кем-то из вас опять случится нечто подобное, — возмущенно спросила я.

— Шучу я, радость, — улыбнулся Дима, и я показала ему кулак.

Мы еще обязательно поговорим о том, что меня волнует, но потом, не сейчас. Сейчас я влетала в местный лазарет, едва вспомнив, что хорошие девочки здороваются при встрече с людьми. Дима подвел меня к той самой «торпед», в которой лежал Рома. Я несмело заглянула в окошко и всхлипнула, глядя на еще спящего умиротворенного мужчину, на котором не было и следа от ожогов.

Эскулап вежливо подвинул меня и открыл регенератор. Я застыла, жадно разглядывая мое синеглазое счастье. После протянула руку и погладила его по лицу. Слезы навернулись на глаза, когда пушистые черные ресницы дрогнули, и веки медленно поднялись. Такие родные и любимые глаза затянули меня в знакомый синий омут.

— Ох, Господи, — я зажала рот рукой, — Ромка.

— Инночка, — он порывисто сел, отвел мою руку от лица и провел пальцем по щекам, стирая слезы, — почему ты плачешь? Тебя кто-то обидел?

Взгляд Ромы метнулся мне за спину, затем снова вернулся ко мне, и я мотнула головой.

— Нет, просто я очень соскучилась, — тихо ответила я, поймав его ладонь и прижав к своей щеке.

— Дмирт, — голос Ромы прозвучал хрипло, — ты не мог бы...

До меня донесся короткий смешок Димы, и он уверенно погнал возмущающихся врачей на выход. Дверь закрылась, и мы остались наедине. Рука Ромы коснулась панели, и капсула стала шире и глубже. Затем он ухватил меня и втянул к себе, укладывая рядом.

— Рома! — воскликнула я.

— Я тоже соскучился, очень-очень, — сказал Грейн, завладевая моими губами.

— Но ты же только после такой травмы! — попробовала я возмутиться и услышала:

— Сердце мое, нужно проверить, как все работает.

Я посмотрела в наглую физиономию этого, с позволения сказать, инвалида, опустила взгляд на объект испытаний, уже жизнерадостно салютовавший мне во всей боевой красе, и усмехнулась.

— Вроде все функционирует.

— Вроде — недопустимый критерий оценки, — сказал принципиальный тайлар Грейн.

— Тест-драйв, — хмыкнула я, и крышка регенератора закрылась. Выдумщик...

Когда регенератор снова открылся, в блоке находился только Дима, дремавший в кресле, и закинувший ноги на стол главного белого. На тихое шипение крышки он открыл глаза и потянулся, затем указал на одежду, лежавшую на столе, и возмущенно посмотрел на нас.

— Совесть есть? У меня медики в карцере томятся, стоны из Брэновской камеры слушают.

— Почему в карцере? — удивилась я, натягивая платье.

Дима проследил за процессом моего одевания, вздохнул и отвернулся.

— А куда мне их было? Они сюда лომались, я один их напор уже не выдерживал. Не вызывать же было один из клиньев, пока вы тут регенератор раскачиваете, — усмехнулся Ардэн. — Грейн, выйти отсюда совсем не спешишь?

— Я очень соскучился, — невозмутимо ответил Рома, быстро облачаясь в комбинезон.

— Я уже тоже, — на меня многозначительно посмотрели коварным взглядом рептилоидных глаз.

— Подарю вам по резиновой кукле, — пробурчала я, осторожно продвигаясь к двери на подрагивающих ногах. — Инка у вас одна, маленькая и хрупкая, а вас огромных озабоченных бабуинов двое.

Дима перехватил меня, втиснул в свое тело и посмотрел сверху вниз, сияя акульим оскалом:

— И у нас есть регенератор, — с намеком произнес он. — Восстановим, починим и снова залюбим.

— Мама, — судорожно вздохнула я.

Оба озверелых аттарийца заржали, и я оказалась зажата с двух сторон. Ромины руки скользнули мне на бедра, Димины покоились на талии, и я себя вдруг почувствовала уютно и надежно. Хотя были опасения, что клаустрофобия от двух сдавивших стен тоже может случиться, но от двух теплых взглядов все опасения быстро развеялись, обратившись в прах.

— Не переживай, радость, — уже нежно проворковал Ардэн, — мы не навредим тебе.

— Никогда, — с улыбкой поддержал Рома. — Любимая.

— Любимая, — эхом отозвался Дима.

Ну вот что с ними делать? Умилилась на фиг до слез. Поцеловала одного, затем второго и удовлетворенно вздохнула. И все это мое!

— Тайлар командир Ардэн, — вклинился в нашу идиллию голос Симы, — медики лютуют, расправой грозят. Стучать собрались.

Мои мужчины переглянулись, слаженно вздохнули, и мы покинули мед. блок. Меня проводили до каюты и отправились утихомиривать бушующих медиков.

— Рома же только из больницы, — возмутилась я.

— Да на нем пахать надо, — возмутился в ответ Дима, Рома скромно промолчал, томно закусив губу и поглядывая на меня.

Возражений больше не нашлось, и мужчины, поцеловав меня, ушли в сторону карцера. Кстати, Русинной подруге Дима сам посещения разрешил, когда немного отошел, так что стонали они там на законных основаниях. Проводив их взглядом, я вернулась в каюту и огляделась.

— Сима, нас ждет большая стирка, — возвестила я, и началась подготовка к вечеру.

Хотелось отметить возвращение второго мужа домой, да и просто порадовать моих бравых вояк. И вскоре в каюте сменился интерьер. Кровать временно исчезла, зато появился небольшой подиум с шестом, на котором я вертеться не умела, но потереться задом об него, поизвиваться там, вполне могла. Так же появилась барная стойка. А кто его знает, куда меня вдохновение занесет. Впрочем, там же предполагалось сидеть и моим мальчикам, так что точно занесет. Сима устроила красивую подсветку, мы выбрали музыку, выбрали меню, я снова зарылась в шкафу, готова наряд.

У нас была подготовлена и смена декораций. Из зала стрип-бара в комнату со свечами и камином, ну и шкура перед камином, разумеется. Мы прорепетировали с Серафимой, смена обстановки выходила быстрой и просто волшебной. Мальчикам было запрещено заявляться в течение дня, чтобы не мешать творческому процессу, и чтобы не палили сюрприз раньше времени, потому Сима, рискуя свободой, закрыла допуск сюда даже для голографической связи.

Мои мужчины примчались, играя желваками, готовые к новым потрясениям, но я вылезла к ним, сунула в нос кулак, сначала одному, затем второму, сказала, что у меня болит голова, и до

вечера я их видеть не желаю. Они посопели, поворчали, облапали и ушли. Я вернулась в каюту, и мы продолжили подготовку. В общем, вечера я ждала в радостном предвкушении и волнении, репетируя свои безнравственные танцы. Какие картины рисовало мое воображение, не передать. Сима все порывалась учебное пособие мне показать, но я отказалась. Сами разберемся. К примерному моменту возвращения тайларов я была во всеоружии и выдвинулась на позицию.

По задумке выходило так. Мужчины заходят, звучит музыка, мерцает подсветка. Администратор Серафима провожает их к барной стойке, наливает коктейли. Сима обработала имеющиеся у нее записи, и на подиуме, на разогреве будут крутиться голограммы. У нас была разработана небольшая программа, а потом голос из ниоткуда объявляет звезду шоу — Великолепную Инессу, меня то есть. Ну и шоу начинается.

Наконец, пришел вечер... а мои мужики нет. Устав ждать, я позвала Симу, и она явилась, виновато опустив голову.

— Инусь, они не придут, — сказала Серафима.

— Почему? — опешила я. — Обиделись?

— Вот, — и передо мной развернулся экран.

Знаете, что я почувствовала? Осознание. ВСЕ МУЖИКИ ОДИНАКОВЫЕ!!! Да-да, именно метровыми буквами! Они бухали! Пошло бухали с медиками в каюте командира. Может, у них не было водки, соленых огурцов и прочих атрибутов обычной пьянки, но спутать мирные переговоры и обычное бухалово было невозможно. Пьяными в дым были все. Главный эскулап навалился на Диму:

— Ты знаешь, как я тебя уважаю? Вот так я тебя уважаю, — перед носом легара сжался пудовый кулак, и медик душевно потряс им. — Мужик... Ты настоящий мужик, Дмирт, — снова потряс кулаком и кивнул. — Уважаю.

— А как я-то тебя уважаю, — рванул на груди комбез Дима. — Ты же не человек, человечиче!

Рома мерился силой на руках еще с каким-то белым. Вокруг них голосили собутыльники, и про меня, похоже, вообще никто не вспоминал. Я думала, у меня зубы раскрошатся, так отчаянно я ими скрипела от злости. Такой дурой себя сейчас чувствовала. Стриптиз, камин, шкуры, тьфу! Алкашины...

— Выпьем, — главный эскулап поднял свой стакан. — Хочу выпить за тебя, Дмирт.

— Выпьем, — кивнул Дима. — За Инну!

— Да мы за нее весь вечер пьем, — возмутился кто-то.

— Что? — Рома свирепо сверкнул глазами. — Ты имеешь что-то против Инны?

— Я? — медик помотал головой. — Святая женщина.

Мои мужики расслабились, и за Инну выпили все кому не лень.

— А ты знаешь, какие у нее глаза? — Ардэн подпер щеку кулаком. — Как звезды.

— За глаза Инны, — тут же отозвался главный эскулап.

— Такая хрупкая, такая нежная, — вздыхал на другом конце стола кривой, как бумеранг Рома.

— Паразиты, — усмехнулась я. — Сима, меняем программу.

Глава 22

Когда они, наконец, вползли в каюту — и как только совести у этих гамадрилов хватило — их все-таки ждало представление. Только извивался на подиуме Фредди Крюгер, закончивший свой эротический пассаж распальцовкой печально известной перчатки. Красиво так раскинул, как веер, звякнув лезвиями:

— Для вас сообщение, — сексуальным голосом сообщил Фредди.

На его месте появилась я, вся такая в неглиже и в шляпе. В моих руках звонко щелкнули секаторы.

— Сунетесь, кастрирую, — пообещала моя голограмма, снова перетекая в образ Фредди Крюгера. Раздался дьявольский смех, и из его рта вылетел серый дым, превратившийся в черепа с горящими глазами, и они понеслись на двух офигевших аттарийцев.

Гулко сглотнув, мужики поспешили лечь спать, в своих каютах. А утром, когда они открыли глаза... На кровати каждого, красиво прогнувшись, стоял на четвереньках все тот же Фредди. Он вильнул попой с пушистым хвостом, кокетливо махнул ручкой в опасной перчатке и рычащим голосом сказал:

— Ну привет, сладкий.

— Что это? — сипло спросил Рома.

— Это белочка, милый, — ответил Крюгер.

Ардэн не стал задавать вопросов, он выразился коротко и емко:

— Охренеть, допились, — снова уронил голову на подушку и беззастенчиво заснул, несмотря на выкаблучивающегося Фредди. Ну а что, на флот слюнтяев не берут.

Сама я провела ночь в каюте Руси, которого, похоже, забыли в карцере, но он по этому поводу не грустил, продолжая свои брачные игрища. Но я попала удачно, они как раз с подругой ничем не занимались и были даже одеты. Разговор был коротким.

— Русь, я буду спать в твоей каюте, не против?

— Без базара, Инусь, пользуйся.

— Кто это, Рус?

— Ты че, телыч, это же Инусик, своя в доску.

— Удачного вечера, — поспешила я закончить разговор, и Сима прервала связь, оставив Брэна отчитываться перед подругой.

За происходящим в своей каюте, а так же утром в каютах командира и первого помощника, я

следила через Серафиму, разбудившую меня оба раза. Она аж повизгивала от нетерпения и желания насладиться зрелищем. Дружно похихикав, мы угомонились, и я тоже упала досыпать, пока не начались мои розыски по всему кораблю. И быстро находиться я не собиралась.

В третий раз Сима разбудила меня счастливым:

— Инусь, зацени!

— Что там опять? — проворчала я, садясь, но глаза не спешила открыть.

— Смотри, говорю! — гаркнула на меня Система.

Я открыла один глаз, посмотрела и открыла второй. Мальчики, помытые, побритые, с совершенно невинными глазами входили в мою каюту. А там... Тяжелое свинцовое небо нависло так низко, что даже у меня, зрителя, появилось ощущение тяжести на плечах. Вместо мебели каменная дорога, по которой закручивалась пыль, мчались перекасти-поле, и только вддали одинокая женская фигура, бредущая по этой дороге, зябко обхватила себя за плечи. Ветер взметал ее волосы, задирали подол платья, и ощущение тоски и одиночества было таким осязаемым, что я тяжело вздохнула.

А потом загремел гром, сверкнула молния, и на землю обрушился ливень. А в густой пелене дождя начали хаотично вспыхивать картинки.

— Сима, я хочу устроить им праздник! — в кадре мое лицо с сияющими глазами и счастливой улыбкой.

Вот я с энтузиазмом руковожу декорацией номер раз.

— Я очень хочу, чтобы им понравилось!

Стою у шеста, мечтательно прикрыв глаза.

— Мои мальчики достойны того, чтобы для них старались.

Выбираю наряд.

— Им ведь понравится?

Изгибаюсь в танце. Сажу на барной стойке в соблазнительной позе (Симины фантазия, не сидела я на ней, только на прочность проверяла). Смотрю на себя в зеркало, причесывая волосы.

— Я так жду их... — тоже Симины обработка.

И финал — декорации с пылающим камином и свечами. Я раскинулась на шкурах и призывно смотрю на двух застывших мужчин. А следом: пьяные морды Ардэна и Грейна, мужской смех и нетрезвые громкие разговоры.

— Куда спешить, давайте еще посидим, — заплетающимся языком говорит главный медик. — За Инну?

— О-о, — это мои алкаши. — Это святое. — Они снова бухаются на свои места, и пьянка продолжается.

В этот момент картинки исчезают, и девушка на дороге оборачивается, глядя на аттарийцев глазами, полными слез.

— Инна, — подавшись вперед, позвал Рома.

— Охренеть, — мрачно произнес Дима, сжав кулаки. — Вот мы уроды. Она же целый день для нас все это готовила, а мы урегулировать конфликт пошли.

Все исчезло, и им предстала нетронутая постель.

— Где она? — дернулся Рома. — Сима!

Дима развернулся на каблуках и стремительно покинул каюту, явно отправившись на мои поиски. Сима обернулась ко мне, широко улыбаясь:

— Как кинишка?

— Отпад! — восхитилась я.

Из Русиной каюты я слиняла раньше, чем туда заявили мои мальчики. Пока два махровых аттарийца, гонимые совестью и чувством вины, усиленном умницей Симой, рыскали по всем закоулкам, я успела привести себя в порядок, переодеться, позавтракать и снова исчезнуть в неизвестном направлении. Сима упорно искажала сигнал связи между мной и командиром, потому искать меня могли еще долго. Эта зараза, Серафима в смысле, еще и галлюцинации моим мужчинам устраивала. То голос мой им включит, то мой образ покажет, и все так ненавязчиво, словно привиделось, слышалось, и, главное, сама Система тут совершенно не причем.

Мне же себя деть в это время было некуда. И я болталась по кораблю, как ложка в стакане. Нашла Арнес, которая колдовала над непонятным устройством, оказавшимся передатчиком, ну, если по-нашему, за что тут же получила от меня погонялово — радистка Кэт. Арнес посмаковала данное ей прозвище и приосанилась, попросив так ее и называть.

— Я Дмирту и Рому завидовала, что у них прозвища есть, теперь не буду, — разоткровенничалась Арнес. — Дима и Роман, мне нравится. Теперь я Кэт.

В ее глазах застыл такой восторг, что я окончательно убедилась: аттарийцы не от мира сего. Их прет от всего, что для них ново и непривычно. То-то Рома, Дима и Руся так легко приняли мое извращение их имен. Даже Ардэн, когда еще нос задирали и играл в заносчивого мерзавца. Никто даже не пытался настоять на привычном им сокращении их имен.

— А что, кстати, с главным и первым? — спросила новоиспеченная Кэт, вновь возвращаясь к своему занятию. — Их все утро никто поймать не может. Мечутся по всему кораблю.

— Меня ищут, — скромно ответила я и ослабилась. — Накосячили, теперь отрабатывают.

Арнес — Кэт обернулась ко мне и понятливо усмехнулась.

— Значит, я тебя не видела?

— Почему, видела. Только грусную-у-у, жуть какую грустную, — деловито ответила я.

— Инусь, атас, — объявилась Сима. — Идут нехристи окаянные.

— Ох, даже не верится, что Система может настолько развиваться, — Кэт с нескрываемым восхищением рассматривала Серафиму.

— Я еще и не то могу, — гордо заявила Сима.

— Наслышана, — хохотнула аттарийка. — Все мечтаю посмотреть, как это выглядит.

— Так это со всем нашим удовольствием, — обрадовалась Серафима, и я направилась к дверям.

— Вы болтайте, а я пойду, — сказала я и выбралась в коридор.

По металлическому трапу кто-то быстро поднимался. Это было подобно надвигающемуся цунами. Так же стремительно и беспощадно. Мама моя... Я юркнула в первое попавшееся ответвление, и цунами пронеслось мимо. Стоять без дела я не стала и пошла гулять дальше, заложив руки за спину, с любопытством вертя головой, словно прислушиваясь к невидимому гиду. Дошла до смутно знакомой двери, и она открылась, впуская меня во владения тайлара Гирреса.

— Опачки, — обрадовалась я. — Это я удачно зашла. Тайлар Гиррес, голубчик! — жизнерадостно позвала я, проходя мимо бурляша.

Зверюга покосилась на меня и, тоскливо вздохнув, плюхнулась на бронированную попу. Бедненький, пожалела я его где-то в глубине души. После прислушалась и направилась туда, где слышалось тихое бормотание. Мой знакомец стоял возле загона с какой-то неведомой тварью и нежно ворковал с ней:

— Ну что ты не кушаешь? Не вкусно? Кушать надо, иначе сдохнешь, а мне за тебя, падлюгу такую, отписываться придется. Жри, говорю, зараза. Ну что ты упрямишься, Инесса?

И вот тут я поперхнулась, с возмущением разглядывая тварину, названную моим именем. Очередная помесь бульдога с носорогом, абсолютно лысая, с множеством складок и складочек, с длинным крысиным хвостом, увенчанном острым шипом, грустно смотрела на зеленого глазками бусинами и тяжело вздыхала.

— Позвольте! — негодуяще воскликнула я. — На каком таком основании это животное носит мое имя?

Тайлар Гиррес вздрогнул и обернулся ко мне. Его красивое лицо скривилось, и мужчина простонал:

— Опять вы.

— Собственной персоной, — кивнула я.

— Ну что вы ко мне прицепились? — Гиррес отошел от вольера с моей тезкой и направился вглубь своих хором. — Мало мне было неприятностей с командиром и его помощником, так вы снова тут.

— А нечего лапать было, — заявила я. — Так почему вы жуть эту моим именем назвали?

— А чьим? — искренне удивился ученый. — Такой же отвратительный характер, как у вас. Инесса и есть. Вредничает, ночью орет, других обитателей моей лаборатории доводит. Просто копия вы.

— Ну, знаете, это уже хамство! — возмутилась я.

— Ничего подобного, — Гиррес остановился и скрестил руки на груди, — суровая правда жизни.

— Да я милая!

— Магра тоже милая, но это не мешает ей быть сущей стервой, — парировало зеленое хамло.

Я медленно выпала в глубокий офигей и даже не нашлась, что ему ответить. Это чего такое происходит-то, ась? Меня, самый идеальный идеал стервой назвать? Дима-а-а, Рома-а-а, обижаю-ут! Ах да, они же наказаны, самой придется разбираться. Закатав рукава своей новой кофточки, я уперла кулаки в бока.

— Позвольте, — сварливым голосом произнесла я, — на каком основании вы меня всякими нехорошими эпитетами награждаете?

— Жизненный опыт, — ядовито ответил ученый и снова попытался от меня сбежать.

Сбежать! От меня! Щаз-з, не позволю! Обогнув вольер с зеленым недоразумением, я выскочила ему навстречу и преградила дорогу. Гиррес закатил глаза и страдальчески спросил:

— И кто вы после этого?

— Жертва произвола! — и хрустнула костяшками пальцев для весомости.

— Это я жертва, я! — воскликнул ученый. — Сначала я вам чем-то не угодил на ужине у командира Ардэна.

— А стул даме сложно было отодвинуть, как делают все воспитанные мужчины? — возмутилась я.

— Да нас даже представить не успели друг другу! Это неприлично лезть со своими услугами к незнакомой женщине! — не менее возмущенно воскликнул тайлар. — А вы же чуть душу мне не вынули и жутко перепугали.

— Вы посмотрите, какой слабонервный, — язвительно усмехнулась я. — Испугался маленькой слабой женщины.

— Так вы же примитивная. От вас всего ожидать нужно!

— Опять? — взвилась я. — Сколько можно? Да вы совсем что ли? Да чтоб у вас язык в три узла завязался!

Аттариец схватился за голову и ринулся в противоположном направлении, я, естественно, за ним.

— Немедленно остановитесь и извинитесь! — требовала я, следуя за ним по пятам.

— За что?! — возопил зеленый.

— За то! — вполне логично ответила я.

— За что, за то? Да объясните же мне!

— А самому сложно догадаться? — удивилась я и ойкнула, уткнувшись лбом в спину неожиданно остановившегося аттарийца.

Гиррес порывисто обернулся, чуть не снеся меня с ног, но выставил руку и задержал мое падение. Я опустила взгляд, рассматривая длань на своей груди. Затем подняла взгляд на лицо нахала и грозно свела брови, указывая пальцем на его лапищу:

— Это что еще такое?! — пылая праведным гневом, спросила я.

Ученый тоже посмотрел и отдернул руку, словно обжегшись, даже отскочил, сшибив по дороге треногу с какой-то кактусообразной шлягой. Шляга оскорбилась и вцепилась Гирресу в ногу. Гиррес завизжал и понесся на меня. Я оторопела, встретила ученого грудью, и мы дружно полетели на пол: я, Гиррес и шляга. Причем, шляга, которой досталось меньше всех, выглядела наиболее оскорбленной. Она скукожилась, зафыркала и уползла в неизвестном направлении. Гиррес обмяк поверх меня и облегченно выдохнул, уткнувшись лбом мне в плечо. Это было уже слишком.

— Вам удобно? — ледяным тоном спросила я.

— Да, спасибо, — едва слышно пролепетал мерзавец. — Вы мягкая.

Кажется, я встретила того, кто реально смог ввести меня в полный ступор. Мы немного полежали. Потом еще чуть-чуть, потом полежали дополнительное время, и столбняк прошел.

— Пошел вон, сволочь! — заорала я в ухо тайлару.

Гиррес вздрогнул всем телом, удивленно посмотрел на меня и резво вскочил.

— Простите, Инесса, это все ойдо, — пролепетал он, отыскивая взглядом ползающий кактус. — Его яд погружает в подобие транса. Совершенно безобиден, если его не трогать, но звереет, когда напуган. Откуда вы узнали, что действие яда можно убрать таким отвратительным визгом?

— Что? — потрясенно спросила я. — Отвратительный визг? У меня? Ну все, ботаник, — шипящим полусшепотом произнесла я. — Ты покойник, надеюсь, завещание у тебя уже есть.

— Инесса, почему вы так на меня смотрите? — опешил Гиррес, отступая назад.

Я наступала, глядя на него тяжелым взглядом.

— Сейчас ты мне за все ответишь. И за примитивную, и за магру, за Цусиму, и за ту шапочку, что у меня свистнули в бассейне в десять лет.

— К... какую шап-почку? — заикаясь, уточнил зеленый.

— Розовенькую, — пояснила я, подхватывая какую-то палку, лежавшую возле растения с желтоватыми листьями. И с воплем, — смерть упырям! — понеслась за аттарийцем.

Мы метались по лаборатории, сшибая все, что попадалось на пути, три раза нашли шлягу-кактус. Сначала на нее вылетел Гиррес, издал радостный вопль:

— Нашлась! — и резко изменил направление, пока его не поймали ни я, ни шляга.

Второй раз мы на нее выскочили, когда шляга прикидывалась шлангом в углу. Заметив нас,

она затряслась и спешно уползла к вольеру с бурляшом. Бурляш прикинулся мертвым. В третий раз ойдо нашла я, споткнувшись об нее. Обиделась и пнула в Гирреса, ученый ловко увернулся и скрылся за вольером Инессы. Я посмотрела на тезку, передернула плечами и отправилась на поиски затихорившегося ботаника. И в этот момент я себе очень сильно напоминала маньяка.

— Гирюшечка, выходи, — ласково позвала я, удобней перехватывая свою дубину. — Гиречка, я ведь тебя все равно найду. Выходи, хуже будет.

— Не выйду, — услышала я и кровожадно усмехнулась. — Инесса, я хотел вас предупредить. То, что вы держите в руках, это не палка. Это плипер. Он может укусить, вы с ним поосторожней.

Я сглотнула и посмотрела на палку, палка посмотрела на меня, подмигнула и радостно осклабилась, показав зубы, похожие на иглы.

— Мама, — пискнула я и отшвырнула плипера.

Плипер обиделся и пополз на меня. Оглушительно завизжав и перепугав угомонившуюся шнягу-кактус, я ломанулась по проходам, бывшая палка за мной. Где-то подал голос Гиррес. Через пару минут мы встретились. Я мчалась от плипера, Гиррес от ойдо. Налетев друг на друга на перекрестке, мы крепко обнялись и с чувством посмотрели друг на друга. Плипер был уже близко, и я взлетела на руки аттарийцу. Он крепко прижал меня к себе, и мы снова побежали.

— Это же ваша епархия, остановите их! — потребовала я, в панике поглядывая через его плечо.

— Я не могу воздействовать на них, это может повредить их нервную систему, надо ждать, когда сами устанут и успокоятся, — возмутился Гиррес.

— А моя нервная система?!

— А она у вас есть? — изумился подлец. — Лично у меня после вас ничего уже не осталось.

Первая отстала ойдо, застыв рядом с родной треногой. Плипер еще какое-то время гонял нас, пока мы не добежали до его дерева. Он как-то удовлетворенно вздохнул и застыл, мимикрируя под палку, сволочь лицемерная. Гиррес остановился и снова уткнулся в меня лбом, тяжело дыша.

— Физкультурой вам бы заняться, дружочек, — укоризненно покачала я головой.

— Просто вы тяжелая, — улыбнулся гад миролюбиво.

— Что?!

Меня тут же поставили на пол и сделали шаг назад.

— Инесса, что вы такая воинственная? — застонал ученый. — Если вы так хотите, простите меня за все, только давайте остановимся, хорошо?

— Одолжение мне сделал, да? — спросила я, сузив глаза.

— Ну пожа-алуйста, — чуть не плача, протянул зеленый.

Я метнула на него взбешенный взгляд, пнула какую-то банку, появившуюся на полу за время нашего забега, и, чеканя шаг, направилась на выход. Дойдя до вольера с магрой, я подхватила из коробки шмат мяса и швырнула в животину, через небольшое окошко.

— Жри! — рявкнула я.

Магра оторопела и заморгала своими пороссячьими глазками.

— Быстро!

Животина икнула и проглотила кусок мяса. Гиррес за спиной восторженно вздохнул.

— Она ест, — умилился зеленый. — Инесса, вы чудо. А не могли бы вы и завтра на нее поорать?

Я метнула на него убийственный взгляд и покинула лабораторию. Но не успела сделать и десяти шагов, как меня обхватили, прижали спиной к твердой мужской груди, и счастливый голос сообщил:

— Попалась!

— Убью, — пообещала я и взлетела на мускулистое плечо.

На мое воинственное настроение внимания вообще не обращали, и это было обидно!

— Отпусти, — рыпнулась я.

— Не-а, — беззаботно ответил Рома, легко вышагивая по кораблю.

— Я злюсь, — сообщила я.

— А я знаю, — так же пофигистически ответил Грейн.

— Я очень злюсь!

— Обожаю, когда ты злишься, — хмыкнул подлец.

— Я с тобой не разговариваю, — обиженно засопела я.

— И не надо, — пожал плечами Рома, я даже опешила.

Что происходит-то? Должны рубашки на груди рвать и с надрывом кричать: «Прости нас двух ослов, любимая! Мы все осознали!». А им по фиг? И пусть тут только Рома, уверена, что Большой Змей в таком же настроении. Перестаралась я что ли с прессингом на совесть? Вот же блин, досадно! Но скоро мне стало не досадно, я задохнулась от возмущения, когда мы дошли до Роминой каюты, он открыл дверь, внес меня внутрь, уложил на кровать и прошептал, склонившись к моему лицу:

— Прости, любимая, — его губы накрыли мои, утягивая в сладчайший поцелуй, а в шею воткнулась игла.

Именно в этот момент я и задохнулась, а дальше некогда было, я вырубилась, успев хрипло пообещать:

— Теперь точно убью.

Пробуждение было немного неправильным. Во-первых, я сидела, а во-вторых, находилась непонятно где. Вокруг меня царил непроглядный мрак. Я пошевелилась, не связана, уже хорошо. Одета, еще лучше. Живая и здоровая. Вообще прекрасно! Но что, черт возьми, происходит?!

И только я хотела встать, как помещение, где я находилась, залило мягкое свечение, казавшееся призрачной дымкой, лунной пеленой, неспешными волнами спускавшейся на землю. И когда сияние достигло пола, я ахнула, обнаружив себя на лесной поляне. Понимала, что проекция, но я даже чувствовала дуновение легкого ветерка, шевелившего волосы, и это вызывало невероятный восторг. Я увидела могучие деревья, окаймлявшие поляну, в чьих кронах играл ночной ветер, и листья тихо шептали, переговариваясь с легкокрылым проказником.

Между деревьев мерцали загадочные огоньки. Но вот кто-то зашуршал травой, вспугнул их, и огоньки взмыли вверх, превращаясь во множество бабочек. Одна бабочка подлетела ко мне, и я с удивлением рассмотрела маленького человечка с крылышками. Он галантно поклонился мне и взмыл вверх, присоединяясь к своим собратьям. Светлячки, как я окрестила их, какое-то время хаотично метались над поляной, но вот их полет упорядочился, и над головой закружился светящийся хоровод. Над ним мерцали далекие звезды, и луна продолжала дарить лесу свое серебристое сияние.

Из леса вышел олень, мамой клянусь! Самый настоящий земной олень. Он подошел ко мне, склонил свою рогатую голову, поджав назад переднюю ногу, а после растянулся рядом с... тронном. То, на чем я сейчас восседала, можно было назвать только так. Высокая спинка, подлокотники из переплетающихся серебряных нитей, изящные изогнутые ножки и мягкая бархатная обивка. Трон. И сама я была одета в бирюзовое платье, сейчас изменившее свой крой и напоминавшее платье из средневековья. На голове я обнаружила веночек, но не рискнула снимать и рассматривать из каких цветов он сплетен.

Пока я исследовала себя, из леса вышел волк, огромный, белый волк. Он так же склонил голову и, игнорируя оленя, сел по вторую сторону от трона. Моя стража, поняла я. Хотелось протянуть руку и потрогать их, но я так же понимала, что они не реальны, и я ощутил только легкое покалывание на кончиках пальцев. И все же все это впечатляло, и обида за очередное обездвиживание испарилась сама собой.

Да у нее не было и шанса, когда из сумрака, с разных сторон на поляну шагнули... сказочные принцы. А как еще назвать двух безумно красивых мужчин в белоснежных мундирах с золотым шитьем, сидевших на их широкоплечих фигурах, как влитые. Длинные стройные ноги скрывали неширокие брюки, такие же белоснежные, как и мундиры. На руках их были надеты белые перчатки, и это мне напомнило более привычную форму. И хоть на мундирах Ардэна и Грейна не было погон и аксельбантов, и головы их были непокрыты, но от напоминания о доме стало немного грустно, и все же вдвойне приятно. Я пыталась казаться строгой, но на губах сама собой заиграла улыбка, когда аттарийцы подошли ко мне.

Они одновременно приложили правую ладонь к левому плечу, чуть отставили назад правую ногу и так же дружно склонились передо мной. Мама моя, я почти плакала от умиления. Мои мужчины так же синхронно распрямились и шагнули к трону, опускаясь на одно колено и протягивая ко мне руки. Я вложила в них свои ладони и встала.

И как только я коснулась их, поляну заполнила мелодия. Нежная, тягучая, словно

расплавленный воск, красивейшая из всех, что я слышала. Она рвала душу в клочья, заставляя забыть обо всем и поверить, что этот лес, эти маленькие эльфы-светлячки, эти звери, звезды, луна настоящие. И нахожусь я в руках двух самых настоящих сказочных принцев, и сама я хозяйка леса, фея, за спиной которой трепещут два прозрачных крыла. Их не было, но поверить в их существование сейчас было так легко, что я даже не стала цепляться за реальность, представляя себе все, что вздумается.

Мои мужчины провели меня в центр поляны, и Рома шагнул назад. Дима склонил голову в поклоне, положил мне одну руку на талию, вторую заложил за спину и закружил меня в самом настоящем земном вальсе. Он двигался так легко и непринужденно, словно всю жизнь знал и много раз танцевал этот танец. Его глаза, сейчас вновь ставшие золотыми, сияли восторгом и не отрывались от меня, и это дарило ощущение парения над землей, словно мы кружились в воздухе.

Но вот мы приблизились к Роме, и мужчины вновь опустили на одно колено, Дима обвел меня вокруг себя и передал Роме. Теперь я вальсировала с ним, утопая в безбрежной синеве его глазах, смотревших на меня с такой нежностью и любовью, что я почувствовала, как из глаз покатились одинокая слезинка, подталкиваемая заполнившим меня счастьем.

— Люблю, — прошелестел голос Ромы.

— Люблю, — донеслось из-за спины, и я оказалась между моими мужчинами, которые сейчас не давили, оставляя мне небольшое пространство. И я развернулась в нем, положила им руки на плечи и ответила, сияя счастливыми глазами:

— Люблю.

И лес исчез. Его контуры словно истаяли, сменяясь на ту самую комнату со свечами и камином, которую я придумала для них. Только сейчас тут прибавилось деталей. На шкуре у камина стоял низкий круглый столик, на котором возвышалась бутылка, три фужера и фрукты, совершенно мне неизвестные. Откуда все это появилось? Оттуда же, откуда те блюда, что стояли на столе в памятный вечер выторгованного у меня Ардэном ужина. Вокруг лежали подушки, и весь антураж очень напоминал восточный в европейском особняке. Но это смешение было таким органичным, что не резало глаз.

Меня подвели к столику, помогли сесть, и мужчины опустили рядом. Дима открыл бутылку и разлил вино по фужерам. Я млела, глядя на своих любимых, переводя взгляд с одного на другого, и не сразу заметила протянутый мне фужер.

— За тебя, единственная, — почти прошептал Ардэн, и его фужер тонко зазвенел, коснувшись моего.

— Другой уже не будет, — улыбнулся Рома, и фужеры снова запели.

Я сделала глоток и поняла, это не вино, не было виноградного привкуса, но букет оказался невероятно приятным и ароматным. Я даже понюхала его, прикрыв глаза и едва не замурлыкав. Рома негромко рассмеялся. Я открыла глаза и повернула к нему голову, с улыбкой глядя в сияющие глаза.

Рома протянул руку к вазе с фруктами, взял одну из нежно-розовых ягод, сжал ее губами и наклонился ко мне. Я провела кончиком языка по приоткрытым губам, и дыхание мужчины сразу стало тяжелым и горячим. Затем обхватила ягоду губами, втягивая ее в рот, и вновь

прикрыла глаза, смакуя непривычный, слегка терпкий, вкус. От раскушенной ягодки сок выкатился капелькой с уголка рта, и Дима наклонился, подбирая каплю своими губами. Все происходящее было настолько пропитано тонким эротизмом, что я невольно застонала от прикосновения Ардэна, и тут же оказалась сметена жаркой волной умопомрачительного поцелуя. Ладонь Ромы скользнула по открытой спине, и мне показалось, что мое тело прошел разряд электрического тока. А когда Дима, наконец, выпустил меня из своих объятий, я тут же оказалась в плену Роминых губ.

Уже задыхаясь от разгоревшегося желания, я отстранилась и снова подняла фужер, желая продлить этот недолгий миг предвкушения грядущего пожара.

— А теперь я хочу выпить за вас, — голос предательски срывался в хрипотцу, и глаза у моих мужчин, и так уже затянутые поволокой желания, хищно блеснули, заставив на миг мое дыхание сбиться.

Сделав один большой глоток напитка, потому что в горле разом пересохло под обжигающими взглядами моих любимых, я отставила фужер, потянулась к вазе и оторвала с ветки фиолетовые ягодки. Затем приподнялась на коленях, разворачиваясь лицом к моим мальчикам, и протянула им ягоды. Они одинаково приняли лакомство, прихватив губами мои пальцы, подцепив ягоды языками, коснувшись ими кожи, и я тихо застонала от этой нехитрой двойной ласки. Димины губы скользнули на запястье, лаская его кончиком языка и теплым дыханием. Рома целовал ладонь второй руки, проводя языком по пальцам, слизывая с них ягодный сок. Моя голова плыла от того, что они творили с моими руками, пьяня сильнее, чем напиток, который мы пили.

— А теперь за нас, — задыхаясь, произнесла я.

Мужчины улыбнулись и слили остатки своего напитка мне в фужер.

— Сама, — коротко сказал Дима, рисуя кончиками пальцев на моей спине невидимый узор.

— Из твоих рук, — добавил Рома, пропуская через пальцы мои локоны.

Я взяла свой фужер и поднесла его к губам Димы, он сделал небольшой глоток, глядя мне в глаза, и я опять задохнулась, рассматривая капельку, скользнувшую по его подбородку. Порывисто приблизилась к Диме и слизнула ее, вырвав из груди Ардэна рваный вздох. Затем повернулась к Роме и поднесла фужер к его губам. Ладонь Грейна накрыла мою руку, державшую фужер. Я вздрогнула и пролила бы вино, если бы не рука Ромы. Он смотрел на меня поверх фужера, и я вдруг смутилась, опустила взгляд и невольно облизала губы, глядя, как Рома сглотнул.

— Ох, мамочки, — выдохнула я.

Грейн забрал у меня фужер, поднес его к моим губам, и Дима придвинулся ближе, положил мне руки на талию и отвел в сторону волосы, касаясь губами основания шеи. Чудом не поперхнувшись, я сделала свой глоток. Рома поставил на столик фужер и смял мои губы в тягучем поцелуе, вырвавшем из моей груди не только стон, но и саму душу. Платье вдруг скользнуло вниз, освобождая меня от своих оков, ставших в одно мгновение такими тесными, что оставшись без одежды, я смогла сделать глубокий вдох.

Мужчины уложили меня на подушки и расположились с двух боков, рассматривая меня глазами, полными переполнявших их чувств. Ладони заскользили по моему телу, лаская его и покоряя снова. Я закрыла глаза и откинула голову, полностью погружаясь в свои ощущения.

Чья ладонь сейчас гладила мое бедро, чьи губы скользили по шее, вызывая сладкую дрожь? Мне не хотелось этого знать, мне хотелось чувствовать их, их обоих, моих любимых, моих горячих, моих необходимых мужчин. А когда мои соски разом попали в плен их ртов, я выгнулась и закричала от невыносимой чувственности происходящего, от накрывшего меня с головой возбуждения.

Мои губы вновь оказались в плену, и я могла бы узнать того, кто целовал меня, но не хотела разделять их. И наслаждение от этого становилось лишь ярче. Я обвила руками шею целующего меня мужчины, зарылась пальцами в его волосы, чуть сжала их в кулаке и прикусила мужскую губу. Он хрипло застонал, сдавливая меня в кольце сильных рук. Наши языки сплелись в яростном танце, и я жадно глотала чужое дыхание. А через мгновение я вернула отнятое, прерывисто выдохнув, когда горячий язык прошелся по лепесткам моего лона. Мужские пальцы раздвинули уже влажные складочки, и язык вновь и вновь порхал от входа в лоно до напрягшегося бугорка. Жадные губы прихватили клитор, посасывая его, лаская кончиком языка и доводя меня до криков. Я металась в объятьях того, кто продолжал покрывать поцелуями мое лицо, шею, плечи, грудь, втягивая в рот, то один затвердевший сосок, то другой.

Мне казалось, что я не выдержу этой мучительно-сладкой пытки. И мир взорвался, сотрясая тело в конвульсиях сумасшедшего оргазма. Я цеплялась за плечи того, кто ловил мои крики, впивалась в гладкую кожу ногтями, оставляя на ней полосы. Он задышался, в который раз сминая мой рот в голодном поцелуе, опалял жарким дыханием, а я металась и твердила, как люблю их, и как хочу ощутить их в себе.

Целовавший меня отстранился, лишая своего тепла.

— Нет! Пожалуйста, — взмолилась я, пытаюсь поймать свою пропажу, упорно не желая открывать глаз, но услышала лишь тихий смех.

Немного успокоилась я лишь тогда, когда почувствовала на себе тяжесть мужского тела. Меня вновь целовали, и я с жаром отвечала на эту незатейливую, но упоительную ласку, ловя чужой язык, прикусывая его губами, втягивая в себя, лаская своим языком. И выгнулась навстречу мужскому естеству, ткнувшемуся в меня. И вновь негромкий смех и жаркий шепот:

— Ненасытная наша.

— Хочу, — стонала я, направляя в себя твердый, как камень член.

— Бери, — шепнули мне в губы, и горячий ствол заполнил меня, тут же заскользив обратно, и резким толчком опять вошел в лоно. — Ты сводишь меня с ума, — хрипло простонал тот, кто сейчас обладал мной. — Не могу тобой насытиться, сердце мое, — вскрикнул он, все резче вбивая в меня напряженный член.

Неожиданно он перевернулся, не потеряв нашего единения, и я оказалась сверху. Обхватив коленями его бедра, я выпрямилась и уже сама насаживала себя на тугий ствол. К моей спине прижался мой второй любимый, его руки обвили меня, ладони накрыли грудь, и я откинула голову назад, тут же попав в захват мужских губ.

— Невозможно оторваться, — выдохнул он, на мгновение отстранившись, и снова накинута на мой рот.

— Хочу вас обоих, — срывающимся голосом сказала я, и меня тут же уложили на грудь того,

кто был подо мной.

— Твое желание закон, радость, — услышала я и закусила губу, чувствуя, как умелые пальцы подготавливают меня к тому, чего я сейчас хотела больше всего на свете.

Прохлада смазки коснулась разгоряченной кожи, и я простонала:

— Скорее...

Горячие ладони обняли мое лицо, к губам нежно прикоснулись, и я лишь тихо охнула, когда оказалась заполнена полностью. Непривычное ощущение быстро сменилось наслаждением от осознания, что мы сейчас едины, что я принадлежу своим любимым полностью, и они готовы принимать мои желания, получая от них удовольствие. Я кричала, хрипела, кажется, рычала, отдаваясь им, даря всю себя без остатка, и взлетала на вершину, слыша их ответные стоны. И сорвалась в бездну первой, дрожа всем телом и растекаясь расплавленным воском по мужскому телу, лежавшему подо мной, задыхаясь в беззвучном крике. А вскоре глухо застонал один, вжимаясь лицом мне в шею, и зарычал второй, стискивая пальцами мои бедра и вонзаясь в последнем рывке между ягодиц. Он повалился сверху, удерживая свой вес на вытянутых руках и впиваясь поцелуем мне в плечо...

Глава 23

Я проснулась первой. Открыла глаза и поняла, что выпалась, несмотря на то, что проспала совсем немного. Мои мужчины еще дрыхли, уткнувшись носами в подушки и чему-то лыбились во сне. Вот тебе и главный с первым. Закрыв рот ладошкой, чтобы громко не хихикать, я осторожно сняла со своей груди ладонь Ромы, затем руку Димы со своего бедра, и выскользнула из постели. Мальчики тут же потянулись лапищами туда, где только что лежало мое тело, встретились и переплели пальцы, тут же умиротворенно вздохнув. Встретились два одиночества. Я давилась от беззвучного хохота, продолжая зажимать себе рот ладонью и сгибаясь пополам.

Затем собрала волю в кулак и добрела до душевой, продолжая содрогаться от приступов беззвучного смеха и покачиваясь на нетвердых после ночных увеселений ногах. И лишь когда дверь за мной закрылась, я захохотала в полный голос. Успокоиться мне помогла Сима, облив холодной водой. Я икнула и, наконец, выдохнула.

— Ы-ы-ы... Симочка, теперь тепленькой, пожалуйста.

Сейчас уже душевая была душевой, а не мраморной чашей, заполненной приятной водичкой, как ночью, куда меня донесли полубессознательную после игрищ у камина. Отсюда же, помыв в четыре руки, оживив, снова умотав, опять помыв и чуть не добив окончательно, мое тельце эвакуировали в кровать, где меняхватило только на одно короткое, но душевное:

— Спаси... — на «бо» я вырубилась. Так что, что уж там подумали мальчики: благодарю я их или прошу о помощи — мне неведомо.

Пока я приводила себя в порядок, за спиной появилась Серафима в ночной сорочке, распахнутом халате, растоптанных шлепках и в бигудях. Она широко зевнула и почесала зад. Ей бы в актрисы, была бы звезда больших и малых, это точно.

— Доброе утро, — сказала я, не оборачиваясь.

— Доброе утро, счастливица, чего-то ты рано, — заметила Сима.

— Выспалась, — улыбнулась я. Затем обернулась к ней и сказала. — Спасибо!

— За что? — удивилась Серафима.

— За чудесный вечер с моими мужчинами, — пояснила я, и по душевой промчался порыв теплого ветра, подсушивая волосы.

— Ты че! Я только декорации меняла, это они сами все придумали, — немного ворчливо закончила она, и я округлила глаза. — Они когда тебя у тайлари Арнес искали, она им намекнула, что иногда можно извиняться не словами, а поступками. Тайлары в репах почесали и разделились. Грейн отправился тебя искать, а Ардэн закрылся у себя и потребовал все, что у меня есть по земным сказкам. Они, конечно, не могут обрабатывать информацию так же быстро, как я, но тоже есть свои сюрпризы. У высшего командного состава память расширена и возможности загрузки информации, ого, какие. А когда тайлар Грейн отловил тебя и усыпил у себя в каюте, они уже вместе отбирали варианты и комбинировали. Затем тебя переодели. Чуть слюной не захлебнулись, пока раздевали, извращенцы-некрофилы, потом по душам разбежались. Успокаивались, — Сима хихикнула, а мне так приятно стало.

Это же они сами все придумали, для меня! И как тут сопли не размазать от умиления? Няши мои... Сима хмыкнула, глядя на меня и убила:

— А мы уже недалеко от Аттарии, весь личный состав покинет корабль.

— А я? — тут же растерялась я.

— Тебя тут точно не оставят, — Серафима вздохнула и перешла в стадию хомяка. Хомяк в бигудях и шлепках — это что-то, скажу я вам. — А я сиди на борту, как приколоченная. Ин, а, Ин, скажи командиру, что меня с собой забрать хочешь, я же здесь с тоски помру. Им Систему переустановить раз плюнуть, а тебе моя помощь в империи понадобится. А?

Ответить я не успела, потому что дверь плавно открылась, и мне предстала взлохмаченная сонная персона тайлара командира Ардэна.

— Вот ты где, — сказал он, вторгаясь в душевую, поднял меня на руки и упер обратно на ложе.

Уложил на прежнее место, подгрел под себя и тут же щекотно засопел в ухо.

— Он вообще просыпался? — спросила я шепотом у Симы, беззвучно хохотавшей у нас в ногах.

— Почти, — ответила она.

Пока я пыталась освободиться от бульдожьей хватки легара, глаза открыл аттариец. Нет, сначала он пощупал опустевшее место возле себя и только после этого открыл глаза, обнаружив меня в единоличном пользовании Ардэна, нахмурился и пододвинулся ближе, закинул на себя мои ноги и опять вырубился. Сима уже лежала, молотя руками и ногами по воздуху и напоминая красивого мерцающего таракана.

— Что ты ржешь, адово изобретение, — зашипела я, задыхаясь от силы притяжения своих мужчин к одной хрупкой мне. — Вытащи меня отсюда!

Серафима перетекла в вертикальное положение, подмигнула и заговорила хорошо поставленным безэмоциональным голосом.

— Тайлар командир Ардэн, нас атакуют зеленые человечки.

Дима моментально подорвался, стирая рукой с лица остатки сна.

— Общую картину, связь с клиньями. Командующих офицеров на мостик, — отчеканил он и скрылся в душе.

— Тайлар первый помощник Грейн, — продолжала Серафима. — Тайлар командир Ардэн выведен из строя, управление базой перешло к вам. Протокол три нуля, два, один.

Рома метнулся с кровати, отчего мои ноги, подлетели выше моей же головы.

— Перевести на меня управление, полный допуск, данные о состоянии командира Ардэна, — проговорил он и тоже стремительно направился в душевую, дверь которой открылась, и в каюту вошел Дима, глядя на Симу тяжелым взглядом.

Рома замер, оценил командирское состояние лично и тоже придавил Серафиму недобрый взглядом. Сима выдала с могучим кавказским акцентом:

— Это не я, мамой клянусь, командир, брат, — и спряталась с другой стороны кровати.

Два взгляда сошлись на мне. Я гулко сглотнула и натянула умное покрывало до глаз.

— А я чего? — возмутилась я из своего укрытия. — Это вы сами виноваты, чуть не раздавили. Ситуация была критическая, меры экстренными... — я осеклась, глядя на то, как самцы дружно шагнули к кровати. — Вы чего? — с подозрением спросила я, подумывая о спешной эвакуации своего тельца с ложа любви.

— Ситуация критическая? — переспросил Дима, отнимая у меня покрывало.

— Экстренные меры? — уточнил Рома, нависая сверху.

Мужики переглянулись и сделали какой-то неверный вывод:

— Требуется немедленная реанимация, — совершенно серьезно сказал Дима.

— Совершенно с вами согласен, коллега, — не менее серьезно кивнул Рома.

— Вот это консилиум, — восхитилась Сима и исчезла, а два липовых докторишки остались.

— Помогите, — пискнула я, порывисто садясь.

— Скорая помощь уже здесь, детка, — похотливо подмигнул Грейн.

— Лежите, больная, — сурово велел Ардэн и завалил меня обратно на кровать. — Врачи сами все сделают.

— Коновалы, — простионала я.

— Спасатели, — не согласился Дима, устраиваясь у меня между ног. — Искусственное дыхание, — провозгласил желтоглазый маньячина припадая своим порочным ртом к сокровенному.

— Доктор, я дышу другим местом, — возмутилась я абсолютным незнанием реаниматором человеческой анатомии.

— Не переживайте, мы обследуем все места, — успокоил меня Рома, и завладел моим ртом.

Чип и Дейл, блин, успела я усмехнуться про себя и потеряла связь с реальностью.

— Любимая, скоро вернемся, — поцеловал меня Грейн в затылок.

— Уже скучаем, — чмокнул в плечо Ардэн.

— Угу, — промычала я, распластавшись бесхребетной медузой на ложе, все еще находясь в состоянии нирваны.

Как только двери за ними закрылись, я открыла глаза, подумала и снова их закрыла. Ну на фиг, никуда вставать не буду. Если что, вынесут первой, переживать не о чем.

— А вот вернутся они, а ты тут такая голенькая лежишь... — задумчиво произнесла Сима, и я подскочила с кровати, словно меня пружина в зад уколола.

— Отставить! — рявкнула я. — Это все классно, но хорошего тоже нужно в меру.

— Боишься стереться? — ехидно спросила Серафима.

— Боюсь, — честно призналась я и опять умотала в душевую.

Через полчаса я уже сидела в кресле и смотрела последние новости, которые Сима успела хапнуть на Земле. Уже и не новости, в общем, но под чашечку ароматного напитка было как-то очень по-домашнему. Впервые в жизни я поняла, что новости — это интересно. Хотя, в общем-то, по дому я сильно соскучилась. Вздохнув, я поднялась с кресла.

В этот момент открылась дверь, и вошел Рома.

— Идем, — он взял меня за руку.

— Куда? — удивилась я.

— Мы подлетаем к Аттарии, скоро посадка, — ответил Грейн.

Спорить не стала. Любопытно. Мы пришли на мостик, и я сразу встретилась с теплой улыбкой Димы. Меня усадили в кресло и занялись своими делами. Я смотрела вперед, где виднелся край светлого шара, такого огромного, что даже страшно было представить его истинные размеры. Но почему-то мне казалось, что Аттария значительно больше Земли. Мы приближались. Краем сознания я улавливала негромкие команды Димы и ответы его экипажа. У всех было заметно приподнятое настроение, они возвращались домой. А я? А я даже не знала, смогу ли я когда-нибудь еще увидеть свой дом, маму...

— Ты что, сердечко? — Рома склонился ко мне. — Не переживай, тебе здесь понравится.

Я вяло улыбнулась. Мне и дома очень нравилось. Наверное, единственное, что оставалось темным пятном в наших отношениях, это мое похищение. И пусть оно привело меня к двум лучшим мужчинам во всей вселенной, но оторвало от родных, которые не просто переживают мое исчезновение, это ведь горе для них.

— Мы скоро будем дома, — сказал Дима, вставая рядом.

— Это ваш дом, — глухо ответила я, не сумев сдержать горечи.

— Инна...

Они отвели взгляды, и я снова посмотрела, перед собой. Мы уже вошли в атмосферу, и теперь шли на снижение. Еще невозможно было разглядеть землю, но мне уже заранее здесь не нравилось. Может, это было из-за переживаний, что заполнили меня, но к Аттарии я испытала острую неприязнь. Жить здесь я не хотела!

— Как только утрясем здесь все вопросы, мы отправимся на Землю, — неожиданно сказал Дима.

— Правда? — я вскинула на него взгляд и увидела ласковую улыбку.

— Правда, — кивнул Ардэн.

Я перевела взгляд на Рому, он тоже улыбался, и сразу стало легче. А затем я вдруг так ясно представила, как я вваливаюсь домой и сообщаю, счастливо скалясь:

— Мама и папа, я живая, а это мои мужья. Они вообще-то не из нашей галактики, но ребята классные. — Ой, что буде-е-ет...

Малодушие задавила на корню. Разберемся. Главное, родных успокою, а там можно и счастливую семейную жизнь налаживать. Кстати, вопрос насущный, где я буду жить? И куда направлюсь, когда «Гордость» приземлится? А еще, как встретят меня их родные, и как воспримут этот тройственный союз. И как насчет постоянного союза, можно ли его заключать сразу с двумя? Об этом я спросила, как только мы покинули мостик и отправились собираться. Радостно возбужденные мужчины, томимые желанием показать мне свой мир, вдруг застыли на месте и хором ответили:

— Ко мне поедешь.

Обменялись взглядами и помрачнели. Я уловила прежнюю ревность, мелькнувшую в глазах моих любимых, и «рубанула шашкой»:

— Всем ша! Как вы вообще предполагали жить дальше, кроме того, что втроем?

Оказалось, что такой мелочью, как место совместного обитания, они ни на секунду не озаботились, потому что каждый изначально был уверен, что наше милое трио обоснуется у него. Это привело к уже проверенному варианту — покупке общего дома. А вот куда вести мое величество, оказалось чуть ли не неразрешимой проблемой. Роме не терпелось познакомить меня со своими родными, потому он настаивал, что я должна ехать к нему. Дима предлагал клан Грейн сначала подготовить. И пусть Рома жил отдельно от них, но вскоре его дом заполнится родней. А у Ардэна меня ожидали тишина и покой. Никто не будет меня рассматривать, допрашивать и прочее. Лично я выбрала в этом вопросе Диму, и Рома помрачнел.

Следующий этап ожесточенных споров развернулся по поводу заключения постоянного союза. Аттарийцы справедливо считали, что пара — это двое, а никак не трое, потому заключить такой союз со мной мог лишь один из двоих. Естественно, каждый считал, что этим одним должен стать именно он. Рома давил на то, что первый сделал мне предложение. Дима напирал

своей рептилоидной сущностью. Я молчала, тут мне нечего было сказать. Менее всего моих мужиков волновало мнение родни. Они выбор сделали и точка. Кому что не нравится, их проблемы. В этом оба были едины, и на том спасибо. Так что к моменту выхода на волю было решено только одно. Меня забирает Дима, а Рома, поприветствовав родню и сообщив им об обретении своей избранницы, рвет к нам когти. Ну а там будут решать, что делать дальше. У меня тоже было, о чем с ними поговорить, включая Симу. Но самое важное я отложила на потом, сейчас же попросила отдать мне Систему.

От этой просьбы волосы у моих красавцев встали дыбом. Понимаю, Сима себя зарекомендовала не лучшим образом. Но горестное хлюпанье носом, и мне вручили временный носитель — тот самый кристалл, куда упаковали счастливую до щенячьего визга Серафиму, вновь подключив аварийную Систему жизнеобеспечения. Решив таким образом все насущные вопросы, мы направились на выход.

Аттарийская земля встретила нас ослепительным солнцем и делегацией из пяти человек в черно-красных мантиях. Я с любопытством рассмотрела их, смело двигаясь навстречу, а вот мальчики мои отчего-то нехорошо выругались и задвинули меня себе за спины. Я высунула любопытный нос наружу и увидела, как мужики в мантиях направляются к нам.

— С прибытием, — произнес тот, что был в центре.

— Благодарим, — холодно ответил Дима. — Чем обязаны?

— Тайлар Ардэн, тайлар Грейн, к нам поступили сведения о том, что на борту «Гордости Аттарии» находится представитель примитивных рас. Так же мы узнали, что в отношении примы были совершены действия развратного характера, что запрещено Законом и карается принудительной коррекцией. Обвинение выдвинуто тайлару Грейну. И подозрение в похожем деянии падает и на вас, тайлар Ардэн. Завтра вы оба должны явиться во Дворец Правосудия, где будет рассматриваться ваше дело. Допрос экипажа будет произведен в экстренном порядке.

— С-стерлядь, с-с-сука-с-с, — прошипел Дима, и пятерка шарахнулась в сторону, но быстро взяла себя в руки.

— Прима у вас изымается. Мы проверим ее физическое и психологическое состояние. Если ей был нанесен урон, это может усугубить ваше положение, благородные тайлары. — Закончил центральный. — Выдайте примитивную.

— Хрен тебе во всю морду, — зарычал Рома, оттесняя меня назад к кораблю.

— Не понимаю, о чем вы, но сопротивление только усложнит и без того тяжелую ситуацию.

— Нет, — снова рявкнул Рома.

— Тайлар Грейн, ваша семья ничем не сможет вам помочь, — попытался достучаться до него мужик.

— Убирайтесь-с-сь, — прошипел Дима.

Я взглянула на него и зажмурилась, глядя на поблескивающую чешую, на змеиные глаза и удлинившийся острый язык, облизавший место, где еще минуту назад были губы. У него заострились зубы, и даже острые пластины гребня вспороли одежду.

— Только-с троньте-с-с.

В руках пятерки появилось оружие, и отнюдь не парализаторы. Мои мужчины явно готовились напасть на представителей местной власти. Это было плохо, это явно было очень плохо. Сжав кулаки и матернувшись для решимости, я положила им на спины руки, и они резко обернулись ко мне. Я покачала головой и невесело улыбнулась. Слишком все хорошо было, да?

— Не надо, — прошептала я и протиснулась вперед. — Забирайте.

— Прима оказалась разумней высокоразвитых аттарийцев, — усмехнулся главный.

К шее прижалось что-то холодное. И последнее, что я услышала — это рев легара.

Глава 24

Сладко потянувшись, я зевнула и позвала:

— Сим, Сима... — а в ответ тишина-а-а.

Открыла глаза и нахмурилась. Я находилась в светлом помещении, можно сказать, в комнате. Здесь были окна, за которыми качались деревья с ветвями лианами. Обстановка, конечно, была спартанская, но все необходимое имелось. Кровать, на которой покоилось мое сонное тело, стол, пара стульев, шкаф, в котором я нашла свою одежду. Но не было главного, моих мужчин. Почесав репу, я вспомнила мужиков в мантиях и их обвинения.

— Вот же хрень какая нездоровая, — расстроилась я.

Одежда на мне была прежняя, никто меня, слава Богу, не раздевал. Я сунула руку в карман и шумно выдохнула, кристалл с Симой был на месте. Воровато оглянувшись, я активировала носитель, как учил меня Дима, и с облегчением выдохнула, когда по кристаллу прокатились голубоватые блики.

— Пс, пс, — зашипело мне в ухо. — Инусик, только тихо, я сейчас подключусь к твоему чипу.

Я спрятала носитель обратно в карман и подошла к окну, разглядывая панораму за окном. Мои окна выходили на сад или парк. Ровные белые дорожки, цветочный ковер, над которым летал аналог земных пчел и бабочек, разномастные деревья, скамейки и даже фонтан. Эдем, да и только. Так и хотелось пройтись босиком по мягкой с виду траве и потом растянуться над ней, глядя сквозь ресницы в лазоревое небо, по которому плыли пушистые облака. И чтобы рядом Рома и Дима... Э-эх.

Вздыхнув, я утерла одинокую слезинку и отошла от окна. Любовь, как всегда бывает, ни к чему хорошему не привела. Моим мужчинам грозит принудительная коррекция, что для них хуже смерти, а что будет со мной, вообще непонятно. Млин, я без моих мальчиков не смогу, мне без них плохо.

— Тайлару командиру ничего не сделают, — наконец, проявилась в моей голове Сима.

— Ты чего так долго? — мысленно спросила я.

— Глушила их систему слежения, — пояснила Серафима. — Если меня обнаружат, заберут.

— Ты сказала, что Диме ничего не будет, — вернулась я к главному — судьбе моих любимых.

— Он легар наполовину, — пояснила Сима. — Пока кровь отца не пробудилась, легарийцам не было до него дела, еще один обычный ребенок. А сейчас у тайлара Ардэна кровь предков с Легары не только проснулась, но и усилилась. У современных легарийцев почти не бывает трансформации, такие особи на вес золота. А наш капитан полукровка, вообще чудо. Аттарийцы не рискнут предъявлять на него права, Легара агрессивная планета. Так что к тайлару командиру законы империи не могут быть применены.

— Но Рома чистокровный аттариец! — мысленно воскликнула я. — Значит, до него они могут докопаться?

— И докопаются. Я быстренько прошерстила их базу данных, — деловито сообщила Сима, и я в который раз восхитилась ее возможностями. — Смотри.

В моей голове, словно собственное воспоминание, появилась картинка. Комната с белыми стенами, доброжелательный дядька в черной мантии за столом и стерлядь, сидящая напротив. Дядька мягко поясняет ей суть предъявленных обвинений и пеняет на жестокое обращение с примой, со мной то есть. Блин, словно гринписовец взывает к совести за плохое отношение с животным, так и захотелось в доброжелательную дядькину харю плюнуть.

Стерлядь мрачно слушает, кривится и выдает:

— Жаль.

— Что жаль? — удивляется дяденька.

— Что эта примитивная тварь не сдохла. Нужно было иначе координаты ставить. — Дядькины брови ползут вверх. Он поджимает губы, и добродушие исчезает с его лица. В глазах явно читается мнение насчет Хельгар — брак. — Они вообще на ней помешались.

— Кто? — мужик опять заинтересован.

— Грейн и Ардэн. Грейн так вообще спит с ней. Отвратительно, как можно делить постель с примой?

— Первый помощник Грейн в близких отношениях с примитивом?

— Да. Притащил себе игрушку с Земли и теперь спаривается с ней. И смотрит, как на равную, тьфу. Спутницей ее называет. И Ардэн хвостом таскается, глаз с этой твари не сводит, — продолжает разоряться стерлядь и вдруг застывает. На ее губах жесткая усмешка. — Я выдвигаю обвинение в совращении примитивной, что противоречит Закону о низших расах, — говорит она.

Дядька принял заявку и снова посмотрел на Хельгар. В ее глазах мелькнула надежда, должно быть, хотела смягчить доносом свою участь. Дядька сложил пальцы щепотью, на его лице полное безразличие ко всему миру, абсолютно невозможно понять, что он думает. Он начинает говорить, и надежда в глазах стерляди сменяется ужасом. Принудительная коррекция назначена на вечер этого же дня.

Я вновь оказалась в своей комнате.

— Сим, что все-таки такое эта коррекция?

— Назовем полной сменой личности, — пояснила Серафима. — Перестройка ДНК, смена

генного набора. Они вылепливают из розы кактус, из тигра муху. Уничтожение воспоминаний о прошлом, вместо них закладывают фальшивые, что помогает легче адаптироваться в новой сущности. Для родных, подвергнувшийся коррекции, считай, покойник. Ни одной родственной черты, даже внешность меняется. И эти изменения уже необратимы. Хельгар теперь носит новое имя и работает садовником на другом конце империи. А ее род чистят, уничтожая излишнюю агрессивность и стремление к нарушению Законов.

— Если Рому накажут, он же меня не вспомнит! — мне пришлось присесть от того, как нехорошо вдруг стало.

— Инусь, если им не удастся придумать, как выкрутиться и вытащить тебя, ты все равно уже никогда их не увидишь. Тебя отправят в резервацию, где содержат других примитивных. Будут заботиться, голодной и раздетой точно не останешься, но закроют на всю жизнь. Они же блаженные, считают, что менее развитые расы нуждаются в опеке. Связь с примой порицается. Представь, что кто-то на твоей планете насилует неполноценного человека, который не может за себя постоять. Вот, примерно, то же самое. За это Грейна и будут завтра судить.

Мне очень хотелось связаться с Ромой и Димой, но Сима сказала, что сразу отследят, и это может сделать только хуже. Пришлось намотать сопли на кулак и терпеть. Успокаивало лишь то, что рассматриваться дело будет в моем присутствии, типа, мальчикам должно стать стыдно за содеянное, когда они будут смотреть на меня. Бред, конечно. Знаю я, что у них встает при виде меня, и это точно не совесть. Мли-и-ин...

Пока я убивалась, дверь открылась, и вошел мужик в красной мантии. Интересно, что у них цвета мантий в судебной иерархии означают? Черный — ведет допрос и выносит приговор, черно-красный...

— Можешь назвать их местной полицией. А красный — низший чин, типа, надзирателя, — тут же дала пояснение Сима.

— Приветствую вас на землях Аттарийской империи, айлари Инесса, — сказал он. — Все ли вас устраивает? Всего ли хватает? Есть ли нужды?

Вы посмотрите, какая забота. Так и хотелось разнести здесь что-нибудь, но я благоразумно не стала этого делать. Они считают меня нестабильной, не знают, что от меня ожидать. Не буду оправдывать их ожидания. На фиг, я фортель выкину, а они это против нас с мальчиками используют. Буду для разнообразия хорошей девочкой.

— Правильно. Я тоже терплю, — вздохнула Сима. — С этими лучше не шутить. Меня быстренько уничтожат, как вредоносную программу, а тебя... А тебе опять ничего не будет, только вынесут решение, что тебе нужен надзор.

— Поняла, — кивнула я мысленно, а вслух. — Нет, благодарю вас, если только разрешите прогуляться по саду. Он просто чудесный.

Цирик облегченно выдохнул, наверное, ждал от меня неадекватности. А на тебе, шкура ментовская, я хорошая.

— Вы можете покинуть пределы комнаты временного содержания, но под присмотром, таково правило, — с нажимом произнес он.

— Я понимаю, — ответила я, вежливо улыбнувшись.

— У меня сейчас зубы сведет от приторности, — фыркнула в голове Сима, и я еле сдержалась от смешка.

Красный улыбнулся в ответ и посторонился, пропуская меня. Жрать хотелось, жуть, но я решила сначала проветрить голову, вдруг потом не предложат. Меня вывели на улицу по такой же светлой, как и комната, лестнице. Ничего в ней особенного не было. Вообще, не сказала бы, что тут меня что-то сильно поразило. Разве что, местные флора и фауна.

Ограничений мне не ставили, потому я все-таки прошлась босиком по траве. За спиной шел мой надзиратель. Он не лез ко мне с разговорами, я к нему с вопросами. Сима озвучивала мне названия растений и насекомых. Опасных и ядовитых здесь, естественно, не водилось, иначе меня бы просто не пустили в парк, я ж законом охраняюсь, можно сказать, нахожусь на титульном листе местной Красной Книги. Время прогулки тоже не ограничивали, но я сама быстро нагулялась. На душе было муторно и хотелось остаться в одиночестве, Сима не в счет, она уже, как член семьи. Будет ли у меня эта семья...

— Не унывай, Инусь, у тайларов головы умные, придумают что-нибудь, — утешала меня Серафима.

— Тебе легко говорить, а я дышать полной грудью не могу, — пожаловалась я.

— Ну чего врешь-то? — возмутилась зараза в моей голове. — С легкими у тебя норма, дышишь просто замечательно. Сердечный ритм немного нарушен, так это все от переживаний.

— Да ну тебя, бесчувственная машина, — отмахнулась я.

— Бу-бу-бу, — ответила вредина и замолчала.

В комнате мне на пальцах объяснили, как заказать себе еду. Хорошо, хоть не стали показывать, как надо жевать правильно, я бы точно не сдержалась. Придурки малохольные, тьфу на них. Глаза бы мои их не видели. Но внешне я осталась все такая же вежливая и неконфликтная. Аж, самой противно стало. А где свобода самовыражения? Да ну их. Сима была того же мнения.

Когда я осталась наедине с собой, привычно заказала себе еды, принцип был тот же, что и на корабле, только банковала местная Сима. Моя снова трещала без умолку, отвлекая меня от тяжелых мыслей. Если бы не она, я бы сейчас калачиком на кровати свернулась и страдала.

Когда я поела, посетила местную душевую, где мне выдали ровно то, что я просила, а не ушат холодной воды и торнадо в придачу, чем попеняла Серафиме, она на меня обиделась и снова замолчала. Но ненадолго. Стоило мне лечь, как Симу разорвало.

— Инну-усь! Инуси-и-ик! — заверещала она. — Ты щас помрешь! Точно говорю, щас копыта откинешь!

— Блин, Серафима, не мельтеши, — скривилась я. — Что там у тебя?

— На, — коротко ответила она, и в моей голове раздался до боли знакомый голос:

— Инусь, б... Ну ты и даешь, тельч, без приключений, как без пряников?

— Русик! — мысленно завизжала я. — Как ты ко мне прорвался?

— Уметь надо, — самодовольно ответил он. — Я по их каналу говорю, но долго не смогу. Слушай сюда. Меня допрашивали, как и остальных с «Аттарии». Мы главного и первого не сдали, мы же семья. Совсем в отказ идти невозможно, потому все, кто тебя видел, сказали, что они заботились о тебе, но о близких отношениях ничего не знаем.

— Спасибо, — умилилась я.

— Да погоди ты, старуха, дальше слушай, — отмахнулся Руся. — Я связался с главным, он у первого. Тайлару Грейну запрещено покидать дом, тайлар Ардэн в передвижениях не ограничен, потому приехал к первому. Я им сказал, что смогу связаться с тобой. Они просили передать, — Брэн хмыкнул, — что думают о тебе и сделают все, чтобы тебя вернуть. У них там план есть какой-то. Так что, не вешай нос, Инусик, все будет ништяк.

— Передай им, что я тоже думаю о них, — всхлипнула я.

— Отставить слезы, — фыркнул на меня Руся. — Ну все, время на исходе, сейчас засекут. Покеда, дружбанка, еще свидимся.

Руся исчез, а я раскинулась морской звездой и рассмеялась. Правильного я себе друга выбрала. Надо узнать, точно этот жук чистый аттариец, или с примесью примитивной крови, больно уж наш человек.

— Я же говорила, — объявилась Сима. — А ты нюни распускаешь. Точно что-то придумали. Скорей бы завтра, не терпится.

Мне тоже не терпелось, а с другой стороны было страшно. Если ничего у моих мальчиков не выйдет... Даже думать не хочется. Промаявшись еще какое-то время, я все-таки уснула.

И грянуло завтра. Грянуло, конечно, громко сказано. Оно вошло на цыпочках и осторожно потрогало меня за плечо.

— Инусь, атас, — ожила в моей голове Сима.

Я открыла глаза и посмотрела на нового цирика. Он распрямился и мягко улыбнулся:

— Доброе утро, айлари Инесса. Время вставать, скоро будут рассматривать дело об издевательствах над вами, — мужик соорудил скорбное выражение на лице, а я поперхнулась.

— Да чтоб над тобой так издевались, постная рожа, — фыркнула раньше меня Сима, и это помогло мне не нахамить.

— Доброе утро, — сухо ответила я. — Не пойму, о каких издевательствах вы говорите. Если вылечить травму, накормить, напоить, одеть и обеспечить всем необходимым для жизни у вас называется издевательством, то как-то страшно подумать, что тогда забота.

Надзиратель удивленно приподнял бровь, но промолчал. Я вопросительно посмотрела на него, мужчина извинился и исчез из моих временных владений. Собралась я быстро. Чтобы там не произошло на этом судилище, но я до крика соскучилась по моим мужчинам. Не обнять, так хоть посмотреть на них. Настроение было просто убийственное. И когда за мной пришли, я была раздражена до предела, но от колкостей удержалась.

Мы прошли по длинному коридору, поднялись на лифте выше и... оказались на месте. Оказывается, я все это время была во Дворце Правосудия. Впрочем, меня мало интересовало

мое местонахождение, больше итог всего этого фарса. И самое обидное, что меня даже слушать не будут. Сима сказала, что меня ждут только добрые улыбки и не больше. Уроды. Я требую равноправия! Млин, в такие минуты во мне прадед просыпается, тот самый, который Зимний брал. Так бы и взорвала всю эту систему.

Вот такая боевая я входила в такую же небольшую комнату, как та, в которой допрашивали стерлядь. Не, ну разве это зал суда? А где Фемида? Где пафос торжества Закона? Но все вопросы отпали, как только я сделала первый шаг. Дима и Рома уже были здесь. Одеты в мундиры тех же цветов, что и их комбинезоны на корабле. Да по фиг, на мундиры! Мальчики мои...

Они тут же обернулись, и меня окутало тепло их глаз. Они жадно и с пристрастием рассматривали меня, словно опасаясь, что меня обижали. А я просто застыла на месте и переводила взгляд с одного на другого.

— Вы опасаетесь тайларов, айлари? — спросил у меня мужик в черной мантии.

— Тайлари, — отчеканил Дима. — Будьте любезны обращаться к этой девушке — тайлари.

Рома поерзал на стуле, явно собираясь подойти ко мне, но Дима бросил на него короткий взгляд, и Грейн остался на месте.

— Гражданин судья, — заговорила я. — В этой комнате я могу полностью доверять только тайларам Ардэну и Грейну, а вот вас я опасуюсь.

Судья немного подзавис, осмысливая мое обращение к нему, но уточнять не стал и дружелюбно улыбнулся, гад такой. Мне указали на мое место, которое находилось на некотором удалении от всех. Я оскорбилась, но промолчала.

— Приступим, — начал судья, как только я воцарилась на своем стуле.

— Волки позорные, — проворчала в моей голове Серафима, и я еле сдержалась от смешка.

Судья обвел всех присутствующих все тем же дружелюбным взглядом. Он открыл рот, желая, что-то сказать, но...

— Тайлар Ройдес, — Дима поднялся со своего места. — Чтобы не занимать ни вашего, ни нашего времени, ознакомьтесь.

— Что это? — настороженно спросил судья.

— Генные карты тайлара Грейна и тайлари Инессы, — пояснил Ардэн и положил на стол две тонкие, похожие на слюду, пластины.

Судья покачал головой и сунул обе пластины в узенький ящичек. Тут же над его столом появился экран, на котором все было видно с обеих сторон. На экране кружились две цепочки ДНК. Затем они разложились и потянулись друг к другу, соединяясь. И начали мелькать какие-то значки, выделяя цветом то один элемент, то другой.

— Поразительно, — произнес судья, взглянув на меня, затем на Рому, который был сейчас совершенно расслаблен, и явно ничего не опасался.

— Вот и я так же сказал, тайлар Ройдес, — поддакнул Дима, — когда Ром пришел ко мне с

этими картами. Они идеально подходят друг к другу. Тайлари Инесса прошла через анализатор, и он признал ее совершенно здоровой и вменяемой. До возвращения на Аттарию я заключил между ними временный союз, к сожалению, постоянный заключить не могу, не наделен такими полномочиями.

— Но зачем вы были все время рядом с ними? — с подозрением спросил судья.

— Я командир корабля, как я мог оставить без внимания пребывание на борту представительницы из менее развитой расы? — Ардэн плавно обогнул унижающее меня слово, и я тихо усмехнулась. — Сначала я приглядывал, а когда удостоверился, что могу доверять тайлари, то общался с этой парой на дружеских правах. Вам не может быть неизвестно о том, что с тайларом Грейном мы друзья еще с Академии.

Судья кивнул. Затем снова посмотрел на меня.

— Айла... Тайлари Инесса, вы действительно дали согласие на постоянный союз с тайларом Грейном? — я кивнула. — Почему?

— Я люблю его, — ответила я, глупейший вопрос.

Судья пристально взглянул на Рому и усмехнулся.

— Понимаю. Что ж, связь со своей парой не может считаться преступной. Немного неожиданно и непривычно, но я не могу игнорировать такое идеальное совпадение на генном уровне. Вы свободны, все трое.

— Еще минуту, — Дима забрала наши с Ромой карты. — Тайлар Ройдес, я не имею полномочий для заключения постоянного союза, а вы имеете. Мы просим вас зарегистрировать эту пару.

Я удивленно взглянула на Диму, но он казался совершенно спокойным, не смотря на свое вчерашнее яростное сопротивление тому, что Рома может заключить со мной союз по местным законам. Судья не стал спорить. Грейн подошел ко мне и крепко прижал, награждая легким поцелуем:

— Чуть с ума без тебя не сошел, — шепнул он, и я обняла его крепко-крепко.

Затем мы подошли к столу судьи. Ёшкин-лукошкин, я была разочарована церемонией. Никаких речей, никакого марша Мендельсона. Судья просто взял у нас кровь, отправил ее в Генный Центр и внес сведения об изменениях статуса Ромы в базу данных, ну еще завел на мое имя ячеечку. После мне выдали личную карточку, на Роминой изменения отразились автоматом и все. Ну еще извинились за недоразумение и беспокойство. Все!

— Тайлари Инесса Грейн, — промурлыкал Рома и потерся кончиком носа о мой висок.

Я посмотрела на Диму. Он оставался все таким же спокойным, пока мы не вышли из Дворца Правосудия. Только усевшись в спайлер, он резко привлек меня к себе и со стоном впился в губы.

— Грейн, ничего не меняется, мы летим на Хейду, — сказал Ардэн, не спеша выпустить меня из рук.

— Безусловно, — кивнул Рома.

— А что там? — спросила я.

— Наш новый дом, — улыбнулись мальчики. — Но сначала знакомство с нашими родителями. Потом с твоими, — в этом месте я взвизгнула и захлопала в ладоши. — А окончательный пункт Хейда. Со службы мы уходим. Мы достаточно заработали за это время, чтобы позволить себе покинуть сословие и заняться чем-нибудь другим.

Лучшей новости они не могли мне сказать! Мамочка, я больше не буду бояться за них! И домой, на Землю!!! Но что такое Хейда?

— Планета, где разрешено многоженство и многомужество, — хмыкнула в голове Сима. — Лучшего местечка и желать было нельзя.

Глава 25

Меня привезли в дом, окруженный садом. Город посмотреть у меня возможности не было, потому что всю дорогу я болталась по спайлеру, как чайная ложка в стакане, оказываясь в объятьях то одного оголодавшего самца, то другого. У меня горели губы, болели ребра, и радость от встречи сменилась раздражением. В результате, оба получили по рукам, и теперь сидели, прожигая меня возмущенными взглядами. Дима за укушенный язык, Рома за прокушенную губу. Сидели и давили на мою совесть. Совесть молчала.

Сообразив, что я не собираюсь извиняться, два здоровенных великомученика использовали карманный регенератор и добыли меня из спайлера, как устрицу из раковины. Буквально выковыряли, потому что я отказывалась выходить, пока они не извинятся за то, что замучили меня, еще и разыграли вселенскую трагедию за мою справедливую месть.

Ардэн закинул меня на плечо и потащил к дому, Рома отправил спайлер в транспортный ангар и догнал нас. Сима в моей голове пока помалкивала. Она угомонилась, когда началась народная аттарийская забава «перетягивание Инки», чуть не переросшая в «Поломай Инку».

— Месяц без секса, — вещала я, болтаясь на плече Ардэна. — Два месяца!

— Конечно, любимая, — невозмутимо отозвался Рома, идущий рядом.

— Как скажешь, любимая, — поддакнул Дима.

— Врут, — меланхолично сказала Сима.

— Знаю, — мрачно ответила я ей.

Мы подошли к дому. Его мальчики купили еще вчера, разом решив проблему, куда меня привести, чтобы никому не было обидно. Двери открылись, и Дима шагнул внутрь. По потолку разлилось мягкое сияние:

— Приятного дня, тай...

— Заткнись, убогая, — фыркнула Сима, выбираясь на волю. — Я здесь командую, — возвестила она и покосилась на Диму. — Веду хозяйством, завхоз я, — поправилась она, Ардэн усмехнулся и поставил меня на пол.

— Добро пожаловать домой, любимая, — улыбнулся он и выжидающе посмотрел на меня.

— Целуйте уже, — проворчала я и оказалась на грани клаустрофобии, когда оба моих мужика

нависли надо мной незыблемыми глыбами.

Дима склонился к моим губам, но в этот раз целовал нежно... без языка. Затем я повернулась к Роме, и он, очертив большим пальцем контур моих губ, коротко коснулся их ласковым поцелуем.

— Необычно, — раздался незнакомый мужской голос. — Весьма необычно.

Мои мужчины в одно мгновение заслонили меня собой, но тут же заметно расслабились. Они расступились, и я уставилась на семейство Грейнов. Кто это, никаких сомнений быть вообще не могло. Двое мужчин, стоявших напротив, были, как горошины из одного стручка, а третья как раз терлась об меня, смущенно сопя. Да и женщина была близка по внешнему виду к мужчинам. Тоже темноволосая и синеглазая. Разве что ниже ростом и изящней.

— Сердце мое, — Рома улыбнулся мне. — Это моя семья. Отец, тайлар Эндолариан Грейн, дядя — Аналариалиан Грейн и моя мама — Туанар Грейн. Семья, — обратился он к своим родным, — моя избранница и постоянная пара с сегодняшнего дня — тайлари Инесса Грейн.

— Ром, как звали твоего дедушку? — шепотом спросила я, выпав в ступор от такого стремительного развития событий.

— Контаралиан, — так же шепотом ответил Рома. — Его и сейчас так зовут. А что?

Зажмурившись от своей решимости, я шагнула к новой родне и от души пожала руку отцу моего синеглазика.

— Андрей Константиныч, мое почтение, Анатолий Константиныч, — потрясла я руку дяди и перешла к своей свекрови. — Ром, — зашипела я, — а второго дедушку?

— Коланиан, — подсказала Ромина мама.

— Антонина Николаевна, приятно познакомиться, — улыбнулась я и вернулась назад, чуть не вспотев от знакомства.

— Инна называет вас так, как ей привычней, — пояснил Рома.

— Мы поняли, — кивнул свекр.

Они приняли свои новые имена так же легко, как и все остальные до них, и я с облегчением вздохнула. Больше никто ничего не успел сказать, потому что позади раздалась быстрые шаги, и в комнату влетела кареглазая блондинка.

— Ну и где она? Где та особа, что разбудила в моем мальчике рептилоида? — спросила она.

— Мама, — Дима закатил глаза.

Блондинка остановила на мне пристальный взгляд, внимательно осмотрела с ног до головы и выдала:

— Мелкая, примитивная... миленькая, но не идеал.

— Чего это? — удивилась я. — Самый идеальный из всех идеалов. Дим, скажи.

— Да, любимая, — кивнул Ардэн.

Вторая свекровь сделала шаг ко мне, и Ардэн хотел закрыть меня собой, но я решительно отодвинула его и вышла вперед. Если перед семьей Грейн я заробела, то наезд терпеть не собиралась. Поулыбайся она мне, прояви доброжелательность, я бы смутилась и заволновалась. А так кровь потомственной революционерки во мне вскипела.

— Радость, — позвал меня Дима.

Я подняла руку, не глядя на него, призывая не вмешиваться. И произнесла про себя: «Я свекровей не боюсь, сама, может, засвежусь», елеино улыбнулась:

— Здравствуйте, мама.

Мадам Ардэн изломила бровь, став копией своего сына в то время, когда мы только познакомились. Она хмыкнула и обошла меня по кругу, демонстративно рассматривая. Я раскинула руки и покружилась. Смотрите, мама, оценивайте, мне скрывать нечего. Хороша со всех сторон. Затем прошлась по комнате походкой от бедра, и комнату огласил Симин глас:

— Говорят, царевна есть,

Что не можно глаз отвести.

Днем свет божий затмевает,

Ночью землю освещает -

Месяц под косой блестит,

А во лбу звезда горит.

А сама-то величава,

Выступает, будто пава;

Сладку речь-то говорит,

Будто реченька журчит.

Мама Грейн хмыкнула и похлопала в ладоши. Я с достоинством поклонилась.

— М-да, прима, она и есть прима, — высокомерно заявила мама Ардэн.

— Мама, — подал голос Дима, но я вновь остановила его жестом.

— Сын, тобой управляет женщина? — вскинула брови его мать.

— Не проняло, — ответил Ардэн.

Мама Грейн подошла ближе, и теперь я оказалась между двух свекровей.

— А мне нравится, веселая девочка, — сказала она.

— Вы-то тут причем? — спросила мама Ардэн. — Это наша прима.

— А вот и нет, — расплылась в ехидном оскале мама Грейн. — Она и наша тоже. Кстати, к избраннице сына стоит относиться с большим уважением. Идем, дорогая, — она взяла меня за руку и хотела увести прочь от мамы Ардэн, но та вцепилась мне во вторую руку.

— Прочь руки Туанар, это избранница моего мальчика!

— И постоянная пара моего, — мама Грейн прибывала в явной нирване.

И мне открылась страшная правда: мамы моих мальчиков не любили друг друга. Атас! В комнате воцарилось молчание. Свекрови испепеляли друг друга взглядами, я была все еще растянута между ними, а мужчины явно растерялись.

— Н-да-а, — меланхолично протянула Сима. — Встряла ты, Инусик, по самую маковку.

Это привело меня в себя, и я вырвала руки у обеих женщин.

— Так, оставить! — бодро провозгласила я. — Пельмени раскатать, мясо в корову, дым в трубу. Будем зарывать топор войны.

— Что раскатать? — поинтересовался дядя Грейн.

— Куда мясо? — удивилась мама Грейн.

— Что зарывать? — переспросил папа Грейн.

— Забейте, — отмахнулся Рома, подходя ко мне.

— Кого забить? — живо откликнулся Андрей Константинович и почему-то покосился на свояченицу — маму Ардэн.

— Никого, — ответила я и пробормотала. — Тут без ста грамм не разберешься.

— Щас сообразим, Инусь, — откликнулась Сима. — Закусончик порубать?

Дядя Грейн возвел глаза к потолку, задумчиво почесал подбородок и посмотрел на племянника:

— Система давно вышла из строя?

Сима материализовалась посреди комнаты в своей ягодичной ипостаси.

— Поцелуй меня, — нахамило седалище с ушами и отбыло в неизвестном направлении.

— Я требую объяснений, сын, — снова активировалась мама Ардэн. — Что здесь происходит, и почему твоя женщина постоянная пара Грейна?

— У мальчиков всегда были общие интересы, — усмехнулась мама Грейн.

— Но не женщина же! — воскликнула мама Ардэн.

Пока спор разгорался с новой силой, вернулась Сима в сарафане и с кокошником на голове.

— Кушать подано, гости дорогие, — сообщила она, отвесив земной поклон.

— Прошу, — тут же отозвалась я и, подхватив своих мужчин под руки, последовала за Симой.

Наша умница Серафима, словно сообразив, что мне нужно время освоиться с создавшимся положением, накрыла стол в саду в белокаменной беседке, стоявшей рядом с бассейном, до которой пришлось идти минут пять. Когда я увидела эту красотень, примирение с наличием у меня мамы Ардэн наступило как-то само собой, и я мстительно подумала, что не за горами знакомство с тещенькой, моей мамулечкой. А для нее ни один из мужиков ее ягодки, меня то есть, не достоин априори. Потому что для мамы я тоже идеальный идеал. И вообще, моя мама — это я, только старше и опытней.

И вот тут я поняла, что сейчас у меня случится депрессия. Поясняю. Подумав, о маме, я бросила взгляд на родителей моих ненаглядных. Вы же помните сколько лет моим мальчишкам? Ага, пятьдесят три, а выглядят на пару лет старше меня, ну максимум, на пять, и то с натяжкой. Так вот их родители выглядели лет на тридцать пять — сорок. Меня неожиданно очень заинтересовал их истинный возраст.

— Ром, — зашептала я, — сколько лет твоим родителям?

— Папе девяносто, маме восемьдесят семь, — так же шепотом ответил он.

— Моей маме — сто три, — тут же шепнул Дима.

Ну все, держите меня семеро. И что у нас получается? Когда мне будет пятьдесят три, я точно не буду выглядеть, как мои мужики, а они останутся по-прежнему молодыми и красивыми? А потом я вообще помру, а эти самцы-вдовцы опять пойдут счастье свое искать? Не согласная я!

— Инночка, что случилось? — спросил Рома.

— Инусь, у тебя лицо такое, словно ты нас прямо сейчас прикопать под ближайшим кустом собралась, — поддержал Дима.

— Я с вами не разговариваю, — объяснила им сложившееся положение вещей и уподобилась Симе, надулась до состояния хомяка, только не красивого, а вообще идеального хомяка.

— Что мы успели натворить? — опешили мужики.

Я промолчала, бойкот уже вступил в силу. Мужики переглянулись и, бросив родне:

— Скоро вернемся, — утащили меня в кусты.

Точней, за кусты, на которых цвели красивые ароматные цветы. Я даже чуть не восхитилась, но быстро вспомнила, что я вся такая обиженная, а они бесчувственные гады-сволочи, которые залюбят меня до смерти раньше, чем сама помру, и пойдут искать свои половинки дальше. Уже, небось, решили, в чем хоронить будут. А вот хрен им в обе руки, не согласная я на это, у них вкуса нет. Так и скажу, когда одевать станут. И вообще на похороны не пушу, пусть хоть на коленях умоляют. О, как накрутила себя! Инка — чемпион!

Тем временем меня усадили на скамеечку, сами присели на корточках напротив и по очереди заглянули в глаза. А у меня перед глазами, как они к моему гробу новых пассий своих ведут и говорят:

— Любовь — она недолговечна, как наша прошлая жена.

— Хари у вас треснут, — сказала я вслух. — Вот вам, а не баб всяких на мои похороны водить. — Увлелась, бывает...

— Какие похороны, любимая? — они, аж, с лица спали. — Что с тобой? Что-то болит? Почему молчишь? Сима, активируй домашний регенератор! Сейчас все исправим, не переживай.

— Сима-а-а! — завывала я, вырываясь из заботливых лап двух испуганных гамадрилов. — Залечу-у-ут!

— Стоять! — раздалось рывканье за спиной.

Мужики мои на автомате притормозили.

— Мама Ардэн, спасительница! — возопила я и обессилено повисла на плече Ромы, куда меня водружали уже третий раз. Предыдущие два я скатилась вниз по собственной инициативе, и теперь мой драгоценный зад ощутимо ныл после встречи с аттарийской землей-матушкой.

Мама Ардэн подошла к нам, следом за ней мама Грейн, папа Грейн и даже дядя Грейн. Нас окружили плотным кольцом родственники, не давая моим мужикам «спасать» меня дальше. Рома сердито смотрел на родителей, Дима, наверное, на всякий случай, покрылся чешуей, чем впечатлил непривычных к таким превращением зрителей. Я отползла за спины спасителей.

— Что вы с девочкой творите? — сурово спросила мама Ардэн, разглядывая сына.

— Вы ее совсем перепугали, — поддержала мама Грейн.

— Нужна срочная оценка состояния ее здоровья, — прошипел Дима Горыныч.

— Причина? — поинтересовался папа Грейн.

— Странное поведение, — ответил Рома.

— Вы только заметили? — искренне удивилась мама Ардэн.

— Мама, мы не это имели в виду, — скривился Дима, возвращая себе человеческий облик.

— Допрос провели... Э-э, поговорили, в смысле? — деловито спросила мама Ардэн. — Причину выяснили?

— Ничего они не выясняли, — сдала я своих мужиков. — Схватили и потащили. Дикари! — обличила я их, поправила волосы и снова охмячилась.

На меня выжидающе смотрели все аттарийцы, и я засмушалась. Стою, носком туфли газон ковыряю и молчу. А что мне им сказать? Наехать, чего это они такие все из себя молодые, когда давно пора в маразм впасть, а некоторым так и вообще по всем законам пора того... И мне обидно, что «того» я сделаю раньше всех, хоть и сопля перед ними. Стыдно же такое говорить, ну.

— Инесса, — мягко заговорила мама Грейн, — что случилось?

— Все хорошо, — проворчала я. — Взгрустнулось просто.

— О чем взгрустнулось? — спросил папа Грейн.

Я шмыгнула носом и отковыряла кусок газона.

— Ты можешь нам доверять, — подключился дядя Грейн.

Я выковыряла второй кусок и загадочно посмотрела в даль.

— Уж приме-то стесняться нечего, — усмехнулась мама Ардэн, — ляпай, что в голову взбредет.

— Мама! — одернул ее Дима.

— Что мама? — возмутилась она. — Я помочь хочу!

— Инночка, — Рома снова заглянул мне в глаза. — Где болит?

И вот тут меня прорвало. Вдарила кулаком в родную грудную клетку и с надрывом выпалила:

— Тут, Рома! Тут у меня болит!

— Сердце!

— Легкие!

— Кажется, кости хрустнули! — переполошились блаженные аттарийцы.

— Все у нее там отлично, — объявилась Сима в сексуальном халатике медсестры, и в шапочке с крестиком красным. Дядя Грейн даже челюсть чуть не потерял. — Инусь, о чем надумалось, душа моя? Мне, как священнику, можно все рассказать.

Я обвела всех собравшихся по очереди взглядом и отковыряла еще кусок газона.

— Возраст, — едва слышно произнесла я.

Аттария выпала в общий офигей. Не растерялась только Сима, которая сложила в своих универсальных мозгах два и два, подвела под общий знаменатель и дала пояснения.

— Инусик переживает, что проживет обычную земную жизнь, составляющую треть от жизни среднестатистического аттарийца.

Вся моя гуманоидная родня пошевелила мозгами, мои мужики облегченно выдохнули и даже хохотнули, паразиты. Старшая часть родни недоуменно на них посмотрела.

— Инесса не прошла через анализатор? — спросил папа Грейн.

— Прошла, — кивнул Рома. — Сразу же, как попала на корабль.

— Тогда в чем дело? — не поняла мама Ардэн.

— Вы ей ничего не объяснили, — поняла мама Грейн.

— Они мне вообще мало объясняют, все больше по нормам... э-э-э, проехали, — окончательно смутилась я и покраснела.

— Что по нормам? — заинтересовался дядя Грейн.

— Так, все, — Дима зарубил на корню исследовательский интерес Анатолия Константиновича. — За столом поговорим. О возрасте, — с нажимом добавил он.

— Точно, — поддакнул Рома, и вся наша воссоединенная тройной любовью семья проследовала в обратном направлении, к беседке.

Из общих пояснений я поняла, что сильно опасаться мне нечего, потому что анализатор-регенератор уже затормозил процесс моего старения, значительно омоложив клетки, а я-то дура еще возмущалась. Погорячилась... И если у аттарийцев долголетие достигнуто многовековой работой местных селекционеров, то мне в помощь все тот же регенератор, который может периодически проводить мне процедуру омоложения, что отразится не только на внешнем виде, но и на общем состоянии организма в целом.

А за то, что заподозрила мужей в вероломстве и новых отношениях, мне вынесли всеобщее порицание и чуть не выгнали из комсомола, образно, конечно. Во-первых, постоянный союз не расторгается, потому в него не спешат вступать до полной уверенности в правильности столь важного шага. И если Рома решился на это, то:

— Сын уверен в своем выборе, уж можешь мне поверить. Если Грейн нашел свою женщину, его ничто не остановит.

— Угу, даже родной брат, — проворчал дядя Грейн, у которого когда-то из-под носа увели маму Грейн. Романти-и-ично...

— И лучший друг, — усмехнулся Дима.

А во-вторых... Мама Ардэн жажнула рюмашку алкогольной вкусняшки и мрачно возвестила:

— От легара вообще теперь никогда не избавишься. Мне еще повезло, что я Валишиару единственной не была. Простой-то легариец — бедствие для женщины, привыкшей к свободе, а легар — полная... — она взглянула куда-то в небо, — Сима. — И вздохнула. — Бедная девочка...

— Мам, я допустил, чтобы пара превратилась в трио, я необычный легар, — усмехнулся Дима.

— Ты единственный аттарийский рептилоид, — отсалютовала ему стаканом мать. — Такой генофонд испортили, — вздохнула она и махнула рукой. — А я уже радовалась, что моя кровь оказалась сильней.

— Перед силой выбора никакая кровь не устоит, — улыбнулся Ардэн и ласково провел пальцем по моей щеке.

— Я и говорю, испортили генофонд, — мама Ардэн с немим укором посмотрела на меня, и мне даже на секунду стало стыдно. Потом вспомнила, что наследственные признаки могут проявляться в следующих поколениях и стыдиться перестала. Самой надо было быть в связях разборчивей, так-то.

Разговор плавно тек вокруг наших будущих планов. Обсудили Хейду, их нравы и порядки, но сошлись на том, что нам лучшего места не найти, если хотим наслаждаться жизнью, не изворачиваясь и не защищаясь. Вот чего не отнимешь у аттарийцев, так это быстрой приспособляемости к новым жизненным обстоятельствам. Сказали — будем жить втроем, удивились, приняли и уже готовы помочь собирать чемоданы, чтобы отправить в добрый путь. А уж, что касается новых прозвищ, так они их принимают, особо не замечая. Даже мама Ардэн без лишних проблем стала Ниной Егоровной.

После торжественного обеда мужчины удалились в дом, а я осталась со своими свекровьями. Мы мило общались, честное слово, мило. Темы были совершенно нейтральные. Что носят на

Земле? Как живут? Какие отношения в семьях? Потом перешли к отношению разных народов к тройственным союзам. А затем как-то незаметно подошли вплотную ко мне и моим мужчинам... Я даже не сразу заметила, как эти две кумушки-голубушки подобрались, и в их глазах зажегся хищный блеск.

— Инночка, — обратилась ко мне мама Грейн, быстро перенявшая манеру обращения ко мне от своего сына, — а кто первым проявил к тебе свое внимание?

— Рома, — наивно улыбнулась я. — Он меня и утащил с Земли.

— Значит, Ром был первым? — ласковым голоском уточнила Антонина Николаевна.

— Ну, д... да, — кивнула я, запнувшись.

Мама Ардэн поджала губы, смерила ледяным взглядом маму Грейн и мягко улыбнулась мне.

— Но Дмирт смог обратить на себя твое внимание, — произнесла она. Я кивнула, и она метнула на первую свекровь язвительный взгляд. — Не смотря на то, что ты уже была с Грейном?

— Э-э... — недоуменно протянула я, не понимая, куда мамы клонят.

Мама Грейн откашлялась, взяла меня за руку и все так же ласково продолжила:

— Но после ты все равно выбрала Рома?

— Или Дмирт настолько ошеломил тебя, что ты уже не могла не думать о нем? — встряла Нина Егоровна.

Напротив материализовалась Сима и с интересом следила за нашим разговором. Я перевела взгляд с одной женщины на вторую, нахмурилась, начиная кое-что понимать, но все-таки ответила:

— Отказалась от обоих.

— От Рома?!

— От Дмирта?!

— От обоих, — кивнула я.

— Но почему? — изумилась Антонина Николаевна.

Я вздохнула, и Сима сочувственно взглянула на меня.

— Не могла выбрать, — уже ворчливо ответила я и тут же спросила. — Это имеет какое-то значение?

Мамы переглянулись, одинаково упрямо поджали губы и снова посмотрели на меня.

— И все же, Инночка, наверное, кто-то из них тебе нравится чуть больше? — любопытствовала мама Грейн.

Я помотала головой.

— Как можно кого-то из них выделить? Они же оба одинаково хороши, — сказала я, и мамы со священным ужасом посмотрели на меня.

— Что?! — в голос воскликнули они.

— Мой Дмирт первый во всем! — с гордостью заявила мама Ардэн.

— Первый? — рассмеялась мама Грейн. — Мой Ром ни в чем не уступает Дмирту! И если бы не его дружеское расположение, Дмирт никогда бы не выиграл кубок Семи Академий.

— Да когда же ты угомонишься?! — воскликнула Нина Егоровна. — Если бы Дмирт не помогал Рому, он никогда бы не дошел до последней черты!

— В чем дело? — я переводила взгляд с одной свекрови на другую. — О чем вы говорите?

Аттарийки вообще перестали меня замечать. Они вскочили со своих мест, махали пальцами друг у друга перед носом и упорно доказывали друг другу, что именно ее сын самый лучший. Я выпала от происходящего в глубокий шок, пыталась ухватить суть ссоры, но так и не смогла. Выручила, как всегда, Серафима, зависшая за моим плечом.

— Рассказываю, — начала она. — На последнем уровне обучения в Военной Академии проводится испытание, можно сказать, общий экзамен среди семи Академий Аттарии, в которых проходит обучение военное сословие. Взявший кубок автоматически получает следующее звание, может сам выбрать место дальнейшего прохождения службы, а Академия получает дополнительные льготы от императора и звание первой. В тот год выигравших было двое. Тайлары Ардэн и Грейн работали все испытание слаженно, помогая друг другу, и на финиш вышли вместе, они так и хотели. Мамы радостно повизжали, пообнимались, у них тогда были мир и любовь, поздравили друг друга и сыновей. А потом, отмечая важное событие в жизни своих детей, тайлари Грейн похвалила сына и сказала, что он настоящий друг, помог тайлару Ардэну. Тайлари Ардэн это не понравилось, и она в запале сказала, что ее сын вышел бы к черте и один, но он хороший друг и потому не бросил тайлара Грейна, подтянув и его. Тайлари разругались в пух и прах, и вот уже столько лет воюют и жалят друг друга, отыскивая изъяны в чужом ребенке. Ни сыновья, ни старший тайлар Грейн так и не смогли их помирить. И самое главное, они ничего против дружбы сыновей не имеют, но соревнование закончить не могут. Так что беги, Инусь, пока тебя не припахали стать арбитром.

Обдумав ее предложение, я покачала головой и встала между женщинами.

— Мамы, ша! — гаркнула я. — Спокуха, леди, говорить буду я.

Мама Ардэн сдула с лица взмокшую прядку, мама Грейн независимо потрянула головой.

— Стыдно, — так начала я свою пламенную речь, — стыдно, дорогие мамы. Что же вы сыновьями-то меряетесь? Они ж друг за другом, как ниточка за иглолочкой. Каждый хорош по-своему, но, по сути, они же одинаковые.

— Ром из семьи потомственных военных, — гордо потрянула головой мама Грейн.

— А Дмирт вообще легар, — ядовито заявила мама Ардэн.

— А дышат в унисон, — вставила я.

— Зато у моего сына чистые гены, — уже не слушая меня, выдала Антонина Николаевна.

- А мой полубог по легарийским понятиям, — не сдалась Нина Егоровна.
- Вы еще их агрегатами померьтесь! — не выдержала я и тут же смутилась.
- А у кого больше? — оживились мамы.
- Вот же на хрен, — простонала я, закатывая глаза.
- Беги, Инусик, — усмехнулась Сима, и я послушно сорвалась с места, потому что мамы нашли новое мерило — кто любит лучше.
- Дима-а-а, Рома-а-а, помогите! — подвывала я, несясь к дому.
- А Дмирта она первого позвала, — радостно возвестила мама Ардэн, наступавшая мне на пятки.
- А Рома звала громче, — парировала мама Грейн. — Инночка, доченька...
- Не слушай эту лицемерку, Инусик, — перебила ее мама Ардэн.
- Мама-а-а-а!!!
- Я здесь, доченька, — в один голос отозвались свекрови, и я влетела в объятия... дяди Грейна.

Он грозно посмотрел на женщин и эвакуировал меня из зоны военных действий. Мамы дернулись, было, в дом, куда меня увел Анатолий Константинович, но прорваться не смогли. Сначала одна приложила руку к пластине, прикрепленной на прозрачной поверхности двери, затем вторая, нахмурились, попробовали снова и махнули рукой, удалившись обратно в сад, отчаянно жестикулируя.

— Я сменила доступ, — хмыкнула Сима. — Теперь замок не считывает ДНК владельца и их родственников, больше сюрпризов не будет.

Дядя Грейн с интересом посмотрел на мерцающую красивую Серафиму.

— Ром сказал, что это система с «Аттарии», — произнес мужчина. — Любопытно. Впервые наблюдаю такое саморазвитие.

— Просто вы со своими системами слишком официальные, — усмехнулась я. — Попробуйте со своей поговорить, может, и она преподнесет вам сюрпризы.

— Сомневаюсь, — улыбнулся дядя Грейн. — Сима уникальна. Это был экспериментальный вариант с расширенными возможностями. Ее специально разрабатывали для «Гордости Аттарии». — Серафима замерцала смущенным красным светом. — Этот корабль тоже уникален. В империи шесть космических военных баз. Станций класса «Планетарные разведчик» сто, но «Гордость» единственный объединенный вариант, тоже экспериментальный. Дмирт и Ром служат на нем двадцать лет. Ардэн получил его под свое начало после успешной операции на Омари. Рома после той операции тоже перевели командиром на разведывательный крейсер «Неуловимый», но он выбрал должность первого помощника на «Гордости», которую ему предложил Дмирт.

Пока он все это говорил, мы вошли в гостиную. Не знаю, как у них обзывают комнаты, но я сразу окрестила ее гостиной. Мой дом, моя гостиная, мои названия, так-то. В общем, в гостиной нам предстала странная картина. Рома, тихо угорающий у окна, папа Грейн с

каменным спокойствием на лице и чертенятами в глазах, Дима в чешуе и шипящий, как закипевший чайник, явно в бешенстве, а у его ног, уткнувшись лбом в пол, стояли на коленях три мужика, что-то вещающие на том же непонятном языке, который иногда употреблял Ардэн.

— Опася, — сорвалось с моего языка. — Это что за идолопоклонничество?

— Ашасайа! — воскликнул один из Ардэнопоклонников.

— Ашасайа! — подхватили остальные, взглянув на меня с таким обожанием, что я спряталась за спину дяди Грейна.

— Чего надо? — с подозрением спросила я из своего укрытия.

Рома быстро пересек гостиную, привлек меня к себе, собираясь объяснить. Дальше произошло следующее. Трое блаженных вскочили с колен, выхватили огромные тесаки из-за пояса и с криком:

— Охеар ашасайа! — ринулись на нас с Ромой.

Я отчаянно завизжала, Грейны — дядя и племянник — закрыли меня собой, выхватывая парализаторы, а Дима... Одежда на нем затрещала, выпуская острый, как бритва гребень. Ардэн упал на четвереньки, и из его груди вырвался крик, смешанный с рычанием. Следом затрещали кости, и в комнате воцарилась мертвая тишина.

— Димка! — закричала я, понимая, что ему больно.

Рома попытался меня удержать, но я вырвалась и подбежала к Ардэну, с которым происходило, черт знает что. И если бы меня до этого не украли настоящие инопланетяне, если бы я не увидела швера, гордара и не разговаривала с самостоятельной программой, которой лично дала имя Серафима, то, наверное, сейчас бы точно благополучно грохнулась в обморок. Но со мной уже успело произойти все самое невероятное, что только возможно, и я уже имела счастье наблюдать, как обычный вроде человек покрывается чешуей. Потому новое преобразование одного из моих мужчин вызвало только одно слово:

— Мля-я-я...

Не могу утверждать точно, но мне показалось, что он стал еще выше ростом, просто в тот момент я пребывала в некотором шоке, как и все присутствующие. Челюсти раздались, окончательно превращая лицо в квадратную морду с дырочками ноздрей и полностью желтыми глазами с вертикальными зрачками. Уши заострились, становясь больше похожими на эльфячьи, какими их привыкли рисовать. И все это великолепие сидело на мощной шее. Чешуя, твердая, но, на удивление, эластичная, не скрывала бугрящихся мышц, которыми обладал Дима и в нормальном человеческом виде. Длинные узловатые пальцы, увенчанные когтями, пробежались по обрывкам одежды на раздавленной еще шире груди и сорвали ее, открывая чешуйчатый торс. Но главное, у Димы появился хвост! И он им молотил по полу, находясь явно не в лучшем расположении духа.

— Ашайа! — завyli блаженные, вновь падая мордой в пол, теперь вообще распластавшись.

— Дмирт, ты как? — спросил Рома, подходя к нам.

Блаженные тут же вспомнили про свои тесаки и рванули в сторону Грейна, забыв, что собирались протереть собой пол в нашем доме.

— Хош-шь! — рычащим голосом зашипел на них Ардэн, и троица вновь повалилась на пол.

— Тайлар командир сейчас не может говорить на аттарийском, — сообщила Сима. — Его речевой аппарат перестроен в данный момент на воспроизведение только древнего легарийского.

— Но это обратимо? — с тревогой спросила я. Нет, конечно, и это чудо в некотором роде очень даже симпатичное, но ядовитая блондинистая сволочь, к которой я привыкла, все-таки родней.

— Рош, — возмущенно ответил Дима и прижал меня к себе когтистой лапой. Я поскребла ногтями по чешуе, и Ардэн фыркнул, дернувшись, словно ему щекотно.

— Да, — снова пояснила Сима.

— Ну слава те... — вырвалось у меня, и мое чудище обиженно засопело. — Да красивый, красивый, — успокоила я его, Горыныч смущенно дернул хвостом.

Грейн не выдержал и заржал. Я посмотрела на него с укоризной, дядя и отец тоже, Дима пошипел, а блаженные вознегодовали, снова потянувшись к тесакам.

— Хош-шь, — тормознул их Ардэн и что-то сказал, от чего у троицы вытянулись лица, и они выпали в долгий офигей, переводя взгляд со своего ашайа, на меня и после на Рому.

Тут и переводчик был не нужен, и так понятно, что Дима открыл своим почитателям суровую правду жизни о нашем тройственном союзе. Судя по их лицам, для них наличие в паре ашайа и ашасайи третьего пассажира было настоящим шоком. И пофиг, их проблемы. Оба мои! Расправив плечи, я приосанилась и взяла обоих своих мужчин под руки.

— Дим, ты не мог бы... э-э-э... — а, ладно, пусть еще покрасуется.

Блаженные вновь заговорили, причем, глаз больше на Ардэна не поднимали. Так и хотелось повторить слова незабвенного Жоржа Милославского: «Феденька, надо бы переводчика». Но Сима молчала, Рома понимал не больше моего, а Ардэн вообще был сейчас способен только шипеть и рычать легарийскими словами. Решив времени зря не терять, я подергала Грейна за рукав.

— Ром, а что вообще происходит? — спросила я.

— Аттарийское правительство сообщило легарийцам об Ардэне. Эта информация касается их исторического наследия, и замалчивать было нельзя. Заявилась делегация. Для них Ардэн сродни полубогу, теперь уже почти законченный бог, — хмыкнул Рома, и Дима покосился на него. — Хотели с почетом на Легару доставить, чтобы холить его там и лелеять. Ардэн в отказ, они настаивать начали. Дмирт психанул и чешуей покрылся. Послы на колени повалились. Потом пришла ты. Сама понимаешь, твое появление разбудило древнюю кровь, ты для них...

— Священная корова, — осклабилась Серафима. На нее зарычали, зашипели и даже немного покрыли матом... я и Рома. — Пошутить нельзя, — надулась Сима и опять замолчала.

— Ты — Ашасайа, — продолжал Грейн. — Пробудившая пробудившегося, — немного подумав, подобрал перевод Рома. — Единственная, в общем. А что сейчас говорят... Древний

легарийский я даже поверхностно очень плохо понимаю.

— Что-что, — пробурчала себе под нос охомячившаяся Сима. — Народ царя спасенного видеть желает, — козырнула она очередной крылатой фразой из моего любимого фильма. — Просят хотя бы показаться тем, кто за воротами остался.

— И много их там? — поинтересовалась я.

— Их там есть, — размыто ответила Серафима. — А еще тайлар командир отказывается принимать участие в празднествах по случаю своего преобразования. Говорит, что вернется в свой прежний облик, потому что так привычней его избраннице, тебе то есть.

— Ну еще бы у него была другая избранница, — фыркнула я и изобразила, что у меня в руках секатор. Оба моих мальчика возмущенно посмотрели на меня. Я осталась непоколебима. Секатор и не обсуждается.

Еще немного покочевряжившись, Ардэн взял меня за руку и повел к дверям. Показать народу он все же согласился. Он-то согласился, а я-то нет! Об этом я и не замедлила сообщить Дмитрию Горынычу, который на крейсерской скорости пер меня к дверям. Змей подкольный успокаивающе пошипел на меня, но я отказалась его понимать, даже с Симиным переводом.

— Радость, это нужно сделать, а то они от нас не отвяжутся, — меланхолично переводила толмач Серафима.

— Так иди и делай, а я на это не подписывалась, — возмутилась я.

— Им нужно увидеть и тебя, как разбудившую древнюю кровь, — увещевал меня Дима через Симу.

— Да на фига мне надо, чтобы передо мной в экстазе падали? Не хочу я смотреть, как они будут в пыли валяться, — не соглашалась я.

— Мы недолго. Помашем и сразу домой, — уговаривал Ардэн.

— Мой прадед Зимний брал, а я народ в грязь рожами повергну? Долой культ личности! Вся власть народу! — скандировала я, параллельно пыхтя в попытке разжать чешуйчатые зеленоватые пальцы, обхватившие мою ладонь. — Хлеба и зрелищ! Каждому по велосипеду! Книга — это источник знаний!

— Инусь, твой дед не кричал таких лозунгов, — укорила меня Сима.

— Землю крестьянам! — поправила я. Отогнутые когтистые пальцы возвращались на свое место, за нами росла лыжня, которую я оставляла своими упирающимися ногами, в конец охамевший Рома едва не валялся на земле, экзальтированные легарийцы что-то восторженно шипели за нашими спинами, и только Дмитрий Горыныч, гад ползучий, невозмутимо пер меня вперед. — Хрен тебе, а не Инночкин румяный зад, — пообещала я, демонстрируя ему фигу.

— Согласен на сочный перед, — перевела Сима.

— Хамло чешуйчатое, — оскорбилась я.

— Заметь, любящее тебя без памяти хамло, — парировал Симиными устами дракон недобитый.

— Благодарю покорно, — ядовито ответила я и поежилась, когда ко мне обернулась квадратная

морда, обнажив заостренные зубищи в счастливом оскале, и хвост, оказавшийся гибким, как лиана, обернулся вокруг моей талии.

Отодрать хвост оказалось таким же гиблым делом, как и разжать пальцы. И пока я пыхтела и сопела с новой силой в попытках освободиться, рептилоид остановился, и воздух вздрогнул от дружного громогласного:

— Ашайа! Ашасайа!

— Чтоб вас перекожежило, — разлился глас самой доброты в воцарившейся мгновенной тишине.

Народ замер в недоуменном молчании. Дима покосился на меня, вздохнул и начал свое обращение к соплеменникам.

— Моя ашасайа пожелала вам, народ Легары, процветания, долгих лет жизни, крепкого здоровья и благосклонность Священного Змея, — переводила Сима.

Народ возликовал и растянулся-таки в пыли в священном экстазе. Я скривилась, тяжело вздохнула и... гордо вскинула голову. А что? Идеал, почти богиня, хотя почему — почти? Богиня! И корона на уши не жмет. Прости меня, деда... Дима продолжал толкать речь, возносил благодарность Священному Змею за ниспосланную благодать в лице меня, чешуйчатой личины и единения с какой-то Огненной Рекой, наполняющей силой саму землю. Ну ладно, с этим понятно, магма.

В этот момент я подумала, если на очередном нервяке мое счастье еще и огнем плеваться начнет, разведусь к чертовой матери. Он же так и спалить все может. Но с другой стороны спичек не надо. Поехали на пикник, забыли спички, а тут Димася дунул, плюнул, вот тебе и шашлычок под коньячок. Да и куда я от такого красавца денусь? Ладно, пусть прокачивает себя дальше. Главное, не давать ему стоять рядом с горюче-смазочными материалами, а так нормально.

Пока я раздумывала о пользе дракона в семейной жизни, события развивались. Легарийцы ликовали, застыв на коленях. Возносили молитвы, кричали пожелания, зывали к своему божеству, к Диме и даже ко мне. А потом они сдвинулись. Море несостоявшихся рептилоидов понесло свои волны в нашу сторону.

— Хошь! — заревел Ардэн, спешно закрывая меня собой. Легарийцы замерли.

— Он говорит, что не вернется на Легару, — перевела Сима. — Народ в шоке.

Народ был не просто в шоке, на легарийцев напал столбняк. У кого-то дернулся глаз, кто-то громко икнул, кто-то несмело возразил, что одаренный Змеем должен жить на его земле, почитаемый остальными детьми божества. Ардэн убеждал в обратном, и море снова всколыхнулось и понеслось на нас. Позади активировалась троица блаженных, с отчаянием самоубийц, заступившая дорогу отступающему Диме, со мной, уже висящей на плече. А море наплывало.

— Откуда их столько? — взвизгнула я.

— Прибыли утром на трех кораблях, — ответила Сима, шарахнув одного из блаженных в зад электрическим разрядом.

Тот подпрыгнул и оказался в руках Ромы, вышедшего из тени. Он вежливо переставил блаженного на другое место, тут же обработав его из парализатора. Дима не церемонился, просто отшвырнул с дороги второго, третий благоразумно отошел сам. Мы влетели за ограду, и Серафима выставила защитный барьер, об который разбилось море возмущенных легарийцев.

После этого над легарийцами развернулась огромная проекция Димы и громоподобно прорычала, что ноги его на Легаре не будет, если ее дети осмелились оскорбить Пробудившегося попыткой применения силы. Объявил всем, что он обиделся и запретил приближаться к нему, ко мне и любому члену его семьи. И напоследок весьма ядовито напомнил:

— Легаре я не был нужен еще два дня назад, пока вы не узнали о проснувшейся древней крови. Меня вырастила и воспитала Аттарийская Империя, и именно ее я считаю своим настоящим домом. Если бы не империя, моя ашасайа не стояла бы рядом со мной.

— Это мой сын! — раздался позади голос мамы Ардэн. — Так их, Дмирт, собственников недобитых.

— Молодец, мальчик, — похвалила мама Грейн. — Только они от вас не отстанут.

— Это точно, — мама Ардэн отсалютовала стаканом.

— Сегодня же летим на Землю, — отчеканил Дима, успевший принять промежуточную стадию между человеком и рептилоидом.

— Корабль уже готов, — доложила Сима. — Система перемещений активирована. Отбываем?

— Немедленно! — рявкнул уже полностью мой Димочка.

Мамы утерли дорогие слезы, обняли своих сыновей, чмокнули меня в обе щеки, причем, одновременно, и мы ринулись к домашнему залу перемещений.

— Ненавижу ваши технологии, — сказала я, предчувствуя скорое прощание с обедом.

— Запуск, — скомандовал папа Грейн.

— Телепорт открыт, — доложил дядя Грейн.

Мне в карман нырнул временный Сима — носитель. Мальчики обняли меня, и «переноска» сработала.

Глава 26

Космическая яхта «Инесса» на световой скорости разрежала вакуумную толщу, стремясь к матушке Земле уже стандартную галактическую неделю, покрыв большую часть расстояния, разделявшего мою родную планету и Аттарию. За это время мои мужчины пересмотрели кучи отечественных фильмов и вырабатывая линию поведения, чтобы не выделяться в толпе землян. Ха, они и не выделяться. Я окидывала оценивающим взглядом своих красавцев и заранее скрежетала зубами, представляя усиленное слюноотделение окружающих женщин и челюсти, рассыпанные по улицам. Охренеть, я везла на Землю оружие массового поражения женских сердец... и не только женских. Некоторых мужчин они могли взволновать не меньше. И хвала Вселенной, что в моральной устойчивости своих гуманоидов я была уверена, зная, что дышат они мной, но ревновать мне это не мешало, ибо в моральной устойчивости своих подруг я не

была уверена вовсе.

К тому же официально, для родных и близких, моим был только Дима, а Рома его приятель и дальний родственник, сопровождающий нас для знакомства с родителями. Плюс ко всему прочему, Дмитрий мой Горыныч сделал мне предложение пожениться по земным обычаям, как противовес аттарийским, соединившим меня и Рому. Ломаться не стала, белого платья очень хотелось. Но для процедуры требовались паспорта, да в общем-то, они требовались в любом случае. Так что Сима, исследовав мой паспорт слепила такие ксивы, что родное УФМС могло бы удавиться от зависти, до того паспорта моих мальчиков были настоящими. И замуж я шла не за Дмиртаилиана Ардэна, а за Ардашева Дмитрия Валентиновича. Рома стал у нас Граниным Романом Андреевичем. Отчества, естественно от пап в моей обработке. Комар носа не подточит. Как есть наши мужики, только идеально красивые и без вредных привычек. Ну кроме охрененного либидо. Это, знаете ли, тоже может быть недостатком. После того, как я лишилась сознания прямо во время любовных упоений, им все-таки пришлось держать себя в руках. Очнулась в регенераторе. Свежа, бодрa, весела... соблазнительна, отлюблена на месте и совершенно счастлива. Бабуины озабоченные. Сима успокоила, сказав, что мальчики немного утихомятятся, когда первые восторги улягутся, и они найдут себе дело.

Со службы, как и собирались, они уволились, отправив рапорты уже с борта яхты. В любом случае, с Земли мы летели на Хейду, чтобы уже по местным законам оформить тройственный союз и осесть там для долгой и счастливой семейной жизни. Мальчики планировали первый год не снимать блок, оставаясь стерильными, чтобы насладиться мной и свободой. Денег, заработанных за время службы, им вполне хватало на безбедное существование. Ну а потом уже хотели открыть частную транспортную компанию. Мне же предоставлялась честь стать мамой, но об этой части супружеской жизни я пока старалась не думать. Не то чтобы я не хотела, очень даже хотела. Просто мне предстояло вынашивать двойню, от обоих сразу, чтоб никому не было обидно и завидно. Это устроить было легче легкого, и все было обсуждено на семейном совете, мною одобрено и оставлено в планах на будущее.

Но сейчас у нас было настоящее, и мы разработали легенду для моей родни и друзей, где я пропала столько времени. Вышло очень романтично. Рассказываю. Начало от истины не отличалось. Путевка, турбаза, поломавшийся автобус, самостоятельный поход. Дальше лихач, авария, я в кустах без сознания и памяти. И тут на сцену выходил первый герой сей драмы — Гранин Роман Андреевич. Он нашел меня в тех самых кустах, неспешно проезжая мимо. Увидел невдалеке сумку с разбросанными вещами и женскую ручку, торчавшую из кустов. Подобрал и отвез к себе домой. Почему домой? Так медик он, а до больницы далеко. Вот и повез, убедившись, что переломов и страшных травм нет.

Так как вещи разлетелись, то и паспорт утерялся, потому спаситель ожидал, когда в себя приду. Пришла, ни фига не помню. Он оставил меня до полного очухивания. Очухивание не наступало, в смысле память не возвращалась. А потом к нему приехал седьмая вода не киселе — Ардашев Дмитрий Валентинович. Увидел меня, обмер и все, влюбился без памяти. Я, естественно, в него. Отсель жених у меня и появился.

Справки господа Гранин и Ардашев наводили, пытаюсь узнать, кто я и откуда. Но так и не выяснили. Дальше я переехала к Диме, у него и жила. Рома часто звонил, справляясь о моем состоянии. И все бы так и текло, но однажды я вешала занавески, стремянка покачнулась, и я полетела пол, испытав нехилый стресс. От стресса вернулась память. И вот мы здесь, встречайте нас дорогие родственники. Любите и жалуйте.

Неудобство состояло лишь в том, что мой паспорт был потерянным, и для похода в ЗАГС мне требовался новый. Слава Богу, у папы были знакомые в паспортном столе, и долго ждать мне

не придется. Вот такая вот романтическая история, сдобренная всякими мелкими подробностями и фальшивыми воспоминаниями, почерпнутыми из тех же фильмов.

Проблема совместного проживания тоже не стояла. Моя квартира отчаянно скучала по мне. Квартира мне досталась от бабушки. Когда я выросла, бабуля, не особо интересуясь мнением моих родителей, махнулась со мной: ее квартира на мою комнату в отчем доме. Папа выпал в некоторый осадок, ибо с тещей пребывал в своеобразных отношениях. Не то чтобы они не любили друг друга, но бабушка — это я и мама, только совсем мудрая. Меня и маму родитель еще выдерживал, все-таки жена и дочь, но бабушкина энергетика его вгоняла в тоску. Но ничего, сжились, свыклись, тем более, бабуля, въехав в мою комнату рейдерским захватом, сразу выдала папе бутылочку валерьянки и заявила:

— Из Инкиных пенат я только на кладбище, так что, зятек, или собирай мухоморы мне на жаркое с грибами, или живи, да радуйся любимой теще.

Папа обдумал предложение бабушки, почесал в затылке и выбрал второе. Просто он у меня не грибник и лес не особо любит. Подозреваю, что внутренний компас у меня, как раз, от родителя. Он один раз повел меня за черникой, когда мне пять лет было, только мама нас и вывела. Оказалось, что мы все время рядом с дорогой блуждали. Да-да, как я у турбазы.

А вообще семья у меня дружная и веселая. И любящая! Я даже зажмурилась, когда представила всю свою семейку в сборе. Ой, что будет, когда мы заявимся. Они ж, наверное, уже давно все глаза выплакали, а тут, о-па! Я, да еще и с мужьями. Одним явным, вторым тайным. И все мои! Надо за Светкой приглядеть, эта упырица точно себя в руках не удержит, и по фиг на легенду о его жене и детях. Убью!

— Сердце мое, — ласковые пальцы Ромы коснулись моей скулы, — у тебя личико воинственное, кому уже шею сворачиваешь?

— Светке, — призналась я и сразу сунула ему кулак под нос. — Смотри мне.

Рома поцеловал мой кулачок и сжал его в ладони.

— Я уже все виды казней запомнил, — ответил он. — Поверь, впечатлен и испуган.

— Радость, если не доверяешь, мы ему можем укольчик сделать, обезвредим на время пребывания на Земле, — хмыкнул рядом Дима и потянулся, как довольной жизнью сытый кот. Я залюбовалась.

— Себе сделай, — возмутился Грейн.

— Не могу, у меня первая брачная ночь ожидается, — осклабился Ардэн, становясь еще больше похожим на кота.

— Моя первая брачная ночь стала нашей, — усмехнулся Рома, притягивая меня ближе к себе. — Так что не вижу повода изменять обычаю, которому ты сам положил начало.

Дима закинул на себя мои ноги и пробежался кончиками пальцев по бедру.

— Какой разврат, — фальшиво вздохнул он. — Дорогая, твой любовник будет спать с нами, — довел он до моего сведения.

— Дорогая, — в тон ему подхватил Рома, — твой любовник не вылезает из нашей постели.

— Да у вас в моей постели уже прописка, — проворчала я, пытаюсь подняться с кровати.

Меня, нехотя, выпустили из цепких лапок. Мужики посмотрели друг на друга и тоже встали. Ну конечно, валяться, когда я между ними, гораздо интересней. Усмехнувшись, я скрылась в душевой. Сима, сразу захватившая власть на яхте, послушно дала мне теплой воды. Она вообще стала очень покладистой, пыталась прорваться на Землю вместе с нами. Мы объясняли ей в три голоса, что для такой крутой Симы, как она, на моей планете нет ничего, к чему бы она могла полноценно подключиться. Серафима залезла в мой мобильный. Он так и валялся в сумке, которую мальчики перенесли с корабля в наш дом на Аттарии, а Сима отправила на яхту. Телефон разрядился в тот же день, когда я оказалась на «Гордости», и услышать пиликание включившегося гаджета было очень странно. Зарядить его мне было негде.

— Зацени, Инусь, — велела Сима.

Я взяла в руки телефон, с экрана которого на меня смотрела миниатюрная Серафима. Потом телефон зазвонил. Я нажала на кнопку приема вызова и осторожно поднесла его к уху.

— Привет, пупсик, — произнес динамик Симиным голосом. — Видишь, мне есть, куда себя засунуть. Не разгуляешься, конечно, но я потерплю.

— Неприемлемо, — тут же отчеканил Дима. — Телефон тоже должен потеряться вместе с паспортом. Наверняка, тебе звонили, когда разыскивали. Если бы он был при тебе, то уж зарядное устройство к нему бы нашли, и ты могла принять вызов.

— Только хотел сказать, — поддержал Рома.

— Разумно, — согласилась я.

— Ну возьмите меня-а-а, — заныла Сима, выбираясь из телефона. — Я буду хорошей. Я не буду показывать попу с ушами. Я вообще никому, кроме вас не покажусь.

Я посмотрела на своих мужчин, они на меня, причем, мольба в глазах была отнюдь не у меня. Вот же... Ну как можно отказать двум няшам с мольбой в глазах? Потом посмотрела на Симу. Она вообще изображала кающегося грешника. Опять на своих ненаглядных, на Симу, на ненаглядных.

— Если будешь послушной, — наконец, выдавила я сварливым голосом.

— Буду-буду-буду, — затараторила Серафима. — Вы офигеете, какой я буду послушной. Я буду супер послушной. Я вообще буду ангелом. Честно-честно.

Мне достался тяжелый взгляд brutальных няшей, и я тяжело вздохнула, отмахиваясь от них. Телефон решили купить новый. Только вот с деньгами возникали проблемы. Мальчики у меня далеко не бедные, но это в пределах Альянса Десяти и союзных им планет. А вот на Земле весь их баланс равнялся нулю, и на нашу валюту не обменивался. Я же имела небольшой достаток, и обеспечить нас троих не могла. К тому же мои ненаглядные жутко оскорбились даже от одной мысли, что могут оказаться у меня на шее.

— Деньги есть? — хмуро спросил меня Дима.

— Любимая, у тебя там лежали какие-то бумажки, — напомнил Рома, который выдавал

анализатору мое имущество на изучение.

Я вытащила тысячерублевую банкноту.

— Все давай, что есть, — велел мой синеглазик, и я вручила Грейну весь кошелек, лежавший в боковом кармане сумки.

Через несколько минут Сима объявила, что анализ закончен, и она может воссоздать копии.

— Нас посадят, — горестно вздохнула я и... потерла ручки.

Через пару часов на «Инесе» появился царь Кощей, дрожащими руками пересчитывающий миллион рублей. Мои глазки горели алчным блеском, слюна обильно наполняла рот, а призрак неба в клеточку казался сейчас таким незначительным, что я снова и снова подгрребала под себя свои богатства, приговаривая голосом старухи-процентщицы:

— Мое... Все мое...

Мальчики тихо угорали, глядя на экстаз моей жадности. Я зыркнула на них через плечо, представила, как они меня берут на миллионе рублей, и призывно закусила губу. Мальчики угорать перестали, приосанились и... воплотили мою фантазию в жизнь, два раза. Потому что с миллиона я уходить не хотела, и Сима дала еще один в спальней каюте. Только после этого я покинула кубрик, чтобы упасть на деньги, которыми была завалена кровать. Тут меня уже ни о чем не спрашивали и воплотили фантазию в третий раз. После этого я зарылась в купюры, свернулась клубочком и уснула чистым сном младенца.

А когда проснулась, не нашла ничего, кроме двух мерзавцев, убравших два миллиона рублей аттарийского производства в неизвестном направлении. Разбудив их, я устроила маленькую истерику, и мне обещали вернуть деньги на Земле.

— Любимая, деньги портят людей, — философски заметил Рома.

— Посмотри, что с тобой вчера было, — воззвал к моему самосознанию Дима.

— Золотая лихорадка не лечится, Инусь, — добавила Сима.

Обложили сволочи. Шмыгнув носом, я устроила им бойкот на ближайшие три часа, но свернула его уже через полчаса, не умею я так долго молчать. Ну и ладно, мелочи. Что касается нашей безопасности, то мы себе вполне мило летели. Для пиратов такая мелочь интереса не представляла, как и для кордонов на некоторых планетах, мимо которых проходила «Инесса». Частников, как объяснили мальчики, вообще трогали редко. Смысла не было. Судно маленькое, кстати, яхтой я его обозвала, как раз за малый размер, ничего сверхценного на таких не перевозили. Максимум, что нам угрожало, это захват с целью выкупа, но с аттарийцами никто связываться не хотел из-за их Закона о Неприкосновенности. Трех возьмут, потом весь космический флот примчится карать за подданных его императорского величества. Может, и не весь флот, но потрясут похитителей изрядно. Так что нас везде пропускали благополучно, не задерживая и не устраивая досмотров. Раве что те самые моллюски, от которых меня прятал в шкаф Рома в начале нашего путешествия. Я, прям, вся испереживалась за наши миллионы, но погранцов не заинтересовали наши богатства. Темнота раиланская.

К Земле мы подлетели на десятый день по стандартному галактическому времяисчислению. Завидев родной голубой шарик, я обмерла, померла, воскресла и снова померла от счастья и

волнения. В этот момент я поняла, как соскучилась по своей примитивной цивилизации. По удушливому запаху выхлопных газов, по вредным гамбургерам и чипсам. По шоколаду, по фиг какому. По нашей музыке, по родному языку, по стерве хозяйке салона красоты, где я работала. По мороженому, по звукам соседского перфоратора. По пустому трепу по телефону с моими девками. По несовершенным мужикам, что не означало, что я устала от своих идеальных мужей, и дворовому патрулю из состава соседских пенсионерок. По давке в маршрутке и в метро. По загаженному заливу и собачьему лаю. Но, главное, по маме, папе и бабушке.

Но сразу к ним мы идти не могли. Нужно было подготовиться и навести на моих мужчин земной лоск. Работы непочатый край, а, главное, есть два миллиона, потому никакая работа не пугает. Сима спешно собирала данные о последних изменениях на моей родной планете. Их практически не было, что не могло не радовать. Все было родным и привычным.

«Инесса» зависла недалеко от Питера, незаметная ни радарам, ни обычному глазу. Сима включила родную систему управления и жизнеобеспечения яхты, но замкнула на себе. Сама переместилась во временный носитель, оставшийся активированным. На это и рассчитывала паразитка, когда взяла работу менее умной Симы под контроль. Теперь ее было не заглушить, чтобы не нарушить маскировку.

— Я предполагал что-то подобное, — отметил Дима.

— Кэп, не кипишуй. Сима хорошая, — отозвалась Система.

— Ой, что будет, — протянула я, прижимая к себе сумку с деньгами.

— Все будет з... — ответил Рома, и я погрозила ему пальцем. — Хорошо все будет, сердце мое, — тут же поправился он.

Мальчики еще раз проверили документы. Уходили они упакованные: паспорта, водительские права, которые им сработала Сима, считав данные с базы ГИБДД. Одежду, как смогли, подобрали более-менее похожую на земную. Отняли у меня сумку с деньгами. Точней попытались, не отдала. Применили силу, и теперь я висела на Диме, потому что деньги были у него. Рома активировал отсроченный старт телепорта, и мы встали в круг. «Переноска» блекло сверкнула, и я упала в культурный обморок от переполнявших меня чувств.

В благородной несознанке я прибывала недолго. Шлепок по щекам, и я уже на ногах, жадно осматриваю родные просторы. Я дома, да-а-а!!! Вон, пакет из-под чипсов, а рядом смятая банка «Пепси». А вот стекло от разбитой бутылки и окурки. Какое милое сердцу свинство, а я-то, глупая, раньше возмущалась. Через час я, наверное, снова возмущусь, но сейчас, именно сейчас, весь этот мусор на пыльной дороге мне был невероятно дорог.

— Нужно выйти на дорогу, чтобы поймать маршрутку до Питера, — сказала я, все еще вертя головой, чтобы ухватить все разом.

Дима посмотрел на свой браслет, над которым появилась голограмма карты Питера и его окрестностей с информацией, которую считала Сима.

— Мы же рядом с Сестрорецком, — мальчики кивнули. — Или сесть на машину с Сестрорецка, или на Горской. Там с Кронштадта идет маршрутка, — сказала я.

— Мы между этими пунктами, — ответил Дима.

Через полчаса мы уже сидели в машине сметливого мужика, решившего заработать денег по дороге до Питера. Даже до остановки не дошли. Я тормознула его на все еще кипящих эмоциях. Да и зеленый цвет лица моих героев не способствовал долгой прогулке рядом с автострадой. Они упорно делали вид, что с ними все хорошо, но у меня было ощущение, что я их собираюсь убить особо жестоким способом — заставить надыхаться выхлопными газами.

— Мы быстро адаптируемся, — сипло произнес Рома, пока Дима заходился в кашле.

— Радость, как ты тут жила? — спросил меня, отдышавшись, Ардэн.

— Отлично жила, — фыркнула я и тормознула ту самую машину.

Мужик высадил нас на проспекте Просвещения, получив честно заработанные пятьсот рублей, пока еще настоящих. Я широко улыбнулась, рассматривая до боли знакомые очертания питерских улиц, счастливо вздохнула и потащила мальчиков в торговый центр, где нам предстояло приодеть их. «Гранд Каньон», рядом с которым нас высадил водила, встретил нас деловитой суетой и раскрытыми ртами местного населения. Рты открывались, когда людские взгляды находили двух великолепных самцов аттарийского производства. Еще бы не найти две двухметровые шпалы, одаренные идеальными телами и такими же лицами. Меня в этом великолепии уже никто не видел.

Сами красавцы с детским любопытством на рожах вертели головами, рассматривая пальмы в кадках-скамейках, сделанных на подобию мексиканских шляп, задирали головы и скользили взглядами по витринам магазинчиков. Я же охомячилась до состояния обиженной Симы, скрестила руки на груди и отслеживала обильное дамское слюноотделение, грозившее затопить торговый центр.

— Любимая, — позвал меня Рома, и девушка в джинсовых шортах, пялившаяся на него, придавила меня тяжелым взглядом. После этого я горделиво расправила плечи и криво ухмыльнулась. Мое!

— Да, милый, — елеинным голоском отозвалась я.

Пока Рома спрашивал, а я отвечала, мы поднялись на второй этаж. Осмотревшись, я уверенно завела своих аттарийцев в магазинчик мужской одежды. Девушки-продавщицы застыли, рассматривая моих жеребцов.

— Девушки, — я пощелкала пальцами, выводя их из транса, — нам бы одеться.

— Что бы вы хотели? — оживились вертихвостки, подлетая к Роме с Димой.

Они посмотрели на меня, но я махнула рукой, давая продавцам заняться своей работой. Если честно, у меня сейчас не было сил на то, чтобы заниматься подбором одежды для мужчин, столько разных эмоций еще бурлило внутри. Я уселась на кресло и скользила задумчивым взглядом по рядам штанов, футболок, рубашек и прочих шмоточных радостей.

Проследив, как мальчики скрылись в примерочных, а девушки усердно разбежались по небольшому залу, подыскивая одежду, я сказала, что посмотрю телефоны и покинула магазин. Мой «потерянный» паспорт был при мне, потому сложностей с подключением я не видела. Я собиралась выбрать три телефона и сразу подключить их. Сколько времени на это ушло? Прилично. Если выбрала я сразу три одинаковых гаджета, то оформление заняло времени достаточно.

Не успела я взять в руки свой телефон, как он зазвонил.

— Инусик, — верещала счастливая до неприличия Сима, — я забралась везде! Здесь вообще нет преград, гуляй, не хочу. Такая забавная защита, такие смешные вирусы, это же просто ра-а-ай! Кстати, ты бы поспешила назад.

— А что там? — тревожно спросила я.

— Увидишь... — уклончиво ответила Сима.

Мальчик-продавец закончил оформление последней симки, и я рванула наверх. Уже подбегая к магазину, я неприятно удивилась громкому женскому смеху. Влетев в двери, я застыла, разглядывая злющих продавщиц, которых оттеснили четыре ушлые девицы, обступившие моих, МОИХ мужиков!

— А вот это попробуйте примерить, Дима, — мурлыкала одна, подсовывая Ардэну рубашку.

— Ромочка, а вам бы очень подошла эта маечка, — задушевно вещала общипанная блондинка на тонких ножках, вышагивая пальцами по широкой груди офигевшего Грейна.

На лицах обоих аттарийцев блуждала растерянная улыбка. Они явно не знали, что им делать.

— Ему не пойдет эта майка, — рявкнула одна из продавщиц, которую лишили возможности любования.

— Девушка, — блондинка презрительно посмотрела на оппонентку, — как вас сюда работать взяли. С таким телом подойдет все.

— Вы к такому телу не подойдете, — зарычала я, врываясь в этот милый междусобойчик.

— А ты кто такая? — наглая рыжая девка, ненавязчиво так подтолкнула меня бедром, и я чуть не завалилась на вешалку с джинсами. — Мальчики, а хотите, мы вам Питер покажем? — И это при родной и законной мне!

Рома с Димой дружно шагнули ко мне, ловя у самой вешалки. Они укоризненно посмотрели на охамевших девок, джентльмены хреновы.

— Радость, с тобой все в порядке? — спросил Дима.

— Нет, — рявкнула я, выпрямляясь. — За мной!

— Куда? — поинтересовался Рома, глядя на меня своими огромными синими глазами.

— В отдел садового инвентаря, — кровожадно ответила я, направляясь на выход. — Хочу купить тяпку для прополки цветника и секатор.

— А деньги! — ожила самая морально-устойчивая продавщица.

Я развернулась, окинула убийственным взглядом четверку хищниц, они испепелили такими же взглядами меня, и отправилась к кассе.

— Дима, ко мне, — все еще злая, скомандовала я. Деньги по-прежнему находились у него, и я очень надеялась, что он догадался достать наличку из сумки заранее.

Ардэн протиснулся сквозь живой заслон из женских тел. До меня донесся чей-то тихий стон. Убью на фиг. Всех. Дима догадался достать деньги. Мы оплатили покупку, которую я пока не успела оценить, потому что четыре девицы и мои нервы этому не способствовали.

— Ромочка, — донеслось до меня, и я резко обернулась, блондинка опять облизывала взглядом моего синеглазика, уже мужа, между прочим!

— Гранин! — рявкнула я.

— Да, сердце мое, — тут же отозвался Рома.

— Что, оба? — поразилась рыжая.

— Да, — высокомерно улыбнулась я. — Оба.

— Это уже наглость, — фыркнула блондинка, и Рома с широкой улыбкой развел руками, тут же протискиваясь к нам с Димой.

Выходила я из магазинчика походкой королевы, с мордой победительницы и с воображаемыми топорами в спине от всех дам, оставшихся в магазинчике. Больше я от своих мужиков не отходила, лично занимаясь подбором обуви и прочих мелочей, не ослабляя бдительности и отслеживая потенциального противника еще на подступах. Мальчики млели от моей ревности, гады аттарийские. Я бесилась, от всего.

После торгового центра мы отправились не куда-нибудь, а в автосалон. Многомудрые головы моих мужиков, напичканные расширенными возможностями, уже имели в себе информацию и об устройстве земного средства передвижения, и о правилах дорожного движения, и принципах вождения автомобиля. Оставалось только опробовать на практике.

Вот это было испытание, скажу я вам. Во-первых, проверка фальшивых документов на вшивость, во-вторых, вываливание кучи фальшивых денег, это вам не несколько купюр в магазинах. Оформление документов, получение номеров, а потом первый выезд на улицы города, совершенно незнакомого обоим мужчинам. Но я участвовала только в поездке. В остальном, работала декорацией, кивающей с умным видом, когда аттарийцы вели беседы с продавцом, впаривавшим им автомобиль.

На ушах обоих висели гарнитуры, через которые Сима делала подсказки, и я только рот открывала, слушая от них такие слова, как: привод, климат-контроль, АКПП, ручное управление и тд. Даже загордилась ими еще больше. Ёкарный бабай, честное слово, думала ли я когда-нибудь, что отхвачу себе такое чудо? Девки умрут от зависти, я от удовольствия. Да и по фиг, зато все это мое.

Выезжали мы из салона на новеньком кроссовере «Ford Kuga». Я сидела на заднем сиденье с зажмуренными глазами, пока Дима, взявший на себя управление, а кто бы сомневался, осваивался за штурвалом автомобиля. После нескольких нецензурных высказываний о плотном потоке, в который мы влились, о наглости водителей и планете в целом, за что тут же извинился, но я все равно запомнила, Ардэн приспособился.

— Через сто метров, — начал вещать навигатор.

— Заткнись, дура, — рявкнула Сима. — Мозгов нет, а все туда же. Слушайте меня, Сима выведет.

Я расслабилась, положила голову на плечо сидевшего рядом Ромы и молча рассматривала улицы, по которым просто дико соскучилась за время своего отсутствия. Деревья еще не пожелтели, лето практически закончилось, и нам просто повезло попасть в жаркий день, несмотря на конец августа.

— Волнуешься? — спросил Рома, целуя меня в макушку.

— Угу, — кивнула я, мы ехали к моим родителям.

— Все будет хорошо, — отозвался с водительского места Дима.

Будет. Но сначала... Ой, что буде-е-ет...

Глава 27

— Инка, утопленница, — глухо ахнула баба Лена, хватаясь за сердце.

— Да какая утопленница, ее же маньяк порезал, — укоризненно покачала головой баба Оля. — Ох, ты ж, Господи...

— Да нет, машиной ее по дороге размазало, как масло по булке, — внедрилась в обсуждение моей кончины баба Тася и тоже спешно побледнела. — Восстала...

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась я с женщинами у родительского подъезда.

— Здравствуй, Инночка, — сладким голосом ответила баба Лена. — И с мужиками, — зашипела она бабе Тасе на ухо. — Кувыркалась где-то, видать.

— Ага, а мать тут еле откачали, — кивнула баба Оля.

— Шалава, — вздохнула баба Тася.

Мои мужчины грозно взглянули на женщин, и те осклабились в счастливых оскалах.

— А кобелей-то себе каких отхватила...

— Неужто с двумя?..

— Шалава и есть...

Мама дорогая! Я прикрыла волосами пылающие уши. Вот тебе и первая радость от моего воскрешения. Но бабок я тут же выкинула из головы. Маме было плохо! Я взглянула злым взглядом на Рому, тот скромно потупился. Прибавив шагу, я взлетела на третий этаж, даже не запыхавшись. Встала перед дверями и помолилась, на всякий случай. Мальчики ободряюще погладили меня по плечам, и я решила.

Звонок прозвучал оглушительно в тишине парадной. Послышались шаги, и дверь открылась. Мама посмотрела на меня, на аттарийцев. Дверь закрылась.

— Ма-а, — позвала я. — Ма, это я, живая.

Послышались удаляющиеся шаги, потом мама вернулась. Дверь открылась, меня, как пылесосом, втянуло в квартиру, дверь закрылась. Э-э-э... Я перевела взгляд на маму, которая в руках сжимала сковородку.

— Ма, ты это чего? — осторожно спросила я, отступая к стене.

Из кухни вышла бабуля, сжимая в руках скалку, как партизан гранату. Они молча оттеснили меня. Дверь снова раскрылась... Мои женщины совершили отчаянный марш-бросок, из парадной послышался ядреный мат в аттарийском исполнении. После этого все стихло.

— Кажись, наши, русские, — произнесла бабушка.

— Мама, бабуля, я вернулась! — возвала я к ним, офигевая от отсутствия обмороков, счастливых криков и слез. — Хоть обнимите меня что ли!

Мама и бабушка обернулись, снова посмотрели на меня.

— Инулечик! — воскликнула мама.

— Козюля наша, — подвыла бабушка, и встреча воссоединившейся семьи состоялась.

После тройного плача, лобызаний, затрещин от старших женщин мне, опять объятий и звонка папе, нас с мальчиками провели в комнату для обмена информацией и знакомства. Оказалось, что в своем горе моя родня посетила двести тысяч гадалок и экстрасенсов. И вот некая Аделаида, выйдя из глубокого транса, сказала им, что меня удерживают в неволе где-то очень далеко. Вокруг сплошная ночь, и говорят не по-нашему, а вроде, как на немецкий похоже. И даже похитителей описала. Сказала, красавцы такие, что смотреть на них спокойно она не может, ибо женщина одинокая, и от разглядываний всякие ее искушения посещают. Мы с мальчиками переглянулись, и адресок Аделаиды я запомнила.

Родня моя ей поверила. Тем более, Аделаида обещала, что я объявлюсь, пока еще тепло будет. И приведут меня похитители. Стоящая тетка, в общем. Так что, уверившись в том, что я жива, мои поуспокоились и принялись ждать. Дождались. Вот и ринулись мама с бабушкой кровинушку отбивать у нехристей. А те матом отечественным, вроде как свои, не немчура. Это моих женщин и успокоило немного. Все-таки Сима молодец, правильным вещам аттарийцев учила, а то забили бы мне мужей на фиг. И так вон шишки у обоих на лбах красуются, а карманным регенератором пока воспользоваться нельзя, палево.

Мы тоже нашу историю рассказали, на ходу раскрашивая ее всякими подробностями. Причем, подробности лились из уст моих мужиков, оказавшихся еще теми фантазерами. Мама с бабушкой только охали и ахали, да ладошками рты прикрывали.

— Так что, Элеонора Игоревна, я смиренно прошу у вас руки вашей дочери, — закончил речь Дима, поднимаясь с дивана, на котором сидел.

Мама подошла к нему, пристально рассмотрела и выдала, глубокомысленно так:

— Так вот ты какой, северный олень, — ну да, зятя-то она давно ждала. Все гадала, кто их ягодку заграбастать захочет лапами своими порочными.

— Явился, значит, — произнесла бабушка, сурово сдвинув брови.

— Почему — олень? — опешил Ардэн.

— Любишь Инку? — продолжила допрос бабушка.

— Люблю, — рванул на груди новую черную рубашку Дима.

— Паспорт покажи, — прищурилась мама.

Роман Андреич с видимым облегчением выдохнул. Понимаю. Попасть под каток нашей семейки — это, знаете ли, своеобразное удовольствие. Мне вдруг вспомнились мои свекрови. Только сейчас я поняла, что они очень милые, даже мама Ардэн.

— Инночка, что сейчас будет? — спросил шепотом Рома.

— Кирдык Горынычу, — мрачно ответила я.

Бабушка притащила стул, мама кивком велела Диме сесть на него. И понеслось. Образование? Родители? В разво-оде-е?! А как, молодой человек, вы относитесь к семенным ценностям? Ах, вы их уважаете, тогда как вы смотрите на родительский развод? Как долго длились прежние отношения? Не было долгих отношений? Ветреный? Непостоянный? Женщин любишь? Ах, Инну любишь? Вы ж знакомы всего ничего и уже жениться? Ах, жизни без нее не видишь? Чем докажешь?

— Ну мама-а-а, — заныла я, — бабуля-а,хвати-и-ит.

— Молчи, балбесина, о тебе радеем, — отмахнулись мама и бабушка, и допрос продолжился.

В этот момент открылась дверь, и в квартиру влетел папа с обрезком металлической трубы.

— Убью! — заревел он, бросаясь на Диму, просто он первый ему на глаза попался.

— Папа!

— Коля!

— Зятек!

— Охренеть, — выдохнул Рома, вжимаясь в спинку дивана.

Ардэн выразился крепче и пулей вылетел из комнаты. Я за ним. Мама повисла на папе, бабушка закрыла своим телом Рому. Рома вежливо поздоровался. Полный Армагеддон.

— Дим, — позвала я, стоя под захлопнувшейся дверью ванной. Похоже, рванул на удачу, — открой.

— Ты одна? — спросил он, и я расслышала шипящие звуки.

— Одна, открой.

Ардэн отодвинул защелку, и я просочилась в ванную. Тут же высунула наружу руку и включила свет.

— Вашу ж империю через коромысло, — выдала я, разглядывая чешуйки, проступившие на висках и скулах Ардэна.

— Переволновался, — виновато вздохнул Дима. — Меня так даже таруанцы не пытали. Твои мама и бабушка работают в спец. службах?

— Нет, — усмехнулась я. — Бабушка всю жизнь на швейной фабрике проработала, а мама

диспетчером в автобусном парке вкалывает.

— А так и не скажешь, — вздохнул Дима, открыл холодную воду и ополоснул лицо.

Я подала ему полотенце, и Ардэн обтер лицо. После привлек меня к себе и уткнулся лицом в волосы, с наслаждением втягивая в себя их запах. Я чуть отодвинулась и заглянула в темнеющие глаза.

— Потерпи еще немного, — попросила я.

Дима кивнул и поймал мои губы.

— Инка, а ну, яви отцу жениха, — велел строгий отцовский голос.

— Это все не так страшно, — попробовала я успокоить Диму, и мы вышли из ванной.

Родня времени зря не теряла. Роман Андреич сидел на допросном стуле, взмокший и с шальными глазами. На Диминых губах заиграла злорадная ухмылка, но:

— О, а вот и Дима с Инной, прошу, — подскочил Грейн со стула.

— Ну... Гранин, — угрожающе ответил Ардэн.

— А давайте чай пить! — воскликнула я прежде, чем допрос пошел на второй виток.

Дамы мои оживились, папа отложил трубу и полез за настоечкой собственного изготовления. Я и мои мужчины облегченно вздохнули. Дальше знакомство перешло в мирное русло. Настоечка мальчикам понравилась, ага, а домой придется ехать теперь на метро!

— Радость, мы ж... — Дима пьяненько икнул и достал из кармана мини-регенератор, — того, упакованные. Нам все это... ме... мелочи.

— Инночка, — Рома выглядел не лучше, — все пучком.

— Сидите уже, простые русские парни, — усмехнулась я.

Домой мы в тот день так и не поехали. Дима уснул в обнимку с папой, просто у папы много настойки, и он умеет уговаривать. Рома раскинул диван вместе с ними, покачался и рухнул сверху. Мы с мамой его поправили, укладывая рядом, как смогли раздели наших мужиков, причем, Рому взялась раздевать бабушка. Смущаясь и краснея, она отчаянно косилась на крепкие мужские ягодички.

— Хорош, — резюмировала бабуля, не удержавшись и шлепнув по этим самым ягодичкам. — А что? Хоть молодость вспомню, — оправдывалась она под моим возмущенным взглядом.

Мы еще какое-то время посидели на кухне, болтая ни о чем, и разошлись по комнатам. Я к маме, бабушка к себе, квартира-то трехкомнатная. Проходя мимо гостиной, я взглянула на сладкую троицу, представила лица бравых аттарийцев утром, когда они узреют, с кем провели эту ночь, и прикрыла рот рукой, чтобы громко не рассмеяться. Сюрприз будет...

Сюрприз вышел на славу. Рассказываю. Я плавала в нирване сладкого сна, где мерила свадебное платье своей мечты, когда утреннюю тишину разорвал надрывный мужской крик:

— Насилуют!

Мы с мамой одновременно подскочили на кровати. За дверью раздался быстрое шлеп-шлеп-шлеп, это побежала бабушка, мы с мамой рванули следом. Мама, как борец за нравственность, умудрилась на ходу упаковать в халат себя, следом укутать меня, и мы влетели в гостиную, да так и застыли, рассматривая картину маслом.

На полу сидел Рома с огромными, больше, чем обычно, испуганными глазами. Дима стоял на диване, отчаянно вжимаясь в стену, а посреди дивана сидел мой папа, подтянув к груди колени и прикрываясь одеялом до глаз, сейчас мало уступавших в размере Ромкиным. Рядом с диваном стояла бабушка, пребывавшая в эстетическом экстазе. Она переводила взгляд с Ромы на Диму, хваталась за грудь, но валидолу не требовала. Напротив, глазки бабули сияли, щечки порозовели, и с губ срывалось:

— Мать моя женщина-а-а...

— Инка, ты кого в дом привела?! — вознегодовал отец, высовывая нос из-под одеяла. Взглянул на Диму, попытавшегося сойти с дивана, и снова спрятался. Дима опять вжался в стену. — Они меня... — папа понизил голос, — лапали!

— Так не специально же, — отозвался с пола Рома, Дима жарко закивал и беспомощно посмотрел на меня.

— Молчи, Колька, — подала голос бабуля, — пень ты корявый. Если бы ко мне такие пристали, я бы померла счастливой.

— Мама! — возмутился папа.

— Молчи, зятек. — Бабушка снова посмотрела на Рому, потом на Диму, опять на Рому. — Инка, дура, обоих брать надо было. Это ж красотища-то какая, прости Господи, чистый экстаз.

— Мама, чему ты учишь нашу дочь? — подала голос мама, кстати, тоже с интересом разглядывающая моих мужиков.

— Элка, дуреха, чтоб ты понимала. Счастье такое отдавать кому-то. Синеглазенький, тебе внучка моя нравится? — ласково спросила бабуля у Ромы, застенчиво поглаживая его по плечу.

Ответить Рома не успел, потому что папа сказал свое хозяйское слово:

— Всем молчать! — гаркнул он. Оценил габариты и рельефы аттарийцев и закутался в одеяло на манер римской тоги. — Мама, цыц! Нечего мне тут блуд разводить. Недоразумение прощаю, но один раз, потом буду руки ломать. Ферштейн?

— Так точно, — кивнул Рома.

— Батя, — Димка вдарил кулачищем в широкую грудь, — бес попутал! Больше никогда, — и он мотнул головой, ударился затылком о стену и зашипел.

— Иди, подую, сладенький, — тут же очнулась бабушка, намертво вцепившись в Ромино плечо.

— Эл, уводи маму. И пустырника ей, а лучше лимонов, больно лицо счастливое, — велел папа.

Мама тут же оторвала бабушку от Грейна, папа гордо удалился в свою комнату, а я... я заржала. Представить произошедшее было легко. У моих мужиков желание прижаться ко мне

уже на уровне рефлексов. Они глаз не успевают открыть, а грабли тянут. Если один успел урвать мое тельце, второй тянет на себя ноги, еще и поглаживать начинают.

— Кому папины ноги достались? — похрюкивая от смеха, сдавленно простонала я.

— Мне, — мрачно ответил Рома. — Я глажу, а они волосатые. Думал, кажется. Стал щупать, за волосы подергал.

— А я грудь искал, — не менее мрачно произнес Дима, слезая с дивана. — Грудки нет, а лицо в щетине.

— Целовал что ли? — обомлела я.

— Ничего смешного, — проворчал Ардэн и потер ладонью губы. Я согнулась пополам. — Хорошо, хоть в щеку поцеловал.

— А я дальше бедер не полез, — сказал Рома и передернулся. — Как неловко вышло.

— Ы-ы-ы, — рыдала я. — Бедный папа, а-а-а...

— А мы? — возмутился Дима.

— А вы извращенцы, — просипела я. Ржач перешел на ультразвук.

— Зато бабушке нравимся, — осклабился Рома.

Я кивнула и унеслась в туалет, потому что смех перешел в фазу, близкую к конфузу. Домой мы уезжали сразу после завтрака. Бабушка провожала нас, махая с балкона платочком, и на лице ее застыла маска обожания. А что будет, когда их увидят мои девки?

Глава 28

— Инулечик, что ты там делаешь? Скоро жених заявится, а ты все еще в неглиже, — крикнула мама.

— Угу, для жениха самый лучший вид, — пробурчала я, раздумывая, надевать под платье трусики или ну их на фиг, все одно до брачной ночи нетронутой не доживу. — Надену, — решила я.

Бабушка зашла в нашу с ней комнату и уселась в кресло. Я окинула ее быстрым взглядом.

— Красавица, — откомплиментила я бабулю.

— Измучилась наряжаться, — пококетничала бабушка. — Так что со свидетелем решила? Соблазняем?

— Чего его соблазнять, он и так весь соблазненный, — проворчала я и прикусила язык.

Бабушка разгладила платье на коленях и шлепнула по ним:

— Молодец, девка. Моя внучка!

Я покосилась на бабушку и вздохнула. Если бы бабулей поклонницы моих мужчин

ограничились, я бы была сейчас в более радужном настроении. Но нет. С того момента, как я вернулась на Землю, обо мне вспомнили даже те подруги, с которыми рассорилась еще в школе. Теперь в моей уютной квартирке ни дня не проходило без гостей, причем, женского пола. Меня завалили тортиками, пирожными, пиццами, винами и прочими атрибутами гостевания. Подруги шли косяком, пускали слюни, млели и таяли, глядя на моих красавцев. Даже замужние, особенно замужние, пока я не сходила к ним ответно в гости и не продемонстрировала их мужьям своих. Мужики все поняли правильно и быстро прекратили визиты своих жен ко мне. Гостей поубавилось.

Но оставались еще незамужние знакомые, потому что на замужних мои подруги закончились. Незамужним было вообще по колению, что один из двух мужчин мой официальный жених. Они строили глазки обоим, флиртовали и пытались зажимать Диму с Ромой по углам, пока я не видела. Аттарийцы, которым законы Родины вьелись в кровь, были до приторности вежливы, аккуратны и непробиваемы, что не мешало девам вновь и вновь вести свои атаки. Обычно такие визиты заканчивались моей матершиной и торжественным выдворением хищниц из дома. А дальше в дело вступала Сима. Она доставала агрессорш через интернет. Взламывала страницы, издевалась над фотками, статусами и делала рассылки от их имени с неприличными предложениями друзьям мужского пола. Одной из хищниц вообще повезло, Сима от ее имени отправила руководителю ее научного проекта то самое неприличное предложение... теперь они летят куда-то в жаркие страны, и знакомая молится на неизвестного хакера и ставит за его здоровье свечки.

Спросите, зачем я их вообще пускала, зная, что будут лапы тянуть? А пусть задавятся заразы от зависти. Насладившись реакцией на своих мальчиков, я закрыла доступ в квартиру для всех, кроме родных. Но хищницами поползновения не закончились. Стоило только выпустить мужиков из дома в магазин, со мной или без, как обязательно находилось дарование, которое пытались познакомиться, дать свой телефончик. Были особо изобретательные, которые подворачивали ногу, просили помощи и прочими способами заманивали двух наивных аттарийцев. Этих бы находчивых, да на Аттарию, хоть наелись бы до отвала мужской красоты и успокоились.

В общем, однажды я почувствовала, что вера в собственную идеальную идеальность дает сбой. Тогда я нарыла фотки, где мы с одним из бывших дурием в парке аттракционов. Миленькие такие фотки. Выбрала, где он меня жарко обнимает, а я лыблюсь так, словно это лучший мужчина на свете, и поставила ее на самое видное место. Мужики по очереди посмотрели фотку, убили меня взглядами и поставили на место. Я вышла из комнаты, вернулась, посмотрела на фотку и умилилась. Два здоровых лба что только не подрисовали моему бывшему. Рога, усы, синяк под глазом, топор в макушке, но, главное, подписали под руководством Симы — лох, и даже стрелочкой указали, кто именно лох, наверное, чтобы я не перепутала. Я обвела их суровым взглядом.

— Что? — фальшиво удивились они.

Я молча сменила фотку на другую, где кормлю бывшего сладкой ватой. Тоже смотрелось миленько. Утром я не нашла ни одной фотки, где бы были мужики. Даже двоюродный брат подвергся гонению, потому что обнимал меня за плечи. Я покачала головой и проверила уровень идеальности, он обнаружился на прежнем месте, в заоблачных высях. Результат: вежливости в отшивании хищниц у мужиков поубавилось, мужчинам, смотревшим в мою сторону, даже не обязательно на меня, доставались убийственные аттарийские взгляды. Я смазывала на ушах мозоли от короны и млела.

В остальном все шло по плану. Паспорт мне сделали, благодаря полезным знакомствам, всего

за несколько дней, и мы с Димой подали заявление в ЗАГС. Очарование Ромы сократило время на раздумья до трех недель. На меньшее я не согласилась, надо же с чувством, с толком, с расстановкой было выбрать наряд, ресторан, утвердить список гостей и меню. Ну и прочие мелочи, которые впопыхах делать не хотелось. Второй миллион разлетелся направо и налево со все более возрастающей наглостью. Сима учла все, печатая фальшивые купюры, и еще ни один умный аппарат не смог обнаружить подделки.

И вот день свадьбы настал. Я с вечера отправилась к родителям, откуда меня должен был забрать жених. Мальчиков я оставила под Симиным наблюдением, которая сообщала мне о каждом шаге жениха и его свидетеля. Впрочем, придраться было не к чему, они вели себя безукоризненно. Гостей не пускали, мальчишник не устраивали, как и я девичник. Но, если им не с кем было особо веселиться, то я не стала ничего отмечать из опасения провести собственную свадьбу где-нибудь в туалете, хватанув слабительного, подсыпанного ушлыми девками. Просто я видела их взгляды, которые они на меня бросали, и для подозрений в нечистой игре основания были.

— Инулечик — ангелочек, — умилилась мама, когда я уже сидела в свадебном платье, и парикмахерша Любка из моего бывшего салона закрепила мне фату на прическе, которую делала битый час.

— Приехали! — возвестила бабуля с балкона. — Мать моя женщина, лепота-то какая... Элка, валокордина неси, щас помру от восхищения.

Мама подхватила бабушкины капли и умчалась на балкон, откуда донеслось:

— Да не себе! Мне капай!

Мама жажнула порцию валокордина, занюхала рукавом и изрекла:

— Умереть не встать. Дойдут до квартиры-то?

— Проконтролирую, — бабуля закатала рукава и пулей унеслась на лестницу, забыв про валокордин.

Дальнейшее я смотрела на экране телевизора, куда подключилась Сима. Как она создавала соединение, я даже вникать не стала, довольствуясь результатом. Стоит начать с того, что я сама чуть за валокордин не схватилась, когда увидела своих мужиков. В костюмах они были шика-а-арны сверх меры. Едва слюной не закапала свое платье, глядя на статные широкоплечие фигуры с бабочками. В петлице Димы красовалась бутоньерка, из нагрудного кармана Ромы выглядывал заковыристо сложенный платок нежно-голубого цвета, в тон рубашке, которая подчеркивала цвет его глаз, делая их еще ярче и глубже. Дима сунул руку в карман брюк, что придало ему слегка небрежный вид, но, зараза, это привлекало к нему еще больше внимания.

— Не бойсь, доча, — сказала мама, капая себе теперь пустырника, — бабушка всем глотки порвет, у нее новый протез. Дойдут.

— Ага, — сглотнула я, глядя как мои красавцы подходят к парадной, где их уже ожидало благородное собрание.

Аттарийцы ослепительно улыгнулись, кто-то из дам застонал, и ее тут же отгеснила бабуля. Представление начиналось. Вперед выступила соседка, заявившая, что она проведет выкуп в лучших традициях. Несмотря на свой почтенный возраст, Зоя Леопольдовна зависла, глядя на

жениха и свидетеля, на которого уже дрожащими руками навешивала ленту моя подруга Надька.

— Здравствуйте, — поздоровались вежливые аттарийцы.

— Здрасти, — сглотнула Зоя Леопольдовна.

Бабуля ткнула ее локтем в бок, и наша самовыдвиженка на роль массовика-затейника засуетилась.

— Зачем пожаловали? — наехала она на моих мужчин.

— За невестой, — ответил с улыбкой Дима.

Зоя Леопольдовна утерла пот и встряхнулась окончательно.

— Так, вон, сколько красавиц, — сказала она, красавицы радостно заулыбались. — Бери любую, да под венец веди. — И сама приосанилась.

Дима, в лучших наших национальных традициях, отвесил земной поклон. В этом я почувствовала Симину невидимую длань. Народ открыл рты, глядя на такое уважение родной старине.

— Не серчайте, красны-девицы, — выдал мой рептилоид. — Все хороши, но сердцу милей моя Инночка.

Девицы заметно обломались и приуныли, даже Зоя Леопольдовна. Дима собрался пробить заслон из женских тел, ставший явно больше и плотней с того момента, как аттарийцы подошли к дому. Заслон не шелохнулся, и Ардэн в недоумении изломил бровь, отчего вспотели еще несколько красавиц. Зоя Леопольдовна откашлялась и снова взяла слово.

— Мы невестой дорожим, просто так не отдадим, — заявила она, красавицы горячо закивали в знак согласия и еще плотней сомкнули ряды. С-су-у... Сумели-таки ввести меня в искушение выйти и всех послать. — Коль пройдешь ты испытанье, то добьешься и вниманья. Готов доказать свою любовь?

— Без базара, — хлопнул себя Дима кулаком в широкую грудь. Зоя Леопольдовна закусила губу и состроила глазки.

— Тогда первое испытание, — прорычала она, глядя в глаза Ардэна, где застыло вежливое внимание. — Дорожку видишь из следов? — мои мальчики вытянули шеи и заглянули за спины благородному собранию, благо возвышались над всеми. — По ней тотчас же отправляйся и в любви своей признайся.

Дима кивнул, красавицы не сдвинулись с места, продолжая пожирать взглядами аттарийцев. Мальчики попробовали вежливо протиснуться, не пустили.

— Дамы, — обратился к ним Рома.

Дамы улыбнулись, эффект остался прежним, ни сантиметра в сторону. Бабуля огляделась, подбоченилась и гаркнула:

— А ну, посторонись, курятник! Сейчас перья-то повыдергаю!

Ряды дрогнули и пришли в замешательство, обиженно глядя на мою бабушку. Этого хватило, чтобы мои мужчины оказались в парадной.

— По следам! — заорала Зоя Леопольдовна и рванула следом. — И слова всякие ласковые говори, — велела она.

Дима мечтательно улыбнулся, чем вызвал у красавиц состояние близкое к восторженной коме. Он сделал первый шаг:

— Любимая, нежная, ласковая, страстная, милая, единственная, неповторимая, лучшая, незаменимая, великолепная, желанная, — говорил, делая каждый новый шаг. Судя по лицам красавиц, подошвой своих щегольских ботинок Ардэн вбивал гвозди в гроб светлой женской мечты. — Идеальная, сумасшедшая, невероятная, жизнь за нее отдам, люблю больше жизни, никогда не предаю, радость моя, счастье мое, не могу без нее.

Рома шел за ним по тем же следам и улыбался не менее мечтательно, чем Дима. Мальчики мои, паразиты инопланетные... Ну вот, до слез довели, гады. Мама протянула мне платок, я шумно высморкалась и продолжила смотреть. Постепенно ряды красавиц во главе с Зоей Леопольдовной перетекли и снова закрыли дорогу перед женихом.

Теперь вперед вышла Надька, моя свидетельница. Она поднесла Ардэну ромашку.

— Тяни лепестки, — велела Зоя Леопольдовна. — Ошибешься, плати штраф, — с неожиданной мстительностью в голосе заявила она.

Дима вытащил лепесток и прочел, точнее, ему в гарнитуру озвучила Сима.

— Какого цвета глаза у невесты? — Дима опять мечтательно улыбнулся. — Манящие, загадочные. Когда я в них смотрю, забываю себя.

— Цвет, — рывкнула Зоя Леопольдовна. Мы с мамой недовольно переглянулись.

Папа откупорил последнюю бутылку со своей настойкой.

— Коля, — мама погрозила ему пальцем.

— Пока они дойдут, я проспаться успею, — отмахнулся отец родной и хлопнул рюмашечку.

— Зеленые, как весенняя трава, — ответил Дима. — А когда наполнена желанием, становятся темными, как воды моря Вечности на план... Э-э-э, — опомнился Дмитрий Горыныч. — Зеленые у нее глаза, — отчеканил он и вытянул следующий лепесток.

Рома откашлялся, делая вид, что он вообще не понимает, о чем говорит рептилоид.

— Когда родилась ее мать? — Дима помолчал и без запинки повторил за Симой, больше не за кем, я не говорила точной даты, только возраст. — Пятое апреля тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. — Потянул следующий лепесток. — Размер обуви невесты. — Тридцать шестой. Дальше тянуть?

— Тяни-тяни, — рыкнула Зоя Леопольдовна, еще не слупившая с двух гуманоидов ни копейки.

— Когда было ваше первое свидание? Через несколько дней после знакомства, — ответил Ардэн, и Рома пристально на него посмотрел. Дима сделал вид, что не заметил, я скромно потупилась, пряча зардевшиеся щеки. Просто вспомнился диван в командирской каюте на

«Гордости»...

— Подробней, как это было, — потребовала одна из красавиц.

Дима покосился на Рому, тот сузил глаза и пристально смотрел на Ардэна.

— Здесь спрашивается — когда, а не как, — парировал находчивый Дима. — Все? Я могу забрать свою невесту?

— Нет, тяни дальше, — симпатия Зои Леопольдовны заметно пошла на убыль.

— В чем была одета невеста, когда ты увидел ее в первый раз? В футболке и джинсах, — тут же ответил Дима. Ага, я на турбазу именно так и ехала. В этом меня Рома и притащил на корабль. — Долго еще? — в голосе аттарийца появились первые нотки раздражения.

— Тяни! — гаркнула наш массовик-затейник.

Вскоре мне уже казалось, что там не ромашка, а целое ромашковое поле, потому что Дима все тянул и тянул лепестки, отвечая на нелепые вопросы. На некоторые ответы давала я, Сима передавала. Один раз я сама зависла, пытаюсь понять, какая же у меня любимая песня. В результате, Зоя Леопольдовна получила пятьсот рублей и просияла счастливой улыбкой. Когда Ардэн, наконец, вытащил лепесток с надписью «Задание выполнено», на его лице засияла настолько счастливая улыбка, что я умилилась повторно. Мама протянула платочек и накапала себе еще пустырника. Папа чокнулся с ней очередной рюмашкой настойки и покачал головой:

— Бедный зять.

— Ага, — хором отозвались мы с мамой.

На ступенях опять произошла заминка, красавицы не желали расступаться. Стояли, заразы, и доверчиво смотрели на моих мужей, одного уже действующего, второго готового вступить в свои права. Гадины такие. Пришлось опять вмешаться бабуле.

— Что рты раззявили, сейчас ворона залетит. Разойдись, вертихвостки!

Не разошлись. Бабушка поиграла бровями и нацелила палец на соседку Машку, затесавшуюся в ряды красавиц.

— Маруська, а ты не знаешь, к кому тут белый джип приезжал?

— А? — отмерла Машка. — Джип? — Она округлила глаза и толкнула свою подругу. — Чего вылупилась, не мешай людям.

Ее подруга влетела в свою соседку слева, та покачнулась и ухватилась за мою подругу Ленку. Ленка — девка мощная, но занимавшая неудобное положение, повалилась на впередистоящих. Когда живое домино распалось, бабуля кивнула моим мужикам и первая поднялась наверх. Аттарийцы растерянно пожали плечами, подняли тех, кто оказался на пути, чем привели красавиц в полный экстаз, и начали подъем.

— Стоять! — гаркнула Зоя Леопольдовна и скомандовала кому-то. — За мной!

— Еще что-то? — процедил сквозь зубы Димы, и Рома успокаивающе похлопал его по плечу.

— Еще, — с вызовом ответила Зоя Леопольдовна.

И Диме поднесли тарелку с нарезанным лимоном.

— Под какой долькой лежит записка с именем твоей милой? — прищурившись, спросила вредная тетка. — Не угадаешь, ешь лимон, не морщась. Поморщился, штраф, — последнюю фразу она произнесла с особым удовольствием и любовно погладила сумочку на своей шее, куда отправила первые пятьсот рублей.

Дима наугад ткнул пальцем, приподнял кругляшок, там было пусто. Зоя Леопольдовна хищным взглядом проследила, как он сунул в рот дольку. Ардэн, еще не пробовавший лимона, округлил глаза, бросил быстрый взгляд на Рому, который с интересом следил за происходящим, прожевал, проглотил и не менее мстительно улыбнулся Зое Леопольдовне.

— Дальше, — тоном гестаповца велела она.

— Зойка, — возмутилась бабушка.

— Традиция, — многозначительно протянула соседка, и Дима указал на следующий кругляш.

Там тоже ничего не было. Уже готовый к кислятине Ардэн быстро сунул в рот второй кругляш и съел его, не морщась.

— Еще, — потребовала Зоя Леопольдовна. И снова пусто. — Еще, — загораясь азартом, гаркнула она. — Еще.

— Б... — произнес любимое Русино слово командир «Гордости Аттарии». Присутствующие притихли. — Давай, — рявкнул Дима, хватая следующий кругляш.

Мимо. Мама пошла набирать водички. Папа горестно вздохнул и налил настойки.

— Зятю, — сказал сердобольный отец.

— Зятю, — поддакнула мама, держа наготове стакан с водой.

— Я вообще сегодня замуж выйду?! — возмутилась я.

Дима тянул предпоследний кругляш лимона. В его глазах застыла мука, когда он увидел, что там пусто. Сунул в рот лимон и... передернулся.

— Штра-а-аф!!! — торжествующе заорала Зоя Леопольдовна.

Рома с недобрый взглядом выдал соседке сто рублей, и ее лицо вытянулось. Умница, Ромочка. Бедный Димка добыл записку с моим именем, показал ее собравшимся и направился наверх. Но Зоя Леопольдовна догнала и заступила ему дорогу.

— Что еще? — ледяным тоном спросил Ардэн.

— Еще, — ядовито ответила она и обернулась к Роме. — Хотим посмотреть, что у тебя за свидетель. Знает ли он, за кем пришел?

Она прошла еще чуть вперед и ткнула пальцем в коллаж на стене, на котором было наклеено множество детских фоток. Среди них была и моя.

— Укажи на невесту, — елевым голоском велела Зоя, змея, Леопольдовна.

Дима привалился к перилам, и я подалась к экрану.

— Вашу ж мамашу, — выругалась я, и мама погрозила пальцем.

Глазки моего Горыныча желтели. Еще немного, и чешуя на висках проступит. Он тут же отвернулся, получив от Симы отчет о происходящих с ним изменениях.

— Ой, Инусик, — сказала она мне в мою гарнитуру. — Чую, взбесится командир, костюмчик попортит.

— Костюм — меньшая из проблем, — вздохнула я.

— Что? — спросила мама, но я только отмахнулась.

А что я ей скажу? Сейчас твой будущий зять в рептилоида превратится? Такая няша, мама, у него даже хвост есть. Тем временем Рома присмотрелся к сборищу фоток и ткнул пальцем в очаровательную малышку с большим бантом. Надька зарделась, как маков цвет. Убью синеглазого. Саму меня не признал! И по фиг, что у меня там фингал на пол лица после падения с качелей, и вообще морда бандитская, сердце-то должно подсказать.

— Ошибочка вышла, — злорадно отметила Зоя Леопольдовна.

Рома нахмурился, снова присмотрелся и указал на Ленку, маленькую принцесску в белых гольфиках. Ленка обмерла от восторга, я скрипнула зубами. Дима подошел ближе, пригляделся и ткнул... в Светку, еще одну мою подругу в костюме снежинки. Я хрустнула костяшками. У кого-то только что накрылась первая брачная ночь. Причем, сразу у обоих. Зато Зоя Леопольдовна пребывала в nirване, сгребая купюру за купюрой.

Бабушка скрестила на груди руки и прищурилась, с неодобрением глядя на аттарийцев, которые зависли перед коллажем в недоумении.

— Инночка у нас всегда была особенной, — с намеком произнесла она.

Мужики снова посмотрели на коллаж, переглянулись и одновременно указали на меня любимую. Первой брачной ночи им это не вернуло. Зоя Леопольдовна разочарованно вздохнула и позволила им пройти еще немного.

— Следующее испытание, — прибила она Диму, и тот ме-е-едленно обернулся.

Рома его тут же повернул ко всем спиной, а я разглядела первую чешуйку.

— Что еще? — спросил Грейн, чуть ли не с ненавистью глядя на мою соседку.

Она резво взлетела до дверей квартиры моих родителей и подбоченилась. Я рассмотрела мишень для игры в дартс, на которой были прикреплены бумажки с причиной для женитьбы. Озвучиваю: 10 — сердце подсказало, 9 — по любви, 8 — мама посоветовала (угу, мама бы ему посоветовала, конечно), 7 — скучно стало, 6 — невеста заставила (невесту саму в брак загоняют, правда, невеста не против, а очень даже «за» и теперь тихо звереет, потому что никак своего жениха не дождется), 5 — боюсь ночевать один (да-да, именно так, он вообще предпочитает шумную компанию), 4 — из любопытства (ага, легары такие любопытные, как кошки), 3 — глупый был (был, не был, а кровь змеиная выбор сделала), 2 — по расчету (без комментариев), 1 — сам не знаю. В общем, понаписали.

— Что делать? — хмуро спросил Дима.

— Куда попадешь, там и причина, по какой женишься, — огласила Зоя Леопольдовна.

Ардэн забрал дротики и со скоростью автомата Калашникова всадил все в десятку. Зоя открыла рот, кто-то из красавиц восторженно выдохнул, и бабушка оттеснила бедром мучительницу — затейницу.

— Иди, купец, за товаром, — осклабилась бабуля.

Первым к дверям рванул отец.

— Запей лимончик-то, — сказал сердобольный тесть.

— И водички, — подала стакан тещенька.

Вот вам и хлеб-соль. Я кинула на себя взгляд в зеркало. Оценила облегающий лиф, невесомость юбок, ажурность фаты и вздохнула — королева!

— Постой, жених, — рванула следом Зоя Леопольдовна.

— Нет! — натурально рыкнул Ардэн и вошел в комнату. — Радость, — восторженно выдохнул он.

За его спиной гулко сглотнул Рома.

— Черт, что-то я поторопился с постоянным союзом, — вырвалось у него.

Дима осклабился, глядя на приунывшего Грейна. Я перевела взгляд с Димы на Рому и подумала: «Зря я трусики надевала, до ЗАГСа бы дожили. Хорошие трусики-то».

Глава 29

Зря переживала, Надька сохранила и мои трусики, и прическу, и платье, под подол которого не залезла ни одна наглая аттарийская длань. Зато сколько сожаления было написано на двух идеальных физиономиях, когда свидетельница упала на переднее сиденье и радостно осклабилась, вывернувшись в нашу с мужиками сторону. Ага, мужики уселись с двух сторон от меня, стиснув своими могучими телами, но кого волнует, что я стала похожа на камбалу?

— Ты такая красивая, — шепнул мне Рома, когда Ардэн гордо выносил свою добычу из дома. Кого в дом вносят, а меня вынесли.

— Лучше всех, — улыбнулся Дима.

Я скромно промолчала, моя корона только что пустила корни, укрепляясь на веки вечные. А у кого бы не укоренилась, если на тебя смотрят с обожанием два эталона мужской красоты? Рома честно пытался смотреть по сторонам, делая вид, что он тут всего лишь свидетель, но я, то и дело ловила его взгляды, в которых смешивалось столько эмоций, что Ардэн, в конце концов, не выдержал и зашипел на него, призывая к порядку.

— Не унывай, синеглазенький, — похлопала его по плечу бабушка, когда мы с Димой садились в машину, — Инночке ты тоже нравишься. — На мгновение задумалась и сверкнула новым протезом. — Дай, бабушка тебя на удачу поцелует.

Рома послушно нагнулся к ней. Бабуля облобызала Грейна в обе щеки, потом он ее, ослепил улыбкой и нырнул в машину.

— Элка, валидолу! — простонала бабушка. — А лимочник там остался? Нет? Тогда валидолу.

Машина была нанятой, но не лимузин, потому в салоне сидели только мы и Надька, пожиравшая глазами, то Рому, то Диму. Водитель завел двигатель, и мы отправились в ЗАГС, где началась вторая часть Марлезонского балета. В общем-то, особо придраться не к чему, разве что к тому, что стоило нам выйти из машины и подняться по ступеням, на которых фотографировалась другая свадьба, как фотограф горестно застонал. Просто на снимке вся женская половина, включая счастливую невесту, вывернулись на двух гуманоидов. Надька обернулась, скривила жуткую рожу, показывая язык заглядевшимся дамам, и гордо прошествовала в двери, которые придерживал Рома, пропуская ее.

Повальный ступор продолжался, пока мы шли до комнаты ожидания, где сидели еще две пары. Женихи окинули мрачным взглядом моих Ардашева с Граниным и увели своих упирающихся невест, у которых началось обильное слюноотделение. Нет, все-таки аттарийцы сволочи со своей многовековой селекцией. Это же преступление так вводить в искушение наших женщин, привыкших к поговорке, что мужчина должен быть чуть красивей обезьяны.

— Шампусика? — деловито спросила Надька, добывая из своей сумки бутылку шампани. — Для смелости, — подмигнула она почему-то Роме.

— Рано, — отрезала я. — Скоро там наша очередь?

— Через пятнадцать минут, успели, — ответил Дима, устраивая меня на своих коленях.

Рома привычно сел рядом с нами, Надька рядом с Ромой, вплотную прижавшись к нему.

— Места мало, — ответила она на удивленный взгляд Грейна.

Рома усмехнулся, разглядывая пространство за сиделицей моей свидетельницы, и встал. Она разочарованно вздохнула. Вскоре к нам присоединилась еще одна пара. Нас они сразу не заметили, были заняты страстным поцелуем. Мы пронаблюдали сначала зад невесты, и сжимающие его руки жениха. Потом появилась вся невеста и половина жениха. Они томно постонали в дверях и двинулись дальше.

— Кхм, — возмущенно кашлянула Надька.

Руки жениха переползли с зада на спину невесты, они отлепились друг от друга и обернулись.

— О-о-о, — произнесла невеста, обзрев сначала Рому и присоединившуюся к нему возмущенную Надежду, затем Диму со мной на коленях. — Ого-о-о.

— На, охладись, — сунула ей Надька бутылку с шампанским.

— Да мы уже, — осклабилась невеста и чуть покачнулась.

Жених отловил свою ненаглядную и уволок к другому диванчику, на котором усадил ее к себе передом, к нам задом и зафиксировал лицо ладонями, возвращаясь к прерванному занятию.

— Это от волнения, наверное, — решила вдруг сменить гнев на милость моя подруга.

— Угу, — кивнул Рома. — Они выглядят очень... взволнованными.

— Молодые люди! — в дверях появилась работница ЗАГСа. — Разврат в этих священных стенах недопустим!

Жених отвлекся от невесты, бросил взгляд на тетку и глубокомысленно изрек:

— Что, если не разврат, приводит людей в эти священные стены?

— Ну, знаете ли, — возмутилась женщина. — Кто Ардашев — Журавлева?

Вот так и произнесла, через дефис. Мы с Димой поднялись с дивана, и тетка похлопала ресничками, мило улыбнувшись.

— Идемте со мной, — проворковала она, косясь на моего жениха.

— Хочу быть Ардашевой, — патетично возопила нетрезвая невеста.

— Поздно, ты будешь Комаровой, — ответил ей жених, продолжая удерживать ее лицо ладонями.

— Прощай, Ардашев, я могла стать твоей, — с чувством воскликнула невеста.

— Исключено, — усмехнулся Дима.

— Ну и вали, Ардашев, — оскорбилась она и впиалась в губы своего Комарова.

Мы вредничать не стали и последовали за женщиной. С этого момента я немного выпала из реальности, отмечая краем сознания толпу народа в зале, превышающую количество приглашенных гостей. Восхищенный вздох я тоже отметила, когда Рома с Димой пересекли порог. Надька опять приосанилась, а я занялась тем, чем и положено заниматься невесте, начала волноваться. Поэтому речь тетеньки в длинном красном платье запомнила не очень хорошо. Сначала было что-то вроде:

— Дорогие жених и невеста, дорогие гости, я рада приветствовать вас в этом зале, — с интонацией вещала тетенька-регистратор, — на торжественной регистрации брака. В брак вступают граждане Российской Федерации, — угу, такие граждане, что аж пипец, — Ардашев Дмитрий Валентинович и Журавлева Инесса Николаевна.

— Ягодка моя, — всплакнула мама и шумно высморкалась.

— Козюленька, — поддержала ее бабушка и потрясла бутылочкой с валерьянкой, прихваченной на всякий пожарный.

— Бабы, цыц, — строго велел папа, в котором уже бродили полбутылки настоечки. — Женщина, продолжайте.

Регистратор взглянула на мою родню поверх очков, вздохнула и продолжила. Я отметила взглядом тарелочку с нашими кольцами, паспорта лежали там же, на столике, и опять ненадолго подвисла, пропуская часть речи об ответственности и о чем-то там еще. Зато Дима и Рома слушали очень внимательно, даже кивали, причем, дружно. Очнулась я в следующий раз для того, чтобы ответить «да» и расписаться. Потом тетенька добралась до свидетелей.

— Уважаемые свидетели, на вас ложится ответственность за ваших друзей. И я хочу спросить,

готовы ли вы помочь создать им крепкую и дружную семью. Свидетель?

— Да, — осклабился Роман Андреич. — С превеликим удовольствием.

— И не по одному разу, — едва слышно хмыкнул Дима, я мечтательно вздохнула.

— Свидетельница? — гнула свою линию тетекнька-регистратор.

— Да, — пискнула Надька и посмотрела на Рому. За нашими спинами, то ли кашлянул, то ли зарычал Надькин муж. Надежда скромно потупилась.

Но окончательно выбил меня за пределы реальности поцелуй, наполненный такой трепетностью и обожанием, что я чуть не последовала примеру нетрезвой невесты и не застонала под напором губ моего мужа. Так как господин Ардашев ждать разрешения регистратора не собирался, то дослушивать поздравления, принимать свидетельство о браке и паспорта пришлось Роме. Он же первый ринулся нас поздравлять, нежно коснувшись уголка моих губ. Лично меня господин Гранин поздравлял еще раз десять, выдергивая из толпы родственников и друзей, пользуясь тем, что основное внимание сосредоточилось вокруг Димы. Дамы очень хотели его поздравить, мужчины следили, чтобы поздравляли молодого мужа не слишком настойчиво. В конце концов, Рома обнаглел настолько, что в очередной раз целовал меня уже всасос.

Положила конец всей этой вакханалии тетенька-регистратор, выпроводившая нас из зала, потому что церемония поздравления задерживала следующую церемонию бракосочетания. Зацелованный, помятый, но не сломленный Дима рванул в моем направлении, вырывая из лап Грейна.

— Имей совесть, — фыркнул на Рому Ардэн. — Дома наверстаешь.

— Угу, — деловито отозвался Рома, я посмотрела на него с подозрением.

Я опустила взгляд на правую руку, рассматривая обручальное колечко. На нашей яхте хранилась моя личная карточка с пометкой о заключении постоянного союза. Офигеть, дважды жена. Немного рассеянная, но счастливая улыбка тронула мои губы, и я подняла глаза на своих мужчин.

— Люблю вас, — сказала одними губами.

Они улыбнулись в ответ и кивнули, отвечая мне. И мне вдруг стали совершенно безразличны все эти женские взгляды: восхищенные, скромные, наглые, просто порочные. Я смотрела на своих мужчин, они смотрели на меня, и весь мир растворился в их глазах, суживаясь до нас троих. Я шагнула к ним и обняла сразу обоих. И пусть это странно смотрелось со стороны, сейчас было совершенно неважно.

— Сердце мое, — шепнул Рома на аттарийском.

— Радость, — улыбнулся Дима.

Потом было традиционное катание по городу, шампанское, двусмысленные тосты, понятные мне и моим мужьям. Смех, много смеха, на который оборачивались прохожие. Надька млела, когда Рома положил ей руку на плечо, делая комплимент. Не знаю, поняла ли она, что в нашей троице не все так просто, как мы пытались показать, но концентрация ее обожания на одного Грейна значительно снизилась. Хотя, может, тому виной его вежливая холодность, с которой

Рома неизменно отвечал на взгляды моей свидетельницы и подруги. Но на общем настроении это никак не сказалось. Мы дурили, как могли, позируя в нелепых, но забавных позах.

К ресторану мы подъезжали, когда гости уже собрались в полном составе. Мама держала в руках каравай, папа выглядел совсем «тепленьким» и обнимал любимую тещу. Бабушка хихикала и махала на него ручкой. Этого оказалось достаточно, чтобы понять: папа и бабуля допили настойку.

— Кусайте каравай, — велела мама. — Кто больше откусит, тот и хозяин в доме.

Дима отломил кусок, разделил его пополам и вручил мне половину.

— У нас будет все на равных, — сказал он.

— И синеглазенькому дайте, — потребовала бабуля. — Ему тоже надо.

— Мама, — оглянулась на нее моя мама.

— Синеглазенькому, я сказала, — топнула бабушка ногой.

— Мама, не бузите, — погрозил ей пальцем папа.

— Цыц, зятек, — в ответ погрозила ему бабушка.

Дима хохотнул и разломил свой кусок еще на две части, вручив половину Роме. Я посолила все три куса, мы шутливо чокнулись хлебом и прорвались за пиршественный стол. Свидетель занял место рядом со мной. Надькин муж смерил его удивленным взглядом и перешел на сторону Димы, потому что свидетельнице пришлось приземлиться со стороны жениха.

Застолье проходило чинно и благородно... в самом начале, так уж точно. Звучали тосты, пожелания. Затем прошла процедура вручения подарков. Это тоже все еще было чинным и благородным. Но постепенно народ начал расходиться.

— За молодых! — гаркнул папа.

— За молодых! — радостно подхватил приглашенный народ, вздымая стопки.

— А нет ли сладкого ликерчика? — поинтересовалась бабушка. — Уж больно водка ваша горькая.

— Ой, горькая, — поддержала ее бабушка Лида, папина мама, успевшая подъехать сразу к ЗАГСу.

— Горько! — возрадовался уже нетрезвый люд.

Мы с Димой послушно поднялись.

— Мой любимый момент, — хмыкнул Ардэн, захватывая мои губы в головокружительный плен.

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, — отсчитывали гости. — Десять, одиннадцать, двенадцать...

— Ай, — это уже я, когда синеглазый завистник гаденько так ущипнул меня за ногу.

Я возмущенно посмотрела на Рому, он ответил невинным взглядом. Еще одна моя подруга, громко спросив:

— Народ в кондиции? — поднялась из-за стола.

— Почти, — отозвался Надькин муж, жажнул стопку и объявил. — Теперь в кондиции.

И начались конкурсы. На них я хочу остановиться особо. При слове «конкурсы» у моего второго мужа, который рептилоид, дернулся глаз. Дима явно вспомнил вкус лимона и тоже жажнул рюмку водки, Надькину. Надька посмотрела на него взглядом судьи Крикса «Она любит выпить, этим надо воспользоваться», и налила снова, подставляя рюмку Ардэну. Я поперхнулась. Рома заботливо постучал мне по спине, благодарно кивнула и хряпнула Надько-Димкину стопку. Рома заботливо подал мне запить... шампанского. Кондиция пришла и ко мне.

После этого я была вынуждена покинуть пиршественный стол, чтобы немного освежиться.

— Инулечик, — позвала меня мама.

— Сейчас вернусь, — ответила я, спеша покинуть зал.

В глазках двоилось от незапланированного коктейля «Северное сияние», ну, водка с шампанским. Стало даже немного нехорошо, и до туалета я шла несколько неровной походкой. В туалете я распахнула окно и подставила лицо ветру. Когда за спиной захлопнулась дверь, я не стала оборачиваться. Туалет — место общественное. Поэтому теплые ладони, накрывшие мои плечи, заставили меня вздрогнуть от неожиданности.

— Наконец-то, — послышался горячий шепот в ухо.

Я прикрыла глаза, позволяя ласковым, но напористым губам, скользить по моему обнаженному плечу. Ладони переместились мне на талию, чуть сильнее сжались, и я оказалась притиснута спиной к твердой мужской груди.

— Ты лишен первой брачной ночи, — произнесла я, чуть заплетающимся языком. — Ты не узнал меня на коллаже.

— А еще и не ночь, — усмехнулся Дима и развернул меня к себе лицом, тут же ловя губы в жаркую ловушку.

— А если кто-нибудь зайдет? — спросила я, глядя ему в пожелтевшие глаза.

— Я закрыл дверь, — успокоил меня муж, и его рука нырнула мне под юбку.

— Дима, — задохнулась я, когда умелые пальцы проникли под тонкую полоску все еще живых трусиков.

Он промычал что-то нечленораздельное, продолжая целовать меня. Когда я громко застонала от накатившего оргазма, Дима закрыл мне рот поцелуем, ловя мое наслаждение. Меня обожгло его тяжелое дыхание. Ладонка заскользила по стволу возбужденного члена, натянувшего ткань брюк.

— Хочу тебя, — простонала я.

Мои юбки взлетели вверх, и Дима вжал меня спиной в холодный кафель стены, поднимая вверх. Вжикнула молния, я обхватила бедра Ардэна ногами, и он ворвался в меня. Дима

наполнял меня снова и снова мощными резкими толчками, заставляя комкать в кулаках его рубашку, бесконечно шептать его имя, вновь и вновь задыхаясь от возбуждения. Мои стоны становились все громче, дыхание Димы вырывалось рваными вздохами сквозь крепко стиснутые зубы.

— Люблю тебя, — вскрикнула я, и Ардэн глухо зарычал, взрываясь внутри меня.

— И я... тебя, — задыхаясь ответил он, прижимаясь лбом к моему плечу.

— Эй, кто там? Вас там Ихтиандр засосал? — услышала я голос своей бабули.

Я хмыкнула и поймала Димино лицо ладонями, нежно целуя его.

— Иди, я себя в порядок приведу, — улыбнулась я.

— Я подожду, — заупрямился Ардэн.

Нахмурившись, я указала пальцем на дверь. Дима скривился, но ушел. Бабуля вошла в туалет, глядя вслед уходящему молодому, затем обернулась ко мне и подмигнула, одобрительно хмыкнув. Я сделала морду кирпичом и дождалась, пока бабушка скроется в кабинке. После этого включила воду и занялась собой, радостно отмечая, а трусики-то по-прежнему живы!

Дима ждал меня недалеко от туалета. Он приобнял меня, и мы вернулись в зал, где Лёля, еще один самовыдвиженец на роль массовика-затейника, добралась до моих родителей. Она подскочила ко мне и шепнула, глядя на Диму:

— А где его родители?

— Далеко, — я неопределенно махнула рукой, и Лёлик понятливо кивнула.

Я посмотрела на папу, которого Лёлька выталкивала за дверь, пока мы усаживались на свои места. Ромы, кстати, не было на месте. Я тут же оглядела зал и обнаружила, что не хватает одной из хищниц, прорвавшейся на мою свадьбу. Нахмурившись, я побарабанила пальцами по столу. Мама в это время что-то писала на бумажке, которую ей сунула Лёля. Когда мама закончила, наша затейница вернула в зал папу. Следом за ним вошел Рома.

Я с пристрастием осмотрела его внешний вид, отметила ослабленный галстук и расстегнутые верхние пуговицы на рубашке. Грейн улыбнулся кому-то по дороге, отшутился еще от кого-то, затем добрался до своего места и бухнулся на стул.

— Где был? — спросила я.

— Маленькая, это неприличный вопрос, — усмехнулся он.

Дверь снова открылась, вернулась хищница. Ее взгляд остановился на Роме, он вроде бы не отреагировал, но мои подозрения усилились. Мне вдруг показалось, что игнорирование Грейна какое-то нарочитое. Хищница вернулась на свое место. Я нервно передернула плечами и стиснула зубы на ногте. Так я делала, когда нервничала.

— Радость, что такое? — спросил Дима, наклоняясь ко мне.

— Ничего, — ответила я и снова покосилась на Рому.

Он почувствовал мой взгляд и обернулся, тут же тепло улыбнувшись.

— Инночка, что-то случилось? — встревожено спросил он, когда я не ответила улыбкой.

— А что-то случилось? — спросила я и перевела взгляд на хищницу.

Рома посмотрел на нее вслед за мной, девица состроила ему глазки и улыбнулась.

— Нравится? — ядовито спросила я.

— Да не меньше ста! — прервал меня возмущенный голос папы.

Я посмотрела на родителей и Лёлю. Мама стояла, уперев руки в бока, за ее спиной мельтешила бабушка. Вторая бабушка спешила на помощь отцу.

— Твоих родственников было не меньше ста, — снова уверенно заявил папа.

— Ты всегда был слаб в математике, — усмехнулась мама. — Гостей всего было тридцать, в тридцати сто не умещается.

Оказалось, что Лёлик затеяла конкурс, в котором папа должен был ответить на вопросы, ответы на которые мама и написала на бумажке. Лёля растерянно моргала, глядя на моих родителей, входивших в раж. А уж если они входили в раж, соседи за стенкой затихали, чтобы не пропустить ни слова. Я показала Лёльке, чтобы она закачивала конкурс. Та жарко закивала.

— Следующий конкурс, — с радужной улыбкой объявила она, подталкивая папу к его месту.

— Дим, — я посмотрела на своего мужа.

Ардэн понятливо кивнул и направился к моему отцу, приобнял его за плечи и отвел в сторону.

— Нет, а что? — продолжал возмущаться папа. — Один их дядя Гриша с его баяном за десятерых считается!

— Дядю Гришу не трогай! — рубанула мама рукой по воздуху.

— Дядя этот Гриша...

Договорить папа не успел, Дима с хладнокровием профи вывел папу из зала. Мама передернула плечами и вернулась на место.

— Мне нужны две пары, — объявила Лёля.

Со своих мест поднялись Надька с мужем, вторая пара не находилась. Лёлькин взгляд зацепился за Рому. Она замахала ему. Грейн посмотрел на меня, я мрачно кивнула. Тут же поднялась с места и хищница. Я сегодня точно какого-то убью. Сжав в руке вилку, я наблюдала, как Лёлька раздала отксеренные деньги, перемешала пары и выпроводила Надькиного мужа и хищницу за дверь.

Надежда заметно порозовела, стрельнула глазками на Рому и начала прятать совсем фальшивые деньги в неожиданных местах. Под манжеты, под воротник... расстегнула молнию на брюках. Мои глаза расширились, вилка, кажется, немного согнулась. Рома вежливо улыбнулся и застегнул молнию, решительно мотнув головой. Я выдохнула и чуть расслабилась. Ну неужели нельзя любоваться издалека, надо обязательно руками потрогать!

Когда «зачачка» была спрятана, Лёлька вернула Надькиного мужа и хищницу. Эта зараза

продефилировала походкой от бедра к Роме и, дождавшись сигнала к началу, распустила грабли. Ладони с тонкими длинными пальцами заскользили по груди моего мужчины, поднялись на плечи, и она скользнула ему за спину, продолжая ощупывать Грейна. А потом...

— Шалава! — вскочила с места бабуля, когда наглая длань шлепнула аттарийца по упругому задку.

Рома дернулся в сторону и резко развернулся, перехватывая руку хищницы за запястье. Он отрицательно покачал головой и погрозил ей пальцем.

— Больше не буду, — пропела она. — Не удержалась, такая задница аппетитная.

Зараза деловито пощупала карманы, и рука ее резко упала вниз, Рома плавным движением ушел в сторону, не дав прикоснуться к сокровенному. У меня из ноздрей пошел пар. Но в этот момент Надька нашла все «зачки» на своем муже, и конкурс закончился. Новый конкурс не успел начаться, заиграла музыка, и гости потянулись двигать телами.

Хищница взяла Грейна за руку и потянула за собой. Он вежливо освободился от хватки и кивнул мне в сторону танцующих, я выпендриваться не стала.

— Танец жениха и невесты, — услышала я, оглянувшись, но Дима все еще где-то пропадал с папой.

— Я сойду за жениха? — улыбнулся Рома. — Думаю, как его лучший друг и твой первый муж, я могу его заменить.

— Ну попробуй, — подмигнула я, расслабляясь.

По залу понеслась старая добрая песня Авраама Руссо «Обручальная». Рома склонил голову, приветствуя меня, я улыбнулась и присела в книксене. Затем вложила пальчики в мужскую ладонь. Вторая рука Ромы легла мне на талию, и мы закружились.

Твой сон почти невесом,

Ветром унесен

На тот край света.

И там пусть будет с тобой

Только голос мой,

Голос мой где-то.

Вспышками света

Ночь озарим

Выше небес мы взлетим.

Я смотрела в глаза Ромы, растворяясь в их бездонной синеве, наполнявшей меня щемящей нежностью. Казалось, пол под ногами исчез, и теперь я парю по воздуху, где-то высоко-высоко, где только облака, он и я.

Раз — и ты в белом платье.

Два — в моих объятьях.

Три — гори ночь до зари.

На ресницах блески сна.

И отголоски фраз

Звучат, нас обручат...

Неожиданно лицо Ромы стало близко-близко. Еще мгновение, и наши губы встретятся... Но поцелуя не случилось. Грейн поцеловал меня в щеку и отошел на шаг. Я тяжело сглотнула и ошалело оглянулась. Нам аплодировали. Снова заиграла музыка, и гости начали заполнять свободное пространство. Рома взял меня за руку и потянул к дверям.

— Куда? — опомнилась я, когда мы оказались за пределами банкетного зала.

— Я тебя похищаю, — полусшепотом произнес мой первый муж.

Он закрыл мне рот рукой, оглянулся и уволок меня в неизвестном направлении. Неизвестное направление привело нас к служебному входу кафе напротив. Рома позвонил, дверь открыл парень в переднике. Хмыкнул и исчез, предоставив нас самим себе. Грейн уверенно провел меня дальше по коридору, открыл дверь справа, и мы оказались в кабинете.

— Как это? — удивилась я.

— Сердце мое, кто я, по-твоему? — широко улыбнулся Рома. — Я — Грейн! Разведаль, вступил в контакт, успешно завершил операцию.

— Так ты сюда ходил, пока нас не было, — поняла я. — А эта зараза?

— Какая зараза? — удивился мой первый муж.

— Та, которая тебя по заднице шлепала, — нахмурилась я. — Я думала, ты с ней...

— Инесса Николаевна Грейн — Ардэн через дефис, ты хоть понимаешь, как меня сейчас оскорбила? — возмутился Рома.

Я заискивающе улыбнулась и пробежалась пальчиками по его груди.

— Прости?

— Не-а, — мотнул головой оскорбленный аттариец. — Я буду мстить.

И я оказалась сидящей на столе. Рома сжал мое лицо ладонями и заглянул в глаза.

— Съем тебя, — угрожающе сказал он, и в синих глазах действительно полыхнул голод. — Быть рядом и не иметь возможности притронуться — это самая изощренная пытка.

— А я сегодня за Ардэна замуж вышла, — я продемонстрировала колечко.

— Благословляю, — ответил Рома и завладел моими губами.

Его поцелуй был жадным, как никогда раньше, напористым и даже грубоватым, словно Грейн наверстывал упущенное за день, повторно утверждая права на меня. Мои юбки поползли вверх, послушные рукам моего мужчины. Горячие ладони заскользили по ногам вверх, неспешно, возбуждая уже одной своей неторопливостью. Рома оторвался от моих губ и снова заглянул в глаза.

— Я так соскучился, — чуть хрипло сказал он.

Я облизала разом пересохшие губы.

— И я соскучилась, — севшим голосом ответила я и снова потянулась к его губам.

Рома коротко поцеловал меня, и его дыхание опалило кожу, когда губы спустились на шею. Я откинула голову и закрыла глаза, полностью отдаваясь во власть своего мужчины. Он целовал мои плечи, грудь, приподнятую лифом, заставляя тихо всхлипывать под этими незатейливыми ласками. Затем опустил на колени и потянул вниз трусики. Мягко развел ноги в сторону и провел языком по влажным складочкам моего возбужденного естества.

— Ах, — сорвалось с моих приоткрытых губ. — Рома-а-а, — его имя разнеслось по кабинету протяжным стоном.

И когда мое дыхание превратилось в сплошную мешанину из хриплых вздохов и стонов, мир раскололся на миллион осколков, увлекая меня в бездну испепеляющего наслаждения. Мой рот вновь оказался в плену мужских губ. Наше дыхание смешалось, становясь одним на двоих. Его бедра толкнулись вперед, и окаменевший от желания член заполнил меня до предела.

Рома медленно подался назад, почти покидая мое тело, и вновь резко толкнулся вперед, лоя губами мой короткий вскрик.

— Еще, — умоляла я. — Только не останавливайся.

— Ни за что, — пообещал Рома срывающимся голосом и вновь заполнил меня.

— Быстрее, глубже, — шептала я, все более забывая, где мы.

Забывая обо всем, кроме моего мужчины, оказавшегося сейчас центром вселенной.

— Я люблю тебя, — всхлипнула я ему в губы, и Рома протяжно застонал, выплескиваясь во мне.

Он вжался в мои бедра, почти делая больно, отдавая свое дыхание вместе с последним глухим стоном.

— И я тебя, — выдохнул он, прижимаясь лбом к моему лбу.

Удар в дверь прозвучал так неожиданно, что я подскочила, чувствительно приложившись к железному аттарийскому лбу первого мужа. Дверь жалобно всхлипнула, но устояла. После этого послышался топот по коридору, голоса, и дверь содрогнулась во второй раз. Рома стремительно стащил меня со стола, помогая поправиться и натягивая свои брюки. После этого подошел к двери и открыл ее.

— Быстро ты, — усмехнулся он, глядя на моего второго мужа.

— Не пальцам деланный, — ответил Дима, входя в кабинет и приносиваясь.

Его глаза тут же пожелтели, и я ринулась к нему, вынуждая наклониться ко мне.

— Злишься? — прошептала я, глядя в расплавленное золото его глаз с вертикальными зрачками.

— Возбуждаюсь, — глухо ответил он и впился мне в губы.

— Кхм, — кашлянул Рома, когда я вновь оказалась на столе.

Дима отпрянул от меня, и я заглянула ему за спину. Рядом с Грейном стоял тот самый парень в переднике. На лице его была написана растерянность, и Рома убеждал его, что все в порядке. Снова послышался топот, и в проеме показались лица Надькиного мужа, самой Надьки и еще одного гостя.

— О-о-о, — протянул Костик, муж Надьки. — Вот это скорость. Только крикнули, что невесту украли, а жених уже ее тут... нашел.

Я слезла со стола, снова поправилась и прочистила горло.

— Может, вернемся?

— Да! — с облегчением воскликнул парень в переднике.

Дима взял меня за руку и, не говоря ни слова, вывел в коридорчик. Рома хлопнул парня по плечу и отправился за нами, остальные тоже. В ресторан мы возвращались под рукоплескание родни и друзей. Я уселась на свое место и охнула. Трусики! Трусики-то в кабинете забыли! Не выжили-таки... Ой, сюрприз кому-то будет.

Меж тем свадьба текла своим чередом. Тосты, «горько», конкурсы и танцы переплелись в неразрывную цепь. Мы с Димой носили зажженные свечи через коридор из гостей, пытавшихся их задуть. Эта игра перетекла в старый добрый ручеек, в который влились все, кто находился в банкетном зале. Меня чаще всего перехватывали Рома и Дима, зато Рому упорно таскала хищница. Я опять начала беситься. На Диму покушались все, кому не лень, потому это не вызывало негатива. А эта стерлядь начинала набивать оскомину.

Ручеек превратился в следующий конкурс. В нем ни я, ни мои мужчины не участвовали. Часть гостей тоже разошлась. Этот конкурс назывался «Дорога к счастью». Две команды связывали воедино свои вещи, делая эту самую дорогу. Чья дорога длинней, тот и победитель. В ход пошли пиджаки, галстуки, носовые платки, обнаружили даже пара женских трусиков. Кто эти отважные женщины, никто так и не узнал, они скромно отмолчались. Зато мужикам добавилось перчинки, угадать, кто в зале сейчас без трусиков. Я прикинулась шлангом.

— А сейчас аукцион! — радостно объявила Лёля. — Первый лот — танец с невестой!

— Не понял, — напрягся Дима.

И торги начались... со ста рублей, но ставки росли с космической скоростью. Я уговорила своих мужчин не накручивать расценки и превратиться просто в зрителей. Не, ну а чего сегодня только я ревную? Вот пусть посидят, посмотрят, зубами поскрежешут. В результате, я досталась азартному парнишке.

— Ты же не наш, — неожиданно поняла я, разглядывая незнакомое лицо.

— Правилами не оговаривалось, что могут участвовать только свои, — подмигнул он. — А первая брачная ночь разыгрываться не будет? — осклабился парень, прижимая меня к себе.

— Посмотри в сторону жениха и свидетеля, — хмыкнула я.

Парень послушно взглянул на Диму, в чьей руке уже гнулся нож, потом на Рому, буравившего счастливого обладателя меня на один танец недобрым взглядом исподлобья.

— Понял, — покладисто усмехнулся парень и даже увеличил между нами расстояние.

После танца меня вернули на место, вежливо поблагодарив за доставленное удовольствие. После этого по рукам пошли мои мужья. Верней, их тоже пустили с молотка. Диму купила бабуля после того, как проорала:

— Вся пенсия и новая челюсть в придачу.

Эту ставку не смог перебить никто, новую челюсть крыть было нечем. Дима галантно поклонился бабушке, подал ей руку и вывел в центр зала.

— Элка, ты мои капельки далеко не убирай, — велела бабуля.

— Вам плохо? — встревожено спросил Дима.

— Бодрюсь, миленький, — ответила бабушка.

А потом был Рома. Угадайте, кто выиграл танец с ним? Зараза хищница, стерлядь земная, чтоб у нее волосы повылазили. Грейн улыбнулся мне, говоря взглядом, чтобы не волновалась, и отправился отбывать свою повинность. Как специально, зазвучала чувственная музыка. Эта с-с-су... кошка дранная обвила тело Ромы не хуже, чем хвост легара. Что она только не вытворяла, где только не потерлась. Грейн сначала пытался ей подыгрывать, потом просто встал столбом и посмотрел на меня округлившимися глазами, и развел руками.

Я сопела, пыхтела, грызла ноготь, отстукивала по полу носком туфли. Дима приобнял меня, пытаюсь успокоить. Но когда эта похотливая сволочь закинула на бедро моего мужика ногу, повисла на его шее и совершила неприличное движение бедрами, я сорвалась. Из ушей повалил пар, глаза налились кровью, в руке само собой оказалось яблоко, и я метнула его в цель, выбив десять очков об голову наглой бабы.

— Страйк! — заорала я, когда она с криком полетела на пол.

— Ты охренела?! — взвизгнула зараза, вскакивая с пола.

— Не лапай чужое! — завелась я, взлетая на стол.

Дима только руками в воздухе хлопнул, когда я пронеслась через стол, задрав юбки, и спрыгнула на пол. Народ застыл с открытыми ртами. Но мой бронепоезд уже мчался, гонимый слепой яростью и подвываниями бабули:

— Так ее, шалаву, внученька!

— Инна! Мама! — пыталась призвать нас к порядку моя мама.

— Сделай ее, доча! — неожиданно ожил мой папа.

— Коля! — возмутилась мама.

Рома попробовал меня отловить.

— Сердце мое, не стоит...

— Уйди, — с глухой угрозой в голосе произнесла я, отодвигая его с дороги.

Дима несся следом. Рома замер, явно осмысливая мое указание. Стервозина попятилась от моей перекошенной физиономии, выкрикнув:

— Ты ненормальная?

— Да, — честно ответила я и прыгнула на нее.

За спиной ревел банкетный зал. Нарощенные патлы стервозины летели во все стороны. Когда меня с нее стащил Дима, в моих руках так и обвисли накрученные светлые пряди. На ее роже красовался кровоподтек под глазом, на щеке следы от моих ногтей. У меня съехала на бок фата, на плече остались следы от зубов хищницы. В крови еще бурлил адреналин, потому я стянула с ноги туфлю и запустила ее в стерву, поднимающуюся с пола. Пнула Диму, вырываясь, врезала кулаком в челюсть Роме и, прихрамывая из-за отсутствия одной туфли, удалилась из зала, гордо задрав голову. Какая свадьба без драки? На своей свадьбе драку устроила я. Все традиции соблюла, свадьба удалась на славу.

Мой победоносный поход закончился в женском туалете, где я торжественно выкинула искусственные пряди в мусорное ведро и посмотрела на свое отражение. Н-да, такой зверской рожи у меня еще никогда не было.

— Если бы я знал, что ты на такое способна, я бы сразу выбрал фото хулиганской девочки на коллаже, — сказал Рома, останавливаясь в открытых дверях.

Я бросила на него свирепый взгляд, и Грейн подошел ко мне. Следом за ним вошел Дима. Он присел передо мной на корточки и надел на ногу туфельку.

— Ну что ты завелась? — с теплой улыбкой спросил Рома. — Ты же знаешь, что мне никто, кроме тебя не нужен.

— Нечего лапать чужое, — проворчала я, утыкаясь лбом в грудь Грейна.

— Вот и нас бесит, когда к тебе кто-то прикасается, — Дима поправил мне фату и прижался сзади, положив руки на талию.

— А теперь и нам все объясните, — в дверях стояли мама, бабушка, папа, баба Лида, за ними маячила Надька. Рядом с ней Костик. Остальных я не видела, но там явно кто-то был еще.

Мальчики вопросительно посмотрели на меня. Я вышла вперед, вздохнула и решилась.

— Мама, папа, бабушки и все остальные. Думайте обо мне, что хотите, но... Они мои, оба. Рома тоже мой муж, теперь и Дима. У меня два мужа сразу, и любой козе, которая протянет к ним руки, я буду рубить их похотливые грабли на корню. Все.

— А я так и знала, — осклабилась бабуля. — Меня не проведешь. Больно уж смотрели они друг на друга нежно.

— Инулечик, — мама растерянно смотрела на меня.

— Ну теперь ясно, почему моя мужская честь чуть не пострадала, — произнес папа. — Нет, а что? Геи даже женятся. А тут два нормальных мужика.

— Разврат, — махнула рукой баба Лида.

— Ну ты даешь, подруга, — завистливо протянула Надька.

— Во! — сунул ей фигу под нос Костик. — Не мечтай.

— Доча, но как с двоими-то? А если всплывет? Это же незаконно, — сокрушенно сказала мама.

— Наш брак оформлен по законам другой... страны, — ответил Рома.

— И жить мы там будем, — собравшись с духом, выпалила я.

— Но будем навещать вас, — закончил Дима.

— Ох, грехи мои тяжкие, — вздохнула мама. — Звонить-то хоть будете?

Мы дружно кивнули. Мама вздохнула и раскрыла родительские объятия зятьям. Они шагнули к ней.

— Коля, капельки мои далеко? — деловито спросила бабушка. — Элке капни, ее сейчас, кажись, удар хватит.

— Чистый экстаз, — простонала мама, и папа быстренько оторвал ее от зятьев. Пожал им руки и велел:

— Возвращаемся.

Когда мы вернулись в зал, хищницы уже не было. Мои мальчики переглянулись и подошли к Лёле. Она внимательно выслушала их и кивнула. Пока народ запивал стресс, неизвестно откуда притащили кресло, которое поставили перед столом. Лёлик усадила меня на него.

— Подарок для любимой, — громогласно объявила она.

По залу полилась мелодия пятой прелюдии Шостаковича, немного грустная, нежная и романтическая, и из полумрака, как и на той лесной поляне, созданной Симой, вышли мои мужчины. Они склонились в церемониальных поклонах своей Родины, после встали на одно колено и подали мне руки. Я вложила в их ладони свои пальцы и поднялась с кресла. И как тогда, Рома отступил в тень. Дима повел меня по залу. Я смотрела ему в глаза, в которых плескались безграничные любовь и счастье. Счастье от нашего единения, от того, что впереди у нас целая вечность. Он вновь опустился на одно колено, обвел меня вокруг себя и передал Роме. Заботливые и такие надежные руки обняли меня, вознося на волнах мелодии в самый центр Вселенной. Я таяла под его взглядом, превращалась в звездную пыль, искрящуюся от невероятного счастья.

— Спасибо, — прошептала я, глядя на него.

— За что? — улыбнулся Рома.

— За то, что украл меня, — ответила я.

— И украл бы еще тысячу раз, — сказал Рома.

— А я бы столько же раз попытался отнять, — Дима подошел к нам и принял меня у Ромы, тут же вновь возвращая ему.

В этот момент я подумала, что задохнусь, если они вдруг исчезнут. Просто нечем и не для кого будет дышать дальше.

— Вместе, — сказал Рома.

— Навсегда, — подхватил Дима.

— И никак иначе, — срывающимся от волнения голосом произнесла я.

Они обняли меня, словно укрывая от невзгод и чужих взглядов. Защищая и оберегая. Черт возьми, я нашла свою любовь. И может на одну хрупкую землянку слишком много этого невероятного инопланетного счастья, но оно все мое, и я не откажусь ни от одного из моих мужчин, потому что иначе я потеряю часть своей души, в которой они так быстро и так прочно поселились. Мы счастливы, и пусть весь мир катится в бездну!

Эпилог

— Инулечик, ну как вы там? Мальчики не обижают? — мама подперла щеку кулачком, глядя в камеру ноутбука.

— Ее обидишь, — папа нагнулся и помахал мне.

— У нас все отлично, — улыбнулась я. — Как вы? Как бабушка? Как братик?

Рассказываю подробнее. Перед тем, как мы с мужьями отбыли на Хейду, мои мальчики решили сделать подарки и моей родне. Под предлогом загородной прогулки, мы отвезли маму, папу и бабушек к нашей яхте. Моя родня выпала в осадок. Инопланетяне для них оказались пределом. Мальчики перепуганных родственников обездвижили, иначе они готовы были разгромить корабль, и отправили в регенератор. После подтерли память, но не начисто, а так, чтобы остались смутные догадки и подозрения, как с экстрасенсом Аделаидой, и отвезли домой. Мы сердечно распрощались, а у них начались перемены.

Во-первых, моя любимая бабуля, состояние организма которой было восстановлено примерно на сорокалетний возраст, начала бегать по утрам. Внешне она, конечно, не превратилась в девушку, но выглядеть стала лучше значительно. И во время своих пробежек она подцепила пятидесятилетнего дядю Васю Иванова, за которого вышла замуж и умчалась в свадебное путешествие на Гавайи. Дядя Вася не из бедных дядей оказался, и возраст супруги по паспорту его совсем не смутил потому, что визуально бабуля на семьдесят лет не выглядит. Баба Лида так же нашла себе дедушку и теперь вместе с ним выращивает на его даче морковку.

Во-вторых, мама и папа. Как понимаете, их омоложение пошло еще дальше. У них началась вторая молодость. Папа даже пить бросил, печень обновленную жалко. Они прокатились на отечественные юга, вспоминая свой медовый месяц, и вернулись оттуда с моим братом в мамино животике. Об этом мы узнали, когда через год прилетели на Землю, перед тем, как мальчики сняли стерилизационную блокаду. Просто я к тому времени была уже готова к продолжению рода... родов.

Мама встретила нас, смущенно потупившись, а папа гордо рассказал, что на старости лет они решили слепить еще одну снегурочку. Мы с мальчиками переглянулись, поулыбались и поздравили моих родителей. Потом подарили приемник, способный принимать сигнал с Хейды, стилизованный под земной ноутбук. В общем-то, это и был ноутбук, только прокаченный Симой. Благодаря ему, я и узнала, что снегурочка оказалась мальчиком, и назвали его Егором.

В один из таких разговоров нам снова пришлось признаться, кто мои мужья на самом деле, и где я живу. А все дело в том, что в дом ворвался взбешенный Ардэн, шипевший ядовитым гадом. Его глаза сверкали расплавленным золотом, зрачки вытянулись в вертикальные черточки, и на лице начала проступать чешуя. Списать на дефект связи и карнавальный костюм не вышло. И связь отличная, и чешуя проступила прямо у мамы на глазах. Правда, в этот раз родители выслушали нас более благожелательно и спокойно.

— А я о чем-то таком догадывалась, — сказала мама.

— Я тоже подозревал, — кивнул папа.

Ну еще бы. Мы очень старались, чтобы они до конца не забыли посещение «Инессы». Так что, с тех пор родители свято хранят нашу тайну, зато можно спокойно рассказывать о новостях, не загоняя мозг, обрабатывая события на земной лад.

— У нас все хорошо, доча, — улыбнулась мама. — Егорка в садике роль на новогоднем празднике получил. Вчера учили с ним его слова. Такой смысленный, как ты.

— А бабуля? — напомнила вторую часть вопроса.

— Бабушка с папой Васей на лыжах умотали кататься. Они много путешествуют. Бабушка у нас активная, сама знаешь, — усмехнулась мама. — А почему ты одна? Где они?

Я расплылась в счастливой улыбке.

— Дети, — позвала я. — Идите с бабушкой поздоровайтесь.

Ответом мне была тишина. Я подозрительно прислушалась.

— Сима, что происходит? — с подозрением спросила я.

Сима явилась пред мои ясные очи, широко улыбнулась моей маме, они уже давно были знакомы и даже подружились.

— Все, Инусик, — сказала Серафима. — Все, — и рубанула рукой.

— Что — все? — тихо спросила я.

— Все. Нету.

— Чего нету? — потребовала я уточнений, хватаясь за сердце.

— Детской нету. Они ее Масе с Васей скормили. Под чистую, — дала более развернутый ответ Сима. — Это уже третья детская. Ридары скоро лопнут.

— Гони сюда паразитов, — выдохнула я, закатывая рукава.

— Чада не виноватые, матушка, — завывала Серафима. — Я не доглядела, меня за чуб таскай.

— Инночка?! — в ужасе воскликнула мама. — Ты бьешь малышей?

— Было бы неплохо, — проворчала я. — Только отцы все равно в зад зацелуют и весь воспитательный процесс насмарку. Сейчас вернусь.

Я оставила маму и Симу болтать, а сама отправилась обозревать руины детской комнаты. Первое, что я увидела, это Масю с Васей, круглых, как глобус, и до безобразия счастливых. Затем закрыла лицо ладонями и захныкала, фальшиво и громко.

— Никто меня не любит, никому я не нужна.

Вот сколько их так не разводи, а верят каждый раз, радости мои.

— Мы любим, мамулечка! — из своего укрытия вскочил синеглазый Игореша.

— Сильно-сильно! — подтвердила желтоглазая Настена.

— Правда? — всхлипнула я, выгладывая между пальцами.

Мои чада облепили меня с двух сторон и преданно посмотрели снизу вверх.

— Ридаров в клетку живо! — рявкнула я.

Они обменялись взглядами, пошмыгали носопырками и подхватили своих любимцев. После вернулись ко мне. Игорек обезоруживающе улыбнулся, Настена ковырнула носком туфельки пол. Я подала им руки, и мы вернулись в гостиную, где нас все еще ждала бабушка.

— Конфеточки мои сладенькие, — возопила мама.

— Бабуля! — дети бросились к экрану, а я села в сторонке, наблюдая за ними.

Ирголиан Грейн и Анашайа Ардэн, родились одновременно, впрочем, как и были зачаты. С момента зачатия и до родов я превратилась в фарфоровую статуэтку и вовсе не по своей воле. Напротив, во мне бурлили гормоны и бешеная энергия. За время беременности у нас десять раз случался ремонт, пятьдесят раз заново разбивался сад перед домом. Руся занес меня в черный список до родов, и на все мои звонки мне отвечала его Сима, что тайлар Брэн отбыл в космическую экспедицию и вернется нескоро. Не, ну просто моя энергия дотянулась и до Аттарии. После того как Руся тридцать раз смотался на Хейду, привозя то одни растения, то другие для сада, он успел получить нагоняй от нового начальства, разругался с временной парой и нажил еще кучу мелких неприятностей. Это не считая моих слез на дружеском плече, когда я жаловалась на твердолобых мужчин, которые меня не любя-а-ат.

Мои мужья стойко выносили мои задвижки. Даже когда я разбудила их среди ночи и потребовала в срочном порядке земного мороженого и клубники, мне не отказали. Рома через час уже был на «Инессе». Правда, я вернула его уже через несколько часов, обвиняя в том, что он сбегает потому, что я стала страшная. Диме доказать обратного не удалось. В общем, я замучила всех. Грейны и мама Ардэн, посетив нас несколько раз, улетаая, обещали вернуться... потом, когда-нибудь.

А вот рожать мне пришлось в одиночестве. То есть без Ромы и Димы. Будучи в благодушном настроении, я отпустила их развеяться и отдохнуть на денек. И сообщение Серафимы о начале родов застало моих мальчиков в баре на Родее, четвертой планете в той же солнечной системе,

в которой находилась и Хейда. Господин Ардашев сразу впал в треволение, превратился в легара и разнес на эмоциях бар. Господин Гранин допивал свое пойло, наблюдая за перенервничавшим Горынычем. Если бы в его руке не лопнул стакан, то вряд ли кто-то понял, что он тоже был совсем спокоен. После этого он спеленал Дмитрия Валентиныча и утащил на «Инессу».

Если кто-то думает, что их не пытались остановить, спустив с рук бесчинства, то он ошибается. Моих мужиков пытались отловить, но, во-первых, они мчались обратно на Хейду, а, во-вторых, их отход прикрывали легарийцы. Ага, те самые. После того, как потомки рептилоидов поняли, что Ардэн не придет на Легару, Легара пришла к нему сама. Теперь вместо нескольких милых семей, с нами по соседству жили легарийцы. Охраняли своего ашайю и его ашасайю. С наличием Грейна они смирились быстро, так что теперь еще и его охраняли, как особо приближенного к нашей семье. Ближе ж некуда...

Так вот, мужики примчались к моменту, когда Игореша оглушил своим криком даже Симу. Настюша появилась спустя пятнадцать минут, издав нечто шипящее. На ручках малышки на глазах изумленной публики исчезали чешуйки, и через несколько минут перед нами был самый обычный ребенок, если не считать глазок. В отличие от папы, они у дочки не меняются. Хотя, может, потемнеют позже. Легарийцы чуть не умерли от разрыва сердца на радостях. Целый праздник закатали, на Легаре тоже.

Да, кстати, вас, наверное, интересуется, где же папа Ардэна? Отвечаю. Они опять сошлись с мамой Ардэн. Папа не объявлялся, не смотря на то, что его соплеменники уже все углы нам пометили. Как он сам потом сказал, не хотел казаться гадом, который вспомнил о сыне, когда в том проснулась древняя кровь. Дело в том, что он первые несколько лет пытался вернуть и маму Ардэн, и сына. Но самостоятельная женщина сделала все, чтобы он ничего не добился. Она была обижена за собственнические замашки легарийца и сына растила, как аттарийца ничего не имевшего общего с Легарой. Наконец, папа Димы смирился и, по возможности, следил издали за успехами сына и за жизнью своей женщины.

Мама Ардэн сама явилась к нему, когда родилась их внучка. Сначала, чтобы показать кровинушку, а когда они уже улетали от нас, все у них и случилось. Родители Димы так и не расстались после этого визита. Свекр обещал дать свободу своей женщине. Свекровь обещала больше не сбегать и уважать некоторые требования своего мужчины. В общем, у нас теперь много бабушек и дедушек, которые не делят детей, как и их отцы.

У нас нет разделения на твой и мой папа, у нас наши папы, наши бабушки и наши дедушки. И, главное, бабушки, наконец, перестали меряться сыновьями, признав их равными. Еще бы не признали, я не оставила им выбора. Или конец войне, или хрен вам, а не внуки. Любовь победила жажду соревнования. Живем, не тужим, и во всем нашем счастье нас прикрывает Серафима, ставшая полноправным членом семьи.

— Зайку бросила хозяйка.

Под дождем остался зайка. Со скамейки слезть не смог. Весь до ниточки промок.

Я оторвалась от своих размышлений и посмотрела на детей, рассказывавших бабушке выученные недавно стихи. Мама смахнула слезу умиления, я тоже. Сима шумно высморкалась. Дети смущенно шмыгнули носиками. Милота-а-а...

Вечер зажег звезды. Они один в один походили на те, что видно с Земли. Созвездия другие, но звезды те же. Я уложила детей, полюбовалась на их умиротворенные личики и вышла на

улицу. Теплый ветер шевелил волосы, ласкал кожу совсем как губы моих любимых мужчин. Удивительно, время идет, а страсть не утихает, любовь не переходит в привычку, и я продолжаю делать маленькие открытия, наблюдая за Димой и Ромой. И их нежность не исчезла за эти пять лет, что мы живем вместе. Иногда мне кажется, что мы тоже звезды какого-то удивительного созвездия, и наши души так же сияют кому-то в темноте, указывая путь и давая понять, что он не один в этой огромной Вселенной.

Я их не увидела, скорей, почувствовала приближение тем самым внутренним чутьем, которое появляется только между по-настоящему родными и близкими людьми. Обернулась и теперь наблюдала, как открываются ворота, и над землей скользит спайлер. Он замирает, и появляются мои мужчины. Все такие же невероятные, все такие же притягивающие взгляды и все так же запускающие мое сердце вскачь, когда я вижу хоть кого-то одного из них или обоих сразу.

Дима первый успел прижать меня к себе, поднять над землей и уткнуться носом в шею, вдыхая мой запах.

— Инка, — прошептал он, — родная.

Ладонь Ромы коснулась моих волос, скользнула на спину, и он уверенно забрал меня у заворчавшего Ардэна. Заглянул мне в глаза, и я, как пять лет назад, захлебнулась их бездонной синевой.

— Соскучились, — сказал Рома и поймал мои губы.

— И я соскучилась, — ответила я, когда он оторвался, и коснулась ладонями лиц своих любимых.

— Как дети? — Дима снова привлек меня к себе, коротко, но головокружительно целуя.

— Опять скормили детскую няшам, — негромко рассмеялась я. — Уже в третий раз.

— Ты их не сильно наказала? — с легким укором спросил Рома.

— Вообще не успела, мама звонила, — сказала я, открывая двери дома.

За воротами незримыми тенями стоят легарийцы, и теперь за наш покой не стоило опасаться. Именно из-за них мои мужчины начали иногда по старой памяти работать вместе. Поначалу они не хотели оставлять меня одну, и перевозками занимался, то один, то другой. На моих мальчиков работает целый штат пилотов и обслуживающего персонала, но они сами отправляются в космос, он вьелся им в кровь так же сильно, как и любовь ко мне. И пусть сейчас они не вступают в военные действия, хотя иногда им и приходится уходить от посягательств пиратов, если груз ценный, но повторения того ужаса, когда обгорел Рома, больше не случается. Впрочем, это они мне так говорят, а уж как там на самом деле... Я стараюсь не думать о плохом. Мама говорит, если думать о хорошем, оно всегда победит плохое. Вот я и думаю о том, как мы счастливы все вместе.

Однажды они мне признались, что рады, что я не смогла выбрать кого-то одного, потому что терять друг друга им так же тяжело, как потерять близкого человека. Верю. Верю и люблю их за эту дружбу еще больше. Радуюсь, что не разрушила ее, и что они нашли в себе силы перешагнуть чувство собственника и попробовать начать отношения втроем. Даже представить не могу, что одного из них могло сейчас не быть со мной. Это так же нелепо, как заявить, что с одной ногой ходить удобней.

— Голодные? — спросила я.

— Ага, — кивнули мои мужики.

— Что будете?

— Десерт, — они одинаково искушающе осклабились.

— А ужин? — не могла не уточнить я, как заботливая жена.

— Десерт, — уверенно кивнул Рома.

— Но кушать!

— Вот его родимого мы и будем кушать, — подмигнул Дима. — Наш любимый, пожалуйста.

— Самый любимый, — поддакнул Грейн.

Я усмехнулась и позвала Симу. Пока мои мужчины приводили себя в порядок, я прошла в комнату, обставленную, как земной бар. Здесь есть подиум, есть шест, на котором я научилась вертеться под руководством Симы и сташенных ею видео. Есть барная стойка, за которой мешает коктейли голографический бармен. Есть такие же зрители создающие массовку. Есть световые эффекты, но, главное, здесь бывают мои мужчины и я. Это одно из их любимых развлечений, когда засыпают дети или их забирают бабушки с дедушками. Мы не развлекаемся так часто, оставляя перчинку в моих танцах и того, что неизменно происходит после.

— Держись, Инусик, у них уже от предвкушения пульс бешеный, — оповестила меня Сима. — Можешь просто столбом постоять, им все равно понравится.

— Ну щаз-з, — фыркнула я. — Для того я тут потела, готовилась, чтобы столбом стоять.

— Ну смотри, я тебя предупредила, — хмыкнула Серафима и запустила симуляцию двух извивающихся танцовщиц.

Когда мои мальчики вошли в бар «В гостях у Страсти», на них были надеты джинсы и футболки. Земной бар, земной антураж. Дима скинул на соседнюю банкетку пиджак, который нес на плече. Рома повернулся к бармену, встретившему их улыбкой, и заказал выпить. Они повернулись в сторону подиума, с интересом рассматривая танцовщиц, сбрасывавших последние одежды.

— Когда появится Великолепная Инесса? — спросили они у бармена.

— Как всегда, в конце шоу, — ответил тот, сияя белозубой улыбкой. — Как прошел ваш день, господа?

— Спасибо, Макс, отлично, — усмехнулся Дима.

— Здесь сегодня жарко, — произнес Макс, протирая стакан белоснежной салфеткой. — Говорят, какой-то богач хочет сегодня сделать Инессе предложение.

— Облезет, — недовольно отозвался Рома.

Сима каждый раз меняет разговор бармена, но даже фальшивое упоминание соперника злит моих мальчиков. Может, в этом виноват антураж, неотличимый от натуральных людей и декораций. По залу ходят официантки, кто-то из посетителей смеется. В трусики новой девушке суют деньги. Мои мужчины допивают свои коктейли и начинают в нетерпении поглядывать на часы над барной стойкой.

Наконец, появляется ведущий этого шоу и объявляет:

— Дамы и господа, долгожданная звезда нашего вечера — Великолепная Инесса!

Публика замирает. Зал погружается в полумрак, и Дима с Ромой перебираются ближе. Их места рядом с подиумом всегда свободны. Над импровизированной сценой разливается мягкий свет, появляются журчащие мраморные фонтаны и античные колонны, по которым сползает плющ. Мои мальчишки еще не видели этого номера, потому замирают вместе с призрачной публикой.

Алый полог распадается, и я плавной походкой скольжу навстречу жадным взглядам публики, моим обожаемым самцам, чья страсть зажигает меня, превращая в режущее пламя. На мне мое любимое бирюзовое платье. Сегодня оно приняло форму хитона. В моих руках золотая чаша с вином. Вино настоящее, и я очень долго училась танцевать, не расплескивая ни капли.

Музыка вливается в мою кровь, я дышу ею. Мое тело звучит с завораживающей мелодией в унисон. Хитон еще на мне, но из его складок, то и дело появляется, то одна ножка, то другая, маня и разжигая мужскую фантазию. Я изящно наклоняюсь, ставлю чашу на пол, хитон сам скользит вниз, и я остаюсь в бирюзовом бюстике и коротенькой, почти невесомой юбочке, больше напоминающей набедренную повязку.

Теперь перед моими мужчинами кошка, чье тело изгибается, потягивается, показывая аппетитные округлости. Дима подается вперед, но я отползаю дальше от края сцены, и перед мужчиной появляется охранник, качающий головой — руками трогать нельзя. Дима возвращается на свое место, а я направляюсь к шесту. Любовно скольжу по нему ладонями, прижимаюсь, обвиваюсь вокруг, словно я змея, а не обычный человек. Мгновение, и я уже на шесте.

— Детка, я хочу тебя! — орет широкоплечий красавчик из зала.

Он тоже ненастоящий, но кровь моих мужчин уже кипит, и они гневно смотрят на мачо, свистящего мне. В него летит стакан Ромы. Красавчик падает на свое место, держась за голову. Я всего этого не замечаю, потому что продолжаю скользить по шесту вверх, замираю вниз головой и резко падаю вниз, слыша испуганный вздох Димы. Но я достаточно тренировалась, потому замираю, не достигнув пола.

Музыка подходит к концу, я снова на подиуме. Сегодня я не раздеваюсь полностью, и публика разочарованно вздыхает, кроме двоих мужчин, к которым я направляюсь, вновь взяв свою чашу. Подхожу к ним и опускаюсь на колени, протягивая золотой сосуд, не глядя на них. Чаша благосклонно принята. Я поднимаю глаза. Рома протягивает мне руку, увлекая на небольшой полукруглый диван, на котором они сидят. Я опускаюсь к нему на колени и позволяю провести кончиком пальца по ложбинке между грудей. После смотрю, как Дима отпивает вино и передает чашу Роме. Он тоже делает глоток и предлагает мне. Я кладу руку на грудь и склоняю голову в благодарственном жесте. Принимаю чашу, делаю глоток, и чаша исчезает, а я остаюсь.

Рома склоняется и целует мою шею, он чертит дорожку языком, вырывая из моей груди

прерывистый вздох, я и закрываю глаза. Я откидываю голову назад, позволяя и дальше увлекать меня в чувственный край нашей страсти. Ромина рука снимает заколку, и волосы тяжелой волной падают на спину. Диминая рука скользит по моей груди и останавливается, заполняя ладонь ее тяжестью. Едва уловимый щелчок, и бирюзовая полоска ткани падает. Я чувствую горячие губы на нежной коже. Они терзают меня, рождая в груди первые стоны. Я давно привыкла не смотреть, кто касается меня, так полней удовольствие и сильнее единение, но сегодня я распахиваю глаза и вижу, как Дима перетаскивает меня к себе на колени. Он продолжает ласкать мои плечи, шею, захватывает губы, и я отдаюсь его напору, ловлю его язык, ласкаю его, посасываю, выпиваю тихий стон.

И он вновь отправляется в путешествие по моему телу. Но мне хочется чувствовать его кожей. Я подцепляю края футболки и тяну вверх. С восторгом гляжу на смугловатое рельефное тело и повторяю губами очертания налитых мышц. Касаюсь языком бисеринки мужского соска, прикусываю его зубами, и стон моего легара превращается в тихий рык. Он роняет меня на диван, подминает под себя, быстро избавляясь от джинсов. Я ахаю и выгибаюсь, когда возбужденный до предела член заполняет меня, входя до упора.

Я поднимаю взгляд и вижу ласковую улыбку Ромы. Он любит меня, впитывает в себя каждый мой стон, каждую эмоцию, отражающуюся на лице. Я протягиваю руку, расстегивая молнию на его джинсах. Пуговицу он расстегивает сам, потому что мои пальцы не слушаются, слишком много удовольствия дарит мне другой мужчина, сейчас вонзающийся в мое лоно свое распаленное естество. Дима выпрямляется, продолжая ожесточенно толкаться в меня. Его пальцы кружат по клитору, и я срываюсь в бездну первого наслаждения.

Но едва отдышавшись, я вновь тяну руку к Роме. Захватываю в ладонь его закаменевший от эрекции член. Нежно скольжу вверх-вниз, наслаждаясь видом возбужденного мужского естества, его силой и твердостью. Рома подается ко мне, и теперь я могу коснуться его члена губами. Касаюсь языком нежной плоти, обвожу по контуру, облизываю его, как самое вкусное в мире лакомство. Облизываю губы, на мгновение отрываясь от головки, и втягиваю в себя член целиком. Продолжаю водить рукой вверх-вниз, выпускаю изо рта свое лакомство и вновь втягиваю в себя. Рома глухо стонет. Его ладонь накрывает мою грудь, пальцы играют с напряженными сосками, доводя меня до сумасшествия. И Дима вновь подводит меня к оргазму, но замирает, когда я уже балансирую на краю.

Мои глаза возмущенно распахиваются. Он улыбается и вновь переворачивает меня. Теперь он лежит, а я сижу сверху, крепко обхватив коленями мужские бедра. Я скольжу по всей длине его члена, пытаюсь нагнать убегающий оргазм, но Дима вновь останавливает меня, когда я уже почти лечу. Он приподнимает меня за бедра, и его естество снова пронзает мое тело.

— Ах, — выдыхаю я и делаю первое движение.

Но долго наслаждаться этой опьяняющей скачкой мне не дают. Дима прижимает меня к своей груди, ловит мои губы, и я опять задыхаюсь. От поцелуя и того, что делает Рома, чьи пальцы ласкают колечко ануса. Я замираю, когда он входит в меня. Замираю всего на миг, чтобы вскоре забиться от наслаждения, которое дарят мои мужчины. Дима терзает мои губы, прикусывает их, вновь целует. Ромины губы я чувствую на своем плече, его ладони скользят по моей спине и замирают на бедрах. Удар мужского паха о мои ягодицы, еще, еще, еще... И я больше не могу выдерживать их напор. Лечу, парю, схожу с ума, кажется, умираю. Но возрождаюсь снова, когда мой крик сплетается с рычащим стоном Димы и протяжным вскриком Ромы. Я падаю на грудь Димы. Он обжигает меня еще рваным дыханием. Гладит по волосам, целует в висок. Рядом опускается Рома. Я открываю глаза и вижу его взгляд, в котором плещется восторг, нежность и любовь.

Любовь захлестывает нас троих. И нет никого в этом мире, кто смог бы разлучить нас. Наши сердца стучат в унисон, души давно слились в одну, и это навсегда, как обещали мои мужчины. А у меня нет оснований им не верить.

— Я люблю вас, — хрипло шепчу я.

— И мы тебя, — отвечает Рома.

— Больше жизни, — говорит Дима.

За окном ветер шуршит блеклой листвой хейдарских деревьев. Звезды заглядывают в окна, притихла Сима, наверху мирно сопят наши дети, и только мы втроем сейчас не спим. Мы смотрим друг на друга, мои пальцы переплетены с пальцами моих мужчин, и на наших губах застыли легкие улыбки, потому что мы вместе, и потому что счастливы.

Конец.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigochei.net